

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

№ 13 (52). Том 1:

Философия. История. География.

Экономика. Филология.

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – главный редактор
Бержанский В. Н. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет:

Физические науки

Бержанский В. Н. (редактор отдела)
Воляр А. В.
Мицай Ю. Н.
Пономаренко В. И.
Терез Э. И.

Математические науки

Донской В. И.
Копачевский Н. Д. (редактор отдела)
Кужель А. В.
Персидский С. К.
Чехов В. Н.

Биологические науки

Апостолов Л. Г. (редактор отдела)
Коренюк И. И.
Мананков М. К.
Сидякин В. Г.
Темурьянц Н. А.
Юрахно М. В.

Химические науки

Дрюк В. Г.
Коношенко С. В.
Федоренко А. М.
Чирва В. Я. (редактор отдела)
Шульгин В. Ф.

Экономические науки

Ефремов А. В.
Крамаренко В. И.
Кудряшов А. П.
Нагорская М. Н.
Умковская Т. Я.
Подсолонко В. А. (редактор отдела)

Географические науки

Боков В. А. (редактор отдела)
Ломакин П. В.
Олиферов А. Н.
Нистун Н. Д.
Позаченюк Е. А.
Тарасенко В. С.
Топчиев А. Г.

Филологические науки

Казарин В. П. (редактор отдела)
Киречек П. М.
Меметов А. М.
Новикова М. А.
Орехова Л. А.
Петренко А. Д.
Рудяков А. Н.

Исторические науки

Айбабин А. И.
Буров Г. М.
Дементьев Н. Е.
Урсу Д. Н.
Филимонов С. Б. (редактор отдела)

Философские науки

Берестовская Д. С.
Лазарев Ф. В. (редактор отдела)
Маргыннюк Ю. Н.
Николко В. Н.
Шоржин А. Д.

Политические науки

Артюх П. И.
Габриелян О. А. (редактор отдела)
Кашченко С. Г.
Хриенко П. А.
Швецова А. В.

Педагогические науки

Апатова П. В.
Глузман А. В. (редактор отдела)
Заслуженюк В. Н.
Игнатенко Н. Я.
Калин В. К.

Физическое воспитание и спорт

Буков Ю. А.
Ефименко А. М.
Лейкин М. Г. (редактор отдела)
Муравов И. В.
Походенчук Ю. Т.

© Таврический национальный университет, 2000 г.

Подписано в печать 19.12.2000 Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 18.7. Тираж 500. Заказ № 535.

Отпечатано в издательском центре ТНУ.

2007, г. Симферополь, ул. Ялтицкая 4

СПЕЦИАЛИСТАМ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Багров Н. В.

Дорогие первокурсники!

Вы стали студентами старейшего вуза Крыма – в прошлом Таврического, затем Симферопольского, и сейчас снова Таврического, но уже национального университета им. В. И. Вернадского. Вы сделали правильный выбор по двум причинам.

Во-первых, в наше время известное выражение «Хочешь жить – умей вертеться» приобретает новый смысл и трансформируется в «Хочешь жить – получи фундаментальное образование».

Во-вторых, современный специалист третьего тысячелетия должен быть готовым к новому типу культуры, хозяйствования, если хотите, к новому способу жизни.

Таких специалистов преимущественно готовят университеты. Именно здесь трансформация образования и адаптация его к новым потребностям жизни происходит быстрее чем в других вузах. Известный ученый Н. Амосов по этому поводу писал: «Университеты выражают современное общество более, чем другие учреждения».

Дорогие друзья!

Вы будете учиться и работать в XXI веке. Ваше положение в жизни, обществе будет зависеть от того, как Вы подготовите себя к восприятию и участию в решении тех проблем, которые будут определять векторы развития человеческой цивилизации в третьем тысячелетии. Будете ли Вы его активным участником или пассивным созерцателем?

Позвольте мне, в кратком напутственном выступлении, высказать ряд мыслей, соображений и пожеланий, реализуя которые Вы сможете стать хорошим специалистом в избранной Вами специальности, занять достойное место в жизни.

Есть все основания полагать, что в XXI веке будет осуществлен полет на Марс с человеком на борту, появятся гибридные двигатели, сочетающие в себе электрический двигатель и двигатель внутреннего сгорания, будут расшифрованы все 80 тысяч генов, из которых состоит геном человека, с помощью геномной теории человечество начнет лечить наследственные болезни.

Многие ученые утверждают, что XXI век будет «золотым веком биологии». Действительно, в биологии сейчас происходит, в буквальном смысле слова, революция. Судите сами: созданные специальные технологии и машины могут всего за неделю прочитать 1 млн. пар нуклеидов. 150 таких машин за неделю могут прочитать геном какого-нибудь растения, а геном человека можно прочитать за 10-20 недель.

Функциональная геномика позволяет создавать новые технологии с чрезвычайно высокой скоростью. Сейчас уже можно размножать гены в миллионах экземпляров и быстро оценивать их эволюционную пригодность для конкретных задач, а в США и Японии начались работы по созданию искусственных хромосом человека.

Удивительная тайна заключается в том, что методы получения трансгенных организмов с желательными свойствами зародились и стали развиваться задолго до того, как стало понятно, что путь химизации всего и вся иочерпан.

То есть человечество, как вид, как единое сообщество организмов, вроде бы предчувствовало будущей тупик своего развития и начало заранее отрабатывать приемы выхода из него.

Очевидно, при этом, что именно те страны, которые являются лидерами в использовании трансгенных организмов, будут иметь принципиально другое качество жизни и другой интеллектуальный уровень. На этой основе будет расти разрыв между странами, между уровнями жизни в них.

Трансгенные технологии XXI века сродни ядерным технологиям, которые были приоритетными в XX веке. Страны, владеющие этими технологиями, ожидает большая перспектива в развитии растениеводства и животноводства, производстве лекарств, пищевых добавок и витаминов, пересадке органов, в борьбе с наследственными болезнями.

Отметим, что как и в случае с ядерными технологиями, возможны варианты использования их и на пользу, и во вред.

В этом отношении показательной является первая международная конференция, посвященная проблемам генетически модифицированных продуктов. В Эдинбурге собрались 400 делегатов, представляющих ученых, государственные организации многих стран, группы защитников окружающей среды, общественные объединения потребителей.

Пожалуй, наиболее известным её событием стало выступление профессора Зинг Аханг Чена, вице-президента Пекинского университета, ведущего советника по науке китайского правительства. Он рассказал о том, что Китай начал широкомасштабную коммерциализацию посевов трансгенных культур и планирует почти половину полей всей страны отвести под выращивание генетически модифицированных риса, помидор, сладкого перца и картошки. Программа рассчитана на период от 5 до 10 лет.

Таким образом, человечество, кажется, реально берет капризную эволюцию в свои руки. Благодаря ДНК-технологиям уже не только созданы тысячи различных видов трансгенных растений и животных, но и сам мир становится качественно иным.

Совершенно понятно, что без соответствующей подготовки такого рода специалистов мы не сможем вписаться в XXI век. К сожалению на Украине нет специалистов по новейшим направлениям ДНК-технологий: геной, геномной и хромосомной. Нет их и по биоинформатике.

Мы знаем, что на определенных этапах развития науки нередко под сомнения ставятся, а то и опровергаются фундаментальные положения, составляющие ее основу.

В последние годы все больше исследователей приходят к мысли, что жизнь на нашей планете не могла зародиться случайно.

Украинский генетик, член-корреспондент НАН и АМУ, профессор Кордюм, используя математические методы, доказал, что вероятность случайного зарождения жизни ничтожна и практически равна нулю. Солидаризируясь с этим, известный американский астрофизик Холл выразил подобную мысль в стихах. В русском прозаическом переводе они звучат как: «Скорее ураган, пронесшийся над кладбищем разбитых самолетов, соберет целехонький лайнер, чем случайным образом на Земле появится молекула ДНК».

Исходя из этого, вполне очевидно, что известное определение жизни Ф. Энгельсом как способа существования белковых тел, ставится под сомнение.

Пытаясь ответить на вопрос: «Что такое жизнь?», хочу напомнить вам, что наша галактика развивается по известной только ей спирали. Около 15 миллиардов лет назад произошло то, что физики и астрономы назвали «Большим взрывом». По сути это был акт творения Вселенной.

Сейчас ученые считают, что жизнь во Вселенной существует в таких формах и в таком многообразии, что нам и не снилось. В то же время, белковая жизнь, основанная на органических соединениях, вполне может быть в единственном варианте.

Известный астрофизик Шкловский в конце жизни, неожиданно для всех, высказал мнение, что Земля уникальна и единственна в своем роде. Он утверждал, что во Вселенной жизни больше нет нигде.

В. Кордюм также склоняется к этой мысли и считает, что если бы хоть одна внеземная цивилизация существовала, то вокруг все было бы, как он выражается, «истоптано». И дальше он высказывает предположение, что ни одна цивилизация не может существовать долго.

Согласитесь, такой вывод нам с вами не добавляет оптимизма. Но я посчитал необходимым затронуть этот аспект потому, чтобы вы осознали одну чрезвычайно важную мысль, и в своей последующей жизни руководствовались ею, как специалисты, от которых зависит судьба нашей планеты.

Речь идет о том, что сейчас люди оторвались от контрольных механизмов биосферы. Сегодня идет нерегулируемый рост численности населения, при чем если эта тенденция сохранится, то Планета такого роста просто не выдержит. Перед нами стоит вопрос: что делать?

При этом мы должны помнить, что человечество прошло опасность ядерного самоуничтожения, но приблизилось к экологическому Армагеддону – опасности самоуничтожения.

Тезис, что цивилизация может сама себя уничтожить, воспринимается трудно, но это, как показывают исследования ученых, особенно работы академика Н. Моисеева, вполне возможно.

Нам остается надеяться лишь на то, что цивилизации такого типа, как наша, в какой-то момент своего развития, уничтожая себя, рождают новое качество, состояние, которое выдающийся ученый, бывший ректор нашего университета, академик Вернадский назвал «ноосферой».

Учение о ноосфере поставило Вернадского в один ряд с именами Архимеда, Коперника, Ньютона, Лобачевского, Эйнштейна. Его суть проста, как все гениальное: как ванна Архимеда, яблоко Ньютона, вертящаяся Земля, низведенная Коперником из центра мироздания на свое законное место, открытия Лобачевского и Эйнштейна, вырвавшие человека из плоского двухмерного пространства и равномерно текущего времени.

Вернадский всего лишь сформулировал аксиому: деятельность человека на Земле стала сравнимой с природными геологическими силами. Тем самым Вернадский утверждал, что не только боги обладают даром менять лик Земли, но и мы, люди, не понимая, что творим, как слепые кроты, активно участвуем в этом процессе.

Помните лозунг: не будем ждать милостей от природы, мы все у нее сами возьмем. Что ж, что могли, попробовали взять, но оказалось, что нельзя это делать бесконечно. Да и к тому же, меняя природу, мы уменьшаем собственные возможности для выживания.

Вернадской это понял намного раньше других, а поэтому он не случайно пятую оболочку земли назвал «сферой разума», призывая стремиться к гармонии между человеком и природой.

В своем учении о ноосфере, обращаясь к грядущим поколениям, он высказывал мысль, что будущее человечества зависит от того, сможет ли оно воспитать в сознании каждого экологический камертон ответственности за жизнь в самом широком ее понимании.

Полагаю, что эту ответственность вы тоже должны взять на себя, так как вы получите диплом специалиста университета, носящего имя В. И. Вернадского, который признан мировым сообществом самым выдающимся ученым XX века.

Талант его, действительно, был настолько многогранен, а не до конца изученное оставленное наследие настолько бесценно, что еще многие поколения ученых будут изучать его и открывать нам новые грани его энциклопедического ума.

Более полувека тому назад академик А. Ферсман писал о своем учителе:

«Ещё не время углубляться в его огромный архив, ещё много лет предстоит поработать и его ученикам, и историкам естествознания, чтобы выявить основные пути его научного творчества... Эта задача лежит на будущих поколениях».

Призывая изучать его наследие, я хочу вас уберечь от одного соблазна, который заметно проявился в последнее время – не пытайтесь выяснить, кто Владимир Иванович: русский или украинец.

Он сам дал ответ на этот вопрос, когда в своем первом гимназическом стихотворении писал:

*«Украина, родная моя сторона,
Века ты уже погибашь...
Но борешься, бьешься бедняжка одна
И в этой борьбе изнывашь
Такая, родная, твоя уж судьба
Судьбе мы всегда покорялись...»*

Еще по этому поводу им были сказаны такие слова: «Меня следует определить как русского по культуре и по всему укладу жизни, русского, вся жизнь которого неразрывно была связана с Украиной».

Думаю, вы согласитесь со мной, если я скажу, такие люди, как В. И. Вернадский, принадлежат всему человечеству, ибо как справедливо утверждал А. Чехов: «Национальной науки нет, как нет национальной арифметики». Мы же с вами вправе гордиться тем, что наш университет носит имя такого выдающегося ученого.

Гордость, однако, одновременно предполагает и высокую ответственность за подготовку таких специалистов, которые будут востребованы жизнью и временем.

В этом году мы провели Бал выпускников ТНУ. Там были определены лучшие студенты университета. Отныне это станет традицией. Больше того, мы хотим создать своеобразный культ отличников университета.

При этом мы руководствуемся тем, что современному обществу, все больше приобретающему черты информационного, требуется образованных людей значительно больше, чем 10-15 лет назад, а также тем, что в XXI веке будущее есть, прежде всего, у талантливых, одаренных людей.

Поэтому отличникам, имеющим особые заслуги перед университетом, будет выдаваться значок «Отличник ТНУ», который будет давать целый ряд льгот: от бесплатного питания, проживания в общежитии до предоставления персонального компьютера и выхода в Интернет.

Вы должны понять и осознать, что период бездеятельного «отсиживания» рабочего времени в XXI веке канул в лету. Сейчас мир разделен не идеологически, а технологически. Меньшая часть планеты, где проживает примерно 15 % населения, обеспечивает практически весь остальной мир технологическими инновациями. Вторая часть, включающая приблизительно половину населения, способна внедрять эти технологии в свою систему производства и потребления. Оставшаяся часть планеты – это технологически оторванные и отсталые страны.

Развитие, как известно, зависит от капитала и новейших технологий. При этом, вы должны четко усвоить, что разрыв в технологиях преодолеть намного сложнее, чем разрыв в капитале. Украина, к сожалению, относится к технологически оторванным территориям.

Невольно, при этом хочется воскликнуть: воистину, «наши недостатки – продолжение наших достоинств». Ведь примерно четверть века назад в Киеве вышла первая в мире «Энциклопедия кибернетики» под редакцией акад. В. Глушкова.

Общество, в котором кибернетика еще недавно считалась «блудной девкой империализма», явило миру не только книгу о новой науке, но и лучшие на то время электронно-вычислительные машины. Однако последовавшие затем социально-экономические катаклизмы плавно ввели нас в эпоху «застоя», а затем – и «разбоя», в которой мы перманентно пребываем уже несколько лет подряд.

Мир тем временем ушел далеко вперед.

По прогнозам американских ученых, в США уже в начале этого тысячелетия 70% от общего количества трудовых ресурсов будет занято в информационной сфере. Таким образом выходит, что не только труд, но и информация создали человека.

Приведу еще некоторые цифры и факты. Уже сейчас 80 из 100 американских семей имеют дома компьютер с выходом в Интернет. Иными словами, Интернет становится таким же атрибутом быта, что и телефон.

Систему Интернет часто называют «Всемирная паутина». Ее привлекательность в быстродействующей связи и распространении информации.

О его возможностях свидетельствует тот факт, что если 50 млн. пользователей телефоном появится спустя 74 года, то Интернет достиг этого всего за 4 года.

Тот, кто подключается к Интернет, получает доступ к неограниченным массивам информации, получает возможность в любое время вступить в «живой» диалог с тысячами ранее неизвестных собеседников.

Именно поэтому, поклоняясь такому символу украинской национальной идеи, как булава, мы должны понять, что без подготовки высокоинтеллектуальной элиты,

вооруженной современным компьютерным образованием, мы можем опоздать в будущее.

Учитывая это, ректорат считает главнейшим приоритетом своей деятельности компьютеризацию университета по всем направлениям. Всего за один год количество компьютеров в университете выросло в 5 раз, у нас создана первая в Крыму лаборатория дистанционных методов обучения, проведен эксперимент по бесплатному пользованию Интернетом. Мы намерены и дальше активно продолжать эту работу.

Вам же, дорогие друзья, необходимо знать, что использование Интернета, по мнению западных аналитиков, заставляет специалистов менять профессию каждые 5-6 лет. Это означает не полную смену профессии, а ее непрерывную "подстройку" под требования времени, жизни.

Думаю, что и названных проблем, которые предстоит решать человечеству в третьем тысячелетии, достаточно, чтобы сделать вывод: вас ждет огромное поле, где каждый из вас, получив фундаментальное университетское образование, сможет попробовать свои силы в поиске новых путей развития цивилизации.

Безусловно, для этого необходимо стать специалистом нового поколения с соответствующими знаниями, новым типом мышления и мировоззрением человека демократического общества.

Это означает, что вы должны овладеть не только профессией, но и в совершенстве – компьютером, знать, как минимум два иностранных языка (кстати, европейский стандарт образования предполагает знание пяти языков).

Замечу, что человек, который знает английский язык, обладает таким интеллектуальным кодом, который выводит его на мировые просторы. Это, если хотите, путеводитель по жизни! Тот, кто будет обладателем такого путеводителя, получит преимущества в сравнении с другими и шансы на успех у него будут несомненно выше.

В Концепции нашего университета записано, что выпускник ТНУ должен знать несколько языков. Учитывая это, уже в этом году из наиболее подготовленных первокурсников будут созданы специальные группы по углубленному изучению иностранных языков с тем, чтобы эти студенты, по окончании вуза, получили дипломы специалиста с такой, например, записью: "Психолог со знанием английского языка".

Думается нет необходимости доказывать, что такой специалист будет пользоваться большим спросом и претендовать на более высокое материальное вознаграждение за свою работу.

До сих пор я говорил о том, что мы намерены сделать, чтобы вы стали хорошими специалистами. Однако, хороший вуз – это тот вуз, который дает возможность развиваться не только таланту его учеников, но и преподавателей.

Общеизвестно, что вузовский ученый, преподаватель всегда учится. Во-первых потому, что он всегда проверяет свои знания, стремясь объяснить другому человеку то, что знает сам; во-вторых, он при этом ищет форму ясного объяснения, а это часто наталкивает на новые идеи и в-третьих, студенческие вопросы после лекции, порой даже нелепые, стимулируют мысль, помогают творчески мыслить, взглянуть на то или иное явление с новой точки зрения.

То, что это не общие фразы, свидетельствует опыт, когда преподавательская деятельность приводила к большим открытиям. Взять, хотя бы пример с таблицей Менделеева. Он в поисках того, каким способом легче объяснить студентам свойства элементов, чтобы, при этом, эти свойства воспринимались в определенной системе, распределяя элементы по карточкам, складывал их в разном порядке и нашел, что они, расположенные в виде периодической таблицы, представляют собой закономерную систему.

Так же, Лобачевским, была найдена новая область математики – неевклидова геометрия, сыгравшая фундаментальную роль в современной физике. Так же, по сути на экзамене, Максвеллом был открыт закон распределения молекул в газе.

Можно перечень этих примеров продолжать, однако сказанного достаточно, чтобы сделать вывод – от вас во многом зависит тот "климат", который будет сформирован в университете, в какой научной среде будут развиваться, как молодые таланты, так и их учителя. Акцентируя ваше внимание на этом, хочу напомнить, что каждое поколение пишет свою историю образования. Пусть она у вас будет достойной.

Мы живем с вами в смутное время перемен, переходное время, которое с точки зрения исследователя интересное, но для людей, которые его переживают, очень трудное.

Став суверенным независимым государством, Украина пережила короткий период надежд, соблазнов и иллюзий. Сейчас наступила пора жестких требований и прагматических решений. При чем, острая необходимость их скорейшего разрешения продиктована, отчасти, тем, что Украина оказалась между двумя "расходящимися" цивилизациями – западноевропейской и евразийской, в зоне действия мусульманского фактора.

Такие решения не лежат на поверхности. Но хочется верить, что они будут найдены. И, прежде всего, благодаря тому, что ваше поколение будет располагать таким образовательным и интеллектуальным потенциалом, который достоин великого народа.

Еще Наполеон говорил: «Гибель армии – это беда, а гибель интеллекта нации – это полная катастрофа». К несчастью, Украина сейчас в этом смысле находится на грани катастрофы, причем в такое историческое время, когда интеллектуальный потенциал государства является не только решающим фактором прогресса, но и просто необходимым условием его существования.

Каждый из вас должен осознать, что именно вашему поколению, в этих условиях, выпала миссия выработать новые формы утверждения Украины в цивилизованном мире, пройти нелегкий путь приспособления к нормам и нравам глобализирующегося мира, его жесткому правовому порядку и прагматизму, а поэтому вы должны максимум возможного взять для себя, обучаясь в университете. Ведь его главное предназначение состоит в том, чтобы дать вам профессию и подготовить к жизни.

У человека, как известно, есть две жизни. Одна – это житейская биография, сотканная из дат и событий. Вторая жизнь не поддается хронологическому анкетированию, ибо это невидимое духовное созревание.

Одних, при этом, удовлетворяет наполненность биографии – должности, звания, награды. Другие предпочитают горизонтальному ходу вертикальный взлет к высокому

духу. Так, кстати, понимал предназначение жизни великий китайский мудрец Конфуций, который утверждал: «Человека следует мерить не от ног до головы, а от головы до неба».

Духовное созревание человека – это, прежде всего, воспитание в себе интеллигента. В наше время многие себя называют интеллигентами, но по сути таковыми не являются.

В переводе с латинского интеллигент означает «понимающий, разумный». Первых у нас достаточно – пруд пруди, а вот по-настоящему разумных, увы, немного. К чертам настоящего интеллигента относятся: обязательность, порядочность, говорить правду и быть верным своему слову, в принципиальных вопросах не идти на компромиссы с совестью. Хотелось бы надеяться, что эти качества вы сформируете у себя, обучаясь в университете.

Давайте теперь подведем итог и обобщим все сказанное, исходя из того, каким будет третье тысячелетие и к чему вам следует быть готовым.

Мир в третьем тысячелетии будет жестоким, а это предполагает беспощадную борьбу за лидерство, за место под солнцем. При этом признается лишь сила, но не только физическая, военная, но прежде всего и, главным образом, интеллектуальная. Будет идти соревнование умов, знаний, технологий. Состязание бескровное, но не менее беспощадное, чем войны предшествующих тысячелетий. Тот, кто проигрывает, оказывается на обочине (пример – СССР), кто совершенствуется – побеждает (пример – КНР).

Мир в третьем тысячелетии будет прагматичным. В этом мире будет преобладать железный расчет. Нет вечных союзников и друзей, есть только интересы. Рассчитывать в таком мире надо только на собственные силы.

Мир в третьем тысячелетии будет наукоемким. Человечество будет жить в информационном обществе обновленных технологий. Произойдут революционные открытия в науке, которые создадут новые отрасли производства.

Что в этих условиях требуется от вас?

Во-первых, быть готовым к жесткой конкуренции, к борьбе. Нельзя расслабляться, почивать на лаврах. Каждая победа это лишь начало нового этапа борьбы, но на более высокой ступени и поэтому более сложная. Только так вы должны расценивать и свое поступление в университет.

Во-вторых, быть прагматиками, в хорошем смысле эгоистами. В нашем национальном характере заложена готовность к самопожертвованию. Но сегодня нужна другая жизненная установка. Не жертвуя собой, а добиваясь личного успеха делать добро для других. Чем больше будет ваш личный жизненный успех, тем лучше будет вашим близким, окружающим, стране, тем больше будет у вас возможность делать доброго для них.

В-третьих, быть расчетливыми. Знать и реально оценивать свои возможности. Нельзя завышать планку, но еще опасней занижить ее, идти по пути наименьшего сопротивления. Не стесняться и не скрывать своих амбиций. Не надо ориентироваться на средний уровень, стремиться быть как все. Нужно быть в хорошем смысле карьеристом, быть лучше других – умнее, сильнее, богаче. Не стесняться своего успеха,

но и не красоваться, не кичиться этим, особенно материальным достатком, ведь он – лишь инструмент в вашей самореализации.

В-четвертых, быть высокопрофессионально грамотным специалистом, знающим и делающим свою работу лучше чем другие. Надо быть постоянно информированным, знать все новое, относящееся к своей профессии и смежным к ней областям науки, практики.

В-пятых, быть политически подготовленным человеком. Нельзя самоустраняться от общественной жизни, от политики. Это место могут занять другие и не всегда лучшие. А это скажется на стране, на всех нас. Ведь власть выбираем мы сами, она наше зеркало, а поэтому богатое, сильное и развитое государство в интересах каждого из нас. Таковым же оно способно стать, лишь когда большинство граждан станет преуспевающими, имеющими государственную позицию.

В-шестых, быть патриотом, но патриотизм не должен быть шароварным, лапотным или тюбетечным. Он должен быть рациональным. Нельзя чувствовать себя комфортно в нищем обществе, так же как и трудно реализовать в отсталой стране.

В-седьмых, быть духовно богатым. При всем рационализме и прагматизме третьего тысячелетия нельзя ограничиваться, замыкаться лишь в рамках избранной специальности. Жизнь многогранна. И по настоящему счастлив лишь тот, кто сможет воспринять его во всем многообразии.

В заключение хочу напомнить, что в природе постоянно действует принцип естественного отбора: "Умирает только хилое и слабое. Здоровое и сильное всегда выходит победителем в борьбе за существование". Поэтому мне остается лишь пожелать, чтобы девизом каждого из вас был принцип Бомарше: "Жить – это бороться, бороться – это жить".

Дорогие друзья!

Воспользуйтесь представившейся вам возможностью, накопите за время учебы в Университете такой интеллектуальный и волевой потенциал, который позволит вам реализовать свой шанс, стать не созерцателями, а творцами третьего тысячелетия.

Удачи вам и счастья!

УДК 165.61

К СОРОКАЛЕТИЮ ИНТЕРВАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Буряк В.В.

В статье исследуется историческая и философская судьба интервального подхода. Выделено четыре основных этапа в развитии интервальной философии.

Ключевые слова: абстракция, интервал абстракции, интервальный подход.

Интервальный подход имеет свою историческую, философскую судьбу, которая во многом неотделима от перипетий методологического сознания второй половины XX столетия и от коллизий социального и культурного бытия. Случилось так, что идея интервальности возникла там и тогда, где и когда она казалось бы не могла появиться, а именно в таком социокультурном пространстве, в котором всякая идейная новизна вызывала подозрение. Говорить и писать о негативном влиянии марксистской идеологии было не ново, да и не верно. Марксизм - одно из влиятельных и оригинальных течений в философской культуре XIX - XX вв. Однако идеологические импликации, догматизм, табуирование свободных интеллектуальных экспериментов в области духа (в том числе и философского) несомненно затрудняли какие бы то ни было попытки создать нечто новое в рамках традиционной парадигмы. Доминировала практика комментирования, "углубления", конкретизации или "более аутентичного прочтения" классических канонов и устоявшегося типа знания. В этих условиях существования внешней и внутренней цензуры любое заявление о философском открытии считалось вызовом, непростительной крамолой, в лучшем случае интеллектуальным фрондерством. Судьбы М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Э.В. Ильенкова могут служить наглядным примером подлинного отношения господствующей элиты к творческой оригинальности, к наличию собственной авторской позиции у тех или иных мыслителей недавнего прошлого.

Кроме идеологического, вполне реального и труднопреодолимого барьера, имелось еще одно препятствие, так сказать, интеллектуального свойства. Дело в том, что уметь воспринимать объект (эмпирический или теоретический) нестандартно, неоднозначно, независимо от "общеизвестных фактов", уметь видеть в исследуемом явлении одновременно совершенно различные, зачастую диаметрально противоположные аспекты и не стремиться во что бы то ни стало слить их в одно целое, "привести к общему знаменателю", подвести "общий итог", поставить "окончательную точку" способен не всякий. Интервальная методология - отнюдь не временный логико-эпистемологический инструментарий, который можно взять "напрокат" и затем отложить навсегда, когда дело сделано. Напротив - это жизненный выбор, это философское кредо. Интервальность - не методологическая "отмычка", но способ видения. Если объяснить ее смысл и структуру в общем виде достаточно легко, то овладеть ею и сделать своим орудием исследования не так

просто. Пока она не овладела нами полностью, мы не можем овладеть ею даже частично.

Сегодня, спустя сорок лет после возникновения идеи интервальности, после распространения этого способа философствования на многие области знания, особую актуальность, на наш взгляд, приобретает применение данного комплекса идей в сфере политики, права, этно-культурных исследований. И весьма символично, что ноябрьский симпозиум по интервальности в Таврическом национальном университете проходил за месяц до наступления нового столетия.

Интервальность можно отнести к числу крупных - и парадоксальных - философских идей двадцатого века. Парадоксальность интервальной парадигмы заключается прежде всего в том, что с момента своего появления она выступает своего рода антитезой господствующим в это время философским умонастроениям и течениям. Она явилась чужеродной прививкой на древе марксистской философии, ибо вопреки последней явно провозглашала крамольную идею плюрализма в онтологии и эпистемологии; она находилась в прямой конфронтации с неопозитивизмом, ибо открыто и последовательно обращалась к метафизике как базе рационального философствования; своим недвусмысленно выраженным реализмом она представлялась чем-то чуждым утонченным формам онтологии в духе персонализма или экзистенциализма; наконец, упорным стремлением спасти истину и разум в эпоху всеобщей релятивизации и моды на иррационализм она с неизбежностью все время оказывалась в стороне от шумного философского карнавала постмодернизма. И только на излете второго тысячелетия, когда европейская цивилизация, устав от морального релятивизма и разочаровавшись в преходящих ценностях "всеобщей смеси" стилей и направлений, вновь потянулась к позитивным началам жизни, к корневой системе культуры, возник реальный интерес к интервальной философии.

Это своеобразное возрождение интервальных воззрений протекает, однако, в совершенно новой культурно-исторической ситуации, на фоне глобальных переориентаций различных форм западного духа. Складывающаяся на наших глазах современная социокультурная парадигма, похоже, проникнута духом Нового Ренессанса. Контуры нового еще едва прорисовываются в потоке изживающих себя форм постмодернистского искусства, уходящего сциентизма, "шизоанализа" и прочих форм культурного самозванства. И хотя конкретные детали и очертания этого Нового еще совершенно не определены, подобно меняющимся формам несущихся по небу облаков, все же мы достаточно отчетливо видим, в каком направлении стремлены живые токи истории.

Движение интервальной философии все ближе к передним планам мировой панорамы современных типов философствования имеет еще одну причину. Дело в том, что за последние несколько лет наблюдается резкий скачок в разработке метафизических и методологических основ интервальной парадигмы. Последняя, вообще говоря, прошла три основные фазы своей эволюции. Первый период (1959 - 1965 гг.) может быть назван фазой "внутриутробного развития". Первоначальный набросок интервальных идей был изложен в докладе Ф.В. Лазарева на конференции философского факультета Московского государственного университета 19 ноября

1959 года [1]. Позднее расширенный вариант этого доклада был опубликован в издательстве МГУ [2]. В этой работе исследуется проблема объективных оснований процесса абстрагирования и вводится важнейшее для интервального подхода понятие "интервала абстракции" как области однозначной применимости любых претендующих на точный смысл человеческих представлений и понятий. В 1965 г. в издательстве АН СССР под редакцией Б.М. Кедрова вышел коллективный труд ученых Института философии в серии "Диалектика - теория познания". Книга называлась "Ленин об элементах диалектики". Во второй главе этой работы Ф.В. Лазарев, отталкиваясь от диалектических идей Гегеля, Маркса и Ленина, дает развернутый эскиз онтологических и историко-научных оснований интервального видения мира.

В июне 1966 г. на Ученом совете Института философии АН СССР Ф.В. Лазарев защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Принцип объективности и проблема точности в естественно-научном знании", в которой был дан анализ оснований концептуального аппарата естественных наук, исследованы способы придания точного смысла научным понятиям с точки зрения интервальных представлений. В последующие несколько лет вышло еще ряд работ названного автора, среди которых следует особо отметить журнальную статью, посвященную методологическим проблемам современной науки [3].

В 1966 - 1970 гг. появляется цикл статей Ф.В. Лазарева и М.М. Новоселова в пятитомной "Философской энциклопедии", в которых излагаются различные вопросы логического, теоретико-познавательного и методологического характера, так или иначе отражающие интервальный подход. Важнейшее место в этом цикле занимает статья М.М. Новоселова "Тождество", раскрывающая логические основы идеи интервальности. В статье предлагается принципиально новая трактовка классической философской проблемы тождества, исследуется логико-гносеологический смысл абстракции отождествления. Наконец, в 1971 г. выходит в свет работа Лазарева "О природе научных абстракций" [4], в которой в популярной форме излагается сущность интервального подхода в истолковании ключевых проблем эпистемологии, описывается новый взгляд на теорию абстракций. Эта работа подытоживает вторую фазу идейного вызревания интервальной парадигмы и может быть определена как этап социализации данного круга идей.

Третья фаза заняла большую временную полосу и может быть с некоторой долей условности обозначена как период 1972 - 1995 гг. Мы не собираемся здесь давать подробный анализ эволюции интервальных идей за все эти годы (для этого потребовалась бы специальная статья), отметим лишь, что в течение этого времени вышло в свет более 150 статей, брошюр и монографий, полностью или частично посвященных интервальной методологии. К наиболее фундаментальным из этих публикаций, пожалуй, можно отнести вышедшую в из-ве "Наука" книгу Кураева В.И. и Лазарева Ф.В. "Точность, истина и рост знания" [5]. За этот же период было проведено несколько симпозиумов и конференций, связанных с развитием интервальных идей. Первый интервальный симпозиум состоялся в августе 1979 г. в Крыму, в Коктебеле, среди участников которого - В.В. Лазарев, Ф.В. Лазарев, М.М. Новоселов, В.Н. Сагатовский, М.К. Трифонова и др. Второй

симпозиум состоялся в сентябре 1982 г. в Севастополе. Научные чтения открыл акад. В.И. Шинкарук. С докладами выступили М. Новоселов, Ф. Лазарев, В. Сагатовский, С. Крымский, А. Кармин, В. Марахов, А. Шептулин, А. Шумилин, В. Малинин и др.

Новый этап в развитии идеи интервальности начинается с 1996 г. Он связан прежде всего с расширением областей применения интервальной парадигмы. Помимо традиционных для интервального подхода исследований в области эпистемологии, онтологии и методологии науки, интервальные взгляды стали широко использоваться в области философской антропологии, аксиологии, культурологии, феноменологии и др. Особое место во всем этом заняла разработка интервальной метафизики.

Список литературы

1. Кудрин А.К., Солгалов Г.В. Межвузовская конференция по диалектической логике//Философские науки, 1960, 2, С. 196.
2. Сборник работ аспирантов и студентов философского факультета МГУ//М., 1962, С. 40 - 52.
3. Лазарев Ф.В. Проблема точности естественнонаучного знания//Вопросы философии, 1968, 9, С. 31 - 42.
4. Лазарев Ф.В. О природе научных абстракций //М., 1971, 31 с.
5. Кураев В.И. Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания //М. 1988. 236 с.

Анотація

У статті досліджується історична і філософська доля інтервального підходу. Виділено чотири основних етапи в розвитку інтервальної філософії

Summary

In the article the historical and philosophical destiny of the interval approach is investigated. Four basic stages in development of interval philosophy are marked.

УДК 165.61

ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ПЛЮРАЛИЗМА К МОНИЗМУ

Лазарев Ф.В.

Исследуются пути развития философии как особого типа рефлексии. Рассматриваются такие предметы философского исследования, как парадоксальность, монизм, плюрализм. Показывается, что интервальный подход способствует решению проблемы единства и многообразия в философии.

Ключевые слова: абстракция, интервал абстракции, рефлексия

Философствование как тип рефлексии. В отличие от познавательной деятельности в науке, акт философствования захватывает *всего человека*, не только его интеллектуальные способности, но и духовные чувства, не только память, но и рефлексия. Философствование - это перманентный, нескончаемый процесс вопрошания, приоткрывающий нам самим фактом своего наличия некую потаенную характеристику собственно человеческого бытия. Вообще говоря, и рефлексия, и вопрошание как особые познавательные феномены встречаются в самых разнообразных контекстах познания - в сфере повседневности, в науке, искусстве и т.д., приобретая в каждой из этих сфер свою форму, тональность, окраску. Но только в философском мышлении эти феномены получают совершенно особый смысл и нагрузку, конституируя самую философию как особый тип духовного освоения мира человеком.

Известно, что философ может сделать объектом своего осмысления и прояснения практически любую область человеческого бытия - социум, науку, культуру, технику и т.д. Эта всеохватность базируется на некоторых специфических свойствах философского сознания, на его способности приравниваться к постижению объектов любого типа благодаря *категориальному статусу* того языка, в пределах которого выстраивается любой философский дискурс. Если мы вспомним теперь, что рефлексия есть важнейший модус философствования как такового, то можно сказать и по-другому: философия есть универсально применимый тип рациональной рефлексии.

Всякая рефлексия как форма познания имеет двухплоскостную структуру - предметный уровень и метауровень. Обычные формы познания действуют в пределах предметного поля. Рефлексия делает объектом рассмотрения само это поле. Тем самым рефлектирующий субъект должен занять новую познавательную позицию. Но как вообще можно подняться над предметным уровнем? Применительно к философии можно спросить: каким образом и благодаря чему она оказывается способной занять позицию "внешнего наблюдателя" по отношению к данному горизонту истории, к социуму, продуктом которого она сама является? Полагаю, благодаря своей способности абстрагировать на категориальном уровне инварианты культурного бытия людей и выявлять "сквозные тенденции"

исторического процесса. На первых этапах формирования философской культуры, когда в распоряжении древних мудрецов еще не было никаких специфических орудий рефлексии, мысль естественно обращалась к тем формам, которые встречались на обыденном уровне - к иронии, удивлению, сомнению, вопрошанию. Однако в том виде, в котором они использовались в повседневной жизни, они были непригодны для решения новых познавательных задач. Поэтому эти формы нуждались в известном эпистемологическом преобразовании. В результате мыслительной практики нескольких поколений философов старые формы претерпели качественные изменения как с точки зрения содержания, так и в отношении самой технологии мышления.

Постепенно выкристаллизовывались и принципиально новые формы рефлексии. Прежде всего здесь следует упомянуть *диалектику* как искусство вести беседу. И в этом случае философ отталкивается от наличных форм культуры и обыденного сознания - от феномена обычной беседы. Но в итоге от "беседы" в исходном смысле слова мало что остается. Не случайно в первоначальном значении понятия "диалектика" появляется слово "искусство" в значении "технология". В сущности, это относится не только к диалектике, но и к другим формам рефлексии. В этом смысле правомерно по аналогии говорить от "искусстве иронии", "искусстве сомнения" и т.п.

Кроме того, следует иметь в виду, что все эти формы рефлексии сами по себе еще не составляют собственно философию, ибо не менее важен и другой момент: на какой предмет и с какой целью направлены эти *орудия познания*. В отличие от обыденных форм рефлексии, философские инструменты направляются на качественно иные объекты - на мировоззрение, культуру историю, природный универсум и др. Таким образом, они отличаются от обычных форм в трех отношениях - по своей универсальности, по наличию особой технологии и по самому объекту рефлексии. Возьмем, к примеру, такую форму рефлексии, как сомнение. Если в обыденной сфере сомнение связано с отдельными ситуациями, в которых индивид испытывает затруднение в своих попытках отделить подлинное от неподлинного в делах повседневности, то в философии вопрос переносится в принципиально иную плоскость. Философ говорит: "Подвергай все сомнению!" В этом девизе речь идет о необходимости сомнения не в отношении какого-то конкретного жизненного случая, а касается всего, на что направляется человеческая мысль. Перед нами, таким образом, определенное методологическое требование, приобретающее форму закона познания и заключающее в себе бесконечное содержание. Ценность методического сомнения заключается в том, что оно через разумный скептицизм ведет рационально контролируемую мысль к обретению твердых оснований. Дж.Сантаяна говорил: "Хотя радикальное сомнение ни в чем не помогает обычному человеку, а потому не интересуется его, оно является необходимым инструментом в философских усилиях избежать иллюзий".

Метод радикального сомнения тесно связан с методом проблематизации. Последний состоит не только в "размягчении" и релятивизации предметного поля анализа, кажущегося системой незыблемых предпосылок, но и в искусстве постановки проблемы, в умении задавать вопросы в отношении *самых очевидных истин*.

Философия как особый способ теоретического освоения мира опирается на свой специфический тип рациональности. Последняя предполагает, во-первых, ничем не скованный “дух сомнения и критицизма”, во-вторых, то, что Ортега-и-Гассет назвал принципом автономности (опора исключительно на свои собственные теоретические основания), в-третьих, постоянное стремление к *обоснованию* принимаемых утверждений. Из философской рациональности вытекает и еще одна черта философствующего ума - потребность в самопознании, в саморефлексии, ибо полноценность и плодотворность его деятельности во многом зависит от того, насколько полно и адекватно он понимает свою собственную природу. В истории философии мы встречаем поэтому многочисленные попытки мыслителей разных эпох прояснить сущность философствования. В данной работе автор предлагает свою версию понимания этой проблемы.

Парадоксальность многомерного мира. Классический рационализм видел в познающем субъекте “абсолютного наблюдателя”, которому постепенно открывается единая для всех абсолютная истина о мире. В силу этого классические способы мышления были в основном *одноплоскостными*; им не хватало объемности, “стереоскопичности”. Между тем, мыслители разных эпох время от времени встречались с ситуациями, когда претендующие на истинность образы, или модели окружающего мира вещей и явлений нельзя было в принципе объединить в *рамках единой картины*, ибо эти образы логически исключали друг друга. Обнаружение таких случаев в сущности означало, что в *некоторых контекстах познавательной практики одноплоскостное мышление исчерпывало свой ресурс истинности*, свои возможности разумного непротиворечивого отображения.

Отличие одноплоскостного мышления от многомерного особенно наглядно проявилось в развитии физики XX столетия. В этом контексте особое внимание ученых привлек так называемый корпускулярно-волновой дуализм в поведении микрочастиц. Движение частиц невозможно было описать с необходимой полнотой, пользуясь классическими моделями. Нильс Бор, разрабатывая копенгагенскую интерпретацию квантовой механики, решает на революционный с точки зрения старой методологии шаг - признать логическую и познавательную правомерность одномерного существования двух взаимоисключающих картин поведения микрообъектов и двух одинаково удостоверенных в опыте, но несовместимых друг с другом физических истин. Это допущение Бор назвал *принципом дополнительности*.

Волновая и корпускулярная ипостаси микрообъекта никак не укладывались в какую бы то ни было обобщенную физическую картину одноплоскостного типа: волновое описание исключало корпускулярное, и наоборот. Необходим был выход в *многомерное* мыслительное пространство. Позднее Бор делает еще один важный шаг: он указывает на существование нетривиальной аналогии “дополнительности описания” в гуманитарной сфере познания - психологии, истории культуры и др.

“Диалектика дополнительности” Бора нуждалась однако в собственно *философском* обобщении и осмыслении. Вариант такого обобщения был предложен нами в конце 50-х годов в рамках *интервальной диалектики*. Необходимость обобщения в данном случае проистекала из того, что принцип дополнительности,

взятый сам по себе, жестко связан с ситуацией *дуализма* (например, двойственность "волна-корпускула" и т.п.), т.е. с констатацией двух взаимоисключающих аспектов описываемых объектов. Это и определило переход от одноплоскостного видения физической реальности к двухплоскостному в рамках квантово-механического описания. Но познавательный опыт нашего столетия показывает, что накапливается все больше случаев, когда результаты исследования того или иного сложного объекта адекватно отображаются лишь средствами *многомерного* концептуального пространства, способного выразить не только два, но и больше аспектов, измерений познаваемого целого.

Потребность в обобщении комплекса понятий, группирующихся вокруг принципа дополнительности, диктовалась также еще одним немаловажным обстоятельством. Дело в том, что хотя Бор и обратил внимание на глубокое сходство познавательной ситуации в квантовой механике с некоторыми ситуациями в психологии, культурологии и т.п., он не считал нужным, оставаясь физиком, разрабатывать идею дополнительности в виде концептуально развернутой методологии применительно к гуманитарной сфере. А между тем актуальность такой задачи с годами все более возрастала. Философия интервальности как раз и делает серьезный шаг в этом направлении. В ее основе лежит представление о *многоинтервальной, многомерной реальности и об интервальной природе самого познавательного процесса.*

Первым шагом здесь было обобщение понятия физической относительности: любой объект природы, социума, духовной сферы существует и определенным образом проявляет себя не вообще, а лишь в *конкретных условиях*, лишь *относительно* той или иной системы связей, взаимодействий и т.п. Причем, в зависимости от обстоятельств, одни свойства объектов актуализируются, выходят на первый план, другие, напротив, сохраняют лишь потенциальную возможность своего бытия. Ситуации, в которых указанное разграничение проявляется достаточно четко, были названы *интервальными*. Последние представляют собой качественные целостности природной или социокультурной реальности. Мир, таким образом, обнаруживает ячеистую, интервальную структуру, распадаясь на иерархизированное множество отдельных реалей, актуальных и возможных миров.

Важнейшим инструментом в познании, с помощью которого разум выделяет отдельные интервалы, измерения объекта, является абстракция. Именно она реализует мысленное членение реальности в виде соответствующих одноплоскостных картин, задавая тем самым определенную интеллектуальную перспективу видения мира (интервал абстракции) и делая возможным его постижение в форме строгих логических построений. Очевидно, что в разных познавательных ситуациях субъектом используются различные, часто несовместимые "образы" реальности, различные модели представлений о мире, но при этом существенно, что все они одинаково необходимы, ибо лишь в своей совокупности исчерпывают информацию об объекте.

Недостаток традиционных подходов заключался не в том, что они были, как правило, одноплоскостными, а в том, что эта их особенность не осознавалась на уровне методологического сознания. Следствие этого - логическими и

концептуальными средствами одноплоскостного мышления пытались отобразить такие объекты и ситуации, которые (для их адекватного познания) нуждались в многомерной семантике, в нескольких моделях описания. В результате возникали логические и понятийные трудности. Другими словами, попытки отобразить многомерную реальность в рамках одноплоскостной картины вели к явным или неявным познавательным коллизиям, к парадоксам, апориям, противоречиям.

Очевидно, что существует только один способ избежать коллизий такого рода - перейти к новому образу рациональности. На смену диалектики “единства противоположностей” (как в гегелевской, так и марксистской ее интерпретации) приходит *интервальная диалектика* постижения многомерного мира. “Синтез противоположностей” заменяется конструированием соответствующих *конфигураций* интервалов абстракции. Рассмотренная выше ситуация *дополнительности* волнового и корпускулярного описания в квантовой физике может служить примером дуальной (двумерной) конфигурации; применение многих систем отсчета при описании одних и тех же физических событий в механике - пример конфигурации многих измерений.

Тот факт, что человек понуждается практикой самого познания осваивать *способы многомерного видения реальности*, порождает новое качество - многомерный разум, несущий в себе новый образ рациональности. Как показала эволюция современной научной и философской мысли, основной способ решения парадоксов познания - это переход к новым и смысловым горизонтам исследуемой проблемы, переход к другим интервалам. *У разума нет иного пути сохранить себя в своих сущностных определениях (и прежде всего, свою непротиворечивость), как стать многомерным*, вобрать в себя принципы интервального постижения реальности, опираясь на тезис о многомерной структуре мира.

Тезис этот в сжатом виде можно развернуть следующим образом:

- переход от монизма к онтологическому плюрализму, к признанию множественности интервалов существования любого объекта познания;
- признание того, что каждый отдельный уровень, или срез реальности конечен, ограничен, предполагает собственную семантику, а описание в его рамках подчиняется принципу непротиворечивости;
- принятие постулата о том, что различные интервалы образуют взаимосвязанную, многомерную и разномасштабную структуру универсума.

Усмотрение того, что мы имеем дело в познании с *разными онтологиями* и соответственно с разными логическими пространствами рассуждений и есть *интервальное решение проблемы противоречий антиномичного типа*. Противоположные высказывания, относящиеся к одному и тому же предмету, не образуют логического противоречия потому, что они не встречаются в одном и том же универсуме рассуждений, если, разумеется, мы мыслим строго в рамках того или иного интервала абстракции.

Мы видим, таким образом, что развитие науки и философии XX века, как никогда ранее, поставило в повестку дня вопрос о природе парадоксальности (в математике, физике, космологии, биологии и др.) в познании. Возникла потребность заново, в контексте современной методологической культуры (и учитывая

неудовлетворительность прежних решений) философски осмыслить сущность парадокса. В свете этого есть основания полагать, что интервальная диалектика есть одна из современных форм методологической рефлексии, позволяющая продуктивно продолжить обсуждение тех вопросов, которые волнуют мыслителей от Зенона до наших дней.

Монизм и плюрализм философского познания. Парадоксальность учений древних мудрецов, как мы видели, прежде всего проистекает из их изначального противостояния обыденному сознанию. Однако неизбежная парадоксальность всякого философского познания ведет - в силу того, что все мировоззренческие системы не только порывают со сферой "общих мнений", но и противостоят друг другу - к множеству школ и направлений. Возникает реальная дивергенция теоретически выстраиваемых систем миропонимания. Каждое философское учение выдвигало свою версию и свой способ видения реальности. При этом большинство мыслителей стремилось к тому, чтобы их система взглядов была рационально обоснованной и непротиворечивой. На один и тот же вопрос нередко давались прямо противоположные и в то же время аргументированные ответы. Так уже в лоне древней культуры мы можем наблюдать некий фундаментальный социокультурный факт - *плюрализм философских течений*.

В наше время - по прошествию двух с половиной тысяч лет - мы можем констатировать второй не менее важный факт: плюрализм философии как формы духовного освоения мира является *перманентным состоянием философской мысли*. В XX веке дивергенция философских концепций достигает своего крайнего выражения. Сегодня философы все реже объединяются под знаменами общих "измов", сегодня каждый предлагает свой собственный "изм".

Нужно ли очерченную ситуацию воспринимать, вспоминая Канта¹, как "скандал" или как нечто естественное - это особый вопрос. Однако ясно одно: философия, в которой еще жива традиция саморефлексии, не может обойти вниманием эту фундаментальную проблему. В сущности, здесь кроится по крайней мере два вопроса: чем объясняется множественность философских учений и каким образом они все же составляют некий в конечном счете единый феномен - философию как таковую? Каково соотношение плюрализма и монизма историко-философского процесса? Гегель, склоняясь к монистической трактовке, писал: "*История философии* показывает, что кажущиеся различными философские учения представляют собой отчасти лишь одну философию на различных ступенях развития, отчасти же особые *принципы*, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь ответвления одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их" [1, с.31].

¹ Скандалом в философии принято называть то обстоятельство, что за две с половиной тысячи лет своего развития философия так и не выработала ни одного положения, которое принималось бы всеми философами в качестве бесспорных или очевидных. Кант, имея в виду субъективизм Беркли, назвал скандалом в философии то, что существует теоретическая надобность в доказательстве реальности мира вещей.

Позиция Гегеля противостоит другому подходу к содержательной сущности философии. Он отражает широко распространенное мнение относительно специфики философского знания: каждое новое учение, направление провозглашает своеобразную теоретическую революцию, начиная все с начала. Поэтому радикальный пересмотр накопленного предшественниками фонда истин и смыслов, расхождение взглядов по самым коренным проблемам мироустройства и бытия человека многими воспринимается как перманентный процесс, ведущий не к прогрессу знания, а к дальнейшей поляризации взаимоисключающих школ и направлений.

В наше время философское творчество все больше рассматривается как выражение уникального и самоценного духовного опыта размышляющей личности. С этой точки зрения подлинную культурную значимость той или иной системы составляет не то, что в ней общего с другими системами и не то, в чем философы могут быть согласны друг с другом как с признанным идейным достоянием, а ее неповторимое своеобразие, присущий творческой личности индивидуальный способ видения и миропереживания. В результате у многих складывается убеждение, что философские учения по используемой в них семантике и по стилю философствования *несоизмеримы между собой*. По большому счету, между ними невозможен никакой продуктивный диалог. Отсюда всякий разговор о внутреннем “единстве” философии беспредметен. Единственное, что еще как-то может объединять философию в одно целое, так это существование *базовой проблематики*. Но даже и это следует понимать с большой долей условности: ведь в каждую культурную эпоху смыслы одних и тех же категорий претерпевают известную трансформацию.

И все же монистическая традиция не отброшена полностью. Можно указать на несколько вариантов монистической трактовки философии. Первый вариант восходит еще к древним авторам: каждая философская система взглядов объявляет себя единственно верным философским учением, адекватно выражающим философию как таковую. В XX веке такая позиция особенно характерна была для марксизма. Второй вариант восходит к Гегелевской модели историко-философского процесса. В XX веке он был связан с поиском так называемой “логики философии”. Эта логика, появившись у Гегеля в метафизическо-мистической форме, внедрялась в философское сознание с большим трудом. Встреченное ею сопротивление представлялось Б.Кроче странным, ведь эта логика показывала, что философия в действительности обладает собственным методом, так же как математика, естественные науки или история.

Как отмечает М.Геру, существует несколько трактовок понятия “логика философии”. Так, Эмиль Ласк связывал ее с исследованием *оснований метафизики*, которое он предпринял в своем учении о категориях категорий. У Л.Брюнсвика эта логика понимается как изучение генезиса философских понятий в контексте внедрения в философию “научного метода”. В основе этого специфического метода лежит идея об активной природе автономного разума, который сам устанавливает принципы собственного движения. Логика философии можно понимать и как детерминацию некоторого числа типических сущностей систем, которые должны

быть выделены в их абстрактной чистоте. Аристотель и Карнеад могут рассматриваться как предтечи этой версии, которая, в свою очередь, являет многочисленные аспекты: неокритический у Ш.Ренувье (предложившего диалектическую систему из 38 базисных категорий), психологически-исторический у В.Дильтея (полагавшего, что в западноевропейском мировоззрении существуют три типа: материализм (= позитивизм), объективный идеализм и идеализм свободы, причем, ни один из них не может претендовать на монопольное господство); психологически-логический у П.Гофмана (сводившего сферу априорного познания к прафеноменальным смысловым моментам переживания) и др.

Единство и многообразие философии: интервальный подход. Каков интервальный взгляд на вещи в решении проблемы плюрализма философии? Существуют ли здесь, помимо социокультурных и эпистемологических, еще и основания онтологического порядка? Ответ состоит в том, что исторически существующее многоцветье философских учений так или иначе выражает многоликость мира и многоплановость человеческого бытия в нем. Указанное допущение имеет важное методологическое значение для понимания эволюции философских идей: все последовательно развернутые “классические” направления *имеют равное право на истину*. Но если при этом одна истина логически исключает другую, то не говорит ли это о том, что вышеприведенный тезис порывает с таким требованием рациональности, как закон непротиворечивости? Принцип интервальности как раз и представляет собой *способ рационального согласования* данного закона и указанного тезиса: *всякая философская истина имеет смысл лишь в контексте той или иной системы идей и является справедливой не вообще, а лишь в рамках определенного интервала абстракции (конституирующую соответствующую познавательную позицию)*. Противоположные друг другу истины не исключают, а лишь взаимно ограничивают друг друга, а разделяющая их граница логически как и может быть мыслима как интервал. И поскольку интервал выступает не только как логическая, но и как онтологическая граница, то с философской точки зрения неразумно сопоставлять противоположные истины в едином логическом пространстве. Следовательно, мы имеем здесь дело с *относительностью к условиям познания*, подобно тому как в физике мы сталкиваемся при описании явлений с относительностью к той или иной системе отсчета.

Распадается ли философия на множество никак не связанных моделей мироустройства или она имеет внутреннее, скрытое за внешними конфронтациями, единство? Существует ли она, несмотря на видимую разногласию школ и течений, как нечто *целое* и если да, то как это возможно? С интервальной точки зрения философия как целое существует, и не только в качестве формы культуры, но и в идейно-концептуальном смысле. Известно, что та или иная конкретная научная дисциплина изучает мир, беря его всегда в каком-то одном измерении. Любая частная наука - это одноинтервальное видение своего объекта. И чем четче очерчен выбранный угол зрения, тем продуктивнее деятельность ученого. Философия же есть исторически первая форма рациональности, которая способна обеспечить постижение многомерности, многоинтервальности бытия. Но эту способность она приобретает только тогда, когда выступает в своей ипостаси целостности, а не в

качестве того или иного “изма”, отображающего предмет философии лишь в узких рамках той или иной интеллектуальной перспективы.

Что объединяет самые различные философские учения под одним названием “философия”? Только ли сходство базовых проблем? Нет, на самом деле причина глубже: “культурный замысел” философии как целого в том, чтобы быть *средством и способом многомерного постижения мира*. Чем многокрасочнее спектр философских “точек зрения”, тем больше познавательный потенциал философии в реализации своего замысла. Хотя различные течения исключают друг друга (и соперничество которых достигает порой исключительного накала), они могут образовывать некую скрытую (и единую в своей основе) конфигурацию. Но обладая способностью схватывать многоликость реальности, философия в прошлом не осознавала это обстоятельство на методологическом уровне. Тем самым терялась из виду важнейшая познавательная функция философии.

На первый взгляд может показаться, что интервальная парадигма, отказываясь от идеи онтологической непрерывности бытия, противостоит “холизму” как принципу целостности. На самом деле они просто акцентируют внимание на разных моментах. Один из видных представителей “гештальт-терапии” С.Гингер, касаясь “холистского” стиля мышления, констатирует тот факт, что одна и та же системная единица будет изменяться в зависимости от того, входит ли она в состав определенного целого, существует ли она изолированно или оказывается в составе совсем другого целого. Другими словами, на свойства этой системно единицы влияют ее местонахождение и функции: к примеру, крик во время игры – нечто иное, чем крик, раздавшийся на пустынной улице. Для понимания всего поведения индивида или ситуации важен не только их *анализ*, но и их *синтетическое видение* в связи с *общим контекстом* [2, с.7].

Интервальный подход также тесно связан с идеей *целого*, ибо что такое интервал, как не *целостно заданный контекст*? Всякое рассмотрение предмета в некотором точно фиксированном контексте означает, что мы, во-первых, принимаем во внимание момент *относительности* к данному контексту, во-вторых, в полной мере учитываем “эффект целостности” проявления предмета в данных условиях. Идея контекста связана с тем, что условия, в которых пребывает предмет, безразличны к его бытию. Однако сам “холизм” – для его адекватного применения – должен быть понят интервально. Целостность проявления предмета внутри интервала не исключает, а, напротив, предполагает онтологическую прерывность при переходе к другим интервалам. Кроме того, тезис о зависимости предмета от условий вовсе не должен означать допущения абсолютистского принципа глобальной связи “всего со всем”: предмет зависит не просто от условий, а лишь от интервалозадающих факторов. Таким образом, любая целостность относительна, локальна, ограничена. Даже такая предельно большая целостность, как наша Вселенная, является лишь одной из возможных вселенных, каждая из которых конечна в пространстве и времени.

Интервальный взгляд на *категорию целого* позволяет пролить дополнительный свет и на проблему специфики философского знания в связи с проблемой *предмета философии*. Известно, что философию интересуется мир, взятый как *ц е л о е*, а не с

точки зрения его частных характеристик и проявлений. Но если мир как целое понимать в духе абсолютного монизма (на манер Спинозовской субстанции или Абсолюта Бредли), то отсюда следует, что философия должна ставить своей конечной задачей выработку единой, универсальной модели мироустройства. Но на самом деле такой одноплоскостный подход в корне противоположен реальной истории философских поисков, ибо философия была и остается плюралистичной. Поэтому правильнее было бы сказать, что философия есть, конечно, учение о мире в целом, но понимаемом как *принципиально многомерная сущность*. Поэтому философия в своем историческом развитии не есть постепенное приближение к некоей единой картине мира, она не есть результат простого обобщения и синтезирования, ибо многомерный мир как целое можно отобразить лишь посредством множества “образов”, не поддающихся обобщению в рамках одной универсальной модели.

Но если адекватное постижение мира возможно лишь через множество “картин целого”, то не означает ли это, что мы должны согласиться с постулатом абсолютного релятивизма? Нет, не означает. Во-первых, каждая отдельная картина, отражая свой ракурс реальности, заключает в себе “момент истины”; во-вторых, все множество картин (если они действительно могут претендовать на истину) в конечном счете складываются в некую сложную конфигурацию, в которой каждый отдельный элемент дополняет (в смысле принципа дополнительности) другие элементы. Ортега-и-Гассет утверждал, что философия есть познание Универсума, взятого как целое. С таким определением можно согласиться, если точно оговорить, как этот целостный Универсум должен мыслиться. Если целое понимать как то, что требует для своего постижения единой картины, то с такой трактовкой нельзя согласиться. Целое может означать лишь всестороннюю многомерность, лишь многообразие интервалов, взятое в их единстве. Поэтому поправка к определению испанского философа была бы следующей: философия есть *понимание* принципиальной многомерности мира, есть способ постижения мира как целого в его многоинтервальной сущности.

Таким образом, интервальная диалектика предлагает свою версию монистической трактовки философии. Суть ее заключается в том, что понимание философии как единого целого не исключает множества несовпадающих между собой интеллектуальных перспектив видения мира, которые лишь в своей совокупности способны охватить мир как сложную и разномасштабную систему. Но если плюрализм философских учений в своей сущности зиждется на некоторых инвариантных основаниях, порой глубоко скрытых от рефлектирующей мысли тех или иных философов, то естественно возникает вопрос о выявлении этих оснований. Важнейшей чертой нарождающейся ныне новой культурной парадигмы будет, по-видимому, переход от абсолютного плюрализма к интервальному монизму. Вопрос, который мы вправе задать себе перед лицом продолжавшейся целое столетие тотальной релятивизации образов и смыслов, включая философские, заключается в том, возможно ли за множеством точек зрения, толкований и подходов увидеть некие *универсалии культуры и разума*, обнаружить некую твердую землю под ногами? И не следует ли в свете новых культурных тенденций

попытаться найти связующие нити, позволяющие выстраивать некий упорядоченный континуум различных интеллектуальных перспектив и точек зрения? Интервальный подход есть попытка - и, пожалуй, самая решительная - сформулировать такой способ видения многомерной реальности, при котором отдельные фрагменты и осколки философского знания оказываются соединенными в некие конфигурации на основе скрытой гармонии.

Очевидно, что речь идет не только о монизме философии, но и о целостности всей культуры. В контексте обсуждаемой проблемы возникает вопрос, который мы все чаще задаем себе: является ли наш мир онтологически непрерывным или он прерывен на физическом, историческом и социокультурном уровнях? Если мы признаем наличие онтологических разрывов, то мы неизбежно приходим в методологическом плане к идее “альтернативных описаний”. Но как осуществить прыжок через пропасть от одной культурной онтологии к другой? Известный американский философ Р.Рорти утверждает, что прыжок такого рода в принципе невозможен. При этом “пророк и поэт нового прагматизма” ссылается на методологические концепции “несоизмеримости теорий” таких философов, как Т.Кун, П.Фейерабенд, Г.Гадамер и др. Рорти убежден: аргументированная критика или рациональная дискуссия как феномены интеллектуальной культуры не имеют той значимости и силы, которую им традиционно приписывают, ибо предполагают (скрыто или явно) *единые эпистемологические точки отсчета*, наличие общезначимых критериев сопоставления, редукционистские процедуры, соглашение относительно оснований знания и достижение подлинного консенсуса; все эти посылки классического теоретизма *утопичны*, выходят за рамки возможностей человеческого интеллекта.

Рорти, таким образом, ставит под сомнение саму основу рациональности - разум, его универсальную сущность как категорию культуры. Невозможность найти рациональные основания в пользу оснований рациональности выглядит как парадокс, свидетельствующий об антиномичности разума. Разрешение этой антиномии лежит в той же самой плоскости, о которой говорилось выше: переход от одной культурной онтологии к другой в принципе возможен, если иметь в виду интервальную структуру бытия.

Выше уже отмечалось, что большинство философских систем так или иначе ограничены каким-то одним эпистемологическим измерением, однако есть учения и иного типа. В философии есть как бы две тенденции – аналитическая (Беркли, Юм, Кант) и синтетическая (Гегель, Гартман, Бредли). Представители второй традиции пытаются рассматривать философию как целостное видение мира с учетом его многообразия. Эти философы ставят перед собой задачу взглянуть на самую философию с метатеоретической позиции, как бы синтезируя всю философскую культуру. Самым ярким представителем этого хода мысли является, несомненно, Гегель.

Таким образом, в отличие от науки, которая покоится в основном на фундаменте “закрытой рациональности” и четко ограничена рамками выбранного интервала абстракции, философия способна работать в духе “открытой рациональности”, пытаясь в пределах одного учения постигнуть многоликость

действительности. Интервальная философия, пожалуй, впервые сознательно на метатеоретическом уровне принимает идею многомерности бытия и познания, работая в предметном поле философских проблем с учетом диалектики перехода от одних смысловых горизонтов к другим. Ее методологической базой поэтому выступает познавательная стратегия многомерного разума, фокусирующего свое внимание не только на отдельных сегментах мирового целого, но и на всем спектре “возможных моделей” реальности. В этом смысле интервальная философия может квалифицироваться как версия *метафилософии*. (При этом она, разумеется, признает всю относительность любых притязаний рефлектирующего ума встать в каком-либо отношении “выше других”).

Вообще стратегия философского поиска, в отличие от религиозного познания, которое позволяет овладеть абсолютной истиной о мире, заключается в том, чтобы пытаться, как говорит К.Ясперс, постигнуть разумом господствующее в действительности неразумное и понять его как источник высшей разумности. Философствование – это “деятельность, которая производит внутреннее содержание человека и не может знать своего конечного смысла”. Продукт такой деятельности для каждого данного момента – “завершенное сознание бытия, знающее, что оно в своем притязании не может удержаться как окончательное”.

Философия – это постоянный поиск “образа” мира и “образа” человека в их соотносительности и одновременно – это сознание того, что всякий такой образ исторически условен и относителен, что есть и другие измерения проблемы и другие прорывы к истине на других путях. Это состояние перманентного вопрошания, это раздвоенность и постоянное беспокойство, постоянное сомнение духа – как человеческого духа, а не только как философского – и есть сердцевина философии, не покидающей почвы рациональности ни под каким видом и ни под каким предлогом.

Мы видим, что антиномичность заложена в самой стратегии философского освоения мира, в самой природе философствования как человеческой потребности. Философ ищет истину (и по возможности – с большой буквы), но в силу своей интеллектуальной честности и ответственности перед Истиной он вынужден признать, что никакой прорыв к трансцендентному и абсолютному не может рассматриваться как окончательный. Эта изначальная, самим характером избранной стратегии обусловленная *проблематичность* всякого искреннего и серьезного поиска реальности в ее подлинном свете обесмысливает самую исходную установку философа, порождая скептицизм. Последний однако в луче рефлексии сам не может удержаться как окончательный. Тогда в душе философа просыпается надежда. Надежда на то, что истина возможна.

По отношению к науке философия в некотором смысле выступает как синтез знания; речь идет о таком типе синтеза, при котором принимается установка на многомерное видение реальности, т.е. на анализ многообразной взаимосвязи постигаемых наукой интервалов, на выявление диалектики их переходов. Отсюда становится понятной возможность включения в поле зрения философской рефлексии не только различных научных дисциплин, но и искусства, религии, моральной практики и т.п., ибо все это тоже свои интервалы видения и освоения

мира. Указанное толкование функций философии позволяет яснее понять, почему для методологического и культурного сознания столь важна диалектика, но не одноплоскостная, а многомерная. Здесь же кроется и ответ на то, почему многие классики философии, такие как Гегель, пытались выстраивать свою систему как своего рода “энциклопедию наук”. Они чувствовали одномерную сущность всякого научного познания и необходимость его вписывания в более широкий контекст. Но при этом синтезирующая функция философии, как правило, понималась как простое обобщение научных результатов, как достраивание их до целостной картины. На самом деле философская картина мира формируется на качественно другой категориальной основе и с другими познавательными целями. Поэтому синтезирующая функция философии по отношению к науке скорее методологическая, чем предметная. Философия ищет синтез способов видения мира как “единства многообразного”. Синтез же конкретно-научных знаний есть дело научной картины мира, которая по своей природе является одноплоскостной. В свете сказанного более отчетливо проступает тот факт, что идея интервальности является действительно далеко идущим допущением, раскрывающим специфику философского способа освоения реальности. Ибо специфика философии - мыслить многоинтервально.

Список литературы

1. Гегель. Соч. Т.1. - М.-Л., 1930.- 31 с.
2. Гингер С. Что такое Гештальт? - С.-Петербург, 1996.- 7 с.

Анотація

Лазарев Ф.В. Філософія у контексті сучасної культури: від плюралізму до монізму

Досліджуються шляхи розвитку філософії як особливого типу рефлексії. Розглядаються такі предмети філософського дослідження, як парадоксальність, монізм, плюралізм. Показується, що інтервальний підхід сприяє рішення проблеми єдності і різноманітності в філософії.

Summary

Lazarev F. V. Philosophy in a context of modern culture: from pluralism to monism

The ways of development of philosophy as special type reflection are viewed. Such subjects of philosophical research, as a paradoxicality, monism, pluralism are considered. It is shown, that the interval approach promotes the decision of a problem of unity and variety in philosophy.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ КОГНИТИВНОСТИ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКОВ

Шоркин А.Д.

В статье ставится проблема построения "древа познания", которым было бы означено и упорядочено текучее, запутанное и разноликое культурно-историческое многообразие когнитивных форм и устремлений. Обсуждаются две темы: коллизии природы объяснения, а также порождающие истоки когнитивного многообразия.

Ключевые слова: культура, когнитивность, методология, бытие, познание.

Факт культурно-исторической изменчивости познавательных канонов (его «норм» и «идеалов», «стилей», «парадигм» или «программ») справедливо считать надежно установленным. В истории человечества знания не просто накапливались и уточнялись. Линейная модель прироста знаний несостоятельна, словосочетание «первобытная наука» - сегодня лишь старомодная метафора, затемняющая глубокое качественное своеобразие знания в разных культурах. В последней четверти XX века сторонников прогрессистски-линейной модели смены когнитивных канонов почти не осталось. Острые дискуссии со второй половины XX века ведутся в основном относительно концептуальных средств, которые призваны означить и зафиксировать текучее, запутанное и разноликое культурно-историческое многообразие когнитивных форм и средств, усилий и устремлений.

Заметно менее пристально, обычно попутно и в итоге довольно невнятно и поверхностно в этих дискуссиях, однако, затронута проблема взаимной координации траекторий развития канонов познания. По сути, задача сопоставления их ветвлений и хитросплетений не менее сложна, чем, например, реконструкция многомерного дерева антропогенеза. Но разве у нас есть хотя бы грубый эскиз и набросок общей картины «древа познания»? Конечно, наряду с зачастую хорошей прорисовкой отдельных аттракторов развития, оставшихся в прошлом и наличествующих сейчас, высказываются также предположения о том, каковы будут методологические основания «грядущей» науки в отличии от нынешней. Некоторые из них любопытны и, не исключено, могут быть провидческими. Но все они, в отсутствии общей и достаточно цельной картины когнитивных коллизий, схемы и образа «древа познания», являются скорее угадываемыми, чем обоснованными предположениями о трендах современной когнитивности.

В данной статье мы вовсе не претендуем на построение такой общей картины. Кроме краткого обозначения этой захватывающей проблемы, в нашу задачу входит обсуждение ее отдельных фрагментов: а именно, некоторых коллизий природы объяснения и, главное, живительных истоков разветвляющегося когнитивного многообразия. Обращая внимание на известное или малозаметное, подразумеваемое или непривычное, мы пытаемся сопоставить ускользающее от сравнения и надеемся

так помочь «поймать» преемственность и разрывы стержневых когнитивных аттракторов «древа познания».

Презумпция «ясности» как рационалистическая установка

Требование ясности принадлежит к наиболее древним установкам освоения мира. Архаичные предания и тексты разных культурных регионов, зачастую плохо соизмеримые вследствие их ошеломляющего своеобразия, как правило, содержат все же в числе редких пунктов согласования сопоставимую символику «ясного» и метафизику «света». «Светоносность», «сиятельность» обычно полагаются атрибутами самых высоких ценностей, - и в этом нет ничего удивительного. Напротив, невероятным следовало бы признать предположение, что при формировании исходных установок освоения мира люди могли не заметить и символически не выразить действительную роль Солнца в развитии природы и всего живого на Земле.

Может быть, именно от архаично-прямолинейного отождествления Солнца с Богом свойства светила – ясность, светоносность, – бывшие атрибутами божественного, так и остались в истории символами и эпитетами наиболее высокого, основополагающего. Символика белого цвета, ориентация храмов и захоронений по сторонам света, трактовка огня как первоначала, чистота и мощь Аполлонова света истины и Прометеева огня – эти и многие иные феномены культуры имеют общий фундаментальный исток. В современном же логическом смысле «ясность» понятия означает определенность его содержания: понятие ясно постольку, поскольку полно и строго очерчена³ совокупность его существенных признаков.

Но в чем состоит инвариантное содержание требования «ясности», столь разнообразно преломляемого в культуре? Какую общую установку освоения мира оно выражает?

Точный доказательный ответ подразумевает аналитический разбор по возможности полного множества культурно-исторических контекстов употребления семейства понятий «ясного», «сиятельного», «светоносного» и т.п. Риска упустить оттенки смысла, главную, стержневую семантику, все же можно схватить проще, обратившись к традициям словоупотребления естественного языка.

Словари русского языка толкуют «ясный», во-первых, группой таких понятий как «яркий», «светлый», «сияющий», «незамутненный», «чистый», «белый», «ничем не омраченный», и, во-вторых, усматривают в нем значение «понятного», «хорошо постигаемого». Второе из основных значений «ясного» - его родство с «понятным» - важнейшего мировоззренческого толка. Этимологически «понять» возводится к «взять». Древние «яти», «ять» происходят от «имати» (брат) и «имать» (ловить) и содержат среди своих рядоположенных значений «взять», «понять». Наконец, «ятный» - прилагательное от «ять» - означает «ясный», «понятный», «достижимый».

В тайной мудрости естественного языка, таким образом, вдруг обнаруживается родственность понятий, обособленных в условиях современной культуры. Презумпция ясности постулирует *открытость мира человеческому освоению*,

оказывается символом утверждения прагматологического, гносеологического и аксиологического оптимизма.

В этом своем значении «ясность» отчетливо выражает рационалистическую тенденцию, ее центральный регулятив - стратегию изречимости. С позиций рационализма универсум изречим - т.е. принципиально открыт попыткам его освоения. Рациональность подразумевает упорядоченность и скрытую гармонию человека и мира, постулирует, что средства освоения мира, коими располагает человек, могут быть вполне эффективны при их рефлексивной проработке [1].

В противоположной, иррациональной тенденции мир скорее хаотичен нежели упорядочен, и поэтому непредсказуем, а наиболее фундаментальные его основания принципиально невыразимы, в своей глубине непостижимы.

Когда Коперник аргументирует гелиоцентрическую концепцию тем, что источнику света «приличествует» занимать центральное место, он верен установкам рациональности, хотя сегодня его довод вопиюще неприемлем с нынешних позиций научной рациональности и как объяснение несостоятелен. Процедура объяснения претерпела существенную метаморфозу. В чем же ее суть ?

Культурно-исторические коллизии природы объяснения

Механизм современного объяснения, если отвлечься от деталей, состоит в следующем. Высказывание « x » о некотором событии x мы полагаем понятным, а само событие x - объясненным, если способны проследить причинно-следственные связи x с областью событий K , считающихся нашими научным сообществом объясненными. « X » ясно индивиду, когда оно может быть приведено имплицитивными рассуждениями (если « x », то « y », а если « y », то « z » и т.д.) ко множеству высказываний « K » об области K и тем самым быть в него включено. Акт понимания x (т.е. принадлежности x -явления множеству K) чаще всего интуитивен и независим от причинно-следственной цепочки условных суждений, приводящих « x » к « K ». Однако *объяснение* достигнутого понимания состоит именно в этой дискуссии. Множество « K », во-первых, как-то упорядочено, т.е. образует некоторую концепцию, и, во-вторых, включает в себя, как минимум, один научный закон. В итоге, в канонах современной науки, объяснение - это *казуально-концептуальная номологическая интерпретация*.

С.И.Ожегов в отличие от В.И.Даля наделяет «ясный» смыслом «логичного», «стройного», «четкого»: имплицитивная развертка приведения « x » к « K » может содержать значительное число звеньев, но должна оставаться безупречно строгой. Сдвиг семантики (за время от Даля - к Ожегову) отражает историческую трансформацию объяснения, которые ныне, таким образом, ориентировано на закон, конкретно-научный и логический. Ранее же объяснение осуществлялось в ориентации на *традицию*.

Из иных общественных установлений традицию, как известно, прежде всего выделяет осуществляемая ею функция преемственности культурных норм. Традиции стабилизируют культуру, придают ей необходимую устойчивость и инерционную силу путем ценностного возвышения (освящения) канонов и органов культуры. Но социальная память живет и в иных формах - например, в

виде идеалов или законов. Многие высокие идеалы нетрадиционны. Со времен Солона закон зачастую противостоит обычаю и традиции, хотя как и они может иметь высокий аксиологический статус. Преобладающей в литературе функционально-целевой подход изучения традиций, как видим, не позволяет выявить специфику традиции с достаточной строгостью, четко отличить ее от обычая. С формальной же стороны сущность традиции видна гораздо отчетливее: она определяется ее *символичностью*.

Ритуал традиции способен передать ценностные смыслы именно по той причине, что он их лишь символизирует, не претендуя на большее. Иные формы общественных установлений - законы, навыки или обычаи всегда в той или иной мере основаны на естественных отношениях вещей, и поэтому используемые ими средства не могут быть произвольны относительно целей. В традиции же отношение целей и средств носит принципиально символический характер.

Процедура объяснения «по традиции» и концепция «традиционной истины» наиболее отчетливы в средневековой культуре. Исторически они исходят из постулата, что весь мир - это гигантская загадка, ребус, подлежащий расшифровке, в всякая вещь - символ, намекающей на свое потаенное истинное основание, предназначение и смысл. Здесь объяснение состоит в поиске ценностного смысла экспланандума, в разгадке тайного значения символов. Так как главные смысложизненные основания в средневековье полагались открытыми человеку догматами веры, то тем самым была априорно задана и система основных символов. Главные магистрали дешифровок были уже прочерчены, новое объяснение так или иначе должно было вписаться в принятый каркас символов. Объяснение отчасти оставалось игрой, решением задачи, ответ на которую уже заранее существовал, но был доступен лишь откровению. Вновь открываемые пути объяснения неизбежно приводили к наезженным колеям, пути в неизвестное возвращали «на круги своя», истина застыла и превратилась в традицию.

Итак, объяснить - значит увидеть символический смысл событий и осуществить такую развертку символа, чтобы вписать неясное в систему ожиданий. Каким же образом этот по своему совершенный круг традиций оказался разомкнутым и объяснение приобрело номологический характер?

Факторы изменения природы объяснения, как ни парадоксально, укоренены в самом бытии традиций. Дело в том, что традиция живет не только на уровне пред-рассудка (а поэтому иногда и негативно оценивается как «предрассудок»), но и рассудка, где уже сопровождается некоторой рефлексией. Рефлексия же неизбежно высвечивает условность и пределы всякой традиции. Здесь норма может быть фиксирована не иначе как на обширном пространстве ее возможных дериваций. Рефлексия разума принципиально неустранима, ибо только искус, опыт и знание отклонений от любого установления способно очертить его границы, придать традиции форму бытия. Нормы без дериваций в культуре не существует. Так рассудочное бытие традиции порождает потенциальные тренды ее изменения.

Заметим, что традиционный и номологический типы объяснения при всей их кардинальной разнице вполне совпадают в одном важном пункте: их процедуры состоят в имплицативном приведении экспланандума к системе ранее объясненного.

Отвлечемся от очевидных различий конститuent принятого эксплананса, от количества и изоэченности связей имплекативных звеньев - в равной мере все это зиджется на инвариантном стремлении поиска, *причинной* (в современной терминологии) зависимости объясняемого явления. Инвариантная имплекативная форма фиксирует логику рассуждений причинно-следственного типа, но она, однако, справедливо и безапелляционно оставляет за формально-логическими пределами содержательную трактовку причины. Между тем процедура объяснения непосредственно зависит именно от интерпретации «причины». Не случайно тема «причины» проходит в ожесточенных дискуссиях через всю толщу истории: от учений о шести причинах в платонизме и четырех в канонах перепатетики, через средневековые компромиссные варианты (оставляющие, впрочем, «творческую» или «целевую» причины «истинными» и «главными»), - к операции отсечения теолого-метафизических аспектов причин Спинозой и Гоббсом («усекновения причин»), и, позже, в классическом естествознании, к установлению синонимичности понятий «полной причины», «силы» и «закона природы». И только теперь, в канонах научной рациональности, мы уверены, что воздействующих на явление факторов может быть много, но что установить причину его возникновения или изменения - это значит найти закон его возникновения или изменения. У многоглавой прежде «причины» ныне остался единственный и строгий лик номоса. Многие и разнообразные торные тропы причинного объяснения зарастают травой забвения, ибо объясняющее движение последние столетия сосредоточено в узкой наезженной колее научного закона.

Более того, инвариантная имплекативная форма вовсе не обязательно и всецело ранее принадлежала именно тому типу рассуждений, которые мы теперь чуть ли не подразумеваемо отождествляем с ней как «причинно-следственные». Объяснение того, что «если x , то y » древние усматривали в партиципации икса и игрека, а средневековые схоласты - в их связывающих «симпатиях», «аллегориях» или «аналогиях», посредством которых только и можно было пояснить действие «причин».

Разнообразные культурно-исторические тренды объяснения, таким образом, формируются из единого основания: они сопряжены с инвариантной и рационалистической установкой изречимости универсума, его принципиальной открытости попыткам освоения человеком. Мир и человек образуют потаенную гармонию, под зыбким хаосом бытия скрыто некое твердое основание его упорядоченности. Иначе мир необъясним, и человеку дан жалкий удел - оставаться в плену иллюзий, слепоты и отверженности. Проникновение же к тайнам упорядоченности, однако, осуществляется в культурах по самым разным каналам, включая ныне экзотические и странные. Объясняющий эффективный ход может быть ориентирован на номос либо на традицию, а имплекативные объясняющие шаги - иметь в качестве обоснования конкурирующие трактовки причины, подразумеваемую онтологическую мощь аналогий и аллегорий, глубокое таинство симпатий и даже логическую парадоксальность партиципации. Отследить конкретно-исторические сочетания и воплощения подобных конститuent

объяснения - это и значит реконструировать какую-то существенную часть причудливой и неистощимой на сюрпризы кроны дерева познания.

Обращаясь к методологическим истокам ветвления когнитивности, следует также отметить в качестве первостепенно важной идею о том, что любая культурная норма невозможна без дериваций. Мы опирались на эту идею в только что проведенном кратком анализе бытия традиции. Но она заслуживает гораздо менее белого и более разностороннего обсуждения. Ибо ею, скорее всего, «схвачена» глубинная суть бифуркационных процессов культуры, угадан один из живительных истоков ветвления когнитивный трендов.

Плюрализм интервалов дериваций

Как известно, идея отличается от, скажем, принципа или закона своей полиморфностью - способностью принимать разные формы сообразно контексту, где она востребована. Подобно мифическому Протею, облик идей раздроблен калейдоскопичностью бесчисленных метаморфоз. Идеи живут на широчайшем диапазоне возможных формулировок, образов и даже переживаний. В случаях, когда идея легко вписывается в контекст, восполняя его гармонию, она получает яркое и щедрое воплощение. Но если та же идея уже востребована, однако в данном контексте еще «чужая» или вообще вступает в противоречия с его элементами, то, конечно, ее воплощения сплошь и рядом скрыты, невняты и мимолетны. Иногда ее приходится специально искать, распознавая под искаженными в мимикрии формами - в них она прячется, чтобы не быть в своей дерзостной полноте обнаруженной и изгнанной.

Мы озаглавили заключительную часть настоящей статьи непривычным для читателя словосочетанием дабы обратить внимание на полиморфность обсуждаемой идеи, на ее непростые коллизии в разных культурных контекстах.

В Новое время плюралистическая идея деривационного «размытия» универсальных норм восходит к некомпетентности второразрядного философа Х.Вольфа. В начале XVIII века уже ясно обозначилась научная стратегия универсальности миропонимания, успешного поиска единого основания многообразия событий и явлений. Вопреки ей, Х.Вольф априорно отстаивал введенным им термином «плюрализм» архаичный натурфилософский принцип множественности разнородных начал бытия. Только реконструируя эту множественность, полагал он, можно надеяться постичь «мир сотворенный» - природу.

Такая позиция для «энтузиастов натуральной философии» оправдано была нонсенсом, не относящейся к делу фантазией и спекуляцией. Но она же совсем иначе, в качестве подразумеваемой несомненности, воспринималась культурологами. Только, конечно, по отношению к «миру творимому» - миру культуры. Искусственный мир артефактов - вот предмет новой онтологии, где уникальность неустранима, где множественность и плюрализм необходимы и нормальны. Выросшая на меже плодоносного поля научной рациональности Нового времени среди прочего вредоносного бурьяна, идея плюрализма проросла в культурологии и там дала замечательные плоды.

Ценность ее с ходом истории становилась все заметнее. На рубеже XXI века понята несостоятельность линейных схематик развития культуры и торжествует принцип мультикультурализма. В поисках оптимальных форм социальности мы пришли к образцам либерально-демократической толерантности, к концепции Прав человека и в том числе к правам меньшинства, к притягательности труднодостижимого консенсуса и к праву личности на инакомыслие. Вполне конструктивно и уместно считать общество состоящим из уникальных личностей, видеть в политике соотношение интересов множественных социальных групп, или представлять социальный институт науки соперничающими школами и конкурирующими направлениями. Все эти и многие иные тривиальные сегодня положения имеют основанием идею множественности начал культуры.

Как, однако, складывались коллизии идеи, которую нам пока удобнее именовать «плюралистической», в феноменологии и гносеологии ?

Камнем преткновения на пути ее вживления здесь, конечно, является успешная с Нового времени универалистская стратегия изучения природы. Мы устремлены к истине как к некой единственной естественной необходимости и именно эта ее объективность подстерегает и в итоге строго выявляет допущенные нами ошибки и заблуждения когнитивного поиска. Если истина действительно объективна, то она только одна: об одном и том же, как утверждал еще Аристотель, не может быть нескольких истин. Не случайно прямолинейно-поверхностное применение идеи плюрализма в гносеологии - концепция множественности истин ярко и открыто противостоит принципу объективности истины.

Другое дело - «правда»: она свободна от лукавства и неискренности, однако правдивые отчеты разных людей об одном и том же событии обычно различаются существенным образом. Человек описывает событие именно с той определенной конкретной позиции, в которой он был вовлечен в это событие. Его правдивый рассказ может передать только один из многих «интервалов» данного события. Более того, рассказывая о своем участии в нем, он вне зависимости от собственных намерений уже лексическим отбором сопрягает объективное описание с субъективной его оценкой. Поэтому «правд», в отличии от объективной истины, всегда много. И если, как это принято в науке, удастся минимизировать аксиологическую компоненту речи или хотя бы ясно отделить ее от фактов, то, спрашивается, разве то, что говорит и вообще способен сказать ученый, может быть чем-то большим, чем правда?

«Правда», однако, понятие не очень-то философское, не удостоенное академической тоги «категории». Его место - где-то на обочине, на стыке областей психологии, морали и суггестии, но отнюдь не в уважаемой гносеологии. Ортодоксальный философ на наш риторический вопрос ответит снисходительно и твердо: «Да. Ученый не только правдив, он достигает гораздо большего - истины». И далее разъяснит диалектику абсолютного и относительного в истине, напомнит, что занимающее наше внимание реальное плюралистическое многообразие научных гипотез или конкурирующих парадигм связано с культурно-исторической ограниченностью познающего субъекта. проистекает от сопутствующих

когнитивному поиску заблуждений и обречено накоплением «зерен» абсолютной истины на закономерное измельчание и затухание.

В традиционной трактовке перехода от относительного к абсолютному, в концепции единственности объективной истины, плюрализму, таким образом, отводится незавидная роль: здесь он скорее предмет преодоления, чем конструктивная сила. Но сводится ли к этому его действительное значение в когнитивных процессах?

Среди многих впечатляющих результатов науки XX века два из них вот уже более полувека находятся в фокусе методологической дискуссии: «дополнительность» корпускулярного и волнового способов описания квантовомеханических объектов (Н.Бор) и теоремы К.Гёделя о неполноте и возможной противоречивости аксиоматик дедуктивных систем. Попытки поставить их под сомнение (начатые в отношении квантовой механики еще великим Эйнштейном) оказались несостоятельными. Идеологически-софистические попытки блокирования - безуспешными. Методологический контекст этих результатов настолько глубок и проблематика столь остра, что ни игнорировать их, ни ассимилировать в гносеологии, ориентированной на высшую ценность единственной объективной истины, невозможно. Одним из первых это мужественно признал Р.Рорти и, следуя логике, согласно которой лучшее средство от перхоти есть гильотина, в итоге получил известность могильщика гносеологии [2]. Другие авторы, начиная от П. Фейербенда [3], строят анархические эпистемологии, так или иначе сопряженные с обязательной иррациональностью субъекта познания: если здесь и можно говорить об истине, то уж отнюдь не как о характеристике человеческого знания. Мощное веяние идеи плюрализма, которую несут результаты Н.Бора и Г.Гёделя, как видим, способно привести к мыслям о несостоятельности и отказе от ядра философии, коим с Нового времени является теория познания, к «смерти гносеологии», либо к никогда не существовавшему в культуре человеку, из которого начисто изъято рациональное начало. Эти шокирующие концепции исходят из основания, которое по-своему логично, но, по нашему мнению, деструктивно.

Между тем, известны и конструктивные подходы к преодолению парадокса совмещения идей истины и плюрализма.

«Естественноисторическая» гносеология М.К.Мамардашвили [4] исходит из принципа, согласно которому действительность шире любой описывающей ее системы, что доказано теоремой неполноты дедуктивных систем Г.Гёделя и из чего следует, что адекватное описание любого реального объекта возможно по меньшей мере в двух противоположных и дополнительных системах описания. Концепция «интервального подхода» Ф.В.Лазарева [5] характерна постулированием принципиально неустранимой многомерности бытия и процессов его постижения, признанием дополнительной разных интервалов существования вещей и абстракций, постановкой задачи уточнения границ применения абстракций, вне которых данные абстракции необоснованны и правомерны совсем иные.

Такие новые, «постнеклассические» (В.С.Степин) модели когнитивности лишь на первый и поверхностный взгляд противостоят философской гносеологической

традиции, восходящей от Аристотеля, Платона и Сократа. Тогда удалось обуздать анархический плюрализм софистов, восстановить правомерность и святость «общего», не утратив ценностей индивидуального и уникального. Сегодня мы преодолеваем похожий вызов в поиске конструктивного компромисса идей истины и плюрализма. Наиболее прочно и глубоко нынешний гносеологический поиск укоренен в традициях феноменологии и семиотики.

Один из ключевых терминов феноменологии - «интенциональность» при всех различиях его трактовок (Н.Брентано, Э.Гуссерль, Ж.-П. Сартр и др.) означает и обосновывает неустранимую множественность смыслов, а также возможность их дистанцирования от предметов, значения которых мы постигаем. Предметность имманентна сознанию, но «горизонты» и «потoki» ее смыслов многообразны. Психическая реальность и мир нераздельны, но несводимы. Предметом исследования является *связь*: смыслов друг с другом, мира и психики.

Идеальное, как видим, не может не быть плюралистичным. Кроме того, в логическом контексте, оно является отнюдь не предметом, а связью, отношением. В отличие от материального мира, где любые отношения подчинены законам сохранения, в мире идеального, царит презумпция *несохранения*. Ментальное не может сохраняться: оно либо приращивается, обогащается, либо подвергается эрозии, распаду. Когда материальные системы обмениваются, например, энергией, то энергетический уровень одной возрастает ровно настолько, насколько понизится уровень другой. Даже если часть энергии вынужденно утрачена, мы в состоянии учесть эти потери именно потому, что общее количество энергии остается без изменений. В случае же обмена идеями повышаются информационные уровни обеих систем.

Характер притчи носит история о том, что когда два человека обмениваются яблоками, то у них остается по одному яблоку, но когда они обмениваются идеями, то у каждого оказывается по две идеи. Незатейливая эта история имеет глубокий смысл. Как правило, она, однако, до сих пор остается на обочине гносеологической рефлексии, хотя и сопряжен с фундаментальными презумпциями информатики и семиотики.

Передача энергии неизбежно сопровождается ее потерями и ростом энтропии. Передача же информации приводит к ее увеличению, росту упорядоченности. Количество информации пропорционально интенсивности ее движения. Отсутствие информационного тока, замкнутость идеальной системы порождает ее эрозию. В нас «встроен» замечательный «механизм», который препятствует этому «остенению и гибели ментальности. Эрозии человеческого духа эффективно противостоит коннотативное устройство языка.

Согласно распространенной в лингвистике «вероятностной модели языка», методологический и культурный контекст которой одним из первых в отечественной литературе исследовал В.В.Налимов [6], всякое слово характерно следствием не совпадающих значений, «коннотаций». Одни из них употребляются чаще, другие реже. Та или иная ограниченная и застывшая совокупность коннотативных означающих, по Р.Барту, определяет латентный идеологический уровень дискурса, который является ни чем иным, как мифом. Чтобы отдельные

значения не стирались из употребления и памяти, нужны систематические языковые игры: в них слова включаются в новый или почти забытый контекст, оживляющий исчезающие их значения. Если играть не с кем или не хочется, то отсутствие информационных контактов с иными идеальными системами быстро приводит к усыханию семейства значений, и даже его стягиванию к единственному смыслу, продуцируемому неизменным контекстом. Живая полифоничность превращается в не ведающий сомнений миф или в сухой термин, плодотворная полиморфная идея - в застывшую догму. Когда уничтожается плюрализм смыслов, язык лишается метафоричности, а утрата этого замечательного свойства языка делает его неспособным к освоению нового. Так естественный язык рискует стать чересчур жестким, подобно языку биологического кода способным только к воспроизводству, репродуцированию, но не к творчеству. Информирование превращается в диктат и указание, проблемы исчезают, вопросы ставятся только риторические. Повествование сменяется побуждением, плодотворные проекты уступают место заклинаниям и призывам. Открытость миру сменяется оглуляющей самоуверенностью приказа.

Примеры такого иссушенного состояния языка мы часто наблюдаем: в идеологической лексике, в текстах военных уставов или в стилистике концепции закрытого информационного пространства государства. В том-то и дело: информационное пространство не может быть закрытым - в противном случае оно становится дезинформационным, идеолог глух к мнению оппонента - иначе он отступник и предатель, а солдату надлежит выполнять приказ, а не обсуждать его, ибо армия - «это Вам не дискуссионный клуб». Культура всегда включает в себя подобные коннотативно обедненные институциональные тексты, но только в качестве фрагмента, своей скупой очерченной части, вне которой лежат плюралистические истоки ее жизнеспособности и развития.

Существовать для ментальностей культуры или психики человека, для направления в живописи или научной школы, словом, для всякой идеальной системы - это значит развиваться, быть разомкнутой для информационного обмена, для языковых игр. Множественность позиций, наличие оппозиций необходимы и естественны как нормальные условия поддержания жизнеспособности и роста таких систем. Отказ от плюрализма, ограничение коннотативных поисков, стремление к замкнутости и унификации, подавление лепета фантазии и дерзости инакомыслия приводит к ригидности идеальных систем, их эрозии и в конечном счете к уходу в небытие.

Прежде чем продолжить обсуждение традицией и результатов семиотического подхода к культуре, антропологии, феноменологии и гносеологии, обратим внимание, что высказанные представления о существовании идеальных систем обнаруживают сильную корреляцию с бытием систем материальных. Мы не имеем здесь ввиду так называемый «диалектический принцип развития всего сущего»: его уместность здесь очевидна, но среди накопленных в философии спекуляций нетрудно отыскать и ему противоположный. Речь идет о совпадениях с результатами конкретными.

Уже фундаментальное понятие теории эволюции - *цефализация* - означает, что развитие живого с необходимостью осуществляется посредством колоссального

разнообразия соперничающих и образующих симбиозы структур. В.И.Вернадский доказательно распространяет свойство *полиморфности* на биосферу, ноосферу, на весь универсум бытия. Особенно впечатляет, наконец, корреляции с идеями и принципами синергетики, которыми к концу XX века сконструирован новый и непривычный образ мира. В нем нет места чистой и универсальной необходимости, существование синонимично усложнению и дифференциации, там нас подстерегают неисчислимы сюрпризы, множественные состояния мира ветвятся и даже хаос конструктивен. Он принципиально плюралистичен, этот странный мир синергетики, который уже сейчас демонстрирует свою способность стать методологической опорой науки XXI века.

Среди предположений о причине этой корреляции, на наш взгляд, заслуживает предпочтения идея об информационной природе любых систем, как идеальных, так и материальных. Она тривиальна в отношении систем идеальных, но требует серьезных конкретнонаучных исследований в отношении систем материальных. При их явной недостаточности пока на этот счет, к сожалению, превалируют спекуляции.

Так или иначе, несомненно то, что возникшая с появлением науки классическая *стратегема* унифицированного мирообъяснения, элементаризма развитием науки XX века существенно ограничена и к началу XXI века им почти вытеснена. Как оказалось, даже математизированные теории со строгой аксиоматикой не могут быть безупречны. Теоремы Гёделя доказывают неправомочность прежних формалистических претензий, обнаруживают неустранимую незамкнутость «самого замкнутого», возможную противоречивость наиболее строгого, неоднозначность точнейшего. Как и дополнительность квантово-механического описания, эти результаты общего свойства: они манифестируют неизбежно-плюралистическое устройство любого языка, на котором мы способны говорить о мире и о самих себе, дополнительный характер любых наших установлений.

Никакое правило не может быть создано, обосновано и применено нами, если мы не знаем отклонений от него, иных, альтернативных правил. *Норма без деривации не существует.* Сами границы, определенность нормы конструированы отклонениями от нее. В отношении многих самых важных вещей, как это ведется от И.Канта, человеку предпочтительно руководствоваться *максимами*, которые отличаются от правил своей открытостью - бесконечностью процесса и множественностью процедур достижения. Эпикурейская философия была пронизана идеей бесперспективности абсолютной регламентации личности, потому что даже атом отнюдь не «завершен», пока в нем не проявились определенные отклонения. Стандарт плюс отклонение - такова формула культуры, которая не знает сохранения, формула жизни, над колыбелью которой все время вьется цефализирующий бес мутационного еретизма, формула языка, которым прежде всего мы фиксируем аномалии и ненормативные явления [7]. Именно отклонения от привычных событий и стереотипов побуждают к коммуникации, формируют лексическую семантику, стимулируют поиск причинных зависимостей, любознательность и науку.

Идея плюрализма, как всякая плодотворная идея, принимает разные формы и легко проникает сквозь установленные нами перегородки отраслей

рефлексирующего знания. Чем больше таких «пронизывающих» идей, тем яснее условность ограничений, эфемерность и невсамделишность игры в изоляционизм.

Философия языка, например, привычно и продуктивно составляет основу наиболее популярных культурологических концепций. Так, согласно М.Фуко, культура любого периода есть сумма «дискурсов» или, по Ж.Деррида, - «текстов»: В.Лейч полагает весь мир «космической библиотекой», а У.Эко - «словарем» и «энциклопедией».

Семиотический подход к бытию и его постижению имеет давние традиции. Когда Стивен Джеймс Джойса, предвосхищая научный поиск второй половины XX века, говорит: «Я здесь, чтобы прочесть отметы сути вещей» [8], он буквально (в оригинале вместо «отметы сути» - signatures) повторяет Я.Беме и десятки других мыслителей схолии, устремленных к «сигнатуре вещей». Ушедшее было средневековое прочтение мира как Божьей фразы в Новое время возвращается убеждением Дж.Вико или И.Гердера, что культура начинается с языка, и, как показывают Ч.Моррис, К.Леви-Строс, Б.Успенский, С.Пекарчик, Ю.Степанов и многие другие, она вообще есть ни что иное как знаковая система. Ф.Шиллер и Ф.Ницше стремятся раскрыть семиотическую специфику культуры изучением художественной стилистики, Ю.Лотман - анализом механизмов текстопорождения. А.Моль - структурированием интеллектуальной памяти, К.Юнг и Л.Уайт - исследованием особенностей употребления символов.

Чуть более детальное рассмотрение причин успешности семиотического подхода к культуре во многих случаях обнаруживает первостепенность принимаемых исследователями принципов плюралистического толка. Ю.С.Степанов, например, вслед за Б.А.Успенским, говорит о «двуипостасности» русской культуры, о «двоеверии» и «культурном билингвизме», которые Ю.М.Лотман уже четверть века назад считал универсальными для всякой культуры, ибо только так, своей «стереоскопичностью» культура компенсирует неполноту знаний о мире.

Можно ли пытаться развивать современную эпистемологию без учета реальной взаимозависимости между сенсорно-перцептивными априориями человека и его лингвистическими возможностями? Известная как гипотеза Сепира-Уорфа эта установленная теперь и эмпирически зависимость, по мнению Л. Витгенштейна, является причиной, по которой невозможно никакое точное и единственно достоверное непосредственное описание мира. Можно лишь создать строгий метаязык «вторичного моделирования» (Ю.М.Лотман и др.), на котором в поисках латентных и аутентичных смыслов анализу подвергается модель мира, описанная «предметным» языком (модель «смысл-текст» Ю.Д.Апресяна и др.). Вообще, всякий дискурс и текст отличны от реальности главным образом прагматически, а не онтологически: ибо текст - всегда есть сигнал, воплощенный в предметах реальности. В то же время он «интенционален» - т.е. не существует без воспринимающего сознания (Р.Ингардан), а реальность - «диспозициональна», как это известно со времен логического позитивизма, нашим операциональным и лингвистическим возможностям. В настоящее время нельзя не признать: любой контекст, открывающий возможность подразумевать «реальность», переживать ее и что-то говорить о ней в значительной мере определен «глубинной грамматикой»

естественного языка, сопряженного с «протофенами» культуры (Л.Витгенштейн, П.Стросон и мн. др.) На этих идеях М.К.Мамардашвили и строит свою естественно-историческую гносеологию [9] как «метатеорию сознания» [10]. Так гносеология в сущностном сочленении с феноменологией и семиотикой культуры получает мощный конструктивный импульс развития.

Мир артефактов без множественности, бытие и познание вне плюрализма - это архаичная и грубая схема, примитивизм которой сегодня деструктивен. Другое дело, что и эта тощая абстракция на практике, увы, весьма живуча: прелесть, коей имплицитно обладает всякий примитив, вдруг получает преобладание, и человек, оказавшись в ситуации, когда налицо разные точки зрения, зачастую отстаивает свою позицию средствами, далекими от существа холизма, стереоскопичности или интервальности. Плюрализму еще только предстоит стать действительным началом гносеологии и нормой жизни. Но именно коннотации языка и околонормативные деривации составляют скрытый живительный исток удивительных и эффективных метаморфоз вещей и слов, идей и существ, хитроветвлений троп бытия и древа познания.

Список литературы

1. Шоркин А.Д. Рациональность как мироотношение // Ученые записки КИЭХП. - Симферополь: Амена, 1997. - Вып. № 1. - С. 87-96.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы: Пер. с англ. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. - 320 с.
3. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1986. - 542 с.
4. Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 304 с.
5. Кураев В.К., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. - М.: Наука, 1988. - 240 с.
6. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. - М.: Наука, 1974. - 217 с.
7. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. - 1987. - № 3. - С. 3-19.
8. Джойс Дж. Улисс: Пер. с англ. - М.: Республика, 1993. - С. 31.
9. См. Калина Н.Ф., Черный Е.В., Шоркин А.Д. Лики ментальности и поле политики. - К.: Агропромиздат Украины, 1999. - С. 60-61.
10. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. - М.: Языки русской культуры, 1997. - 224 с.

Анотація

У статті ставляться проблеми побудови "дерева пізнання", яким було б позначено й упорядковано плінне, заплутане та різноманітне культурно-історичне розмаїття когнітивних форм та спрямувань. Обговорюються дві теми: колізії природі пояснення, а також породжуючи методологічні витoki когнітивного розмаїття.

Summary

This article is connected with the problem of construction of a "cognition tree", in which current, confused and variable cultural-historical diversity of cognitive forms and aspirations would be defined and regulated. Two subjects – collisions of nature of explanation and rising methodological source of cognitive diversity – are discussed.

УДК 165.61

ПАРАДОКС АБСТРАКЦИИ И ИНТЕРВАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Николко В. Н.

Определяются парадоксы абстракции. Выход – в толковании абстракции как выделения предмета в “чистом” виде. Затрагиваются вопросы истории исследования категории абстрактное.

Ключевые слова: абстракция, интервал абстракции, парадокс.

Суть парадокса состоит в следующем – мышление есть оперирование понятиями, а понятия есть абстракция, т.е. нечто отвлеченное, отдаленное от реальности, которая служит предметом мышления. Далее: все мыслительные действия, как бы они не осуществлялись, происходят в понятиях и понятиями заканчиваются. Остается неясным, как выйти на конкретное. Путь от абстрактного к конкретному всегда заканчивается абстрактным и выхода из тупика не наблюдается.

Самая изощренная диалектическая казуистика не справилась и не могла справиться с этим тяжелым познавательным курьезом.

Во многом парадокс абстракции похож на парадокс идеального: сначала из сознания начисто вычищают материальное. То, что остается, называют идеальным, а затем мучительно ищут пути от идеального к материальному.

В рамках марксистской философии появилось (в связи с упомянутыми парадоксами) множество проблем – проблем для марксистской гносеологии (но не гносеологии вообще): проблема связи мозга и мышления, языка и мышления и т.д.

Чтобы не создавалось представления, что я как-то оговариваю марксистскую гносеологию, обратимся к «Философской энциклопедии», (т.1, 1960 г., С. 12-16), к статье «Абстракция», написанную по частям Э. Ильенковым, Д. Горским, А. Спиркиным и Б. Шенкотеном. читаем: «Абстракция, абстрактное (от лат. Abstractis – отвлечение), - один из моментов процесса познания, который заключается в мысленном отвлечении от ряда несущественных свойств, связей изучаемого предмета и выделении основных, общих его свойств, связей и отношений. Результатом А являются понятия, категории, например, материя и т.д. (с.12 указанного источника). Э. Ильенков, чувствуя гибельность для гносеологии отождествления понятий и абстракций пытается диалектически спасти ситуацию, объявляя абстрактное моментом, стороной, фрагментом конкретного. Мышление и понятие «абстрактны» лишь в их оторванности, отхода познания, в целом, от практики, от предметной действительности. Абстрактное в мышлении представляет собой лишь исчезающий момент...» и т.д. (с. 12-13 упомянутого источника).

Но все эти диалектические выкрутасы – лишь иллюзия. Если понятие и мышление – абстракции, то, как ни крути, они и в Африке останутся абстракциями.

Ясно, что нужны были новые подходы в определении абстрактного. И они появились. Их авторами стали молодые философы, не зараженные марксистской ортодоксией. В конце 60-х годов молодой тогда Ф.В. Лазарев выступил с серией публикаций по абстракциям. В 1970 году мной в Уральском государственном

университете, публикуется статья «Абстрактное и конкретное в естественно-научном эксперименте».

В упомянутой статье, эксперимент определялся в соответствии с тем, как он выступает в физике – как целенаправленная предметная активность по выделению в «чистом» виде объекта «экспериментирования». Разъяснялось «в чистом виде» - это значит в максимально изолированном от влияния побочных факторов, искажающих суть исследуемого предмета. Обращалось внимание – всякий предмет имеет точность изоляций. Но, самое главное, абстрагирование отождествлялось с «выделением в чистом виде», переставало быть только мысленной операцией, обретало точность. Соответственно, абстракцией оказывалась не мысль, не отражение реальности, а сама изолированная действительность. Абстракция – это предмет «в чистом виде», сам по себе. Человек давал имена этим абстракциям. Группы таких имен составляли понятия, поэтому понятие в самой основе было конкретно. А как быть с мысленным абстрагированием? Оно остается, но носит функционально более низкий статус. Конечно, нельзя свойство оторвать от предмета, но мысленно - можно.

Следует заметить, что я в дальнейшем, уже не исследовал специально категорию абстрактного. Это не стало, в отличие от Ф.В. Лазарева, делом моей жизни. Ф.В. Лазарев «пошел дальше». А «идти дальше» – означает все остальное в гносеологии, онтологии, социологии и других философских дисциплинах. Рассматривать с точки зрения абстрагирования как экспериментального выделения или поиска (наблюдения) предмета исследования в максимально чистом виде. И здесь обнаруживаются любопытные результаты. Остановлюсь на одном важном для интервальной методологии факте.

Вопрос: сколько и как долго можно абстрагировать предмет. В классическом естествознании (до доинтервальной методологии) – ответ ясен – до бесконечности.

Ситуация в квантовой физике обнаружила границы абстрагирования, причем, в важном месте – пространственно-временной изоляции предмета. Абстрагирование перестало быть абсолютным – а только условным. Если Вы хотите абстрагировать, т.е. выделить пространственные характеристики максимально полно (это возможно), но при условии полнейшего бесконтроля кинетических характеристик предмета. В микромире это важно.

Возникает идея относительности абстрагирования, идея интервальности абстрагирования.

Затем осталось перелопатить всю философию, естествознание, историю в контексте интервальной методологии. Чем многие годы и занимался Ф.В. Лазарев.

Отмечу, в заключении, интервальная методология, конечно же, не является панацеей от всех бед, как это иногда представляется в выступлениях автора интервального подхода.

Анотація

Ніколко В.М. Парадокс абстракцій та інтервальний метод його подолання

Визначаються парадокси абстракції. Вихід - у тлумаченні абстракції як виділення предмета у "чистому" вигляді. Розглядаються питання історії дослідження категорії абстрактності.

Summary

Nikilko V. N. Paradox of abstraction and interval method of its overcoming

The paradoxes of abstraction are defined. An output - in interpretation of abstraction as allocation of a subject in "a pure V" sense. The questions of history of research of a category abstractnats are mentioned.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЛОГИКИ

Николко В. Н.

Ставится риторический вопрос - необходим ли для каждой науки эмпирический уровень? Определяются контуры эмпирических основ логики.

Ключевые слова: логика, эмпирический уровень, предмет.

Зададим несколько риторических вопросов:

- всякая ли наука должна предъявлять обществу эмпирический базис?
- все ли «науки», признаваемые сейчас таковыми, могут выделить в своей структуре эмпирический уровень?
- все ли науки обязаны иметь эмпирический уровень?

Позитивное обсуждение указанных вопросов применительно к логике является целью предлагаемой работы.

Бытует мнение, что логика теоретична по своему существу, относится к абстрактным дисциплинам и, вследствие этого, не имеет никакого эмпирического уровня, лишена наблюдения, измерения, и тем более экспериментирования. Подобное ее толкование восходит к «отцу» логики – Аристотелю. Как известно, в классификации наук у Аристотеля логика (под именем «Аналитика») занимает первую строку в группе дисциплин «Теоретическая философия», куда, помимо «Аналитики», Аристотель поместил физику, математику и метафизику. Практическую философию, по мнению, Аристотеля, составляют этика экономика и политика.

Теоретический характер той или иной дисциплины не предполагает предметного вмешательства в изучаемый объект. Самое большее, что допускается – это наблюдение его, что, по мнению Аристотеля, не может нарушить ход изучаемых явлений самих по себе. В практической философии все напротив.

Введем определения. Будем говорить, что научная дисциплина *X* имеет эмпирический уровень, если:

- ее объектные и предметные единицы наблюдаемы (осязаемы или чувственно воспринимаемы в некоторой форме или переживаемы) сами по себе, а не в их следствиях, истечениях, действиях;
- если с объектными и предметными единицами науки *X* можно предметно оперировать – переставлять, заменять, убирать и т. п. вплоть до экспериментирования.

Повторяюсь: для большинства исторически существовавших толкований логики (я их называю условно метафизическими), логика принципиально неэмпирична в указанном смысле. Идею, мысль как предметные единицы логики, по мнению метафизиков, нельзя видеть, осознать, чувствовать. Они не даны нам вовне. Никто не видел треугольника вообще. Диоген может искать человека сколь угодно долго и тщетно, потому что «человек вообще» среди плотских людей отсутствует. Согласно метафизике (в условном смысле), эмпиричны не сами по себе предметные единицы логики, а их проявления – слова, предложения, тексты,

действия людей. Вспомним Г. Фреге, для которого слово – чувственная оболочка мысли; К. Маркса, для которого речь – непосредственная действительность мысли. Вспомним, наконец, Платона и его мир идей, который вынесен за пределы реального, плотского человека и его окружения.

На самом деле, логика по своему существу эмпирична, экспериментальна в том же смысле, в каком экспериментальны физика, химия, биология. Все измышления об идеальности ее предмета излишни, не дают никакого материала и импульса для ее развития, служат лишь для достижения ее авторами некоторых целей, лежащих всецело вне логики. Вместе с тем в логике есть теоретический уровень в том же смысле, в каком теоретический уровень существует, скажем, в физике.

Во имя сохранения логики как науки, имеющей полноценные эмпирический и теоретический уровни, важно очищение логики от различных идеологических наслоений, превращающих ее, если не в искусство, то в часть философии сомнительной репутации.

Отмечу, очистительный, редукционный процесс логики осуществляется в истории логики постоянно. Достаточно вспомнить спор номиналистов и реалистов. Номиналисты считали элементами логики слова, предложения, конструкции слов и предложений – выводы и доказательства. Для обучения правилам мышления они не нуждались в «идеальных», незримых сущностях – идеях и мыслях, а если использовали эти термины, то видели в них исключительно номиналистическое содержание.

В борьбе за логику как полноценную науку важно представить ее содержание в форме, имеющей эмпирический базис в указанном в начале статьи смысле. Ниже дается также форма.

1. Логика есть наука о мышлении. Мышление людей, в чистом виде, есть ничто иное, как решение задач посредством речи. Точнее, основной вид мышления, изучая опыт логики, есть речевое решение задач, а в конечном случае – речь.

2. Объектом логики как науки служит речь – осязаемая (в случае дактильной), воспринимаемая на слух (в случае устной речи) или видимое (письменная речь) или переживаемая (в случае внутренней речи) сущность. С указанными объективными единицами логики субъект мышления может (в известных рамках) оперировать, образовывать конфигурации, а, значит, и экспериментировать.

3. Предметом логики как науки служат логические схемы речи. Примером такой схемы служат следующие письменные конструкции «Все ... есть ...», или «если а, то b» и т. д., то есть опять-таки зримые или осязаемые, или слышимые элементы реальности, которые можно стирать резинкой или тряпкой, записывать, вписывать, выстраивать в столбик, в строчку, повторять достаточное число раз. Логические схемы письменной речи – это обычные графы, то есть следы мела, или карандаша, ручки на некоторой поверхности. Это физические тела с механическими, химическими свойствами.

4. Логические схемы речи отделимы от лексических и грамматических схем речи, изучаемых в цикле филологических наук. Особенность логических схем речи – их наднациональность: мыслят на всех языках одинаково, по одним и тем же

логическим схемам речи. Выделить общие, универсальные схемы можно. Эта трудоемкая работа выполнена логиками и настолько развита, что осуществима даже студентами, после некоторых специальных упражнений.

5. В соответствии с вышесказанным эмпирическим уровнем логики следует признать опыт переживания или восприятия логических схем, интуиции, логических структур и способность оперировать с ними, описание, коллекционирование по внешним признакам схем речи, опыт их формулировок.

6. Теоретическим уровнем логики целесообразно считать (с этим согласно большинство современных формальных логиков) организацию множеств логических схем речи в исчисления. При этом под исчислением принято понимать такие множества схем, в которых есть простые и сложные схемы, сложные строятся из простых по системе «алфавит – слово – предложение – текст». В исчислении, помимо правил образования из алфавитных единиц слов (и т.д.), даются правила преобразования одних групп схем речи в другие. На теоретическом уровне уместна аксиоматизация отдельных исчислений.

7. Логика является одной из редких, которая обладает реальным мегатеоретическим уровнем. На мегатеоретическом уровне решаются проблемы взаимосвязи отдельных исчислений логики, проблемы простоты, независимости полноты аксиоматик, проблемы их переводимости, непротиворечивости, выполнимости.

При таком подходе к существу логики становится ясным, что те или иные частные логики, скажем, - классическая традиционная или современная, логика высказываний, интуиционистская, логика классов и т. п. – не что иное как более или менее удобные разной емкости и систематизации объекты по хранению логических схем речи.

Хочу рассмотреть эксперимент под названием «логика конструктивная».

Основная проблема эксперимента – что произойдет, если в классической логике убрать принцип исключенного третьего и принцип двойного отрицания; при этом выводимость дизъюнкции ($x \vee y$) трактовать как выводимость x или выводимость y (на уровне исчисления высказываний)? От каких схем речи придется избавиться? Что этим достигнем.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: предметные единицы логики – схемы или части схем речи – можно пересчитывать, собирать в классы, как это делается с мячиками разной величины

Особенность и трудность работы с логическими предметными единицами состоит в том, что из них по правилам конструирования можно строить логические блоки сколько угодно большой величины. Никто не ограничивает никого, например, можно строить импликацию из элементов двух типов А, В, но сколь угодно длинную

$(\dots(((A \rightarrow B) \rightarrow B) \rightarrow B) \rightarrow B) \rightarrow B \dots$

В строительстве домов из блоков даже одного типа можно строить дома с незаконченным числом подъездов.

(?)Хранилища логических схем комбинаций и конструкций из них.

Прозрачен аналитико- синтетический комплекс действий в логике. Анализ – это членение(?) логической схемы на составляющие. Берем, к примеру, схему высказывания «Все люди смертны», то есть «все s суть p», или Asp. Очевидны элементы этой схемы: A – заглавная буква латинского алфавита, то есть след черным на бумаге определенной, (а именно, A–формы), имеющая значение «все ... суть...»; s, p – строчные буквы того же алфавита, вместо которых можно подставлять любые значимые слова. Синтетическим образованием или конструкцией, являются, например, схема классического силлогизма (модус AAA):

Все m суть p

Все s суть m

Все s суть p

Понятна суть эксперимента в логике. Привожу пример. Что будет если поменять местами s и p в схеме «все s суть p»? Какова будет речь по полученной (?) схеме в результате эксперимента? Будет ли она истинной, потеряет ли свойства, какие и т. д.?

Но там этим не занимаются, понимая абсурдность занятия. В логике этого не делают. Некоторые, вслед за математиками отчаиваются(?) исследовать бесконечное количество логических схем одного качества. В этом случае авторы выходят за пределы даже мыслительного контроля за своими действиями. Так в логике появляется мифология.

x x x x x x

Физика и логика одновременно стартовали в трудах Аристотеля как теоретические дисциплины. Для превращения физики в подлинную науку, то есть с экспериментальным базисом, потребовалось 2000 лет. XX век – век окончательного формирования логики как науки с естественным, зримым, подвергаемым воздействию людей, предметом.

Анотація

Ніколко В.М. Емпіричний характер логіки.

Ставиться риторичне запитання -- чи необхідний для кожної науки емпіричний рівень? Визначаються контури емпіричних основ логіки.

УДК 94(477):271

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ В КРЫМУ В 1929-1930 ГОДАХ

Катунин Ю.А.

В статье показаны психологические и идеологические аспекты борьбы с религией, которые использовались государством в 20 и 30-е годы XX века в СССР при закрытии православных храмов на территории Крыма.

Ключевые слова: религиозная община. «крестовый поход». собрания «трудящихся», КрымЦИК.

В 1929 году в СССР начался новый период во взаимоотношениях между государством и православной церковью.

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли новый закон о религиозных объединениях, который значительно ограничивал возможности их деятельности. В соответствии с этим законом священники исключались из состава «двадцаток», а религиозным объединениям воспрещалась благотворительная деятельность, частное обучение религии и т.д.

1 сентября 1929 года НКВД РСФСР разработал инструкцию № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений», подписанную и.о. Народного Комиссара внутренних дел В.С. Корневым [1].

Для регистрации религиозных общин или религиозных групп в исполнительный орган власти требовалось подать в 2-х экземплярах заявление и списки учредителей общины.

Органы власти обязаны были в месячный срок принять решение либо о регистрации, либо об отказе в регистрации религиозной общины.

Отказ в регистрации был возможен в том случае, если формы и методы деятельности религиозной организации противоречили законам РСФСР, угрожали общественному порядку или возбуждали национальную рознь и вражду.

После регистрации религиозное общество или религиозная группа должны были в 7-дневный срок сообщить в органы власти о составе исполнительного и ревизионного органов.

Надзор за деятельностью религиозных обществ был возложен в городах на административные органы, а в селе – на сельские советы [2].

1 сентября 1929 года НКВД РСФСР принял постановление № 329 «О регистрации религиозных объединений». В соответствии с этим постановлением, религиозные организации обязаны были до 1 мая 1930 года пройти новую перерегистрацию [3].

Изданные правительством законодательные акты длительное время не поступали в Крым. Правительство Крымской АССР было вынуждено трижды направлять в Москву соответствующие запросы.

11 сентября 1929 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение о создании Постоянной комиссии по вопросам культа при Президиуме ВЦИК во главе с П.Г. Смидовичем.

В интервью газете П.Г. Смидович, комментируя новый законопроект о религиозных объединениях, выделил следующие наиболее важные его моменты:

- он отметил, что в новом законе были обобщены и систематизированы все изданные ранее нормативные документы, связанные с деятельностью религиозных организаций;
- все религиозные объединения, имевшие в своем составе 20 человек, достигших 18 лет, регистрировались в виде «религиозных обществ»;
- религиозные объединения с составом учредителей менее 20 человек создавали «группы верующих»;
- деятельность всех религиозных объединений стала сводиться только к отправлению религиозного культа, им была запрещена хозяйственная и культурно-массовая работа.

Образованная при Президиуме ВЦИК комиссия обязана была следить за точностью выполнения законов в вопросах культа, как со стороны государства, так и со стороны религиозных объединений [4].

Общественность, верующие и духовенство страны отнеслись к принятию нового законодательства достаточно спокойно, однако после его обнародования в прессе, крупнейшие газеты мира стали публиковать статьи по поводу преследований верующих в СССР.

В Великобритании архиепископ Кентерберийский организовал моление о страждущей Русской Церкви. Папа Римский Пий XI обратился к верующим с призывом о молитве за гонимую Русскую Церковь [5].

Режим Сталина оказался в достаточно сложном политическом положении, - он был вынужден организовать в прессе интервью с руководством «староцерковного» движения православной церкви во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), в котором лидеры православия категорически отрицали факты гонений в отношении церкви.

Интервью митрополита Сергия, опубликованное газетами «Известия» и «Беднота», позволило советскому правительству не только реабилитировать государство в глазах мирового общественного мнения, но и организовать в стране очень мощную пропагандистскую кампанию, в ходе которой церковь, оправдавшая сталинский режим, из его сателлита была превращена в «пособника мирового империализма». К идеологическому бичеванию главного «врага народа» этого времени – «кулака» добавился еще и «поп», ставший врагом, которого, якобы, бросились защищать все средства массовой информации Запада и Папа Римский. По утверждению советской печати, Папа Римский призвал народы мира к «крестовому походу против СССР». Таков был лейтмотив огромного количества статей, появившихся в центральной и местной советской прессе, в которых авторы, искажив информацию зарубежных агентств, преподносили ее в свете, выгодном для сталинского правительства. Это привело к нагнетанию в СССР антиклерикальной истерии, породившей такое явление как собрания «трудящихся», требовавших

расправиться с «пособником империализма» – церковью. Выступление на собраниях государственных чиновников самого низкого ранга, обличавших церковь в качестве классового «врага», находило поддержку в обществе, – «народ» стал требовать наказания очередного «врага народа».

Следует отметить, что инициаторы преобразований, проходивших в эти годы в СССР, смогли не только разбудить энтузиазм народов, населявших 1/6 часть земного шара, но и использовать его в своих целях. Для того, чтобы реализовать планы глобальных реформ, нужно было поддерживать в людях веру в истинности тех целей, которые были намечены для претворения в жизнь партией большевиков. Создав информационный вакуум, «железный занавес» в отношении образа жизни на Западе, в ценностном мире советского человека средствами массовой информации постоянно формировалась идея абстрактного «светлого коммунистического будущего», которая практически ничем не отличалась от идеи Рая, пропагандируемого церковью. В сознании людей произошла подмена одного идеального, ценностного образа будущего другим. Люди были готовы отдать свою жизнь во имя идеи прекрасного будущего своих детей, будущих поколений. Любое посягательство на этот идеальный образ стало вызывать у людей не только неприязнь, но и ненависть.

Начав в стране преобразования, сталинский режим сумел обеспечить их идеологически. Психологическая и идеологическая обработка общественного сознания, его зомбирование, физическое преследование сторонников противоположных идей, сокрытие правды, воздействие на эмоции людей, обещание им в будущем неограниченных благ и свобод в обмен на бескорыстный труд и самопожертвование во имя «великих идей» основателей большевизма – это были методы, использование которых приводило к тому, что истосковавшиеся по нормальным, человеческим условиям жизни граждане великой страны, вынесшие на своих плечах две кровопролитные войны и самый страшный в истории России голод 1921-1922 годов, были согласны терпеть любые невзгоды и унижения, бороться со всеми «врагами», которые посягали на реформы, проводимые лидерами государства.

В 20-30-е годы XX века в СССР были разработаны информационные технологии, замешанные на лжи и сокрытии правды, которые позволяли правящему режиму не просто формировать нужное общественное мнение, но и очень умело им манипулировать. Человек постепенно становился элементом безликой толпы, которая в идеологическом угаре в эти годы одобряла любые решения правителей-реформаторов, прикрывавшихся фразеологией о великом будущем своей Родины. В эти годы многотысячные собрания людей, не зная истинного положения дел, могли не только оправдать любые преступления, совершенные сталинским режимом, но и потребовать дальнейшего продолжения террора в отношении «врагов народа». То, что происходило в стране в отношении церкви в конце 1929 году – первой половине 1930 года, как нельзя лучше подтверждает сказанное нами.

Создав в 20-е годы сложные экономические условия для деятельности религиозных организаций, в 1929-1930 годах партийно-государственные органы стали постепенно нагнетать в стране антирелигиозную истерию.

В Крыму эта кампания проводилась следующим образом.

4 января 1929 года в Крымском обкоме партии состоялось совещание секретарей, курирующих систему партийного просвещения и идеологической работы, на котором отмечалось, что: «В связи с оживлением в крымской деревне деятельности кулачества и духовенства, выражающейся как в прямых контрреволюционных выступлениях, так и в попытках воздействия на бедноту, путем использования отсталости и религиозных предрассудков, совещание считает необходимым:

1. Широко развернуть систематическую антирелигиозную работу с обязательным привлечением к этой работе «Союза воинствующих безбожников», учителей, агрономов и врачей.

2. Усилить работу по преобразованию быта деревни, обратив внимание на борьбу с пьянством, пережитками старого семейного уклада и предрассудками» [6].

Совещание приняло решение о создании в Крыму постоянно действующих курсов по подготовке «разъездных лекторов-антирелигиозников», а также организации на местах антирелигиозных кружков.

В феврале 1929 года в Крыму были открыты постоянно действующие областные курсы партактива. В течение 3-х месяцев 65 слушателей изучали следующие дисциплины: ленинизм – 138 часов, исторический материализм – 104 часа; естествознание – 40 часов; политэкономия – 150 часов; политико-экономическую географию – 53 часа; экономическую политику – 88 часов; методику и организацию антирелигиозной пропаганды – 16 часов [7].

Первая группа пропагандистов- «антирелигиозников» приступила к своей работе среди населения Крыма летом 1929 года.

В начале февраля 1929 года Центральное Административное Управление (ЦАУ) Крыма потребовало от всех сельских Советов предоставить информацию о поминовении в действующих на их территории общинах «староцерковного» течения православной церкви имени архиепископа Никодима, который был осужден в Крыму в 1922 году. По информации ЦАУ и ГПУ его имя стало часто поминаться в храмах во время службы [8].

В феврале 1929 года ЦАУ обязал райисполкомы устранить культовые «признаки», к которым относились купола, минареты, иконы, религиозные надписи и т.д. на помещениях ранее закрытых храмов. ЦАУ Крыма ставило задачи устранить эти признаки в течение 1929 года [9].

3 февраля 1929 года в Симферополе состоялось специальное совещание представителей ГорОНО, ЖАКТов, Крымархива и артполка по вопросу об удалении со зданий, в которых они располагались, «признаков культовых сооружений».

В выступлении руководителя стола религиозных культов Симферопольского района Гадзицкого отмечалось, что наличие признаков на ряде зданий, которые передали в распоряжение других организаций, позволяет верующим требовать их передачи под культовые цели.

Совещание приняло решение о начале работ по устранению «культовых признаков» по мере поступления средств [10].

Летом к антирелигиозной кампании подключились крымские газеты. В них стали появляться статьи, изображающие церковь в качестве классового врага, а также материалы, связанные с отречением духовенства от сана.

Примером подобного рода газетных материалов является статья «Религия-самообман», опубликованная 7 июля 1929 в газете «Красный Крым», в которой крестьянин деревни Ново-Васильевка Иван Вихляев писал: «Я вырос и воспитывался в религиозной семье, принадлежащей к секте молокан. По своей неосознанности я согласился быть руководителем религиозной общины. Но уже через 7 месяцев я понял, что религия – ни что иное, как самообман. И потому заявляю, что снимаю с себя позорное звание духовника и буду очень рад, если моему примеру последуют все молокане» [11].

Антирелигиозную работу среди населения активизировали партийные и комсомольские организации. В период летних и осенних религиозных праздников стали проводиться антирелигиозные мероприятия.

Активную роль в организации антирелигиозной кампании в 1929 году сыграли учителя Крыма, которые принимали энергичное участие в организации антирелигиозных и атеистических мероприятий.

Крайне неэффективно проводил в Крыму свою работу «Союз воинствующих безбожников». Дело дошло до того, что в декабре 1929 года НКВД Крыма вмешался в его деятельность, потребовав активизировать персональную работу с исламским и сектантским духовенством [12].

24 ноября 1929 года НКВД Крымской АССР разослал председателям городских и районных советов рекомендации, в соответствии с которыми, к антирелигиозной пропаганде следовало активно привлекать представителей секций по контролю за деятельностью религиозных организаций, созданных при местных администрациях [13].

В октябре-декабре 1929 года значительно активизировали свою работу лекторы-«антирелигиозники», которые стали выступать в трудовых коллективах и на различных собраниях. Их выступления, носившие явно провокационный характер, были той искрой, которая стала зажигать костер ненависти в отношении религии и церкви.

В декабре 1929 года после подобного рода лекций в Крыму была инициирована кампания по снятию колоколов с храмов полуострова для нужд индустриализации страны. Инициатором этой кампании стали рабочие Севастополя.

16 декабря 1929 года для рабочих деревообделочного цеха Севастопольского судоремонтного завода была прочитана лекция «Социальные корни возникновения христианства», в которой лектор в достаточно грубой и извращенной форме осветил всю историю христианства, изобразив религию в качестве важнейшего элемента системы, построенной на эксплуатации человека человеком. Он утверждал, что для «одурманивания людей церковь использует многие приемы, в том числе и колокольный звон». На собрании было принято постановление, в котором отмечалось: «Признавая вред колокольного звона и потребность страны в цветном металле, требуем от КрымЦИК вынести решение о снятии колоколов со всех церквей г. Севастополя и района и передать их в фонд индустриализации страны» [14].

22 декабря 1929 года состоялся Пленум правления товарищества «Севрыбак», также рассмотревшей вопрос о снятии колоколов. Пленум вынес решение, в котором говорилось о том, что Советский Союз остро нуждается в цветных

металлах, поэтому горсовет г. Севастополя должен принять решение о снятии колоколов и передачи их в фонд индустриализации [15].

24 декабря 1929 года на собрании грузчиков товарного двора станции Севастополь, прослушавших лекцию И. Барташевича «Корни религиозного дурмана, невежества и неграмотности», было принято следующее постановление: «Ввиду того, что огромные ценности, заключавшиеся в колоколах, которые висят на колокольнях непроизводительно, а также учитывая, что страна нуждается в цветных металлах, присоединить свой голос к голосу трудящихся города Севастополя и его района о снятии колоколов и передать их советской промышленности» [16].

Постепенно, благодаря деятельности лекторов-«антирелигиозников», кампания по снятию колоколов переросла в кампанию по закрытию церквей. По всему Крыму прокатилась волна собраний, на которых «трудящиеся» стали выдвигать требования не только о передаче колоколов в фонд государства, но и о закрытии всех храмов, которые в общественном сознании стали олицетворением социального зла. Это привело к нарастанию на полуострове антирелигиозной истерии, в ходе которой многие религиозные общины для того, чтобы не быть закрытыми по требованию «народных масс», принимали решение о добровольном пожертвовании своих колоколов.

В различных регионах Крыма на собраниях стали раздавать протоколы с текстами, призывавшими к закрытию храмов, которые подписывали все присутствующие. Во многих населенных пунктах появились «добровольцы», которые совершали подворный обход с бумагами, на которых от имени «народа» выдвигалось требование о закрытии той или иной церкви или собора.

Так, в Джанкойском районе в конце 1929 – начале 1930 года была проведена «антирождественская кампания». На 19 собраниях, прошедших в это время в городе и районе, были прочитаны лекции: «О классовой сущности религии», «О сущности Рождества», «О зарождении религиозного праздника Рождества» и т.д., с которыми выступили лекторы Ветух, Горбенко, Юркина и другие пропагандисты. На всех собраниях были приняты решения о передаче колоколов в фонд индустриализации [17].

В начале 1930 года сменилась идеологическая направленность проводимых собраний, проблема индустриализации стала активно связываться с проблемой борьбы против «крестового похода империалистов» против СССР, объявленного Папой Римским. Этот мотив был основополагающим на многочисленных собраниях, которые прошли в Джанкое. На одном из собраний была принята резолюция следующего содержания: «Для противодействия «крестовому походу» против СССР, объявленному Папой Римским, отчислить пол дневного заработка в пользу танка «Безбожник» и однодневный - на индустриализацию страны» [18].

На собраниях в Джанкое также принимались решения о 100% вступлении участников собрания в «Союз воинствующих безбожников».

3 января 1930 года в Джанкое состоялось общее собрание членов ЖАКТА «1 Мая», на котором с лекцией «Религия и рождественские праздники» выступил пропагандист-«антирелигиозник» Яричевский.

В прениях по докладу выступило 9 человек. Каждый из них крайне негативно отзывался о религии. Собрание постановило: «Признать, что религия во все времена была врагом трудящихся и союзником эксплуататоров. В капиталистических странах религия старается заглушить справедливый гнев трудящихся против

эксплуатации. В СССР црковники и сектанты группируют вокруг себя нэпманов, кулаков, подкулачников и другой чуждый элемент. В настоящий момент от трудящихся требуется борьба с религией, как с врагом нашего строительства, а потому, приветствуя «безбожный поход» «Союза воинствующих безбожников», общее собрание постановило:

- расширить подписку на антирелигиозную литературу;
- создать в недельный срок ячейки СВБ;
- снять в Джанкойских церквах все колокола» [19].

10 марта 1930 года в Джанкойской железнодорожной школе прошел антирелигиозный митинг, на котором присутствовало 146 человек.

На повестке дня митинга был один вопрос «Об антирелигиозной кампании, поднятой капиталистами и попами всех стран».

Собрание постановило: «Протестовать против клеветы на СССР со стороны капиталистов и попов» [20].

В резолюции собрания отмечалось: «Заслушав доклад об антисоветской кампании, поднятой капиталистами и поповщиной за границей, мы, учащиеся железнодорожной школы, протестуем против наглой клеветы на страну строящегося социализма, мы хорошо знаем, что капиталисты и попы всех религий и во всех странах затевают войну против нас, чтобы помешать социалистическому строительству. Но им не удастся: мы еще активнее будем помогать партии и советской власти строить социализм, выполнить пятилетку в четыре года, ликвидировать кулака как класс. Мы призываем всех ребят, не вступивших еще в группы юных безбожников, вступить и вести антирелигиозную пропаганду в школе, среди родителей и взрослых. Просим горсовет о скором закрытии церкви и снятии колоколов.

Церковь – под клуб, колокол – в переплавку» [21].

В 1929-1930 годах активная кампания по закрытию церквей и снятию колоколов была проведена в Ялте. В городе на ранее заготовленных бланках собирались подписи с требованием населения к властям города о закрытии церквей и запрете колокольного звона. В деле № 1730, хранящемся в фонде 663 Государственного архива Автономной республики Крым (ГААРК), содержатся 244 подписных листа, на которых нами было насчитано более 5 тысяч подписей [22].

Наряду с подворным обходом жителей Ялты, в городе было проведено более 40 собраний, на которых поднимался вопрос о закрытии церквей и снятии колоколов. Протсколы собраний хранятся в этом же деле [23].

По информации сотрудника стола религиозных культов НКВД Крыма Файнберга, в 1929-1930 годах за снятие колоколов с церквей высказалось следующее количество жителей Крыма: более 5 тысяч жителей Ялты; 1500 жителей Алушты, Джанкоя и Феодосии; 83 собрания трудящихся Севастопольского района, а также верующие Введенской, Спасской, Н. Кладбищенской и Преображенской церквей Симферополя, прихожане Петропавловской и кладбищенской церквей и Покровского собора г. Севастополя [24].

К столь бурному развитию антирелигиозной кампании крымское руководство оказалось явно неподготовленным. В Крыму началась неуправляемая кампания по закрытию культовых зданий. Основанием для этого могло быть постановление собрания «трудящихся», решение председателя сельсовета, руководства ЖАКТа и т.д.

25 февраля 1930 года Президиум КрымЦИК издал Постановление, в соответствии с которым, вопрос о снятии колоколов с церквей в случае «требования широких трудящихся масс» самостоятельно могли решать городские и районные Советы.

3 марта 1930 года в соответствии решением КрымЦИК был издан циркуляр НКВД, в котором решение вопроса о снятии колоколов поручалось местным органам власти. Однако уже 7 марта НКВД Крыма был вынужден отменить это решение и разослать новое указание, в соответствии с которым, не только вопросы закрытия храмов, но и снятия колоколов необходимо было решать в соответствии с законом, т.е. окончательное решение по этим вопросам должен был принимать КрымЦИК [25].

Отмена этого решения была обусловлена двумя причинами.

Во-первых, процесс закрытия церквей становился неуправляемым, что порождало, с одной стороны, произвол местных властей, а с другой стороны - на полуострове это стало вызывать серьезное недовольство и даже бунты со стороны некоторых групп верующих.

Во-вторых, в соответствии с постановлением НКВД РСФСР в Крыму срывалась перерегистрация религиозных общин, что подтверждало информацию зарубежной печати о гонениях в отношении церкви в СССР.

30 марта 1930 года Нарком внутренних дел Крымской АССР Монатов направил в НКВД РСФСР информацию, в которой он поставил в известность вышестоящее руководство о том, что в Крыму фактически срывается вопрос перерегистрации религиозных организаций.

В соответствии с указаниями НКВД РСФСР информация о предстоящей перерегистрации была опубликована в крымской печати. Однако, несмотря на приближение сроков ее завершения, в органы власти не поступило ни одного заявления от верующих.

Монатов считал такое явление не столько результатом отхода верующих от религии, сколько общим положением, создавшимся в ходе проведения сплошной коллективизации и раскулачивания.

Ввиду необходимости соблюдения максимальной осторожности в вопросе закрытия культовых зданий, Нарком внутренних дел Крыма считал «недопустимым, чтобы большинство религиозных объединений оказалось закрытыми по причинам чисто формального характера, ввиду несвоевременной их перерегистрации» [26].

Монатов просил дать ему разъяснения о том, стоит ли принимать строгие меры к тем религиозным организациям, которые не пройдут своевременной перерегистрации.

Отказ верующих от участия в кампании перерегистрации был обусловлен как экономической политикой давления на церковь, существовавшей в это время в виде налогов, страховых платежей и т.д., так и антирелигиозной кампанией, которая в это время была развернута на полуострове. По данным НКВД, предоставленным им «Союзу воинствующих безбожников», в начале 1930 года в Крыму действовало следующее количество религиозных объединений [27]:

Название конфессий	На 1 января 1929 года	На 1 января 1930 года
Мусульмане	512	497
Православные	148	125
Лютеране	102	86
Иудеи	35	23
Караимы	6	6
Католики	1	1
Римо-католики	21	19
Армяно-католики	4	4
Меннониты	33	32
Армяно-григориане	10	10
Баптисты	18	16
Евангельские христиане	14	11
Евангельские лютеране	8	8
Адвентисты 7 дня	8	8
Молокане	6	3
Старообрядцы	1	1
Евангельские духовные христиане	1	0
Всего	928	850

По официальной статистике в Крыму на 1 января 1929 года и на это же время 1930 года было следующее количество культовых зданий: [28]

Название конфессии	На 1 января 1929 года		На 1 января 1930 года	
	Действующих	Закрытых	Действующих	Закрытых
Мусульмане	512	69	497	84
Православные	148	95	125	118
Лютеране	100	32	84	48
Иудеи	30	12	20	22
Караимы	6	1	6	1
Католики	1	2	1	2
Римо-католики	21	1	19	3
Армяно-католики	4	2	4	2
Армяно-григориане	10	3	10	3
Меннониты	29	3	28	4
Евангельские христиане	6	0	5	1
Баптисты	7	0	6	1
Адвентисты 7 дня	4	1	4	1
Старообрядцы	1	0	1	0
Всего	879	221	810	290

Верующие многих общин Крыма не подавали заявления на перерегистрацию, понимая бессмысленность этого шага из-за политики местных властей. Проиллюстрируем это на примере г. Карасубазара.

В начале 1930 года верующие различных конфессий Карасубазара стали подавать в горисполком заявления о расторжении договора аренды на культовые здания, многие члены «двадцаток» подавали заявления о выходе из их состава.

Так, 2 февраля 1930 года заявление о расторжении договора с горисполкомом подала «двадцатка» общины мечети «Аджи-Бей». Перед этим община отремонтировала здание мечети. Комиссия, принимавшая имущество у верующих, отметила, что община уплатила все налоги, все имущество, полученное по описи от органов государственной власти, находилось в прекрасном состоянии [30].

27 февраля 1930 года было принято решение о закрытии в городе мечети Аджи-Миле.

В феврале по инициативе «двадцатки» был расторгнут договор на аренду здания мечети Бахчи-Эли г. Карасубазар. По инициативе верующих было расторгнуто еще несколько договоров на аренду мечетей.

Определенную роль в принятии этих решений верующими оказала серия собраний горожан, прошедших в городе в январе-феврале 1930 года, на которых были приняты резолюции о закрытии в городе всех культовых зданий.

19 января 1930 года решение о закрытии церквей и снятии в городе всех колоколов приняло собрание союза работников просвещения, на котором присутствовало 70 человек.

29 августа 1930 года собрание избирателей участка № 6 членов союза Медсантруда и Наркомсвязи в количестве 73 человек приняло решение «ликвидировать в городе религиозные дома и устроить там культурные учреждения» [30].

Решения о снятии колоколов и закрытии церквей в городе приняли следующие организации и собрания:

- 6 января – 100 избирателей-армян участка № 14;
- 26 января – собрание избирателей участка № 1 (451 человек);
- 29 января – собрание избирателей участка № 7 (94 человека);
- 31 января – 101 представитель крымских татар участка № 11;
- 31 января – 136 мужчин крымских татар, избирателей участка № 10;
- 1 февраля – 162 избирателя участка № 16, крымчакского населения города;
- 2 февраля – 120 человек греческого населения избирательного участка № 15;
- 2 февраля – 77 избирателей из числа русского населения участка № 17;
- 2 февраля – 219 избирателей из числа русского населения участка № 12;
- 2 февраля – 180 избирателей русского населения избирательного участка № 13;
- 2 февраля – 160 избирателей крымских татар участка № 8;
- 7 февраля – 94 представителя крымских татар избирательного участка № 19;
- 7 февраля – 117 избирателей крымских татар участка № 18 [31].

20 февраля 1930 года Президиум Карасубазарского горсовета рассмотрел вопрос «О закрытии всех молитвенных домов города Карасубазара, согласно

требованию избираемых на отчетных собраниях горсовета, на которых присутствовало 72% всех избирателей».

Президиум принял решение о закрытии в городе всех церквей, мечетей и молитвенных домов.

В этот же день состоялся Пленум Карасубазарского горсовета. Вопрос о закрытии храмов города обсуждался и на этом форуме. Пленум постановил: «Одобрив полностью решения Президиума горсовета..., просить Президиум КрымЦИК в кратчайший срок удовлетворить наше ходатайство о закрытии всех молитвенных домов и снятии колоколов.

До разрешения этого ходатайства в КрымЦИК запретить производить в городе колокольный звон» [32].

В начале марта 1930 года в ряде предприятий Карасубазара с докладом «О крестовом походе» Ватикана против СССР» выступил лектор А. Ахлестин. После выступления Ахлестина объединенное городское собрание женщин-делегаток приняло резолюцию, в которой подчеркивалось: «... Мы протестуем против наглого похода черносотенного духовенства капиталистических стран, во главе с Папой Римским, который под лозунгом защиты религии в СССР, организует единый с капиталистами союз против единственного в мире пролетарского государства.

В ответ на гнусную клевету контрреволюционного духовенства и мировой буржуазии... о гонении и насилии в СССР на религию, мы, женщины-делегатки, вторично требуем от райисполкома и горисполкома решения о скорейшем закрытии церквей, мечетей и синагог в г. Карасубазаре, превращения их в дома культуры. Всем женщинам-делегаткам вступить в СВБ, провести разъяснительную работу среди остальных женщин-домохозяек» [33].

Еще более «грозные» резолюции в адрес «мирового империализма» были приняты на ряде митингов города. Прочитываем одну из них: «Общегородской митинг трудящихся г. Карасубазара заявляет самый решительный протест против той дикой вакханалии клеветы и грязи, которую льют зарубежные враги во главе с Римским Папой, главой католической церкви, проповедующего «крестовый поход» против единственного в мире государства трудящихся, занимающегося величайшим мирным строительством, направленным на улучшение своего благосостояния и открыто заявившего себя злейшим врагом империалистических войн, приводящих к разорению и обнищанию трудящихся масс всего мира» [34].

Далее в резолюции отмечалось: «В стране Советов если и происходит закрытие церквей, то они закрываются по настоянию абсолютного большинства трудящихся, и мы, трудящиеся г. Карасубазара, требуем от Правительства немедленного удовлетворения наших требований о закрытии молитвенных домов города.

Пусть мировые хищники империализма, вкуче с религиями всех мастей знают, что мы твердо стоим на охране наших завоеваний и не позволим вековым эксплуататорам трудящихся масс вновь накинуть на нас позорное ярмо рабства, посягнуть на нашу самостоятельность и свободу» [35].

На митинге звучал ряд лозунгов, одним из которых был следующего содержания: «Долой все религии, одурманивающие мозги рабочего класса и вовлекающие всех трудящихся в мировую бойню».

Однако эти решения не были поддержаны в НКВД Крыма. Нарком внутренних дел Крымской АССР Монатов уведомил администрацию Карасубазара о том, что вопрос о закрытии всех культовых зданий в городе не может быть решен положительно. Монатов отметил, что считает взятую Карасубазарским РИКом и горсоветом установку на закрытие всех церквей неправильной. По его мнению, ликвидация культовых зданий может иметь место только в том случае, если не имеется граждан, желающих пользоваться этими зданиями для культовых целей, или если эти лица не имеют возможности взять на себя обязательства по договору для пользования этими зданиями [36].

Монатов направил в Карасубазар комиссию, которая «охладила» пыл местного руководства. Приехавшая в город комиссия нашла массу недочетов в работе стола религиозных культов. Замечание по его работе было следующим: «Не допускать впредь самовольного закрытия культовых зданий. В срок до 29 апреля 1930 года донести подробно в НКВД об обстоятельствах, по которым был запрещен в Карасубазаре колокольный звон» [37].

В справке по итогам проверки г. Карасубазара записано: «Немедленно отменить указание о том, что культовые здания могут закрываться сельскими советами» [38].

Наряду с Карасубазаром, подобная тактика использовалась и в других регионах Крыма, так в Керчи, по «требованию трудящихся масс», был закрыт ряд культовых зданий, в том числе: старообрядческий молитвенный дом в п. Мама Русская, который был превращена в красный уголок; православная церковь в селе Чистополье, превращенная в клуб, и 10 мечетей [39].

Проанализируем мотивы, на основании которых с 1 января по 25 мая 1930 года по решению Президиума КрымЦИК были закрыты следующие православные церкви, действовавшие на полуострове:

- православный храм г. Саки - по требованию «трудящихся Крыма»;
- Троицкая церковь Инкерманского монастыря - из-за отказа общины;
- Петро-Павловская церковь д. Таганаш Джанкойского района – по требованию 1050 человек;
- Михайловская церковь г. Севастополя – из-за отказ религиозного общества;
- церковь д. Эли-Юрт-Юхары Бахчисарайского района – по требованию 300 человек местного населения;
- Екатерининская церковь д. Сарыголь Феодосийского района – по требованию 320 человек;
- Вознесенская церковь д. Карасан Ялтинского района – по требованию 300 граждан;
- молитвенный дом д. Ишунь Джанкойского района – по требованию граждан;
- церковь д. Марьино Джанкойского района – по требованию 200 граждан;
- церковь д. Н. Покровка Джанкойского района – по требованию колхозной бедноты – 250 человек;

- Вознесенская церковь д. Старый Карантин Керченского района – из-за отказа общины;
- Успенский собор в п. Еникале Керченского района – по требованию 530 человек;
- молитвенный дом д. Н. Збурьевка Симферопольского района – из-за отказа религиозной общины;
- церковь д. Бешарань - Отар Симферопольского района – по требованию 500 жителей;
- церковь д. Моржовка Керченского района – из-за отказа верующих;
- церковь д. Биюк-Онлар Симферопольского района – из-за отказа верующих;
- церковь д. Джалман-Кильбурун Симферопольского района – по требованию 1200 человек;
- церковь Св. Мартиниана г. Симферополя – из-за отказа религиозного общества [40].

Таким образом, мы можем констатировать, что идеологическая и психологическая обработка населения в 1929 – начале 1930 года привела к тому, что в общественном мнении в отношении церкви был сформирован облик классового врага, который подлежал ликвидации. Это привело к нагнетанию в массах идеологического психоза, который вылился в требования «трудящихся» о закрытии храмов. Мы видим, что основанием для закрытия в начале 1930 года 11 православных храмов были не решения общин верующих, а волюнтаризм местных органов власти, основанный на решениях собраний «трудящихся».

Список литературы *

1. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК) – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 1737. – Л. 34.
2. Там же. – Л. 34-39.
3. Там же. – Л. 33.
4. Известия. - № 83. – 1929. – 11 сентября.
5. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной церкви. 1917-1990. Учебник для православных духовных семинарий. – Московская Патриархия: Изд. дом «Хроника», 1994. – С. 94.
6. ГААРК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 863. – Л. 13.
7. Там же. – Д. 863а. – Л. 110-111.
8. Там же. – Д. 1630. – Л. 82.
9. Там же. – Л. 120.
10. Там же. – Л. 126.
11. Красный Крым. - № 126. – 1929. – 7 июля.
12. ГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 1737. – Л. 76.
13. Там же. – Д. 1747. – Л. 630.
14. Там же. – Д. 1634. – Л. 26.
15. Там же. – Л. 28.
16. Там же. – Л. 24.
17. Там же. – Д. 1747. – Л. 409-433.
18. Там же. – Л. 410.
19. Там же. – Д. 1749. – Л. 7.
20. Там же. – Л. 1-2.
21. Там же. – Л. 3.
22. Там же. – Д. 1730. – Л. 1-168.
23. Там же. – Л. 170-210.
24. Там же. – Д. 1662. – Л. 26.

25. Там же. – Л. 3.
26. Там же. – Д. 1747. – Л. 232.
27. Там же. – Л. 109-110.
28. Там же.
29. Там же. – Л.238-242.
30. Там же. – Л.244.
31. Там же. – Л.256-277.
32. Там же. – Л.256.
33. Там же. – Л.237.
34. Там же. – Л. 238.
35. Там же.
36. Там же. – Л. 280.
37. Там же. – Л. 598.
38. Там же.
39. Там же. – Д. 1750. – Л.28.
40. Там же. – Д. 1662. – Л.11-14.

МЫСЛИТЕЛИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Петрова Э. Б.

В статье идет речь об истоках философской мысли в античных городах Северного Причерноморья, представлена галерея профессиональных философов и раторов, а также любителей мудрости из Ольвии, Боспора, Херсонеса, жизнь и деятельность которых стали известны нам благодаря сочинениям древних авторов и эпиграфическим источникам. Выявляется специфика философско-риторического мышления на северо-восточной окраине античного мира.

Ключевые слова: античность, философия, риторика, Северное Причерноморье.

«...та наука, которую греки зовут философией, признается лучшими учеными за прародительницу и как бы мать всех... наук»

М. Т. Цицерон. Об ораторе

Наследие античности в области познания природы, общественных отношений и человеческой души настолько велико, что еще не одному поколению ученых предстоит работа по его постижению и осмыслению, значимости для разных эпох и народов. Пришедшие в северопричерноморский край в поисках новой родины греки принесли с собой весь тот багаж опыта и знаний, который был создан их предками и современниками в Элладе. Любомудрие составляло важную его часть¹.

Ранее мне приходилось говорить об истоках философской и исторической мысли в античных городах Северного Причерноморья: об ионийском, по большей части милетском, происхождении большинства из них и тесных связях их с ионийскими и иными культурными центрами Эллады². В эпоху архаики умственная жизнь в городах западного побережья Малой Азии и близлежащих островов была ключом. В ионийских центрах процветало творчество поэтов-лириков, первых прозаиков-логографов. Милет (и вообще Иония) славился философскими школами, возникшими на рубеже VII – VI вв. до Р. Х. и совпавшими с Великой греческой колонизацией. Принесенное оттуда и подпитываемое связями с Афинами и другими городами любомудрие овладело душами ионийцев в Ольвии, Пантикапее, иных центрах, как результат – целая плеяда профессиональных философов, ораторов, просто поклонников различных философских школ.

Занятые обустройством на новых землях, первопоселенцы и их ближайшие потомки, вероятнее всего, не имели возможности и времени всерьез заниматься проблемами мироздания, но наверняка были в курсе научных и культурных достижений своих соплеменников на покинутой ими родине, следили за новинками. Особый интерес в ту пору вызывали мифы, в задачу которых входило рассказать не только о чудесном, сверхъестественном, но и по-своему объяснить мир, а также связать пришельцев с осваиваемыми землями и их обитателями. Отсюда

стремление перенести действие эллинских мифов в Северное Причерноморье, привязать биографии хорошо знакомых мифических персонажей к далекому краю ойкумены³. Мифология тогда в какой-то мере заменяла и философию, и историю. Это была попытка понять и объяснить происходящее средствами наиболее привычными и доступными, в условиях, близких к экстраординарным: мало-знакомая, не обжитая территория, опасные соседи, отдаленность от родины.

Особый интерес проявляли к охранительным функциям богов и тем философским учениям, которые были тесно связаны с мифологией и религией. Для раннего времени (VI – V вв. до Р. Х.) преобладают материалы из Березани и Ольвии, проанализированные в работах А. С. Русяевой и некоторых других исследователей⁴. Имеются в виду костяные пластинки с граффити, знаками, рисунками, свидетельствующие о знакомстве колонистов с учениями милетско-ионийских философов (Фалеса, Анаксимандра, Гераклита) и о популярности возникшего в Элладе в конце архаической эпохи орфизма – религиозно-философского течения, связанного с культом Диониса и вакхическими мистериями. Эти лаконичные, наполненные глубокого, порой тайного смысла записи очень напоминают сентенции, с помощью которых любили выражать свои мысли первые философы. Универсальным божеством, устройтелем и защитником полиса, правопорядка предстает пред нами Аполлон в надписи третьей четверти VI в. с Березанского поселения: «Семь: волк слаб, семьдесят: лев грозен, семьсот: лучник дружелюбен – дар силой врачевателя; семь тысяч: дельфин разумен – мир Ольвийскому полису...» А. С. Русяева отмечает прослеживающуюся в тексте логичность и диалектичность мышления: от более простого – к сложному, усложнение сущности божества (Аполлона) по мере увеличения чисел. В духе орфико-пифагорейского учения с его представлениями о жизни и смерти, о бессмертии души составлены изречения на пластинках V в. из Ольвии: «Жизнь – смерть – жизнь – истина», «Мир – борьба, истина – ложь», «Душа – тело». Все говорит о том, что, по крайней мере, в Ольвии существовало религиозное орфическое сообщество, должно быть, объединявшее людей знатного происхождения.

Отсутствие подобных источников в других милетско-ионийских апойкиях (где, как известно, почитались и Аполлон, и Дионис) несколько не препятствует тому, чтобы думать об их жителях как о людях, также знакомых с философскими и религиозно-философскими учениями своих бывших соотечественников и интерпретировавших их применительно к новым условиям жизни.

Первые мыслители из северных краев, чьи имена донесла до нас литературная традиция, были личностями легендарными или полуполулегендарными и не эллинами. Мудрецами и служителями Аполлона названы античными авторами Абарис и Аристей, выходцы из страны гипербореев, живших, по поверьям эллинов, на краю земли, за северным ветром Бореем, под храмом Аполлона⁵. «Воздушный ходок», прорицатель и чудотворец Абарис прибыл со стрелой Аполлона в Грецию и там с ее помощью успешно боролся с разными бедствиями. Он пользовался большим уважением у эллинов. Наиболее приближена к действительности та часть его мифической биографии, в которой он назван учеником и учителем Пифагора, жизнь и

творческая деятельность которого приходится на VI в. Ямвлих рассказывает, что Абарис прибыл в Элладу в преклонных годах не будучи знаком с эллинской образованностью, но очень скоро освоил учение Пифагора о природе и о богах и беседовал с ним «...о самых священных предметах, именно о кумирах, о наиболее благоговейном способе богопочитания, о промысле богов, о небесных явлениях и земных переменях»; Гимерий и Фотий восхищаются его красноречием в эллинском духе (ВДИ. 1948. №3. С. 234 – 236, 248, 249).

Если Абарис – чародей и олицетворение самого божества, то просто идеализированным мудрецом варварского происхождения выглядит Анахарсис, названный в античной литературе сыном скифского царя Гнура и гречанки⁶. Впрочем, между ними есть кое-что общее: они мыслились современниками (время жизни и путешествия Анахарсиса М. В. Скржинская относит к середине VI в.), оба обучались и действовали в Элладе, общались с выдающимися людьми (Абарис – с Пифагором, Анахарсис – с афинским законодателем и мудрецом Солоном и с лидийским царем Крезом), произвели большое впечатление на греков и заслужили их уважение⁷. Еще Страбон поставил их рядом, говоря, что в глазах эллинов они обнаружили такие качества, как скромность, простота и справедливость (VII. 3.8).

Анахарсис явно был любимым скифом у греков, почему их писатели так часто и обращались к его образу, когда желали подчеркнуть весомость эллинского образования и специфику мышления мудреца из варваров. Подмечено, что Анахарсис у Геродота (V в. до Р. Х.) – реальное историческое лицо, знание о котором историк получил из устной и письменной традиции, а у Эфора (IV в. до Р. Х.) и авторов после него – идеализированный скиф, сама добродетель и образец свободомыслия, один из семи мудрецов и изобретатель, живущий и проповедующий в духе учения киников с их противопоставлением искусственному миру цивилизации простую, естественную, продиктованную самой природой жизнь варваров. М. С. Скржинская предположила, что Анахарсис оказался в Элладе и Малой Азии не потому, что был послан к грекам скифским царем на учебу (как сказано у Геродота – IV.77), а потому что по его поручению выполнял дипломатическую миссию. Иными словами, реальный Анахарсис со временем превратился у греков в легенду. Опираясь на труды своих предшественников, Диоген Лаэртский (I.8.101 – 105) говорит, что он владел двумя языками (скифским и эллинским), «...сочинил стих в 800 строк об обычаях скифских и эллинских в простоте жизни и в войне». Он легко подмечал все необычное, а его острый ум позволял быстро реагировать на любые, включая провокационные, вопросы и оформлять свои ответы в короткие и меткие изречения. Его якобы удивляло, что греки занимаются спортом и устраивают пиры, на которых пьют вино и пьянеют, стремятся к богатству и разделяют людей по происхождению, а не по уму (когда один афинянин посмеялся над его скифским происхождением, он заметил: «Мне позор – отечество, а ты – своему отечеству»). На вопрос, почему у скифов нет флейтистов, Анахарсис ответил: «Потому что нет и виноградных лоз». Так мудрец указал на главную причину явления, минуя промежуточные: у скифов нет вина, а значит празднеств, на которых буйно веселятся, слушают музыку и поют гимны.

Будем, однако, придерживаться слов Геродота, а не того, что приписывалось скифскому мудрецу более поздними авторами. Он же лаконично констатирует: «Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость» (IV. 76).

На более твердую почву исторических фактов мы вступаем с того времени в жизни северопонтийских греков, когда их апойкии из небольших поселков выросли в города, наладился быт, оформились гражданские коллективы полисов. Мифические рассказы должны были уступить место более глубоким мыслям, рассуждениям. Важную роль в этом сыграли экономические и политические связи колонистов с культурными центрами Эллады. В Афинах, например, постоянно пребывали боспорские купцы и их агенты, а на Боспоре – афинские. Оказавшись в центре Эллады, жители далекой периферии не удовлетворялись лишь решением деловых вопросов, но стремились как можно больше увидеть, услышать, узнать. Аристотель сетовал на то, что афинские «...народные ораторы проводят целый день... в болтовне с приезжающими с Фасиса или Борисфена», то есть из Причерноморья, в частности из Ольвии (ВДИ. 1947. №2. С. 330). Но ведь не все ораторы были болтунами – достаточно вспомнить такого ритора и политического деятеля, как Демосфен, чтобы убедиться в том, что жители Понта, посещавшие Афины в IV в. до Р. Х., имели возможность повышать свой культурный уровень в общении с выдающимися людьми. Сам Демосфен, если верить его оппонентам, по матери был родом из Боспора, быть может, имел бабушку-скифянку, хотя родился в Афинах и являлся гражданином этого полиса (ВДИ. 1947. №2. С.321; №3. С.238 – 239). Демосфен, вероятнее всего, бывал на Боспоре и, уж конечно, общался с приезжавшими в Афины по разным, особенно коммерческим, делам боспорянами (по утверждению Эскина, он ежегодно получал от боспорских правителей по тысяче медимнов пшеницы – ВДИ. 1947. №3. С. 253). А это значит, что те не просто были знакомы с лучшим из лучших афинских ораторов, но и слушали его выступления, беседовали с ним, учились мастерству красноречия, тесно связанного у греков с любознательностью. Выказывая в этом отношении свое о них согласие, Цицерон считал, что «...красноречием можно овладеть лишь сравнившись в знаниях с образованнейшими людьми», что «...оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрою такой, как у лучших лицедеёв» (Об ораторе. I. 2. 5; 28.128).

Люди богатые и знатные, стремились отправить сыновей на учебу в известные культурные центры. Речь Исократов «Трапезитик» составлена от имени сына видного боспорского политического деятеля и купца Сопея, который был доверенным лицом царя Сатира I (ВДИ. 1947. №2. С.302 -303)⁸. Молодой боспорский аристократ (его принято называть по отчеству Сопеидом, так как имя нам не известно) заказал речь знаменитому афинскому оратору и мыслителю, с которым был знаком и, вероятно, числился среди его учеников. Обучение в первоклассной ораторской школе Исократов длилось 3 – 4 года и стоило очень дорого. Сын богатейшего боспорца имел возможность оплатить учебу. Молодой человек оказался в Афинах из желания увидеть города Эллады, о которых был немало наслышан. Отец поддержал сына, считая важным для него получить образование и набраться жизненного опыта, доверил большую сумму денег и два

корабля с хлебом для продажи (чтобы тот заодно поучился вести коммерческие сделки). Но случилось так, что юноша оказался обманутым афинским дельцом Пасионом, против которого ему пришлось возбудить судебное дело, что произошло между 393 и 391 гг. Он воспользовался любезностью своего учителя, и тот составил для него обвинительную речь. Нам не ведома дальнейшая судьба Сопеида. Вероятнее всего, он пошел по стопам отца, стал государственным деятелем и коммерсантом, но длительное пребывание в Афинах и учеба у Исократа, общение с ним самим и его талантливыми учениками не должны были пройти бесследно: помогли юноше сделать карьеру, стать культурным человеком, любителем наук и оратором. Школу Исократа прошел не только Сопеид, но, судя по некоторым свидетельствам, и другие боспорцы и вообще понтийцы⁹. Она была одной из лучших в Элладе, но не единственной, поэтому греки из городов Северного Причерноморья получали образование и в других школах.

В IV в. до Р. Х. греческая философия и риторика процветали, что не могло не сказаться на повышенном интересе к этим предметам на периферии Эллады. Взлет культуры в северопонтийских государствах этого времени стимулировался и общим подъемом их экономики, расширением разнообразных связей с соседними и отдаленными районами, ростом авторитета на международной арене. Возможно, именно тогда в городах Северного Причерноморья появились собственные философские и риторические школы, дававшие своего рода высшее образование, готовившие молодых людей к общественной жизни, обучавшие красноречию и наукам. Логично и красиво говорить должны были активные участники политической жизни. От этого и более позднего времени эпиграфические памятники донесли до нас немало имен людей, заслуживших особое доверие, уважение и почет от сограждан за благодеяния, миротворчество, полезные советы и дельные предложения; красноречие, ум, образованность позволяли им добиваться успехов на политическом поприще как у себя на родине, так и за ее пределами, выступать в роли послов и дипломатов на международной арене. Большинство такого рода текстов (в основном декретов от имени народа и должностных лиц) происходит из Ольвии и Херсонеса, где господствовали полисные установления, не мыслимые без свободы слова, ораторов, дискуссий. Боспорские тираны и их ставленники должны были ограничивать свободу городов и полисные вольности. Однако и в городах Боспора, как свидетельствуют надписи (обычно эпитафии), было немало людей, удостоившихся уважения сограждан за любовь к наукам и ораторский дар.

До нас не дошли речи, которые произносили при стечении народа эти люди, поэтому в качестве образца риторического искусства можно привести Херсонесскую присягу (IRE. I².401 = СП. С. 217 – 218). Мы не знаем имени автора (авторов) этого документа, составление которого было вызвано какими-то чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в государстве в начале III в. до Р. Х., но наверняка это был один из выдающихся граждан, безупречный патриот, мудрый политик. Опытного оратора, хорошо знакомого с теорией и практикой риторики в нем выдает текст присяги уже с первых слов: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют

городом, землей и укреплениями херсонесцев...» Текст явно рассчитан не на читателя, он должен звучать на торжественном собрании свободных и полноправных граждан, защитников родины, поднимать их дух и воспитывать.

В IV – III вв. жили и пропагандировали свои учения первые известные нам из источников профессиональные философы из Северного Причерноморья.

Боспорский мыслитель второй половины IV в. Дифил, сын Евфанта, упоминается в сочинении Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (II.11.113 – 114) в рассказе о Сильпоне (род. около 380 г.), представителе мегарской школы философов, слушавшем кого-то из учеников Евклида или даже самого Евклида из Мегар (поэтому его последователей называли мегариками, а после – диалектиками, так как они имели обычай «представлять рассуждения в вопросах и ответах» – Диоген Лаэрт. II.10.106). Евклид «...заявлял, что существует одно только благо, лишь называемое разными именами: иногда разумением, иногда богом, а иногда умом и прочими наименованиями», противоположное благу отрицал, говоря, что оно не существует (Диоген Лаэрт. II.10.106). Мегарская школа Евклида была одной из школ, основанных в начале IV в. некоторыми из учеников афинского мыслителя Сократа. По утверждению Диогена, ее представитель Сильпон «...настолько превосходил всех изобретательностью и софистикой, что едва не увлек в свою мегарскую школу всю Элладу», отбивал учеников у философов других школ, а Дифила и Мирмека, вышедших спорить против него, сделал своими страстными приверженцами. Таким образом Дифил стал учеником Сильпона, а после, надо полагать, и сам проповедовал учение мегариков на родине и в других местах.

Другой боспорский мыслитель этого времени – Смикр – был популяризатором философских учений. Его имя и род деятельности известны благодаря находке в Пантикапее стихотворной метрической надписи на камне: «Это памятник Смикра, который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения. Его воспитали музы, а он учил на распутьях (дорог) и дал согражданам наилучший образ мыслей» (КБН.118)¹⁰. Смикр явно пользовался уважением и особым доверием сограждан, они не без пользы слушали его: он дал им «наилучший образ мыслей». Человек незаурядных умственных способностей (воспитанник муз), наш философ в духе Сократа и софистов делился своими мыслями там, где обычно собиралось много людей – на перекрестках дорог. Мы не знаем, к какой философской школе тяготел Смикр, но из текста надписи следует, что его учение было доступным, ясным, касалось не отвлеченных, лишь немногим понятных тем, а вопросов общественного бытия, духовного мира человека, счастья, добра и зла, справедливости, что вообще было традиционным для философов IV в. и более позднего времени.

Профессиональным философом, известным за пределами родины и удостоившимся чести попасть на страницы книг Диогена Лаэртского (II.11.117; 17.135; IV.1.5.10; 4.23; 7.46-58) и других античных писателей, был Бион Борисфенит, время жизни которого приходится на последнюю четверть IV – 60-е гг. III в.¹¹. Он жил в эпоху, когда в Элладе процветало немало разных философских школ, то есть было чему поучиться. Однако непросто оказалось сделать выбор и остановиться на

каком-то одном из учений прибывшему на чужбину жителю Ольвийского государства, тем более человеку низкого социального статуса и вряд ли имевшему достаточную предварительную подготовку. Диоген рассказывает, что на вопрос македонского царя Антигона Гоната, кто он таков, Бион ответил: его отец – отпущенный на волю раб, торговец рыбой, родом борисфенит, мать – блудница (по Афинию со ссылкой на Никия Никейского, лаконская гетера – ВДИ. 1948. №2. С.292)¹². Уже будучи свободным отец его проворовался и оказался проданным в рабство со всей семьей. Бион стал рабом одного ратора (наверняка ольвиополита), который освободил его и сделал своим наследником (возможно, был его первым учителем). Бион сжег все его сочинения. Продав полученное имущество, «наскреб денег», чтобы добраться до Афин и там заняться философией. Его жизнь прошла в учении. Слушал всех, кого удавалось: представителей платоновской Академии, киников (Кратета), софистов (Феодора Безбожника), перипатетиков (Феофраста). В результате «его речь была смешана из выражений разного стиля», так что он, как выразился Эратосфен, первым «облек философию в пестрые одежды» (Диоген. Лаэрт. IV.7.52; Страбон.I.2.2). Впрочем, более всего его увлекали идеи киников. Образ жизни он перенял у софистов и стал странствующим учителем мудрости, оказывая, по словам Диогена, «немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения». Известно, что преподавал на Родосе приезжавшим туда учиться риторике афинянам. Но вообще-то на одном месте не засиживался, часто переезжал из города в город. Некоторое время, подражая киникам, бродил в плаще с посохом. Впрочем, частая смена мест обитания, бродяжничество, кажется, были вынужденными. В Афинах вряд ли человек из захолустья и, в общем, не выдающийся философ мог рассчитывать на особую популярность и материальное благополучие; в других городах он не задерживался, возможно, из-за того, что быстро наживал недоброжелателей, так как был заносчив, себялюбив, хитер. не порядочен по отношению к друзьям, любил злословить, высмеивать всех и вся – философов, поэтов, грамматиков, музыкантов, математиков, прорицателей. Его подражание простоте жизненного уклада киников (плащ и посох), ратовавших за возвращение к «природе», естеству, отвергавших законы, обычаи, собственность, социальные градации, рабство, выглядит как временное увлечение, ибо в действительности Бион имел пристрастие к роскоши и «в богатстве видел движущую силу всякого дела». У Биона было много слушателей, но никто, уверяет Диоген, не считал себя его учеником. В конце жизни философ тяжело болел, нищенствовал, каялся в своем безбожии и грехах, умер в Халкиде.

Бион написал много сочинений, до нашего времени не дошедших. В древности они были достаточно популярными, их цитировали многие авторы. Сохранились некоторые его сентенции. Они свидетельствуют об интересе философа к материальным и нравственным ценностям, человеческим слабостям, религиозным вопросам. Д. С. Спиридонов замечает, что Бион во имя независимости был врагом философской догмы, отсюда его критика Платона и утверждение: у каждой истины есть противоположная ей такая же истина¹³. Судя по всему, философом Бион был не великим, но имел дар красноречия («искусный софист», «умел производить впечатление на зрителей» – Диоген Лаэрт. IV.7.47, 52. Впрочем, Гораций в

послании «К Флору» говорил, что речи Биона с «едкою, черною солью») и не был лишен писательского таланта. Писал много разнообразных сочинений, наибольший интерес среди которых вызывали его диатрибы (популярные назидательные беседы философско-морального содержания, какие любили киники) и особенно пародии (на Гомера и иных поэтов). В этом отношении у него было немало подражателей. Да и сентенции Биона Диоген называет полезными и дельными. Он умел ценить разум, призывал мужественно переносить несчастья, осуждал зависть, скупость. Неоднократно обращался к теме старости, считал присущим ей зрелое разумение, говорил, что не стоит ее бранить – ведь каждый хотел бы дожить до старости. В свое время Бион был знаменитостью, и не случайно Антигон Гонат принял участие в нем, особенно когда он тяжело болел (Диоген Лаэрт. IV.7.54).

Перед нами, несомненно, интересная и многогранная личность, человек даровитый, образованный, хотя и со многими недостатками, противоречиями – что нередко бывает с людьми неординарными, достигшими успеха, признания. Принято считать, что Диоген при составлении биографии Биона пользовался каким-то недошедшим до нас памфлетом, исходившим из среды бионовских недоброжелателей, но и Диоген дает нашему философу двойную характеристику: в основном осуждая, все же признает его достоинства. Другие древние авторы вообще не были к Биону особенно суровы, ведь он был софистом и проповедовал немало идей киников – а значит, имел странности, вел себя непредсказуемо и вольно.

Философ-стоик Сфер Боспорский (около 281 – после 221 г.) в некотором роде повторил судьбу своего старшего современника Биона¹⁴ – в молодые годы покинул родные края, учился в Афинах, жизнь провел на чужбине. Диоген Лаэртский (VII.6.177) ставит Сфера в ряд тех учеников основателя стоической философской школы в Афинах Зенона Китийского, которые пользовались известностью, и говорит о его больших успехах в науках; Плутарх (Клеомен. XXIII [II]) называет его одним из самых способных учеников Зенона. После смерти учителя (около 262 г.) Сфер стал слушателем последователя Зенона Клеанфа, а после и сам учил философии в Афинах¹⁵. Сфера увлекали не только академические изыскания, но и жизнь практическая, что было, впрочем, в духе пропаганды стоиков заниматься активной общественной и государственной деятельностью. Как заметил А. Л. Берлинский, «...мало кто из стоиков в такой степени, как Сфер, соответствовал идеалу, соединявшему существенные черты «созерцательной» и «деятельной» жизни», которые отстаивали сами стоики, например, в лице Хрисиппа¹⁶. В практических делах огромную помощь оказала Сферу хорошая теоретическая подготовка: знание учений философов прошлого и своих современников, особенно взглядов Зенона на существо космоса, его рассуждений о разуме (который побуждает индивидуума думать о последствиях своих поступков и подчинять инстинкты голосу рассудка), добродетели, благе и зле; он проникся идеями космополитизма стоиков, их любовью к ближним и ко всему человечеству.

Видимо, надолго наш философ связал свою жизнь со Спартой, куда прибыл в середине 40-х гг. III в. и где стал учителем мудрости для юношей. Среди его учеников оказался будущий спартанский царь Клеомен III. Еще до прихода к власти Клеомен сформировался как личность под сильным влиянием Сфера, который

развил в нем честолюбие (Плутарх. Клеомен. XXIII [II]), и стал человеком, «...искусным в обращении, способным к ведению государственных дел» (Полибий. V.39.6). Из рассказа Плутарха мы знаем, что в правление Клеомена (235 – 222 гг.) Сфер выступал в роли наставника и советника царя-реформатора, мечтавшего о возрождении спартанской гегемонии в условиях затянувшегося кризиса спартанского общества и государства. Философ стал его правой рукой в деле реорганизации общественной системы воспитания юношества в соответствии со старыми порядками (телесные упражнения, общие трапезы и пр.), причем, так сумел внедрить в умы молодежи мысль об их целесообразности, что большинство «...быстро и охотно свыклось с простым, истинно лаконским образом жизни» (Клеомен. XXXII [XI]). Но для того, чтобы достичь успеха, Сферу понадобилось глубоко изучить историю Спартанского государства, особенности его социально-политической системы, ее сильные и слабые стороны, всесторонне продумать программу преобразования лаконского общества в новых условиях. О его шгудиях свидетельствуют названия сочинений, приведенных Диогеном: «О спартанском государственном устройстве», «О Ликурге и Сократе»; впрочем, и другие произведения Сфера могли затрагивать лаконские темы. Кажется, спартанский период жизни философа был достаточно длительным и его труды не прошли даром: Спарта вновь подняла голову, усилилась ее военная мощь, возросло влияние в Пелопоннесе (хотя итог бурной деятельности Клеомена внутри государства и на международной арене и был трагичным: Македония свела на «нет» его реформы и военные успехи, Клеомен вынужден был скрываться в Египте, где, заподозренный в заговоре, покончил о собой – Полибий. V.59; Плутарх. Клеомен. LVIII [XXXVII]).

Немаловажным событием в жизни Сфера было его посещение Александрии Египетской, где он находился при царском дворе и вел научные беседы. Возможно, он осуществил две таких поездки. В первый раз Сфер оказался в Египте по поручению своего учителя. Диоген рассказывает: «Когда Птолемей обратился к Клеанфу с просьбой приехать к нему или кого-нибудь послать, то Сфер поехал, а Хрисипп уклонился» (VII.7.185). Это могло быть еще до его пребывания в Спарте, тогда, когда он и Хрисипп числились в учениках Клеанфа, то есть в правление или Птолемея II Филадельфа или сменившего его на троне в 246 г. Птолемея III Эвергета. Вторая его поездка описывается Диогеном следующим образом: «... Сфер Боспорский, который потом, достигнув больших успехов в науках, уехал в Александрию к Птолемею Филопатору» (VII.6.177). Это могло произойти не ранее 221 г. (когда Филопатор вступил на престол) и по причине пребывания в то время в Египте Клеомена¹⁷. Вероятнее всего, Сфер хотел помочь своему ученику в трудное для него время, посоветовать, как действовать в дальнейшем. Тем более, что при дворе Птолемеев философа уже знали¹⁸. Увы, помочь Клеомену не удалось.

Сферу довелось беседовать с Птолемеем IV Филопатором. Он победил царя в споре, доказав, что мудрец не подвержен ложным мнениям; он также парировал некоему Мнесистрату, пытавшемуся дискредитировать Сфера, якобы говорившего, что Птолемей не царь¹⁹, следующим образом: «Если Птолемей таков, каков он есть (то есть мудрец? – Э. П.), то он царь» (Диоген Лаэрт. VII.6.177). Ответы Сфера

соответствуют представлениям стоиков: познания мудреца истинны; правитель -- всегда мудрец²⁰.

Сфер Боспорский -- автор многих книг, которые до нас не дошли (если не считать нескольких ничтожно малых фрагментов), но из перечня их наименований у Диогена ясно, что круг его научных интересов был широк (VII.6.178). Здесь и проблемы физиологии человека, и диалектика (его даже называли «гераклитовцем» -- IX.1.15), логика; нашего философа увлекали вопросы этики и политики, отсюда такие труды, как «О построении этики», «О надлежащем», «О побуждении», «О страстях», «О царской власти», «О законе», «О богатстве», «О славе»; не чужд он и языковедческим тем, любил также углубиться в историю философии. Все это выдает в нашем авторе серьезного, многогранного мыслителя. Перед нами одаренный и деятельный человек, внесший свою лепту в развитие античной философской и политической мысли.

Третье имя, фигурирующее в античной литературе, -- Посидоний Ольвиополит. Сведения о нем очень ограничены и тем не менее достаточны, для того, чтобы включить его в ряд интересных, широкообразованных мыслителей. В средневековом словаре «Свида» Посидоний назван софистом и историком, говорится также, что его сочинения касались истории Аттики, Ливии²¹. Были у Посидония и другие труды. В одном из них описывается страна, название которой, видимо, дано в словаре с ошибкой. Принято считать, что автор имел в виду тирскую страну. Исправление ошибки в тексте «Свиды», предложенное В. П. Яйленко, кажется наиболее предпочтительным и простым -- оно предполагает видеть в названной стране не Тир, а Таврику, что гораздо уместнее, ведь автор родом из Северного Понта. Скучные данные источников привели Яйленко к некоторым интересным и в целом обоснованным предположениям относительно жизни и творчества Посидония, как-то: в молодые годы он покинул родину и обучался в Афинах (на то указывает его «Аттическая история»); его сочинение о Таврике, включавшее географические сведения, послужило источником для «Географии» александрийского ученого II в. по Р. Х. Клавдия Птолемея. Время жизни Посидония обычно укладывают в рамки III -- II вв. до Р. Х. (Яйленко -- в последнюю треть II в.). Интерес к философии, истории, географии (сочинения об Океане и Таврике) выдает в нем последователя эллинистического мыслителя Полибия из Мегалополя, чей труд «Всеобщая история» стал примером для многих античных авторов.

Если об исторических и географических пристрастиях Посидония хоть кое-что известно, то о его философских занятиях мы, к сожалению, не знаем ничего, кроме того, что он был софистом, то есть учителем мудрости и красноречия, видимо, странствующим (названия сочинений выдают в нем человека, повидавшего разные земли). В круг интересов софистов входили многие вопросы, особой популярностью пользовались политика, право, законы, мораль. Не исключено, что Посидоний в беседах с учениками предпочитая близкие ему историко-географические темы, рассуждения о Земле, Океане, странах и народах.

Бион, Сфер, Посидоний учились и действовали за пределами родины, покинув ее в молодые годы, и нельзя сказать, возвращался ли кто-нибудь из них хотя бы на короткое время в северопричерноморские края. Тем не менее, начальное и среднее

образование Сфер и Посидоний, конечно же, получили в родном городе, откуда и отправились в Афины в поисках учителей мудрости, Бцион мог обучаться у своего хозяина-ритора. Значит, подготовку для восприятия философских идей они получили в городах Северного Причерноморья. Своей деятельностью эти люди прославили далекую северную периферию античного мира, ведь их многочисленные слушатели и читатели знали откуда они родом. А среди слушателей и читателей был кое-кто и из их соотечественников. Через них о Бционе, Сфере, Посидонии становилось известно и на родине.

К этой плеяде нужно причислить также историков, ведь история всегда шла рука об руку с философией. Автор исторического труда обязательно является мыслителем, так как он – хочет того или нет – создает собственную концепцию, прямо или завуалировано выражает свое отношение к описываемым событиям и людям. Серьезными историками эллинистического времени были Аноним Боспорский, Сириск Херсонесский и некоторые другие²². Все эти мыслители вызывали восхищение и гордость потомков, причислявших их «к прежним великим людям» (КБН.145). Среди таковых были не только те, кто большую часть жизни провели за пределами родины, но и такие, которые жили и создавали там, где родились. Их имена донесли до нас в основном эпиграфические памятники.

В 1840 г. в Пантикапее – столице Боспорского царства – была найдена надгробная каменная стела II в. до Р. Х. с изображением мужчины, одетого в плащ, со свитком в левой руке, справа от него – фигурка мальчика (КБН.146). Под рельефом – стихотворная эпитафия, представляющая собой краткий, но содержательный и душевный рассказ о Саббионе, сыне Стефана, преждевременная смерть которого стала «...предметом скорби для матери и печали для отца». Все, кто знал покойного, считали его человеком доблести, восхищались его добрым нравом и умом. Автор надписи восклицает: «Музы, прежде услаждавшие тебя среди нас, теперь плачут над тобой, несчастный». Свиток в руке изображенного на стеле покойного, упоминание муз, богинь поэзии, искусств и наук, которые «услаждали» его при жизни, выбрав среди всех других, свидетельствуют о роде занятий этого человека. Он, вероятнее всего, был грамматиком – так с эпохи эллинизма называли специалистов по языку и литературе, то есть филологов. Ведущим центром в изучении грамматики тогда была Александрия Египетская с ее Мусейоном («храмом муз») и знаменитой библиотекой. Но такие специалисты имелись и в других местах. Они занимались языкознанием, комментировали, изучали и издавали литературные тексты, а также преподавали грамматику в учебных заведениях. Саббион вполне мог быть педагогом. Род его занятий предполагает, что он был сведущ в философских учениях своего времени.

«Любителем наук» назван на надгробной известняковой стеле второй половины I в. до Р. Х. Гелиодор из Пантикапея (КБН.125). В стихотворной (метрической) надписи говорится о постигшем родителей горе: несчастная мать «...руками своими закрыла глаза двум сыновьям, не познавшим брака». Старшим из них, видимо, был Менодор – он уже собирался вступить в брак, да не успел. Младшим – восемнадцатилетний Гелиодор, «соименный отцу». Мы не знаем, какое несчастье унесло в страшный ад братьев – то ли эпидемическая болезнь, то ли трагический

случай. Не успел расцвести талант юноши, главной чертой которого автор надгробных строк счел нужным назвать его особую любовь к наукам.

Имя Гекатея – боспорского мудреца, вероятно, гражданина Пантикапея – известно благодаря найденной недалеко от Керчи стихотворной надписи на мраморной стеле второй половины I в. до Р. Х. (КБН. 121)²³. В переводе текст эпитафии звучит следующим образом: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий». Эпитафия необычна, потому вызвала спор среди исследователей: в Гекатее видят и скромного философа-самоучку, который благодаря врожденному уму сумел найти единственно верный путь, принимая какие-то жизненно важные решения, и представителя религиозно-философского учения орфизма, обещающего своим последователям (и только им) блаженную жизнь после смерти. Публикатор надписи Ю. Ю. Марти полагал, что Гекатей был ученым или философом, что он покончил с собой, и тем самым обрел «...славу высшей мудрости не словом только, но и жизнью», с чем нам совсем не обязательно соглашаться. Важно то, что Гекатей «запечатлел славу мудрости» среди сограждан, причем, это была слава, обретенная не речами, а самой жизнью. Он, видимо, не имел какого-то специального философского образования, но стал знаменит своей собственной мудростью и своими поступками. Нельзя не согласиться с Д. В. Панченко: «Постижение «священных решений» послужило Гекатею опорой для того, чтобы прожить так, как подобает мудрецу»; он, Гекатей, выработал жизненный стиль, угодный богам и ими освященный (отсюда в эпитафии «священные решения», которые принял наш мудрец-самбучка), фраза же «избежал круга мучительных страданий» означает то, что Гекатей умер во цвете лет и таким образом избежал старческих мучений. Жаль, что мы никогда не узнаем, какими именно были выработанные жизнью и освященные богами решения Гекатея, что сделал он полезного и доброго для славивших его сограждан.

Эпитафия Гекатея, как и некоторые другие источники, относящиеся к переходной эпохе в истории Боспорского царства, каковой был рубеж эр, свидетельствуют о новых явлениях в духовной жизни эллинов, их повышенном интересе к личности, ее размышлениям и поступкам, нравственным качествам, заслугам перед согражданами, отечеством, стремлении подчеркнуть то уважение и почет, которыми платят сограждане лучшим из своей среды. Все это – результат социально-политической и духовной обстановки, сложившейся на Боспоре в сложное для всего общества и каждого отдельного человека время – время нравственных исканий и полемики о выборе жизненного пути²⁴. Внимание к внутреннему миру индивидуума и его общественной пользе – не короткая вспышка, оно стало традиционным, тем более что в первые вв. по Р. Х. жизнь боспорцев, как и жителей других северопонтийских государств, была достаточно тревожной, уповать приходилось в первую очередь на себя и собственные силы, на людей наиболее близких (особенно по духу).

В качестве примера можно привести стихотворную эпитафию на каменной стеле первой половины I в. по Р. Х. (КБН. 138). Ее автор называет имена умерших – это пантикапейский гражданин Мастус и его мать Хрисиария, далее говорится о

Мастусе: «Почетъ стяжавший царей и сограждан, обычаем добрый Маст по кончине своей в славной гробнице лежит». Погребенный предстает перед нами человеком высоких достоинств, всеми уважаемым, пользующимся почетом как у боспорских правителей, так и у сограждан. Есть и другие, подобные этой эпитафии. Так, в надписи на стеле Хариксена говорится о «почете и доброй славе», заслуженных погребенным «от царя и народа»; в надписи на стеле Психариона – о «доброй славе» этого человека, «среди смертных почете» и памятнике, которого он удостоился «со стороны отечества»; в надписи на постаменте надгробной статуи безвременно погибший от руки варваров Лисимах назван «ласковым в обращении со всеми гражданами и с чужеземцами» (КБН. 140, 143, 120).

По-прежнему наряду с нравственными качествами высоко ценились ум, образование, занятия науками. В этом отношении наиболее показательна эпитафия Стратоника – боспорского мыслителя и писателя конца I-первой половины II в. по Р. Х. родом, скорее всего, из Пантикапея (КБН. 145)²⁵. На верхнем рельефе известняковой стелы изображен Стратоник со свитком в левой руке, рядом на столике лежат еще четыре таких же свитка, слева от хозяина – слуга. На нижнем рельефе мы видим Стратоника вооруженным всадником и также фигурку слуги. Стихотворная эпитафия, составленная отпущенным на волю рабом Стратоника Сосием, гласит: «Хранивший разумность и славные нравы, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века. Стратонику, сыну Зенона, своему господину, воздвиг стелу Сосий вольноотпущенник, памяти ради». До нас не дошли книги боспорского ученого, но, судя по надписи, содержащиеся в них мысли были столь глубоки и ценны, что современники заслуженно причисляли их автора к «прежним великим людям» (видимо, имеются в виду такие боспорские мыслители, какими были Дифил, Смикр, Сфер) и считали, что его труды не будут забыты в веках. Выполняя воинский долг перед отечеством, Стратоник безвременно погиб. Вот почему на одном рельефе стелы он изображен в гражданском одеянии со свитками своих книг, на другом – воином на коне. Высоко оценены и нравственные качества Стратоника. Достоинно внимания то, что он сумел разглядеть поэтический дар своего раба Сосия, счел необходимым дать ему хорошее литературное образование, отпустил на волю и сделал своим добрым другом. В. Д. Блаватский справедливо полагает, что положение Сосия в бытность невольником должно было сильно отличаться от обычной участи раба и что он мог исполнять, например, обязанности секретаря у своего хозяина; текст эпитафии позволяет отметить начитанность Сосия, хорошее знание эпоса и лирики (если Сосий жил в доме Стратоника с детства, то там же получил и литературное образование – его учителем мог быть сам хозяин)²⁶.

Близко по времени свидетельство известного в греко-римском мире странствующего философа и оратора кинико-стоического толка из Прусы (Вифиния) Диона Хрисостома (Златоуста) об Ольвии и ее образованных, знающих толк в философии гражданах (ВДИ. 1948. №1. С. 228-233). Его Борисфенитская (XXXVI) речь неоднократно подвергалась анализу исследователей, ставивших перед собой разные задачи – найти в ней материалы об Ольвии и ольвиополитах рубежа I-II вв. по Р. Х., разобраться в сути учения Диона и вообще идейных

течениях в Римской империи того времени²⁷. Наиболее целесообразным представляется комплексный подход к речи Диона – стремление связать данные об Ольвии с теми философско-риторическими задачами, которые стояли перед автором.

В середине I в. до Р. Х. ослабленная варварскими набегами Ольвия, подобно другим городам Западного Понта, подверглась разгрому, учиненному гетами под водительством их вождя Бурбисты. Полтора века спустя (в 95 или 97/8 г. по Р. Х.) город посещает Дион Хрисостом и констатирует: «Город борисфенитов не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн», «...он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами», после гетского разорения пришел в полный упадок, потом вновь был заселен, однако его территория резко сократилась, постройки имели «плохой вид», жизнь протекала под постоянным страхом перед варварскими набегами, мужчины не расставались с оружием и доспехами. Накануне прибытия Диона враги осуществили очередную вылазку, так что ольвиополиты были в полной боевой готовности. Но это им не помешало тепло встретить чужестранца и завести с ним разговор на философские темы. Старейшие и почетнейшие граждане, должностные лица и большая толпа жителей собрались у храма Зевса и в полной тишине напряженно внимали речи Диона о государстве. Все сказанное им слушатели оценили как «превосходное и достойное предмета речи».

Дион обрисовал образы двух показавшихся ему наиболее интересными людей. Восемнадцатилетний Каллистрат, пользовавшийся репутацией храброго воина, занимался красноречием и философией, был страстным фанатом Гомера, как, впрочем, и другие ольвиополиты – почти все они знали наизусть «Илиаду» и никого из поэтов, кроме Гомера, не признавали. Но ведь Гомер был для греков великим учителем, из его произведений они черпали примеры для подражания и мудрость. Любовь к Гомеру равнозначна любви к философствованию. Другой избранник Диона – Гиеросонт – был «старейший по летам» и пользовался среди сограждан «величайшим уважением». Он сообщил оратору о любви некоторых ольвиополитов не только к Гомеру, но и к Платону. Сам Гиеросонт постоянно изучал его произведения, восхищался им, считал «лучшим представителем эллинства и мудрости». Старец попросил Диона рассказать «о божественном мироправлении или мироустройстве» («как оно составилось и в чем состоит»), придерживаясь в изложении «как можно ближе платоновской непринужденности», ибо язык его, «возвышенный и близкий к гомеровскому», наиболее близок и понятен ольвийским слушателям.

Ясно, что ни Каллистрат, ни Гиеросонт (как и никто из присутствовавших) не были профессиональными философами, но беседы на философские темы любили необыкновенно, готовы были вести их, несмотря на угрожающую опасность, а прибытие в их город Диона восприняли как счастливую возможность послушать мудрые речи, поспорить с известным ритором и знатоком эллинской философии. А. С. Русяева полагает, что Дион затронул в своей речи платоновское сочинение «Государство» и с позиции киников покритиковал некоторые его положения, не исключено, остановился на вопросе о социальном равенстве – это могло не всем понравиться²⁸. Вот почему Гиеросонт по праву старшего деликатно остановил его,

пояснил, что среди слушателей есть почитатели и знатоки Платона, и предложил обратиться (ради того, чтобы всем угодить) к теме «божественного мироправления или мироустройства». Дион с удовольствием исполнил эту просьбу. Такие люди, как Каллистрат и Гиеросонт, пользовались всеобщим уважением; природный ум, образование, высокие нравственные качества делали их советниками сограждан и создавали славу мудрецов.

В научной литературе принято говорить об идеализации Дионом ольвиополитов, далеком от реальности описании Ольвии и ее гражданского коллектива, которые выполняют роль декорации для философских рассуждений, предлагается рассматривать Борисфенитскую речь как источник по истории философии и риторики времени Римской империи, «...представлений о городском, гражданском и космическом порядке и об эллинстве на окраинах греческого мира»²⁹. С этим трудно не согласиться: очевидно, что группа граждан периферийного полиса выбрана автором в качестве наилучшего фона для ознакомления читателей с его философскими взглядами. Ольвиополиты в подаче Диона любознательны, вежливы, «эллины по характеру». По поводу собравшихся слушателей ритор замечает: «Философу очень понравилось бы это зрелище: все они были на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и бородатые...». Превратившуюся в захудалую по вине варваров Ольвию называет «старинным эллинским городом». В речи четко прослеживается задача автора: противопоставить мир цивилизации (то есть эллинский) миру варварства.

Тем не менее, неразумно отказываться от использования произведения Диона как источника по истории Ольвии I в. до Р. Х.-I в. по Р. Х. Для нас особенно важно, что представленные в нем образы лучших и мудрейших среди ольвиополитов при всей их идеализации, несомненно, имеют немало общего с людьми, чествуемыми в декретах (или восхваляемыми в эпитафиях) гражданами Ольвии и других северопонтийских государств. А заодно мы получаем еще одно подтверждение того, что на далекой северо-восточной окраине эллинского мира на протяжении веков не угасал интерес к интеллектуальной жизни, идейным течениям, образованные люди знали и обсуждали философские воззрения Платона и его последователей, концепции киников, стоиков. Не со всем соглашались, возможно, проявляли консерватизм, более тяготели к таким учениям, в которых особая роль отводилась богам, культу, магии. Это естественно в условиях жизни на периферии, куда новости доходили медленнее, а жизнь была сопряжена с постоянной угрозой, исходившей от соседних племен. Для них, как и для Диона, гражданин и культурный человек – это воин, мыслитель, любитель красноречия в одном лице (в то время как понятие «варвар» сводилось к грубости и невежеству)³⁰. Таков был идеал, разумеется, не всем доступный, но к нему следовало стремиться.

Сочинение Диона Хрисостома – ценнейший и уникальный источник для северопонтийского региона, довольно фрагментарно и не очень ярко и образно обрисованного в античной литературе. В нем есть попытка представить (пусть даже в идеализированном виде) личность, духовный мир индивидуума и гражданина. Но именно это наиболее интересно историку, ведь главнейший предмет его исследования – Человек, его труд и душа.

К вопросу о тяготении жителей государств Северного Причерноморья к теософии. Оно особенно проявилось в римское время. Отсутствие стабильности,

гарантий для нормального, спокойного течения жизни, полная зависимость человека от внешних по отношению к нему обстоятельств порождали беспокойство, страх, стремление спрятаться от окружающего мира и возложить заботу о себе на чужие плечи. Кто мог в таких условиях защитить? Государство, гражданский коллектив стали слабой опорой. Взоры людей все чаще обращались к могущественным богам Востока, они казались более отзывчивыми к нуждам маленьких людей. Упавали на ранее неизвестного, а теперь необычайно популярного безымянного Бога высочайшего, или вмещающего – синкретический культ, возникший в результате слияния черт разных греческих и негреческих божеств (эллинского Зевса, фригийского Сабазия, иудейского Яхве; не исключено и влияние молодой христианской религии). В нем видели самого справедливого и всемогущего из богов. В боспорских городах возникают культовые и профессиональные общества – синоды и фиасы, члены которых чаще всего почитали новых богов, в первую очередь Бога высочайшего. Люди разного этнического и социального происхождения объединялись в условиях укрепления монархии и упадка полисных институтов ради оказания друг другу помощи, желания быть в кругу себе подобных. По разным поводам составлялись списки членов фиасов – эти и другие по содержанию надписи фиасов дошли до нас в большом количестве из разных мест Боспорского царства и дают представление о новых веяниях в духовной жизни северопонтийских городов в первые вв. по Р. Х. (КБН. 75-108, 870, 898, 946, 967, 987-988, 1016, 1054-1055, 1129-1136, 1230-1231, 1259-1292)³¹.

Появились поклонники гностицизма – религиозно-философского учения, соединившего христианские догматы с греческой философией и восточными религиями. В гностических сектах много внимания уделялось магии и астрологии. Северопричерноморские памятники античного времени принесли немало гностических гемм, амулетов, перстней первых вв. по Р. Х. с изображением животных, богов, надписями³².

Взлет теософии и мистицизма не исключал, однако, и наличия людей, исповедовавших прагматичные учения своего времени. В первой половине II в. по Р. Х. жил в Пантикапее врач-эмпирик Авл Ситесий. Род его занятий известен благодаря найденной в Керчи надгробной известняковой стеле, украшенной рельефом с изображением мужчины в плаще, держащего в левой руке свиток, рядом с ним – алтарик, вокруг которого обвивается змея (КБН. 655). Под рельефом короткая надпись: «Авл Ситесий эмпирик, прощай». Эмпириками в Греции и Риме называли врачей и последователей философской школы скептиков, существовавшей в III в. до Р. Х.-III в. по Р. Х. Скептики отвергали догматы всех философских школ, говорили о недостоверности человеческого знания и невозможности познать сущность вещей. В римское время поклонниками скептицизма в основном стали врачи, проповедовавшие невозможность определить причины болезни, поэтому считавшие необходимым лечить человека на основании лишь видимых симптомов болезни (они были настоящими эмпириками, то есть практиками, и не стремились к философствованию). О занятии медициной Авла Ситесия свидетельствует не только надпись, но и рельеф с изображением свитка и змеи – атрибута бога врачевания Асклепия³³.

Эпиграфические памятники донесли до нас имена жителей северопричерноморских государств, возможно, полученные в честь выдающихся греческих и римских мыслителей (например, Сократ, Платон, Цицерон) – это косвенно свидетельствует в пользу того, что здесь знали их учения и сочувствовали им.

Очевидно, что города Северного Причерноморья были культурными центрами, где большое внимание уделялось образованию граждан, где были школы разных ступеней, включая и такие, в которых изучались риторика и, не исключено, философия. Кое-кто имел возможность получить образование за границей, слушать известных в греческом мире ораторов и мудрецов. Некоторые сами становились учителями риторики и философии: одни – на родине, другие – за ее пределами. Примечательно, что среди этих людей были не только чистые эллины, но и полукровки и даже эллинизированные варвары (важно и то, что это не смущало греков из собственно Эллады, которые превыше всего, в том числе происхождения, ценили природный ум и образованность). Тесные экономические и политические связи со многими греческими центрами (особенно малоазийскими и Афинами) позволяли жителям окраины общаться с незаурядными людьми: слушать их речи, беседовать, спорить. Знакомиться с новыми течениями в духовной жизни Эллады можно было также благодаря чтению поступающих оттуда книг.

Материалы из городов Северного Причерноморья расширяют наши знания о духовной жизни античных народов, их миропонимании и созидании, они подтверждают давно усвоенную нами мысль: в истории человечества едва ли не наиболее благоприятной для интеллектуальных занятий была античная эпоха.

Примечания

1. Отдельные аспекты темы затрагивались в работах разных исследователей, на которые я буду ссылаться; специально тема разрабатывалась Д. С. Спиридоновым, основное внимание уделившим изучению жизни и деятельности Биона Борисфенита и Сфера Боспорского (Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли //ИТУАК. 1918. №54. С.187-233).

2. Петрова Э. Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки //КНП. 1998. №4. С. 108-123.

3. См. подробнее: Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991; Она же. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998; Петрова Э.Б. Озявшие в Тавриде боги: Северное Причерноморье в античных мифах и легендах. Симферополь, 1994.

4. Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии //ВДИ. 1978. №1. С. 87-104; Она же. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979. С. 73-91; Она же. Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья //ВДИ. 1986. №2. С. 25-64; Она же. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. См. также: Жмудь Л. Я. Орфические граффити из Ольвии //Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 94-110; Макаров И. А. Орфизм и греческое общество в VI-IV вв. до н. э. //ВДИ. 1999. №1. С. 8-19.

5. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 402-423.

6. В диалогах Лукиана «Скиф, или гость», «Токсарид, или дружба» (ВДИ. 1948. №1. С. 302-303, 305-314) упоминается скифский мудрец Токсарид, прибывший в Афины во времена Солона «...руководимый желанием познакомиться с эллинской образованностью», муж, «...отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям», как истинный сын своего народа. более всего ценивший в людях доблесть, смелость и настоящую дружбу. Человек «из толпы простых скифов», Токсарид не вернулся на родину, он умер в Афинах, а через некоторое время был признан там героем, в нем видели одного из Асклепиадов, величали (подобно самому Аполлону) Врачом и приносили ему жертвы. Конечно, Токсарид – личность легендарная, но примечательно признание мудрецом и обожествление варвара гордыми своей культурой афинянами. Смущает, что Токсарид упоминается только у Лукиана, в то время как сведения об Абарисе, Анахарсисе сохранились в сочинениях многих древних писателей. Может возникнуть впечатление, что образ скифского мудреца

порожден фантазией самого Лукиана – именно таким автор видел собеседника грека Мнесиппа в диалоге о дружбе. Сомнительно, однако, что Лукиан придумал историю с героизацией и почитанием афинянами мудреца родом из Скифии. Надо полагать, был реальный прототип лукиановского Токсариды. Факты же его биографии – происхождение из простых скифов, семейное положение (покинутые в Скифии жена и маленькие дети), длительное пребывание (Токсарид считал, что о нем уже забыли на родине) и смерть в Афинах, встреча в Керамике и беседа с Анахарсисом – могли быть частично легендой, частично изобретением Лукиана.

7. Куклина И. В. Анахарсис //ВДИ. 1971. №3. С. 113-125; Кузнецова Т. М. Анахарсис и Скил //КСИА. 1984. №178. С. 11-17; Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989. С. 101-113; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор... С. 60-72.

8. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н. э. М., 1959. С. 116-127; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор... С. 139-146.

9. Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор... С. 145.

10. Латышев В. В. Неизданные боспорские надписи //ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 92-94. №1.

11. Спиридонов Д. С. Указ. соч. С. 189-216.

12. В. П. Яйленко полагает, что родители Биона были родом из туземного (скифского) или метисного (эллино-скифского) населения и принадлежали к социальным низам Ольвийского полиса (Человек в античной Ольвии //Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 121-122).

13. Спиридонов Д. С. Указ. соч. С. 208.

14. Там же. С. 216-233; Берлинский А. Л. К боспорской просопографии: стоик Сфер //Очерки по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 146-177. Плутарх в биографии Клеомена называл Сфера борисфенитом (XXIII [II]). Но все другие данные, в первую очередь Диогена Лаэртского (УП.1.37; 6.177), свидетельствуют в пользу его боспорского происхождения.

15. См.: Берлинский А. Л. Указ. соч. С. 176.

16. Там же.

17. Д. С. Спиридонов полагает, что не ранее середины 220 г., когда Клеомену понадобилась помощь в связи с возникшими у Птолемея подозрениями относительно его верности (Указ. соч. С. 227). Надо думать, что после смерти Клеомена Сфер не задержался в Египте, а вскоре и умер.

18. Могло ли иметь какое-то значение и то, что со второй четверти III в. заметно расширились связи между Боспором и Египтом? (Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. //ВДИ. 1985. №1. С. 126-139).

19. Похоже на то, что донос царского приспешника был вызван изменившимся отношением Птолемея к Клеомену.

20. А. Л. Берлинский (Указ. соч. С. 171-174) полагает, что Сфер не просто повторил положения своего учителя Зенона об истинности знаний мудреца, но и внес в него свои нюансы, которые могли родиться в его полемике с Академией; он также приводит различные взгляды современных авторов на эти два пассажа из Диогена, связанные с пребыванием Сфера в Александрии. Разночтения свидетельствуют, что не всегда легко понять ответы нашего философа своим оппонентам – в его словах чувствуется некоторая двусмысленность и стремление хитроумно выйти из положения. Особенно это касается утверждения, что Птолемей – царь: царь – потому что мудр? или царь – потому что является носителем этого титула?

21. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887. С. 144; Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский //СА. 1978. №3. С. 80; Яйленко В. П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, поэт Дионисий, историк Посидоний //Тезисы докл. Крымск. науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 276.

22. Петрова Э. Б. Историческая традиция...

23. Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора //Из истории Боспора. Л., 1935 (ИГАИМК. Вып. 10). С. 76-77; Панченко Д. В. Эпитафия Гекатея //Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 28-42.

24. Панченко Д. В. Указ. соч. С. 40-42.

25. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 385-386. Рис. 64.

26. Блаватский В. Д. Рабство в античных государствах Северного Причерноморья //СА. 1954. Т. 20. С. 51, 53.

27. См., например: Трофимова М. К. О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома //ВДИ. 1959. №3. С. 151-162; Подосинов А. В. Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э. //Вопросы источниковедения и историографии досоветского общества. М., 1979. С. 19-32; Он же. Овидий и

Причерноморье, опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования: 1983 г. М., 1984. С. 150-153; Русяева А. С. Религия и культуры... С. 22-25; Браунд Д. Сообщение об Ольвии Диона Хрисостома: литературная традиция и философские представления // Древнейшие государства Восточной Европы: 1996-1997 гг. М., 1999. С. 271-282.

28. Русяева А. С. Религия и культуры... С. 24.

29. Браунд Д. Указ. соч. С. 282.

30. Трофимова М. К. Указ. соч. С. 159.

31. См., например: Дьячков С. В. О социальном составе и характере боспорских фиасов в I-III вв. н. э. // ВХУ. №362. История. 1992. Вып. 25. С. 96-103.

32. Неверов О. Я. Гностические геммы, перстни и амулеты юга России // ВДИ. 1979. №1. С. 95-103.

33. Не исключено, что умерший на Боспоре врач-эмпирик был родом из иных мест: известно, что в первые вв. по Р. Х. в городах Северного Понта практиковало немало римских врачей (Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 100); они, конечно, способствовали распространению там популярных в империи теорий.

Анотація

Петрова Е. Б. Мислителі античних міст Північного Причорномор'я.

У статті йде мова про джерела філософської думки в античних містах Північного Причорномор'я, подається галерея професійних філософів, риторів, а також любителів мудрості з Ольвії, Боспору, Херсонесу, життя та діяльність яких стали відомі дякуючі творам стародавніх авторів та епіграфічним пам'яткам. виявляється специфіка філософсько-риторичного мислення на північно-східній околиці античного світу.

Summary

Petrova E. B. Thinkers of the Northern Black Sea Coast antique cities

The article tells about the sources of philosophical ideas, of antique cities of the Northern Black Sea Coast. A number of professional philosophers, rhetors as well as Olbia, Bosphoros and Chersonesos wisdom admirers whose life and activity are known due to works of ancient authors and epigraphic sources is given here. Specific futures of philosophical and rhetoric thinking on the North-Eastern of outskirts of the antique world are revealed.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории (Москва)

ВХУ – Вестник Харьковского университета

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Москва)

ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры (Москва)

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)

КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

КНП – Культура народов Причерноморья (Симферополь)

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР (Москва)

СА – Советская археология (Москва)

СП – Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

IRE. I² – Latyshev V. Inscriptions orae septentrionalis Ponti Euxini. V. I². Petropoli, 1916.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КРЫМСКИХ ВЛАСТЕЙ (1921-1929 ГОДЫ)

Маковский В. В.

Земельный и национальный вопросы в условиях провозглашённой в октябре 1921 года Крымской АССР всегда переплетались и дополняли друг друга. Важнейшей особенностью этих условий являлся многонациональный состав населения полуострова: здесь проживали представители 70 различных народов. По переписи 1921 года наиболее значительными по численности были 10 народностей [1]:

Национальность	Численность населения	В % отношении ко всему населению
Русские	371.018	51.7
Татары	196.715	26
Евреи	49.404	6.9
Немцы	42.350	5.9
Греки	23.868	3.4
Армяне	12.017	1.7
Болгары	10.572	1.5
Поляки	5.734	0.9
Караимы	5.564	0.7
Латыши и эстонцы	4.177	0.5

Состоявшаяся в Крыму в мае 1921 года 1 областная партийная конференция в своей резолюции отметила: "Коммунисты-татары нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, смешивая интересы трудящихся данной нации с общенациональными интересами" [2]. Такой вывод был сделан потому, что значительная часть коммунистов из крымских татар, зная о том, что в Москве рассматривался вопрос о провозглашении Крыма республикой, добивалась национальной, крымско-татарской автономии. Руководство Крымского обкома РКП(б) не разделяло этой позиции, считая, что крымская автономия может быть только интернациональной, поскольку основную массу населения полуострова представляли многие национальности, а на крымских татар приходилась лишь четвертая его часть.

Возникшие разногласия были перенесены в сферу беспартийных, и это сразу же сказалось на взаимоотношениях двух самых крупных народов Крыма. Секретарь Крымского обкома партии Носов на XI партконференции говорил: "В некоторых деревнях наблюдается антагонизм между русским и татарским крестьянством" [3]. Но не только разногласия по проблемам автономии повлияли на это. Сказывались и другие причины. Прибывавшее на протяжении длительного времени в Крым русское население постепенно сужало земельные наделы татар. К началу 1921 года 75% крестьянских татарских хозяйств были совершенно безземельными [4]. Приход в очередной раз в Крым Советской власти не был сразу ознаменован распределением национализированных земель между крестьянами, чем было вызвано недовольство в первую очередь именно татарского крестьянства, в

особенности предгорных и горных районов, где наиболее остро ощущалось безземелье и малоземелье. Крестьяне-татары активно выражали протест против ликвидации Советской власти крымского штаба крестьянских объединений. Недовольство действиями властных структур со стороны сельского татарского населения зачастую переносилось на русских.

В середине 1921 года в Симферополе была проведена всекрымская беспартийная татарская конференция. В принятой на ней резолюции выдвигался ряд требований к властям, в том числе и по земельному вопросу. Представители татарского населения решительно высказывались за наделение его землёй за счёт совхозов. В сентябре 1921 года эти требования стали предметом рассмотрения на Президиуме ВЦИК. На заседании присутствовал секретарь Крымского обкома партии Окулов. Последний подвергся резкой критике за преследования сложившихся оружие бывших "зелёных", за негибкую земельную политику. Было решено число совхозов в Крыму резко сократить, а их земли передать в пользование крестьянства.

Состоявшаяся после этого IV областная партийная конференция Крыма с учётом установок ВЦИК приняла следующую резолюцию: "Для уничтожения остатков неравенства между коренным татарским населением Крыма и представителями других национальностей, для постепенного изживания и ликвидации пережитков старого строя провести в жизнь ускоренным темпом землеустроительные работы, в первую очередь в южнобережных районах, без чего невозможно восстановление крестьянского хозяйства" [5].

В декабре 1923 года в Симферополе проходил III съезд Советов Крыма. Основным вопросом в повестке дня была национальная политика в республике. Главное внимание было уделено двум её аспектам: а) проведению татаризации управленческого аппарата; б) землеустройства крестьянства национальных меньшинств и главным образом татарского. В основном докладе съезду говорилось: "Мы создали в Крыму опытно-показательный сад, который будет культивировать пролетарскую культуру на татарской почве. Плоды нашей работы из этого сада будут передаваться на Восток, в первую очередь в Турцию. Те ростки пролетарской культуры которые мы вырастим в этом саду, дадут пышные всходы по ту сторону Чёрного моря на мусульманском Востоке, где мы должны создать резервы международной революционной армии, которая в грядущих решительных битвах сокрушит господство мирового империализма" [6].

Как видим, крымские власти намеревались явить всему миру не только превосходство совхозно-колхозной системы перед капиталистическими фермерскими хозяйствами, но и своими достижениями продвигать социалистическую революцию на Восток. На протяжении 1924 года татарское крестьянство получило от Советской власти ряд льгот. Переселение его хозяйств из малоземельных районов в многоземельные полностью осуществлялось на государственный счёт. Переселенцам-татарам для обустройства на новом месте было выдано 676.028 рублей ссуды, что составляло 50% всего кредитования. Из общей площади спецкультур в 3.960 десятин, сданных ГЗИ в аренду коммуна и артелям, на долю татарского населения приходилось 1.900 десятин, т.е. 48%. Согласно постановлению КрымЦИК от 17 ноября 1923 года все ненужные ГЗИ постройки передавались татарскому населению на устройство школ и изб-читален. Татарскому населению

горных районов, занимавшемся лесным промыслом, было предоставлено право выжига угля до 7.000 пудов для продажи его на рынке, отведено 7.08 десятин леса для выработки изделий сельскохозяйственного обихода, а также 12 десятин леса для производства строительных материалов. Во всех лесных районах татарам предоставлялось право бесплатного выпаса скота на лесных полянах, отведено 36 десятин леса для сплошной вырубki. Бедняцкая часть татарских дворов полностью освобождалась от уплаты сельхозналога. В ходе землеустройства татарские крестьяне увеличили свои земельные наделы. В 1922 году они пользовались 41.627 десятинами земли, в 1924 году в их распоряжении было уже 75.012 десятин [7].

Побывавшая весной 1925 года в Крыму комиссия ЦК РКП(б) отметила, что национальная политика проводится здесь однобоко, в сторону татаризации, а остальные национальные меньшинства пребывают в стороне от этой политики. Наркомзем Крыма Умеров в одном из своих отчётов в Москву отмечал: "Крестьяне-немцы обижаются, что их обходят. Татары пользуются преимуществом, а немецкое население нет. Многие немецкие хозяйства имели раньше земли больше нормы, а татарские меньше. Приходилось в одном месте урезать, а в другом прибавлять. Вот эта самая причина недовольства" [8].

Недовольство выражали не только немецкие крестьяне. В ходе проводившихся в 1924-1925 годах всекрымских беспартийных конференций греков, болгар, армян, евреев также высказывались претензии представителей этих национальностей к органам власти, предоставлявших льготы только татарскому сельскому населению. Положение руководителей республики осложнялось тем, что часть татар-коммунистов по-прежнему категорически настаивала на расширении льгот татарам. Ряд делегатов XI областной партийной конференции занял особую позицию по национальному вопросу: они требовали усиления всех руководящих органов республики лицами татарской национальности. Другая же часть татар-коммунистов отвергала эти претензии и поддерживала линию обкома в национальном вопросе [9].

Споры внутрипартийного характера переносились в беспартийную среду, что отрицательно сказывалось на межнациональных отношениях. Наличие нездоровых настроений среди представителей разных национальностей республики признавал секретарь Крымского обкома РКП(б) С. Д. Петропавловский в направленном им в ноябре 1924 года в Москву информационном сообщении: "Нужно признать, что в области национальной на почве земельных отношений у нас были недоразумения, моменты национальной розни, когда татары выселяют то русских, то русские выселяют греков, были проявления антисемитизма" [10].

В 1925 году общие задачи национально-земельной политики в Крыму были скорректированы в пользу крымско-татарского населения. Принимались меры по расширению процесса татаризации управленческого аппарата, земельные органы Крыма увеличили нормы наделов для татарских крестьян. Это привело к усилению негативных моментов в сфере межнациональных отношений. В закрытом письме обкома партии "Все ячейкам РКП(б) Крымской организации" говорилось: "Национальный вопрос для Крыма в значительной степени является вопросом крестьянским, земельным... Наряду с положительными мы имеем в политическом состоянии деревни ряд отрицательных моментов, которые в большинстве случаев связаны с национальными и земельными отношениями... В деревне Чургуй

Севастопольского района татарская часть села не принимала русских в состав земельного общества и отказывала им в наделении землёй. Татары заявляли русским: "откуда приехали, там и пользуйтесь землей, а мы вам земли не дадим". Аналогичные случаи мы наблюдаем и среди других национальностей. В деревне Тавель Симферопольского района русская часть населения не принимала в состав земельного общества греков. В Отузовском сельскохозяйственном товариществе Феодосийского района председатель сельсовета выдавал ссуды только татарам. В деревне Чокур-Кояш Керченского района русское население хотело выстроить за свой счёт школу и избу-читальню, но татарское население добилося запрещения построек и участок был отведен татарам под баштаны..." [11].

Проведенные в 1925 году обследования немецких деревень выявили в них рост недовольства изменениями в поземельных отношениях. Дело в том, что до начала землеустроительных работ немецкие крестьяне в Крыму имели самые большие участки земли. В дальнейшем они были существенно урезаны и приближены к средней норме землепользования, которая многократно менялась. Такая нестабильность раздражала немецких крестьян, вызывала их протесты. В справке участников обследования немецких деревень отмечалось: "У немцев самые красивые дома и деревни, они интенсивнее работают, а потому могут больше платить налога. В культурном отношении немецкая деревня выше всех остальных. Политические же настроения не соответствуют этой высоте" [12].

Властям Крыма приходилось считаться с таким положением и усиливать работу среди национальных меньшинств. Но это вызывало протесты со стороны татарской оппозиции, требовавшей отставки секретаря обкома С. Д. Петропавловского и нескольких других партийных руководителей, замены их лицами татарской национальности. Протесты оппозиции усложняли и без того непростую обстановку внутри партийной организации Крыма и за её пределами. Чем активнее коммунисты-татары настаивали на своих требованиях, тем активнее начинали выступать представители других национальностей. Их требования относились в первую очередь к земельному вопросу. Расширения земельных наделов требовали немцы, армяне, болгары, греки, имевшие необходимые средства для обработки земель.

Наибольшее давление на органы власти оказывали представители татарской части крестьянства, занимавшие многие ключевые посты в управленческом аппарате республики. Особую активность в этом плане проявляли председатель КрымЦИК Вели Ибраимов и председатель КрымСНК Дерен-Айерлы. Внутрипартийная борьба отнимала много времени и сил, отвлекала от практического разрешения земельных вопросов в интересах всего сельского населения республики, проблем межнациональных отношений.

В 1927 году противостояние между бюро Крымского ОК ВКП(б) и татарской оппозицией резко усилилось. Это было связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, разрешался вопрос о принятии новой Конституции Крымской АССР. Во-вторых, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переселении в Крым еврейских семей с территории Центральной России и Белоруссии с целью приобщения их сельскохозяйственному труду. Представители татарской оппозиции категорически возражали против такого переселения, настойчиво добивались от Крымского

обкома официальных протестов перед центральными российскими органами власти. Всё это побудило ЦК ВКП(б) направить в Крым специальную комиссию. Её выводы были изложены на объединённом пленуме ОК и ОКК 13 августа 1927 года. Самый главный вывод комиссии состоял в том, что землеустройство в Крыму проводилось с нарушениями союзных установок о нормах землепользования. Комиссия предлагала устранить допущенные ошибки, пересмотреть нормы землепользования в сторону их уменьшения, начать внутриселенное землеустройство заново, стимулировать при этом переделы самим крестьянством под руководством земельных органов [13].

Готовясь к празднованию 10-летия Советской власти в России, властные органы в устной и печатной пропаганде активно рекламировали достижения советской деревни в разрешении земельного вопроса. Постоянно отмечалось, что с начала землеустроительных работ большинство крестьянских хозяйств национальных меньшинств Крыма получило существенную прибавку к своим прежним наделам. Однако сравнение крестьянских наделов до революции с наделами 1927 года показывало, что разница была несущественной, о чём свидетельствуют такие данные [14]:

Национальность	Количество земли до революции в десятинах	Количество земли на 1 июля 1927 года
Немцы	425.550	257.296
Болгары	39.444	59.580
Греки	7.436	44.977
Евреи	–	120.114
Армяне	558	3.594
Эстонцы	4.105	6.395
Чехи	1.852	2.285
Прочие	12.595	10.771
Итого:	491.520	505.318

Как видно из таблицы, немцы и другие более мелкие национальные меньшинства не только не получили прибавки земли, но и лишились той, которая была в их пользовании до революции. Всё дело свелось по существу к перераспределению земли по классовому признаку. Но и получившие прибавку земли пользовались ею недолго. 1 августа 1928 года под председательством З. М. Молотова состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) по рассмотрению вопроса "О работе и состоянии Крымской областной партийной организации в связи с делом Вели Ибраимова". В обсуждении его приняли участие 18 человек, в том числе и представители крымских властных органов. Итоги обсуждения подвёл Молотов: "Партийные организации Крыма плохо проводили классовую пролетарскую линию в деревне и прежде всего в земельном вопросе. В этом основа так называемого "крымского дела". Он резко осудил "ибраимовщину" и поставил перед крымским руководством задачу более активного привлечения к делу социалистического строительства вообще и в деревне в частности не только татарскую часть населения, составлявшую меньшинство, но и остальных жителей

Крыма всех других национальностей. Это – говорил он, – даст возможность сменить лиц, которые не проводят правильную советскую и партийную линию, искажают её" [15].

Принятая Оргбюро ЦК ВКП(б) резолюция выдвигала перед Крымскими властями задачу быстрого устранения отступлений от общего советского законодательства в земельном вопросе. Это означало проведение новой земельной реформы в республике. С этого времени в жизни крымской деревни наступала новая полоса событий, приведших к окончательному краху сравнительно состоятельных в экономическом отношении крестьянских хозяйств. Слухи о предстоящей в Крыму новой земельной реформы были встречены крестьянством враждебно. Немцы, греки, поляки начали ходатайствовать о предоставлении им права эмигрировать за границу. Подобные факты имели место и в Центральной России. Поэтому ЦК ВКП(б) дал директиву исполнительным органам власти выявить причины недовольств. В ходе проверок было установлено множество перегибов в налоговом обложении национальных меньшинств, злоупотреблений властью по отношению к ним: лишение избирательных прав за использование наёмного труда, запрещение деятельности религиозных общин и т.п. Немецкие, греческие, армянские, караимские, болгарские, польские, эстонские крестьяне более других сопротивлялись коллективизации. Власти приходилось действовать против них административными мерами. На XV партконференции Крыма докладчик по земельному вопросу Самединов признавал: "Мы недоучли национальных особенностей Крыма. Не учли уклад жизни национальностей, их культурный уровень. Всё это не было учтено в отношении национальной политики в деревне. Мы совершили там массу ошибок, механически переносили работу по коллективизации из одного района в другой" [16]. К сожалению, все эти просчёты не были учтены в практике по коллективизации деревни в дальнейшем. Названные ошибки не только не были исправлены, но и допущены новые, ещё более серьёзные.

Список литературы

1. Бюллетень ЦСУ. № 55 от 2 ноября 1921 г., с. 18-18.
2. Известия Крымского областного комитета РКП(б), 1921. № 3, с. 13.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). ф. 1, оп. 1, д. 315, л. 29.
4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 14, д. 395, л. 1.
5. ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 52, л. 2.
6. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 120, л. 32.
7. Там же, оп. 1, ф. 1, д. 358, л. 8-9.
8. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 14, д. 394, л. 35.
9. ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 315, л. 24.
10. Там же, д. 368, л. 38.
11. Там же, д. 407, л. 23.
12. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 425, л. 37.
13. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 605, л. 11-13.
14. Центральный госархив Российской Федерации, ф. 2313, оп. 14, д. 56, л. 57.
15. ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 713, л. 14-15.
16. Там же, д. 940, л. 274.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ КРЫМА В 1920-Е ГОДЫ

Господаренко Н. М.

На протяжении всего периода после октябрьской революции 1917 года среди советских историков возникали и велись дискуссии, имевшие целью выявить принципы, на основе которых создавались республики в Крыму. Высказывавшиеся при этом точки зрения часто не только не совпадали, но и были прямопротивоположными. Сторонники различных подходов к этому вопросу апелировали к Ленину.

Это обстоятельство (апеллирование к ленинскому наследию) побуждает нас снова и снова обращать своё внимание к анализу дооктябрьской большевистской теории по национальному вопросу, сопоставлять её с реальной практикой ленинского руководства по разрешению этого вопроса, делать на основе сравнительного анализа соответствующие выводы. Необходимость этого обуславливается и тем, что крымские советские республики возникали в сложных политических условиях, когда конкретные действия руководителей страны не обосновывались перед народом, не объяснялись ему.

Итак, обратимся, к большевистской (ленинской) программе по национальному вопросу. Одним из важнейших её положений является признание права наций на самоопределение. Оно было сформулировано Лениным ещё в конце прошлого столетия. Многие социал-демократы из национальных организаций созданной затем РСДРП (и зарубежные тоже) критиковали Ленина за неясность содержания выдвинутого им положения, требовали наполнить его конкретным содержанием. Ленин длительное время уходил от разрешения данной проблемы, но в конце концов вынужден был на вопрос "что такое самоопределение наций?" дать чёткий и ясный ответ. Он сводился к тому, что каждая нация имеет право на отделение от других и образование своего самостоятельного государства.

Но не всякое отделение и не любое государство приветствовал Ленин, а только те, которые соответствовали "классовым интересам пролетариата", а не буржуазии. Стало быть, проблему самоопределения наций Ленин разрешал с сугубо классовых позиций [1].

С правом наций на самоопределение связан вопрос об автономии. Программное положение российских социал-демократов о ней впервые было сформулировано тоже Лениным и принято II съездом РСДРП в 1903 году. Звучало оно так: "Широкое местное самоуправление: областное самоуправление тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения [2]. В многочисленных своих речах и трудах более позднего времени Ленин касался вопроса о конкретных условиях создания автономных образований. В наиболее концентрированном виде его взгляд на эту проблему выражен в следующих словах: "Совершенно очевидно, что нельзя себе представить современного действительно демократического государства без предоставления такой автономии всякой области с сколько-нибудь существенными хозяйственными и бытовыми особенностями, с особым национальным составом населения и т.п. Но национальный состав

населения – один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Национальный состав поставлен здесь рядом с другими условиями (в первую голову хозяйственными, затем бытовыми и т.д.), которые должны послужить основанием к установлению новых границ" [3].

Как видим, Ленин не был сторонником создания государственных образований лишь по национальному признаку. Более того, он постоянно отвечал принципиальную разницу между автономией национальной и областной (территориальной), выражал своё негативное отношение к первой и всячески защищал вторую. При этом на первый план всегда ставил интересы развития классовой борьбы в стране и только с этих позиций советовал революционерам рассматривать значимость автономных образований. В подтверждение сказанного приведём ленинские высказывания на этот счёт. В своих тезисах по национальному вопросу в 1913 году Ленин писал: "Социал-демократия относится отрицательно к лозунгу "культурно-национальной" (или просто "национальной") автономии и к проектам осуществления таковой, ибо этот лозунг безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата...". И далее заключает: "Лозунг национальной культуры неверен и выражает лишь буржуазную ограниченность понимания национального вопроса. Наш лозунг – интернациональная культура" [4].

По нашему убеждению, ленинская теория автономии была призвана придать большевистской программе по национальному вопросу видимость демократической. Ленин, большевики были заинтересованы в том, чтобы выглядеть в глазах масс последовательными демократами. В действительности же они таковыми никогда не были, так как являлись яркими приверженцами классовой борьбы. Их дооктябрьские демократические призывы преследовали лишь тактические цели, связанные с развитием революции. По достижении этих целей большевики сознательно предавали забвению свои программные положения, в том числе и о территориальной автономии. Как нам представляется, этим и объясняется отсутствие всякого упоминания о ней в декретах ВЦИК и СНК РСФСР об образовании крымских республик. В немалой степени это было связано с курсом большевистской партии на мировую социалистическую революцию, её планами по созданию единой мировой социалистической республики. Одержимые идеей мировой революции, большевики во главе с Лениным ставили на первый план интересы классовой борьбы пролетариата и принижали значение общедемократических задач в национальном вопросе. Образованная в октябре 1921 года Крымская АССР ряде секретных прежде документов РКП(б) рассматривалась как форпост продвижения идей мировой социалистической революции на Восток [5].

Самый первый подход к рассмотрению вопроса о крымской автономии был сделан на II съезде РСДРП(б) Таврической губернии в Мелитополе 24 ноября 1917 г. На нём была принята следующая резолюция: "Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом (только 18% всего населения), съезд считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма" [6]. Однако референдум не состоялся. В связи с нависшей угрозой

оккупации Крыма войсками кайзеровской Германии, территорию Крыма в марте 1918 года объявили республикой Тавриды в составе РСФСР.

Позднее, а точнее в январе 1921 года вопрос о крымской автономии рассматривался на областном совещании татар-коммунистов. Примечателен тот факт, что они единогласно высказались за интернациональный характер будущей формы государственного устройства Крыма. Приведём принятое на совещании постановление полностью:

"1) Принимая во внимание географическое положение Крыма, как аванпоста РСФСР в странах Ближнего Востока и уже совершившийся факт провозглашения Украины автономной республикой, благодаря чему Крым превратился в административном отношении в своеобразный остров;

2) Несмотря на незначительность территории Крыма, внутреннее соотношение сил в экономическом, социальном и этнографическом отношениях крайне сложны и специфичны в гораздо большей степени, чем в любой из густонаселённых губерний центральной России;

3) Что Крым потерял свою независимость сравнительно недавно и в течение этого времени был подвержен национальным столкновениям, как в период царской монархии, так и в период развития пролетарской революции;

При наличии этих условий, а также принимая во внимание, что Крым в течение первых двух периодов Советской власти был провозглашён автономной интернациональной республикой с санкции ЦК как федеративной части РСФСР, совещание считает целесообразной государственной формой для Крыма – провозглашение её интернациональной республикой, входящей в Российскую Федерацию, взяв в основу Конституцию одной из существующих республик".

Постановление подписали И. Фирдевс, Меметов, Воинова, Лятыф Заде, Арабский, Сулейманов, Караманов, Енилеев, Девятов, Нурушев, М. Недим, Халилов, Хабиб, Эмиров, Рахматулин, Каринов, Рафиков, Сетгаров, Бекмухамедов, Александрович, Балич, Кантюков, Эмирханов, Булушев, Ибрагимов, Мамутов, И. Идрисов [7].

Однако разработка национальной политики в Крыму и первые шаги по её реализации были предприняты Крымским областком партии ещё до освобождения полуострова от врангелевских войск. 31 августа 1919 г. Крымский областком РКП(б) из Мелитополя сообщил ЦК РКП(б) о создании при областкоме мусульманского бюро, в состав которого вошли два представителя турецкой группы коммунистов Юсуфов и Али-Недим, а также представитель бюро областкома Шульман. Основной задачей мусульманского бюро провозглашалось создание и развитие сети партийных организаций среди мусульман Крыма [8].

Годом позднее при Крымском отделе народного образования по решению областкома РКП(б) был создан татарский подотдел со своей коллегией. На него возлагалась задача постановки просвещения и образования татарского населения Крыма на новых, социалистических началах. 11 ноября 1920 г. Коллегия татарского подотдела отметила ряд мероприятий по реализации этой задачи: 1) отделение религии от школы; 2) создание новых учебных заведений для подготовки учительских кадров; 3) организация краткосрочных курсов учителей по их

политической переподготовке; 4) организация массовых учебных заведений всех ступеней; 5) подготовка учебников на татарском языке; 6) издание на татарском языке педагогического журнала [9].

Именно в это время, а точнее 25 ноября 1920 года в Крымревком была направлена докладная записка "татарской народной партии Милли-Фирка" с предложением сотрудничества последней с властными органами Крыма в осуществлении национальной политики среди крымских татар, в том числе массово-политической и культурно-просветительной работы среди них. В записке отмечалось, что Милли-Фирка в принципе не расходится "с основными направлениями и содержанием партийной политики РКП(б), а лишь несогласна во времени, месте и способах её осуществления" ввиду того, что "необходимо устранить целый ряд препятствий, издавна укоренившихся в мусульманском общественном быту". Милли-Фирка заявляла о том, что она стоит "за борьбу против религиозных, сословных и общественно-экономических суеверий крымских мусульман, за принцип национализации вакуффов, доходы с которых направлять на культурно-просветительные цели для татарского населения в то время, как до 1917 года эти доходы шли в личный бюджет муллы прихода (мечети), за освобождение женщин-татарок от семейного, общественного и религиозного рабства, их участие в общественной жизни". Далее перечислялись результаты деятельности татарской партии в указанном направлении (в каждом уезде Крыма по одному татарскому училищу, татарская женская учительская школа в Симферополе, татарская средняя художественная школа и учительская семинария в Бахчисарае, татарские народные школы в деревнях). Милли-Фирка заявляла, что она "сыграла революционную роль, добивается её легализации, передачи религиозных татарских и просветительных татарских дел, вакуффов в её ведение, разрешения издания газеты "Миллет", литературных и научных журналов, книг" [10]. Этот документ подписали председатель ЦК и 7 членов ЦК партии "Милли-Фирка".

20 декабря 1920 года заседание президиума Крымского областкома партии обсудило вопрос "О Милле-Фирке". В итоге было принято следующее решение: "Отвергнуть соглашение с группой в целом, как вредным и ненужным пережитком. Начать против неё кампанию в устной и письменной агитации [11]. Никаких обоснований такой линии в отношении "Милли-Фирки" в документе не приведено.

В марте 1921 г. проходил X съезд РКП(б), принявший резолюцию "Об очередных задачах партии в национальном вопросе". В ней отмечалось, что среди национальных меньшинств остаётся ещё много "не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата..., не вполне ещё ушедших дальше полупатриархально-полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлечённых в русло советского развития" [12]. Съезд обратил внимание партийных организаций на необходимость оказания этим народам помощи в преодолении их отставания в культурном и политическом отношении. В резолюции подчёркивалось, что в первые годы советской власти в сфере национальных отношений проявились две негативные тенденции: с одной стороны, – великорусский шовинизм, великодержавное колониаторство, и с другой – буржуазно-демократический национализм, принимающий иногда форму панисламизма и пантюркизма.

X съезд партии определил особенности тактики и стратегии в национальном вопросе, особо подчеркнув, что "ликвидация националистических и в первую голову колонизаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах страны" [13]. Рассматривая национальный вопрос как составную часть общего революционного дела, Ленин и ЦК РКП(б) выдвигали в центр национальной политики создание крепкого союза рабочих и трудящихся всех национальностей в объединённом движении к социализму.

В Крыму эти задачи были конкретизированы применительно к местным условиям. На состоявшемся в июле 1921 г. заседании областного татарского бюро были намечены меры по татаризации управленческого аппарата на местах, где преобладало татарское население. Кроме того, был поставлен вопрос о направлении татар-коммунистов на руководящие должности в ряде советских учреждений Крыма. В частности, было решено рекомендовать в коллегии Крымземотдела Кипчакского и Хаттатова, в коллегии Крымнаробраза – Чабанзаде и Одабаша, в коллегии Крымздравотдела – Чапчакчи и Озенбешды, заместителем заведующего Крымсобеса – Исхакову, заведующим Крымгоиздатом – Айвазова, зав. отделом Крымюстиции – Сеттарова, в коллегии Крымпродкома – Муслимова, в управление губсоюза – Ягьева, в управление совхозов – Ибрагимова [14].

Этим самым было положено начало политике татаризации, которая в дальнейшем становится главным направлением разрешения национального вопроса в Крыму. 10 февраля 1922 г. ЦИК и СНК Крыма приняли перспективный план проведения татаризации советского аппарата. На эти цели предусматривалось израсходовать 4.600.000 рублей [15]. Татаризация³ партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, государственных и общественных органов и учреждений означала создание условий для обеспечения прав и возможностей лиц татарской национальности участвовать в работе соответствующих органов власти и управления. В условиях языкового барьера, низкого уровня грамотности крымских татар такая мера, по мнению Крымского областкома РКП(б), должна была иметь особое политическое и практическое значение для беднейших слоев населения, способствовать привлечению его на сторону советской власти.

Предпринятые в этом направлении властными структурами Крыма шаги побудили представителей крымско-татарской общественности потребовать от них осуществления ряда мер, не предусмотренных перспективным планом татаризации. Состоявшаяся в апреле 1922 г. всекрымская татарская беспартийная конференция сформулировала целый ряд требований к органам власти Крыма. Приведём основные из них:

2. Решительное проведение земельной реформы за счёт совхозов.
3. Закрепление за крымскими татарами 30 мест из 59 в КрымЦИК.
4. Утверждение председателем Крым СНК М. Н. Ибрагимова, заместителем председателя КрымЦИК – Чабан-Заде.
5. Закрепление за крымскими татарами Наркоматов: Наркомпрос, Наркомзем, Наркомздрав, СНХ, Крымпредставительств ИНдела, Внешторга, Военкомата, введение во все другие коллегии Наркоматов по одному члену из татар.
6. Широкое использование татарского языка в качестве государственного.

8. Отзыва из Крыма всех руководителей советской власти (присланных).

10. Закрепление за Крымом 100 мест в Коммунистическом университете трудящихся Востока и столько же в Институте восточных языков.

12. Реэмиграция крымских татар из Турции и Балкан.

18. Санкционирование создания татарских эскадронов, командных курсов в Крыму из татар.

32. Утверждение всех резолюций татарских беспартийных конференций" [16].

Принятая резолюция была подписана всеми участниками беспартийной конференции. Выдвинутые ею требования стали предметом обсуждения на Президиуме Крымского областкома РКП(б) в августе 1922 г., а затем – в Президиуме ВЦИК в сентябре 1922 г. В удовлетворении большинства изложенных выше требований крымским татарам было отказано. Вместе с тем в принятых решениях говорилось о необходимости наращивать темпы татаризации управленческого аппарата, резком усилении культурно-политической работы среди татарского населения, создания для этого стройной сети культпросветучреждений, активизации работы по реализации принятого в сентябре 1921 г. специального положения "О отделах нацменьшинства и нацсекциях агитпропотделов парткомов" [17].

В составе нацменподотдела Крымского обкома партии в разное время функционировали несколько секций: татарская, немецкая, еврейская, армянская, эстонская, греческая. Основная задача национальных секций заключалась в проведении политической работы среди представителей коренной национальности и национальных меньшинств. В этих целях использовались различные средства массовой политической пропаганды. Наиболее широко применялись массовые митинги и беспартийные конференции трудящихся и населения. В отчётах работников нацменподотдела неоднократно встречаются упоминания об организованных ими митингах. Многие митинги возникали стихийно, но часто их организовывали и партийные работники, выезжавшие на места. На митингах в городах и в отдалённых деревнях распространялась политическая информация, коренное население и национальные меньшинства приобщались к политической жизни. Митинги проводились по самым актуальным темам, были посвящены как революционным событиям в мире, так и проблемам социалистического строительства на местах. Как правило, митинги заканчивались принятием резолюций в поддержку революционных преобразований.

По мере накопления опыта работа секций нацменподотдела принимала более планомерный характер. Регулярно проходили заседания бюро национальных секций, на которых обсуждались вопросы организации политической работы среди нацменьшинств. Интенсивно шёл процесс создания и развития сети культурно-просветительных учреждений, вызванный запросами различных этнических групп. Контроль за положением дел в национальных школах, клубных, дошкольных и других учреждениях был возложен на Совет по делам просвещения национальных меньшинств (Совнацмен). Он отвечал за образование и культурное развитие 10 разноязычных национальных групп, составлявших около 25% населения Крыма.

После окончания гражданской войны в Крыму стихийно возникали сотни и тысячи самых различных по названию и содержанию работы культурных учреждений. Как правило, их возникновение являлось результатом инициативы отдельных лиц или обществ, в том числе национальных. К концу 1921 г. здесь насчитывалось около 2000 "культурных домов", в своей деятельности разрозненных и необъединённых, зачастую проводивших антисоветскую линию. В такой обстановке органы власти Крыма начали создавать свою стройную систему политического просвещения масс, в основу которой были положены клубы и библиотеки. Деятельность культурных учреждений, не вошедших в эту сеть, запрещалась. В начале 1922 г. в республике действовали 30 клубов национальных меньшинств (наиболее массовыми по постоянному членству в них были немецкие, армянские, греческие) и столько же национальных библиотек, две трети из которых являлись немецкими. Существовали отдельные библиотеки для караимов и крымчаков. Создавалась и увеличивалась сеть национальных дошкольных учреждений. В середине 1922 г. их было уже 65, 16 из которых были немецкими, еврейскими и греческими.

Разразившийся в 1921-1922 годах массовый голод, тяжёлое финансовое положение республики отрицательно сказались на деятельности культпросветучреждений. Почти все они были переведены на самоокупаемость, что повлекло за собой коммерциализацию их работы. В этих условиях властные структуры Крыма прекращали деятельность культпросветучреждений, которые не отвечали интересам советской власти. По этим причинам общая сеть культпросветучреждений к 1925 году была уменьшена в 4 раза. К этому времени остаются лишь 9 национальных клубов и 2 национальные библиотеки – еврейская и армянская [18].

Главные усилия властных структур Крыма в это время направляются на развитие народного образования среди национальных меньшинств. По состоянию на 1 сентября 1925 г. лучше всех было обеспечено школами немецкое население. На 36.000 человек приходилось 147 школ 1 ступени, в них обучалось 4.461 учащихся. Далее шли греческие – 28 школ, 880 учащихся, армянские – 23 школы, 727 учащихся, еврейские – 16 школ, 549 учащихся, эстонские – 5 школ, 151 учащийся, украинские – 5 школ, 198 учащихся, крымчакские – 7 школ, 300 учащихся, польские – 4 школы, 72 учащихся, чешские – 3 школы, 25 учащихся, караимские – 3 школы, 75 учащихся [19].

Центральной проблемой национальной политики в целом для крымских властей продолжала оставаться татаризация управленческого аппарата, теперь уже не только на местах, но и в центре. Состоявшийся в 1923 г. XII съезд РКП(б) в резолюции по национальному вопросу признал необходимость проведения в национальных республиках политики коренизации, то есть обеспечения в них приоритета национальных языков, широкого использования их в делопроизводстве всех советских учреждений, средствах массовой информации, культурно-просветительных учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком [20].

Эта мера рассматривалась как одно из главных политических средств привлечения масс национальных окраин страны на сторону советской власти,

укрепления союза между рабочими и крестьянами. Рабочие в большинстве случаев пользовались тогда русским языком, крестьяне – национальным. Так было на Украине, в Азербайджане. Политика коренизации призвана была устранить языковой барьер между крестьянством, составлявшим здесь большинство населения республик, и рабочим классом, всеми органами советской власти, приблизить последние к крестьянам, сделать их более доступными народу.

Состоявшаяся в апреле 1923 г. в Симферополе VIII областная партийная конференция приняла резолюцию "О национальных моментах в советской и партийной работе". В ней говорилось: "Последовательно и неуклонно проводить в жизнь программу, намеченную КрымЦИК и СНК по татаризации центрального и местного аппарата, причём особенно решительно должна быть проведена татаризация судебных, административных и просветительных органов и прежде всего в районах с преобладающим татарским населением" [21]. Ставилась задача добиться того, чтобы татары составляли 49% в областном аппарате управления и 45% на районном уровне при общей численности татар в составе населения Крыма менее 25%. Кроме того, они имели преимущества и при подготовке кадров, так как при наборе в средние и высшие специальные учебные заведения им предоставлялись завышенные квоты.

В первые годы советской власти ЦК РКП(б) многократно поручал ЦК КП(б) Украины оказывать помощь Крымскому областному комитету партии в проведении ряда политических кампаний. Практика, при которой партийные органы Украины играли роль шефов по отношению к партийным организациям Крыма, в немалой мере способствовала перенесению опыта коренизации с Украины в Крым. С той лишь разницей, что на Украине она вылилась в форму украинизации, а в Крыму – татаризации.

Следует заметить, что политика коренизации и на Украине и в Крыму проводилась в жизнь с большими трудностями, воспринималась многими болезненно, сопровождалась частыми ошибками и перегибами. Прямым следствием политики татаризации явилось созданное ею участие крымско-татарского населения представлении о том, что Крымская АССР была национальным государственным образованием. Практика татаризации служит сторонникам такой точки зрения главным доводом в пользу национальной автономии в Крыму. Так, Р. М. Военный, отстаивая право крымско-татарского народа на возрождение национальной автономии, которая якобы уже имела место, пишет следующее: "Крымским татарам предоставляли значительные привилегии по сравнению с другими национальностями, проживавшими в Крыму. Ассигнования на культурные работы для татарского населения всегда были пропорционально больше. Как правило, на пост председателя Крым ЦИК и председателя СНК Крыма выдвигались работники из крымских татар. В 1921 г. в составе сельсоветов из 1485 депутатов русских и украинцев было 519, татар – 535" [22].

Соответствует ли это реальной действительности? Да, приведенные цифры и факты правильно характеризуют изложение дел рассматриваемого периода. Их даже можно подкрепить долнительными данными. Скажем, в 1923-1925 годах почти во всех городах Крыма действовали краткосрочные и долгосрочные курсы по

подготовке из татар работников милиции, конторских служащих, земельных работников. Для этого выделялись из государственного бюджета существенные суммы средств. Только в 1924 году на эти цели было израсходовано свыше 2 млн. рублей [23]. Но правдой являются и другие факты, противоречащие выводам названного автора. Побывавшая весной 1925 г. в Крыму комиссия ЦК РКП(б) по итогам обследования деятельности областной партийной организации Крыма в отношении политики коренизации высказала следующее суждение: "1) Констатировать значительные достижения в области привлечения татарского населения к управлению Республикой... 2) Что же касается работы по вовлечению других национальных меньшинств, как-то немцев, болгар, греков и т. д. и работы среди них вообще, то она совершенно отсутствует" [24]. На основании приведенной констатации можно заключить, что политика коренизации в Крыму проводилась односторонне, в сторону татаризации, при игнорировании интересов других национальных меньшинств.

Как видим, политика татаризации воспринималась ещё в ходе её осуществления неоднозначно. Также истолковывается она и сегодня. Сравнительный анализ политики коренизации на Украине и в Крыму позволяет сделать вывод о том, что эта политика на Украине соответствовала интересам подавляющего большинства населения – крестьянства республики. Крымские татары большинством населения полуострова на всём протяжении советского периода его истории не являлись.

Возникает вопрос: не была ли попытка татаризации ошибочной? На наш взгляд, по целому ряду обстоятельств однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Во-первых, крымско-татарское население настаивало на проведении такой политики задолго до XII съезда РКП(б). После этого съезда их активность возросла. Конкретные меры советских органов по татаризации в Крыму были вынужденным ответом на эти требования. Во-вторых, крымские татары в экономическом и культурном отношении являлись сравнительно отсталыми. Татаризация должна была по расчётам советских органов ликвидировать эту отсталость. Отсюда – преимущества для крымских татар в культурно-просветительной работе, при подготовке национальных кадров, их использовании.

Всё выше сказанное в данной статье позволяет заключить, что в основе проводимой в Крыму национальной политики лежала практика татаризации органов власти и управления, являвшаяся разновидностью политики коренизации, провозглашённой XII съездом РКП(б). Политика татаризации преследовала цель поднятия культурного и политического уровня самого крупного и в то же время наиболее отсталого представителя коренных народов полуострова – крымских татар, приобщения их к общественной жизни.

В этом плане были достигнуты существенные успехи. Но в целом политика татаризации была противоречивой и не отвечала интересам представителей других народов, проживавших в Крыму, с таким же правом относящихся к числу коренных – крымских греков, караимов, крымчаков и других. Политика татаризации осуществлялась административно-бюрократическими методами и в

конечном счёте к концу 20-х годов оказалась в тупиковой ситуации, породив целый ряд проблем в сфере межнациональных отношений в Крыму.

Список литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 105, 233-242; т. 17, с. 166; т. 24, с. 227-228; т. 25, с. 259.
2. КПСС в резолюциях и решениях..., изд. 8, т. 1 с. 63.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 44-49.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 317, 322.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 60, д. 658, л. 14-20.
6. ЦГАРК, ф. р-1188, оп. 3, д. 20, л. 152.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 12, д. 277, л. 120.
8. Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем ГАРФ), ф. 583, оп. 1, д. 115, л. 23.
9. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 60, д. 112, л. 67.
10. ГАРФ, ф. 583, оп. 1, д. 115, л. 34.
11. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 12, д. 275, л. 10.
12. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, М., 1970, с. 252
13. Стенографический отчёт X съезда РКП(б). Политиздат. М., 1963, с. 60.
14. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 13, д. 506, л. 1-2.
15. ЦГАРК, ф. 1318, оп. 1, д. 234, л. 97.
16. ЦГАРК, ф. р-1318, оп. 1, д. 145, л. 50-51.
17. Там же, л. 50.
18. ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 103.
19. ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 60.
20. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 433-442.
21. ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 122.
22. РЦХИДНИ Ф. 17, оп. 60, д. 63, л. 2.
23. ЦГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 602-а, 602-б, 627, 628.
24. ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 390, л. 1.

УДК 012:94(477.75)

**КРЫМОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П. И. КЁППЕНА:
ОПЫТ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Непомнящий А. А.

На основе обширного корпуса источников и литературы представлен биобиблиографический очерк крымоведческих исследований одного из пионеров изучения Крымского полуострова – П. И. Кёппена.

Ключевые слова: Кёппен. Крым. биография. библиография

В обширном историко-этнографическом крымоведческом наследии XIX века важной составной являются труды одного из основоположников научного изучения полуострова – Петра Ивановича Кёппена (1793-1864), который олицетворяет собой целую эпоху в изучении края. Ученый проводил исследования в области географии, статистики, этнографии, археологии, библиографии.

Необходимость систематизации трудов П. И. Кёппена ощущалась уже в середине XIX века. В связи с чествованием юбилея научной деятельности историка, был опубликован “Список сочинений П. И. Кёппена до 29 декабря 1959 г.” [1, с. 8-13]. В него вошли лишь основные 27 сочинений ученого, что лишает этот указатель особой библиографической ценности. Первой попыткой систематизации всех сочинений П. И. Кёппена является библиография, опубликованная спустя четыре года после смерти Петра Ивановича историком, директором Библиотеки Академии наук А. А. Куником, которая насчитывает 142 пункта с указанием известных рукописей [2]. Работы П. И. Кёппена разбиты на разделы: география, этнография, статистика, библиография, археология, биография и история. Хотя перечень трудов и не полный (в частности, отсутствует достаточно важный раздел творчества П. И. Кёппена – рецензии) следует отметить достаточно высокий для середины XIX века уровень библиографического описания. А. А. Куник заметил во введении, что большое значение для науки, прежде всего этнографии, имело бы издание аннотированного указателя трудов П. И. Кёппена о народах России. Тем самым составитель признавал наличие отдельных пробелов в этой части своего указателя.

Основные труды ученого перечислены и в справочных очерках о нем, опубликованных в энциклопедических словарях [3]. Выгодно отличается от других библиография П. И. Кёппена в анонимном библиографическом словаре по крымоведению, выявленном в разряде “Таврическая губерния” в Архиве Русского географического общества [4, л. 58 об.-61], где помещен хотя и не полный, но аннотированный список трудов, включающий и некоторые статьи в периодической печати, которые не встречаются более в других указателях. Далека от полноты и рукописная библиографическая справка о П. И. Кёппене, составленная известным отечественным библиографом XIX века С. Д. Полторацким [5, л. 43-44].

В связи с тем, что одним из важных аспектов научной работы П. И. Кёппена было изучение истории и этнографии народов Крыма, выделение его

крымоведческих сочинений в отдельную группу представляет особенный интерес. Впервые опыт такого списка был представлен Арс. И. Маркевичем [6, с. 232-233] и включал лишь основные труды П. И. Кёппена о Крыме. Более обстоятельно они были учтены в изданных этим же краеведом в 1894-1902 гг. трех выпусках библиографического издания "Таурица", где была произведена их систематизация по разделам [7, №№ 347-350, 1470-1478, 2066-2071, 2599-2611, 6406, 6434, 6817]. Однако выпущенными из виду остались многие работы, прежде всего, опубликованные в периодической печати, в том числе, рецензии. Очевидно, данная систематизация стала основой для составления списка крымоведаческих трудов П. И. Кёппена, опубликованного в 1999 году, где названы лишь основные публикации [8, с. 12-13]. Данная систематизация, к сожалению, содержит ряд погрешностей.

Общий библиографический очерк жизни и деятельности ученого был составлен его сыном Ф. П. Кёппеном [9, с. 1-170], но он хронологически обрывается 1877 годом. Вместе с тем, крымоведаческий аспект биографии ученого позволяют более подробно раскрыть сохранившиеся дневники П. И. Кёппена, где приведены путешественные записки, по статистике, археологии и истории, впечатления от встреч, знакомств [10, ст. 68-70] и его переписка с деятелями местной исторической науки, а также рукописи трудов о Крыме.

Петр Иванович Кёппен родился в Харькове 19 февраля 1793 года. Его отец – немец из Касселя, доктор Магдебургского университета – был одним из приглашенных Екатериной II в 1786 году в Россию врачей. Он служил заведующим медицинской частью в Харьковской губернии [11, с. 137]. В Харькове прошли детство и юность Петра Ивановича. Уже юношей в 1806-1809 гг. он был вынужден начать работать и устроился в Харьковскую губернскую чертежную подканцеляристом. В том же году он был произведен в канцеляристы и губернские регистраторы. Практические навыки, полученные здесь в дальнейшем, существенно помогли П. И. Кёппену в его работе. 31 декабря 1809 г. он получил чин коллежского регистратора. Одновременно со службой юноша посещал и подготовительный класс при Харьковском университете. В 1809-1810 годах он стал студентом этого вуза, в 1812 году получил степень кандидата, а в 1814 году после защиты диссертации "De reparatione damni per bellum illati" (она осталась неопубликованной) он окончил университет со степенью магистра правоведения. В этом же году П. И. Кёппен переехал в С.-Петербург, где начал службу в почтовом департаменте.

В это время Петр Иванович увлеченно занимался изучением широкого круга лингвистических, библиографических, этнографических и исторических проблем. В первой четверти XIX века видный российский государственный деятель Н. П. Румянцев объединил вокруг себя блестящую плеяду ученых, куда вошел и П. И. Кёппен, заняв там особое место. Молодой чиновник быстро вошел и в круг столичных литераторов. Особенно близко он сошелся с семьей историка и библиографа Ф. П. Аделунга, на дочери которого он женился в 1870 году. В 1816 году П. И. Кёппен был одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности. В 1818 г. он получил помимо основной работы также должность второго редактора газеты "Северная почта" [12, л. 49 об.-50]. К этому

P. I. Kappeler

периоду относится начало его ежегодных командировок по российским провинциям.

В 1819 году П. И. Кёппен получил задание провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. С этой командировкой связано первое его посещение Южного берега Крыма [13, с. 90]. В Крыму П. И. Кёппена заинтересовали многочисленные археологические памятники. Интерес вызвали и этнографические особенности населения. Итогом этого первого знакомства с полуостровом стали несколько публикаций. Первая из выявленных крымоведческих работ П. И. Кёппена посвящена описанию Туакской пещеры (1821 г.). Представив очерк своего пребывания в селениях Туак и Кучук-Узень, Петр Иванович не только описал пещеру, где местные жители постоянно находят остатки первобытных древностей, но и указал, где еще в

Крыму им выявлены подобные памятники, дал этнографическую характеристику крымским татарам и крымским грекам, проживавшим в местах его экспедиции.

В 1822 году Петр Иванович принял решение уйти в отставку из почтового департамента. Ему было нужно свободное время для поездки за границу. Путешествие было связано с воплощением начертанной Н. П. Румянцевым программы знакомства со славянскими архивами, библиотеками, учеными и общественными деятелями. Кандидатура П. И. Кёппена для этой командировки была выбрана не случайно. Еще в 1815 году будущий ученый пытался получить какую-нибудь должность в Европе, но тщетно. Желание ближе познакомиться с европейской общественной жизнью постоянно проявлялось у него и в последующие годы. Через Киев и Галицию П. И. Кёппен проехал в Словению – Вену – Германию, откуда возвратился в С.-Петербург.

В 1824 году Петр Иванович вернулся на службу, теперь по ведомству Министерства народного просвещения [12, л. 22 об.-23]. С этим периодом его жизни связана организация издания в С.-Петербурге “Библиографических листов”, которые выходили с 1825 до 1826 года. Задачу журнала издатель видел в том, чтобы дать обзор литературы, выходившей как в России, так и за ее пределами, посвященной истории Отечества. Благодаря изданию “Библиографических листов” П. И. Кёппен прочно вошел в отечественную историографию как “известный

библиограф” [14, с. 104-105]. В журнале выявлена лишь одна крымоведческая статья ученого – “Древности” [15]. Она не вошла в библиографические списки его трудов. Атрибуция ее стала возможной по публикации И. А. Стемповского [16]. П. И. Кёппен поместил описание найденной им в Крыму монеты, сравнивая свои догадки по поводу ее происхождения с нумизматическими исследованиями Е. Е. Кёлера и И. А. Стемповского.

Первые научные публикации в области истории древнего Причерноморья принесли ученому заслуженное признание европейской науки. В 1825 году в Тюнингенском университете он получил степень доктора философии, а в следующем году Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом [17, л. 1].

Изменения в служебной карьере Петра Ивановича связаны с назначением его друга Х. Х. Стевена главным инспектором шелководства Юга России. Желая служить в ведомстве Х. Х. Стевена, П. И. Кёппен в 1827 году перевелся в подотдел МВД, который занимался вопросами сельского хозяйства и переехал в Крым [18, л. 1]. В 1829 году он получил давно желанную должность помощника главного инспектора шелководства, садоводства и виноделия [12, л. 23 об.-24]. Переселение ученого в Крым, конечно, способствовало появлению нового корпуса его крымоведческих сочинений. Специально для путешествующих по Крыму П. И. Кёппен опубликовал статью “О крымских пещерах”, где описал свою поездку 28 апреля 1828 г. из Кучук-Узенья в Туак и еще раз остановился на достопримечательностях Туакской или Штеговой пещеры [19]. В 1827-1830 гг., во время многочисленных поездок по полуострову, краевед работал над составлением “Списка селениям Таврической губернии. С заметками и примечаниями. С названиями на русском и татарском языках, со списком изуродованных названий” [20, л. 1-26]. Данное сочинение, чрезвычайно интересное в качестве исторического источника, осталось неопубликованным. По роду службы Петр Иванович особенно интересовался развитием виноградарства и виноделия Крыма, что стало объектом исследования в специальных статьях. В них вместе с описанием современного автору положения дел в отрасли, помещены исторические этюды о развитии виноградарства в Тавриде и перечислены мероприятия, предпринимаемые правительством с момента присоединения Крыма к России для развития здесь виноделия [21]. В 1828 г. в Москве была опубликована на русском языке работа ученого “Alterthümer am Nordgestade de s Pontus” – “Древности Северного берега Понта” в переводе Камашева.

В это время краевед сотрудничал в одном из наиболее популярных справочных изданий той эпохи – “Энциклопедическом лексиконе”, издаваемом в 1835-1841 гг. А. А. Плюшаром. Установлено, что именно П. И. Кёппен является автором статьи “Бларамберг Иван Павлович” [22, с. 102-103]. Ранее авторство этой статьи приписывалось Г. И. Соколову [23]. Атрибутировать её удалось по автографу П. И. Кёппена в одном из его “Альбомов”, где указано: “Жизнеописание гн. Бларамберга я поместил в Энциклопедическом лексиконе” [24, с. 233]. Очевидно, в справочном издании А. А. Плюшара имеются и другие статьи ученого, которые, как и данную, он опубликовал без подписи.

По заданию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1833 г. П. И. Кёппен начал работу над проектом первого фундаментального историко-этнографического описания Крыма. Издание планировалось осуществить в 4-х книгах. Первый том посвятить каталогизации древностей Южного берега Крыма и Крымских гор; во втором – дать перечень селениям Таврической губернии; в третьем – топографическую информацию о Южном берегу Крыма и горной части полуострова, а в четвертом поместить историко-географические материалы: список крымских ханов, указатель температур крымских рек и ключей, шкалу высот над уровнем моря и ряд других очерков [9, с. 158]. С подготовкой этого труда связан ряд опубликованных и оставшихся в рукописи путевых записок П. И. Кёппена. Сохранилась переписка П. И. Кёппена с М. С. Воронцовым, где исследователь сообщал о ходе работ по подготовке издания [25].

По поручению М. С. Воронцова непосредственную помощь в подготовке книги Петру Ивановичу оказывал Таврический губернатор А. И. Казначеев, который приложил все усилия для “приведения в исполнение чрезвычайно полезного мероприятия” [26, с. 223]. Благодаря архивным изысканиям Арс. И. Маркевича в 1914 г. была опубликована переписка П. И. Кёппена с А. И. Казначеевым (конец 1835-1836 гг.), где речь идет о сборе материалов для книги [26]. А. И. Казначеев принимал активное участие и в редактировании рукописи. Он занимался проверкой правильного написания названий селений, рецензировал “Указатель” к карте Южного берега Крыма [26, с. 228]. Карта готовилась как отдельное издание. Она с приложением “Указателя” увидела свет в 1836 г. Её появление было чрезвычайно актуально, так как предыдущий тираж общедоступной карты Крыма, составленной генерал-майором Мухиным, датировался 1817 г. Эта карта была полна неточностей в написании названий населенных пунктов. Текст, сопровождавший предлагаемую П. И. Кёппеном новую карту, включал алфавитный и географический указатель, а также перечисление ошибок, допущенных в карте Мухина. На выход в свет карты и указателя откликнулась главная газета Новороссийского края – “Одесский вестник”, в публикации которой указывалось на высокий уровень издания и скрупулезную работу, проведенную составителем, по проверке правильности географических и административных названий [27].

Очевидно, М. С. Воронцов оказался не готов профинансировать издание такого объемного сочинения, каким его видел П. И. Кёппен, и свет увидел лишь первый из планируемых четырех томов, который получил общеевропейскую известность как “Крымский сборник”. Такое название было напечатано на его обложке. Согласно титульному листу книга называется “О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических” [28]. К оставшимся в рукописи многочисленным материалам ученый смог вернуться лишь в последние годы своей жизни, но так и не успел их издать.

Исследование стало первым обстоятельным систематическим описанием археологических памятников Крыма, их местонахождения и состояния. По их географическому положению историк указывает на характерную для средневековья конфронтацию кочевой степи и оседлых земледельцев горных долин. Этим объясняется выбор места для поселений с учетом возможности организации своей

безопасности за счет неприступных гор. Автор привел первое в литературе сравнительное архитектурно-археологическое обследование христианских культовых сооружений в Крыму (греческих и армянских), зафиксировал средневековые некрополи. Последние факты имеют для современных исследователей особое источниковедческое значение, так как именно эти памятники более всего пострадали вследствие хозяйственной деятельности [49, с. 17-22; 50, с. 16-17].

“Крымский сборник“ вызвал несколько положительных рецензий, в которых подчеркивалась научная значимость сочинения, его важность для развития археологии и топографии, отмечалась необычная широта охвата источников и высказывались пожелания автору продолжить свой труд последующими выпусками. Высокую оценку изданию дали корифеи отечественного крымоведения – современники автора и представители последующих поколений исследователей. Так, Б. В. Кёне отметил, что книга содержит “превосходные известия о Крыме”. Арс. И. Маркевич писал в 1914 году, что “Крымский сборник” “до сих пор представляет незаменимое пособие для всех, занимающихся древностями и историей Крыма”. По мнению Ф. Хартаха сочинения П. И. Кёппена “не имели себе подобных на русском языке в литературе Крымского полуострова и должны стать настольными книгами всякого, занимающегося историей Крыма”. Один только В. Х. Кондараки умудрился назвать П. И. Кёппена “малодарным тружеником” [28, л. 2].

В 1837 году Петр Иванович был избран адъюнктом Академии наук по кафедре статистики, (а в 1840 году – экстраординарным академиком) и прикомандирован к V отделу Собственной Его императорского величества канцелярии. В 1837 году он получил задание обревизовать государственные имущества Таврической губернии [12, л. 37-47] и сложные отношения поземельной собственности крымских татар. Сохранилась рукопись “Результаты ревизии государственных имуществ Таврической губернии, произведенных в 1837 и 1838 годах академиком П. И. Кёппеном при содействии Н. А. Милютина” [29]. Особую ценность представляли заключения ученого о величине участков, отдаваемых в оброчное содержание, в интересах выгоды казны, и о сроках этой аренды. Результат этой работы не был опубликован. Двухтомная рукопись представляет несомненный интерес как уникальный источник по различным вопросам развития Тавриды в I половине XIX века. Ее издание было бы чрезвычайно интересно. В печати появились лишь отдельные историко-статистические материалы о Крыме, собранные краеведом во время ревизии [59].

После возвращения в столицу Петр Иванович поступил на службу начальником отделения в Министерство государственных имуществ [30, л. 1-18]. Среди его крымоведческих публикаций в этот период большая часть посвящена наблюдениям за состоянием природы и вопросам этнографии. К этому периоду относятся и рецензии академика на сочинения А. А. Скальковского и А. Б. Ашика.

В 1843 году П. И. Кёппена избрали ординарным академиком по разряду статистики. Являясь признанным специалистом в этой области, он попытался объединить вокруг себя единомышленников. В 1843-1845 годах на квартирах отдельных ученых С.-Петербурга проходили собрания статистиков и

путешественников, подготовившие почву для возникновения в 1895 году Русского географического общества. Информация об этих собраниях содержится в неопубликованных записках П. И. Кёппена, который предложил организовать раз в две недели у себя встречи статистиков и путешественников, чтобы лучше ознакомиться с положением дел в России. Встречи также должны были, по его замыслу, содействовать “сближению просвещенных чиновников, имеющих влияние на администрацию” [31, л. 7-32].

Весной 1845 года, работая в должности члена Центральной комиссии уравнивания государственных крестьян в денежных сборах, П. И. Кёппен принял самое деятельное участие в учреждении Русского географического общества. По замечанию председателя РГО Ф. П. Литке “почти не было ни одного ученого предприятия, которое обошлось без его [Кёппена (А. Н.)] содействия или совета” [1, с. 1]. В этот период П. И. Кёппен отошел от археологических исследований. Об этом говорят и строки его писем к крымским краеведам. Так, 1 октября 1847 года в письме к А. Б. Ашику он отмечал, что “хотя академические и другие занятия по службе не позволяют следить за новыми открытиями по части древностей, однако же я сердечно радуюсь, что результаты добросовестных археологических разысканий более и более доводят до общего сведения и сохраняют для потомства” [32, л. 1]. 24 октября 1848 года уже более категорично он отвечал Антону Балтазаровичу: “отказавшись по Академии, решительно от всего, что не относится до предметов моих занятий, я в археологическом отношении уже не могу и не хочу иметь никакого голоса...” [32, л. 5].

Источником многолетних сборов ученым статистических и этнографических данных о народах России стало издание “Этнографической карты Европейской России”. В апреле 1846 года Совет РГО утвердил представленный П. И. Кёппеном план издания и отпустил на это средства. В черновом варианте карта была готова в 1848 году. Уже через год после тиража он был распродан, что вынудило произвести второе (1853 г.), а затем и третье (1855 г.) издания. К карте прилагался специальный пояснительный текст, изданный отдельно на русском и немецком языках.

Как первый труд такого рода в Российской империи, работа получила высокую оценку. Составителю была вручена Константиновская медаль за исследования в области этнографии и премия Жукова за статистические исследования. Труд получил высокую оценку и в кругах европейских ученых [33]. Через рецензентов П. И. Кёппен обратился ко “всем друзьям отечественной этнографии и статистики”, с просьбой прислать свои замечания и поправки [34, с. 53]. Хотя и издание и признавалось многими специалистами как труд “в высшей степени замечательный по самой задаче своей и по той заинтересованности, с которой задача эта выполнена автором” [35, с. 12], как важный вклад в развитие отечественной этнографии, современники все же находили в нем немало неточностей [36].

В Крыму в этот период ученый проживал в 1852-1853 годах (в связи с заболеванием чахоткой), в 1858-1859, 1860-1864 годах. В связи с датировкой окончательного переселения Петра Ивановича в Крым представляет интерес его письмо к Н. Г. Тройницкому (в Одессу) от 5 августа 1860 года, выявленное нами в фонде “Одесское общество истории и древностей” в ИРНБУВ, где краевед сообщает:

“С величайшего соизволения навсегда переселяюсь в Крым, где буду жить в моем Карабахе на Южном берегу под Бююк-Ламбатом. Туда, или лучше сказать в Ялту, я отправил морем все мое имущество, тринадцать более или менее грузных ящиков... через Одессу...” [37, л. 1].

Значительный интерес представляют появившиеся в это зремя публикации П. И. Кёппена на страницах “Таврических губернских ведомостей”, упоминания о которых отсутствуют в библиографическом списке трудов ученого [2]. Путем просмотра de visu этого издания выявлены две статьи краеведа “Христиан Христианович Стевен” [38], опубликованная без указания авторства, и “Для истории Ливадии” (подпись: “Кпн”) [39]. Атрибуция их возможна благодаря упоминанию об этих публикациях в некрологе П. И. Кёппена, написанном Ф. М. Домбровским [40].

Значительно расширяют наше представление о крымоведческих исследованиях П. И. Кёппена выявленные в различных архивных фондах исторические рукописи ученого (прежде всего в фонде ООИД в ИРНБУВ и личном фонде ученого в СПбФАРАН). Это “Хронология важнейших событий в Крыму от 7 века до н. э. до 1794 года”, “Список крымских ханов 1475-1775”; “Дела крымские (Хронологический список событий крымской истории)”, статьи “Южный берег Крыма – византийская провинция”, “Генузцы”, хронология царей Боспорского царства, статья “Древности Керчи”. Сохранились и черновые записи ученого по составлению общего очерка истории Крыма, многочисленные выписки и вырезки из газет, касающиеся истории Крыма, сделанные им собственноручно копии грамот крымских ханов на крымскотатарском языке с переводом, другие документы [41, л. 1-26].

Среди неопубликованных работ академика особый интерес представляют “Материалы для ближайшего познания горной части Крыма. Путевые заметки П. И. Кёппена” (1833-1834 гг.) [42]. Археологическая часть этих материалов легла в основу “Крымского сборника”. В последние годы жизни, уже понимая, что довести этот труд до конца ему не удастся, ученый попросил своих дочерей переписать его черновики, которые представляют собой наброски разделов задуманного еще в середине 1830-х годов капитального крымоведческого сочинения. Среди них до сих пор актуален для переиздания раздел “Tatarica”, заключающий в себе географические термины, употреблявшиеся крымскими татарами в I половине XIX века; названия урочищ, рек и их объяснения; анализ перехода букв и ударений в названиях; указания волн миграции населения в Крыму.

Научное наследие П. И. Кёппена – важнейшая составная отечественной ретроспективной биографии. К нему и сегодня постоянно обращаются специалисты разных отраслей знаний.

Список литературы

1. Юбилей Петра Ивановича Кёппена 29-го декабря 1859 года.– СПб., 1860.– 16 с.
2. Куник А. А. Литературные труды П. И. Кёппена // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук.– СПб., 1868.– Т.2.– Приложение № 6.– 36 с.
3. Б-о А. Кёппен (Петр Иванович) // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.– СПб., 1895.– Т. 28 (16А).– С. 946-948; Геннади Г. Н. Кёппен Петр Иванович // Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г.– Берлин, 1880.– Т.2.– С. 129-130; Кёппен Петр Иванович // Русский биографический словарь. Т. Ибак-Ключарев.– СПб., 1897.– С. 616-619.
4. АРГО, разряд 39, л. 20.
5. РГБ ОР, ф. 233, картон 5, л. 9.
6. Маркевич Арс. И. Петр Иванович Кёппен // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь и его окрестности.– Симферополь, 1890.– С. 212-214.
7. Маркевич Арс. И. "Taurica". "Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК.– Симферополь, 1894.– № 20.– С. 1-395; 1898.– № 28.– С. 92-185; 1902.– № 32-33.– С. 47-128.
8. Ена В. Г. Академик П. И. Кёппен и Крым // Академик Петр Иванович Кёппен (1793-1864). Материалы научн. конф.– Феодосия, 1994.– С. 9-13.
9. Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.– СПб., 1911.– Т. 89.– № 5.– С. 1-170; То же. Отдельно.– СПб., 1911.– 170 с.
10. Модзалевский Л. Б. Дневники акад. П. И. Кёппена // Вестник Академии наук СССР.– Л., 1932.– № 12.– Ст. 68-70.
11. Замечательные уроженцы и деятели Харьковской губернии // Харьковский календарь на 1886 г.– Харьков, 1885.– Отд. 9.– С. 136-144.
12. РГИА. ф. 733, оп. 12, л. 490.
13. Кёппен Ф. П. К столетнему юбилею рождения П. И. Кёппена // Русская старина.– 1893.– Апрель.– С. 88-106.
14. Летописец Дмитрий. [Языков Д. Д.] Петр Иванович Кёппен // Библиограф.– 1893.– Вып. 1.– С. 104-105. Атрибутирована по изданию: История исторической науки в СССР. Дюктябрьский период. Библиография.– М.: Наука, 1965.– № 4994.
15. [Кёппен П. И.]. Древности // Библиографические листы 1825. № 39.– СПб., 1826.– 31 марта.– С. 572-573.
16. Стемповский И. А. О древнейших монетах царей Веспора Киммерийского // Отечественные записки.– 1826.– № 75.– С. 129-136.
17. РНБ ОР, ф. 347, л. 50.
18. РНБ ОР, ф. 347, л. 1.
19. Кёппен П. И. О крымских пещерах. (Дополнение к описанию Туакской пещеры) // Русский зритель.– М., 1828.– № 5-6.– С. 132-136.
20. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 2, л. 117.
21. Кёппен П. И. О виноделии на Южном берегу Крыма // Северный муравей.– 1830.– № 23.– С. 193-198; Его же. Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма // ЖМВД.– 1831.– Кн. 6.– С. 128-175.
22. Энциклопедический лексикон / А. А. Плюшар.– СПб., 1836.– Т. 6.
23. Мурзакевич Н. Н. Григорий Иванович Соколов // ЗООИД.– Одесса, 1853.– Т. 3.– С. 522-527.
24. Тункина И. В. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // Советская археология.– М., 1987.– № 4.– С. 220-227.
25. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, л. 328, л. 23-26; оп. 3, л. 50, л. 1-7.
26. Маркевич Арс. И. К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК.– Симферополь, 1914.– № 51 – С. 223-240.
27. А. Т. О новой карте Крыма // ОВ.– 1837.– 24 марта.
28. Коркунов М. [Рецензия на "Крымский сборник" П. Кёппена] // ЖМНП.– 1837.– № 4.– Отд 4.– С. 126-140; Schott. Ueber Köppen's Alterthümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland.– Berlin, 1842.– Bd. 2.– P. 105-117.

29. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, д. 334, 341 л.; д. 335, 230 л.
30. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, д. 348.
31. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, д. 174.
32. ИРЛИ, ф. 615, д. 13.
33. de Rittch A. Apercu general des travaux ethnographiques en Russie pendant les trente dernieres annees.– Kharkoff, 1878.– 36 p.
34. Бергхаус. Этнографическая карта России Кёппена // Москвитянин.– 1853. № 6.– Отд. 5.– С. 49-53.
35. [Милютин В. А. Рецензия на “Этнографическую карту Европейской России” П. И. Кёппена] // Современник. - 1852.– № 9.– Отд. 3.– С. 1-16.
36. Латам Р. О третьем издании этнографической карты Европейской России // Вестник императорского Русского географического общества.– СПб., 1856.– Ч. 16.– С. 83-95; Тиханов Е. И. Замечания на “Этнографическую карту России” академика П. И. Кёппена // Известия императорского Русского географического общества.– СПб., 1866.– Т. 2.– № 2.– С. 57-64.
37. ИРНБУВ, ф. 5, д. 3024.
38. [Кёппен П. И.] Христиан Христианович Стевен // ТГВ.– 1863.– 11 мая.
39. [Кёппен П. И.] Кпл. Для истории Ливадии // ТГВ.– 1863.– 14 сентября.
40. [Домбровский Ф. М.] Петр Иванович Кёппен // ТГВ.– 1864.– 20 июня. Атрибутирована по изданию: Русские ботаники.– М., 1852.– Т. 4.
41. ИРНБУВ, ф. 5, д. 867; СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, д. 323; д. 345; д. 330; д. 331.
42. СПбФАРАН, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 343-345.

Анотація

Непомнящий А. А. Кримиознавче надбання П. І. Кьоппена: досвід біобібліографічної характеристики

На підставі широкого корпусу джерел та літератури подано біобібліографічний нарис кримиознавчих досліджень одного з піонерів вивчення Кримського півострову – П. І. Кьоппена.

Ключові слова: Кьоппен, Крим, біографія, бібліографія

Summary

Nepomnyashy A. A. The Kyoppen's Heritage of Crimean Study: The Experience of Bibliographic Description

A bibliographical essay of Regional studies by Kyoppen P. based on numerous sources and literature is submitted here.

Key words: Kyoppen, Crimea, biography, bibliography

УДК 911.3:32+911.3:33 (477.75)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КРЫМА

Багров Н. В.

Автор статьи, ректор ТНУ, профессор Н. В. Багров стоял у истоков воссоздания крымской автономии, был первым Председателем Верховного совета Крыма. Опираясь на собственный опыт, через призму почти десятилетней истории становления Украины как независимого государства, автор всесторонне раскрыл экономический, политический, национальный аспекты крымской проблемы. Убедительно показано, что автономизация Крыма, начавшаяся в конце 80-х годов, не имела ничего общего с сепаратизмом, а вполне соответствовала регионалистической парадигме современной европейской интеграции. На этой основе делается вполне правомерный вывод о необходимости разработки Украиной, стремящейся войти в европейское сообщество, соответствующих стандартов и подходов. Автор изложил собственное видение таких подходов и с учетом этого очертил стратегические направления и социально-экономическую модель развития Крыма.

Ключевые слова: Крым, геополитика, экономика, стратегия развития, регионалистика

На непростом пути приобретения независимости и становления государственности Украины одной из наиболее острых была проблема Крыма. Она относится к категории тех проблем, которые, как свидетельствует мировой опыт (события на Балканах и в государствах - бывшего Советского Союза) могут при определенных условиях приводить к нестабильности, а подчас к боевым действиям с тяжелыми последствиями.

Попытаемся, учитывая почти десятилетний опыт независимости Украины, ответить на вопросы: в какой мере проблема Крыма была действительно потенциально опасной для становления украинской государственности, что удалось сделать для сохранения стабильности в данном регионе, что не удалось и главное – что нужно сделать, чтобы доказать способность государства решать такие сложные национальные и социальные вопросы, выходя из принципов демократии и необходимости вхождения Украины, как цивилизованного правового государства, в мировое содружество.

Автор на это имеет право, ибо имел личное отношение к проблеме Крыма с момента ее зарождения. Мне неоднократно приходилось принимать участие в тех острых дискуссиях, которые касались этой проблемы. Не скрою, не всегда наша позиция воспринималась.

Прошло время, оно многое прояснило. И тот факт, что с абсолютным большинством моих оппонентов у меня сохранились добрые отношения, что многие

из них теперь признают правомерность предпринимавшихся нами тогда решений, свидетельствует о том, что тогда они, по их выражению, имели дело с «поміркованим» Багровым, действия которого были продиктованы не стремлением к сепаратизму, а желанием найти безболезненные пути становления Украины как независимого государства.

Более подробно об этом нами сказано в книге «Крым: время надежд и тревог». Поэтому подчеркну лишь два момента.

Несмотря на то, что проблема Крыма решалась в острой политической борьбе, при отсутствии необходимой законодательной базы, что объективно порождало споры о правомерности тех или иных шагов, которые приходилось делать, не имея аналогов в мировой практике. Нам, даже с учетом некоторых ошибок, удалось достичь главного – не допустить беды, предотвратить военный конфликт, возможность которого была реальной. Еще не пришло время об этом сказать вслух, но дважды такая опасность была реальной.

Второй момент, связанный с проблемой Крыма, на котором я хотел бы сделать акцент, вытекает из парадокса, закрепленного в Конституции Украины, где сказано, что наша страна – это унитарное образование, в составе которого есть Автономная Республика Крым. Если задуматься над этим фактом, то его вряд ли можно объяснить даже сугубо теоретически. Именно из этого, на мой взгляд, вытекает неопределенность Крымской Автономии, ее прав, отношений с Центром. Этот вопрос остаётся актуальным и сегодня, несмотря на принятие Конституции Автономной Республики Крым.

Учитывая последнее, вполне естественно задать вопрос – зачем было восстанавливать в Крыму автономию, что нас тогда подтолкнуло на этот путь, в основе которого лежит регионалистическая парадигма.

Решая этот вопрос, мы учитывали следующие обстоятельства – ту ситуацию, в которой тогда находился Советский Союз, а также те тенденции, которые четко проявились в развитии человечества на рубеже нового тысячелетия.

Как известно, начало 90-х годов в СССР ознаменовалось ростом дезинтеграционных процессов, при этом Центр начал терять роль лидера в проведении реформ, а регионы начали сами искать спасение от негативных процессов.

Крым, который в своем экономическом развитии больше других регионов зависел от Центра, почувствовал на себе это очень остро. К сказанному следует добавить, что он имел и много других своих специфических проблем, решение которых требовало новых полномочий, расширения экономической самостоятельности. Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что в этом ничего не было от ирредантизма, а наоборот – стремление получить от Киева и Москвы хозяйственную самостоятельность, которая бы позволила Крыму самому зарабатывать средства. Эту позицию, будучи Председателем Верховного Совета Крыма, я отстаивал и в Ново-Огарево, при подготовке Союзного Договора. Подчеркнем, что тогда Крым не был дотационной областью и никто из нас не представлял, с какими трудностями придется столкнуться с переходом к рыночным отношениям.

На путь автономизации нас подтолкнуло и то, что очень высокой активности и обостренности тогда приобрели процессы, связанные с возвращением крымских татар. Не имея возможности более подробно остановиться на этой болезненной и очень сложной проблеме, подчеркну, что мой среднеазиатский опыт работы в качестве куратора ЦК КПСС этих республик дает мне право утверждать, что восстановление Автономной Республики позволило избежать межнационального конфликта. Значение этого переоценить невозможно, если учесть, что в Крыму пересекаются интересы разных государств.

В выборе пути дальнейшего развития Крыма мы руководствовались также и обстоятельствами стратегического характера. Сейчас, когда ушел в историю XX век, можно утверждать, что он был ознаменован большими геополитическими переделами мира. Человечество искало ответ на вопрос – как обеспечить народам равные права, на какую перспективу они могут рассчитывать в новом столетии.

Обеспечение равенства прав народам не предполагает, что все они должны быть одинаковыми. Сегодня главный лозунг объединенной Европы – «Единство в разнообразии». Таким образом объединенная Европа – это Европа регионов, а не национальных государств. На этом принципе основана регионалистическая парадигма современной европейской интеграции. Для Украины, которая стремится войти в Европу, выработать необходимые для этого жизненные стандарты, это, на мой взгляд, должно иметь существенное значение.

Тем более, если объективно оценивать территориально-этническую структуру Украины, то просто невозможно не отметить ее существенные региональные отличия. Ведь Донбасс нельзя сравнить с Закарпатьем, Приднестровье с Югом. Каждый из этих регионов имеет свои особенности, которые выступают объективной основой разных типов хозяйствования, позволяют выработать каждому из этих регионов свою модель социально-экономического развития.

Крым является уникальной территорией Украины. Можно назвать, по крайней мере, пять постулатов, на которых базируется Крымская региональная парадигма. Это – природная уникальность, историческое своеобразие, полиэтничность, специфика хозяйственного комплекса, геополитическая значимость, которая в случае негативного развития событий может привести к глобальному международному конфликту.

С учетом всех этих обстоятельств мы и выбирали путь автономизации Крыма, который позволял сохранить мир и стабильность Украины на пути ее утверждения как демократического независимого правового государства, а самому региону уверенно развиваться в будущем, используя имеющиеся возможности.

Общеизвестно, что на данном этапе экономического развития происходит адаптация хозяйственных комплексов к рыночным отношениям.

Проблемы адаптационных процессов активно обсуждаются учеными-практиками, о чем, в частности, свидетельствует проведение на Украине ряда конференций – в Одессе, Ялте-Форосе, Киеве.

Как участник этих конференций, могу отметить, что при всем многообразии подходов представителей различных стран к анализу происходящих трансформационных процессов, они рассматриваются через призму, с одной

стороны, в какой мере могут быть задействованы в процессах структурной перестройки общепланетарные тенденции, определяющие состояние мировой экономики. С другой – в какой степени использовавшиеся ранее принципы формирования хозяйственных комплексов регионов применимы в условиях рыночных отношений.

В работе "Каким быть Крыму в XXI веке" нами предпринята попытка рассмотреть существующий хозяйственный комплекс полуострова с позиций будущего развития. Такой анализ позволил сформировать основные концептуальные подходы новой стратегии экономического развития Крыма, выбрать приоритеты в специализации хозяйственного комплекса, его трансформации и пути их решения.

Для нынешнего хозяйственного комплекса Крыма эти проблемы приобретают особое значение, по крайней мере по трем причинам.

Во-первых, его экономика в прошлом ориентировалась, в основном, на решение сугубо тех задач, которые интересовали Центр. Именно этим обосновался высокий удельный вес в хозяйственном комплексе, который имели отрасли военно-промышленного комплекса. В то же время отсутствовала государственная программа развития рекреационного хозяйства. О второстепенности роли индустрии отдыха свидетельствовало и то, что его территориальная организация находилась в полной зависимости от промышленных, сельскохозяйственных и селитебных объектов. В результате в рекреационной зоне Крыма в настоящее время сосредоточено 70% основных производственных фондов Крыма.

Во-вторых, как показывает проведенный нами ретроспективный анализ отраслевой структуры хозяйственного комплекса Крыма, базовые отрасли, которые до недавнего времени были отраслями его специализации, находятся в состоянии стагнации. Если раньше Крым имел темпы роста промышленного производства в два раза больше, чем по Украине, а по уровню развития сельскохозяйственного производства занимал ведущие позиции, то сейчас, например, в сельском хозяйстве спад производства продукции достиг критического, довоенного уровня и оказался значительно глубже, чем в целом по Украине и соседним южным областям. Следовательно, отрасли, определявшие специализацию хозяйственного комплекса Крыма в условиях рыночной экономики, оказались неэффективными, а значит – малоперспективными.

В-третьих, вырабатывая стратегию будущего развития Крыма, мы должны понять и глубоко осознать, что какие бы цели в развитии экономики не ставились, их надо достигать не только с учетом сохранения, но и воспроизводства экологического потенциала региона. Крым – это божий подарок для всех поколений человечества. Поэтому любая долговременная стратегия развития должна основываться на экологической парадигме, принципах эколого-социально-экономической оптимизации. Иными словами, на полуострове должна быть сформирована эколого-экономическая сбалансированная территория, где путем согласования различных интересов, будут устранены противоречия между всеми субъектами жизни и хозяйствования.

Таким образом, будущая экономика Крыма должна строиться на совершенно новых принципах, кардинально поменяв векторы своего развития.

На наш взгляд, такой хозяйственный комплекс должен в максимальной степени отвечать тому ресурсному потенциалу, которым располагает регион, тем общественным потребностям, благодаря которым он будет включен в международное разделение труда: иметь благоприятные условия для инвестиций, работать в автономном режиме, постоянно увеличивая прибыль и доходы населения.

Учитывая, что в условиях рыночных отношений, на переходном этапе, требуются совершенно новые методологические подходы, при разработке долгосрочной социально-экономической стратегии для Крыма чрезвычайно важно учесть ту часть хозяйственного комплекса, которая ранее при расчетах его экономического потенциала практически не учитывалась. В то же время только простой учет занятых в непроизводственной сфере Крыма при минимальном оценочном показателе вклада ее в экономику региона увеличивает на 1/3 конечные показатели хозяйственного комплекса. Если же к этому добавить и результаты деятельности трудоспособного населения Крыма, занятого в домашнем хозяйстве, то совокупный результат деятельности региона увеличится наполовину в сравнении с теми оценками, которые базируются только на учете деятельности производственной сферы. Все это повышает место Крыма по уровню экономического развития среди других регионов Украины.

Все сказанное выше дает нам основание утверждать, что современная концепция социально-экономического развития Крыма в качестве конечной цели должна преследовать задачу превращения полуострова в высокоразвитый курортно-рекреационный и торгово-финансовый центр международного значения, обеспеченный современной инфраструктурой, превращающий Крым с учетом его выгодного приморского положения в торгово-транспортно-транзитную территорию с развитым морехозяйственным комплексом, эффективным сельским хозяйством, перерабатывающий на его базе промышленностью, группой специализированных машиностроительных и судостроительных предприятий.

Новизна предложенного концептуального подхода очевидна. При этом также важно и то, что такой комплекс, в отличие от современного, будет иметь высокую степень законченности, иметь механизмы периодической адаптации его к изменениям конъюнктуры рынка и будет обеспечивать решение важнейших социальных задач занятости, повышения уровня доходов населения, охрану и воспроизводство уникального потенциала региона.

Отдаю себе отчет в том, что это идеальная модель, в которую реальная жизнь будет вносить коррективы. Будучи, однако, оптимистом и понимая общемировое значение Крыма, хотелось бы надеяться, что Украина сможет выработать, пусть немного позднее, систему гарантий, льгот, благодаря которым те масштабные задачи, о которых говорилось, будут решены, а Крым станет процветающим регионом.

Не сделаем это мы, за нас сделают наши дети и внуки.

УДК 911.52:51

ВЫЯВЛЕНИЕ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ

Бобра Т.В.

В статье показаны возможности применения комбинированного подхода для выявления и картографирования граничных геосистем на топологическом и хорологическом уровнях. Определены признаки граничных геосистем

Ключевые слова: граничные геосистемы, информационные градиенты, информация неоднородность, компьютерное моделирование

Ландшафтные границы (граничные геосистемы), как и другие объекты комплексной географии, представляют собой сложные системы, в которых сочетаются явления разного уровня организации. В них проявляются явления эмерджентности, континуальности и дискретности, эффекты неопределенности и субъективности, полифункциональности и пр. Поэтому при анализе систем такого рода нельзя становиться на точку зрения уникальности или типичности, континуальности или дискретности, объективности или субъективности как единственную. В граничных системах диалектически сочетаются свойства и характеристики различного типа. Они взаимодополняют друг друга и определяют двойственность характера ландшафтных границ. Эти положения явились методологической основой настоящего исследования. *

В отличие от ландшафтных комплексов, в основу выделения которых положены принципы относительной однородности состава, строения, генезиса, динамики и функционирования, характерной чертой ландшафтных границ является неоднородность, пространственная изменчивость ландшафтных характеристик, наличие резких смен и скачков.

В рамках континуального подхода изучение ландшафтных границ приобретает самостоятельное значение, поскольку они выступают в качестве активных субъектов организации географического пространства, которые характеризуются своей структурой, генезисом, динамикой и функционированием. Ландшафтные границы как активный элемент структуры географической оболочки выполняют целый ряд специфических функций в пространственно-временной организации земной поверхности.

Поскольку феномен ландшафтных границ может рассматриваться на двух различных уровнях организации – топологическом и хорологическом, то и совокупность используемых показателей для каждого из уровней различна.

Для топологического уровня (уровень фаций и простых урочищ) важнейшим критерием выделения ландшафтной границы является максимальный информационный градиент изменения биоценологических, ландшафтно-геофизических и ландшафтно-геохимических параметров.

Для хорологического уровня (уровень сложных урочищ, местностей, ландшафтов) важнейшим критерием выделения границ выступает максимальный

градиент изменения пространственной неоднородности сочетания элементарных ландшафтных комплексов.

Данное исследование ставило целью показать возможности использования комбинированного подхода к выявлению, картографированию и анализу ландшафтных границ на топологическом уровне на примере ландшафтных комплексов территории Карадагского ландшафтно-экологического стационара (КЛЭС) (Юго-Восточный Крым).

Комбинированный подход к изучению ландшафтных границ предусматривает наряду с детальными полевыми исследованиями, использование аэрофотоснимков, их компьютерную обработку, дешифрирование и анализ, а также компьютерное моделирование ландшафтных границ на основе ГИС-технологий.

Основными идентификационными признаками выявления ландшафтных границ выступал рельеф и растительность, а также некоторые геофизические характеристики ландшафтных комплексов.

Методика компьютерного картографирования и анализа ландшафтных границ предполагает комбинированный подход к анализу и обработке географической информации. Речь идет, прежде всего, об использовании, наряду с данными, получаемыми в ходе полевых ландшафтных исследований, результатов дешифрирования аэрофотоснимков.

Полевой этап включал в себя картографирование и описание ландшафтных комплексов по традиционным методикам [1; 2; 3; 4]. В ходе этих исследований на территорию Карадагского ландшафтно-экологического стационара (балка Лесная) была составлена ландшафтная карта [6]. Вместе с тем были детально изучены геология и рельеф, почвы, растительность, гидрологические и микроклиматические условия. Была заложена нерегулярная (в пространственном отношении) сеть точек, в рамках которой проводились полустационарные измерения микроклиматических, фенологических, геохимических показателей. Результаты этих исследований были опубликованы ранее [5; 6].

Одной из особенностей полевого изучения ландшафтных границ на Карадагском ландшафтно-экологическом стационаре является то, что они подстилались и опирались на материалы первичного дешифрирования аэрофотоснимков. Полученные материалы полевых исследований послужили основой для последующей идентификации объектов, выделяемых по аэрофотоснимку. Дальнейшая процедура картографирования ландшафтных границ осуществлялась с использованием аэрофотоснимков и с периодическим уточнением результатов дешифрирования в полевых условиях.

Для устранения эффектов изменения фотона на снимке, связанного с изменением крутизны и экспозиции склонов, использовались аэрофотоснимки, на которых дата и время съемки было выбрано таким образом, чтобы лучи солнца падали практически перпендикулярно к осредненной поверхности юго-восточного макросклона хр. Беш-Таш, в пределах которого заложена балка Лесная.

Внутренние флуктуации светового тона аэрофотоснимка стационара, связанные с изменением мезорельефа, учитывались при дешифрировании снимка путем компьютерного сличения яркости фотона на различных элемента рельефа с

уже идентифицированными опорно-тестовыми участками, расположенными в пределах этих мезоформ. Так, например, если фации с пушистодубовым лесом на коричневых маломощных почвах, расположенные на склонах северо-восточной экспозиции, имеют коэффициент светового тона 235-250 единиц, а на склонах южной экспозиции 220-243, то для избежания двусмысленности в идентификации этих контуров мы вводили поправку в 15-25 единиц для склонов южной экспозиции.

Подготовка аэрофотоснимка к дальнейшей его обработке осуществлялась с помощью программы Photoshop 5.0, которая имеет широкий спектр инструментов, позволяющих вырезать, масштабировать, трансформировать необходимые для работы фрагменты снимков. В этой же программе осуществлялось выравнивание фотографического тона снимков, первичная классификация и идентификация отображаемых объектов, а также трансляция копий полученных обработанных изображений в другие форматы записи растровой информации, необходимые для экспорта в другие программы. В частности из растрового формата сканированного изображения *TIF (TIFF) в формат *BMP; *PSD; *AI; *PDF, что позволяет в дальнейшем экспортировать эти изображения в другие программы.

Векторизация замкнутых контуров осуществлялась автоматически с помощью программы Adobe Streamline 4.0 с последующей трансляцией полученного векторизированного изображения в формат САD-систем *DFX, который, в свою очередь, может импортироваться большинством GIS- и Mapping-системами.

Процедуру оцифровки, классификации, тематического картографирования по аэрофотоснимку и анализ полученных контуров или полей мы осуществляли с помощью программ: Arc View 3.1 Spatial Analysis; MapInfo 5.5; ENVI 3.0; HLIImage++97; Surfer32. Подробную информацию о функциональных возможностях этих программ при анализе и обработке разного рода изображений (в том числе и аэрофотоснимков) можно найти в справочном аппарате этих программных продуктов.

С помощью Arc View 3.1 и MapInfo 5.5 мы осуществили ряд процедур по построению цифровых моделей изображений ПТК ландшафтно-экологического полигона. В Arc View 3.1 каждому ландшафтному комплексу, выделенному и описанному в ходе полевых экспедиционных исследований, ставились в соответствие определенный диапазон изменения индекса световой плотности аэрофотоснимка, который изменяется от черного – 0 до белого 256.

Затем ландшафтные комплексы были объединены в восемь групп по изменению в пространстве ландшафтно-экологических условий, индицирующихся, главным образом, по изменению растительных сообществ с различной вертикальной структурой, степенью увлажненности и биомассой. Наиболее распространенными являются геопоты, ландшафтно-экологические условия которых благоприятны для произрастания ксеромезофильных сообществ *Carpineto (Orientalis) – Querceta* с коричневыми среднемощными щебнистыми и местами каменистыми почвами. Сомкнутость древесного яруса от 0,8 до 0,9; высота древостоя до 10 метров. В подлеске участвуют кизил и грабинник, имеющие здесь форму деревьев.

Наименьшие площади занимают геотопы, ландшафтно-экологические условия которых благоприятны для произрастания разнообразных сообществ из *Festuceta valesiaca*, *Bothriochloeta ischaemii*, *Agropyreta pectinatii*, *Stipeta ponticae* (et *pulcherrimae*), *Elytrigieta nodosae*, *Alopecureta vaginatii*, относящихся к настоящим (типичным) степям, сформированы на склонах пологих и покатых чаще восточной экспозиции, а также на ровных участках.

Таким образом, сопоставление результатов детальных ландшафтных и геоботанических исследований и соответствующей плотности фототона на рабочем аэрофотоснимке исследуемой территории, позволило дальнейшую процедуру идентификации, классифицирования и оцифровки контуров ландшафтных выделов перенести на машинный – компьютерный уровень.

Осуществить классификацию территории, ее оконтуривание и подобрать картографический дизайн оформления результатов позволили возможности программы Arc View 3.1 Spatial Analysis (рис. 1).

Для выявления и проведения ландшафтных границ был использован метод информационных градиентов, предложенный А.Д. Армандом [7]. Формализовать этот процесс удалось, введя некую универсальную меру, которая приводит разнородные признаки (параметры) к единой системе. Этой мерой является количество разнообразия или информации в широком смысле слова, выраженное в численной форме.

Вычисление величины приращения информации (информационного градиента) предполагает выполнение ряда последовательных операций. Алгоритм расчета, предложенный А.Д. Армандом, является достаточно сложным и громоздким. В связи с этим подобные расчеты проводились им только по профилю и с использованием небольшого числа параметров [7].

Использование современных компьютерных технологий позволило использовать этот метод не только для выделения ландшафтных границ по профилю, но и перевести эту процедуру в двухмерную и трехмерную плоскость.

Для этого территория КЛЭС была покрыта системой профилей, проходящих через основные типы геотопов, по которым фиксировались изменения ландшафтно-геофизических, ландшафтно-экологических показателей (температура почвы на глубине 5 см., температура приземного слоя воздуха на высотах 0.1 м.; 0.5 м., 1.0 м. 1.5 м.; проективное покрытие, мощность гумусового горизонта, поверхностная щелбистость и др.) и индекса фототона отмасштабированного и территориально привязанного аэрофотоснимка стационара (программа ENVI 3.0.).

Используя алгоритм расчета информационных градиентов по профилю, а также возможности статистического анализа в прикладных пакетах программы MapInfo 5.5 – Ахум 5.0, Curve Expert 1.3, S-Plus 4.5, Tehnplot, Spw 4, мы получили возможность рассчитать изменение информационных градиентов по площади КЛЭС и построить карту пространственного распределения информационной неоднородности (информационно-полевой структуры) (рис. 2).

Далее по расчетным количественным данным предварительно была построена трехмерная модель математической поверхности величины приращения информации на единицу площади. Затем по полученной виртуальной поверхности

строилась карта уклонов данной математической поверхности, которая и отражает пространственное изменение информационных градиентов на единицу площади.

Приращения информации на представленной карте выражается в градусах уклона математической поверхности, построенной по пространственно распределенным значениям величины суммарного приращения информации по ряду ранее перечисленных показателей на единицу площади. Так, наиболее пространственно однородные участки соответствуют значению - 0, максимально возможные по неоднородности участки соответствуют значению - 90.

При заданном размере операционных единиц (1 метр на местности и 1 пиксель на аэрофотоснимке) и при данном количестве анализируемых показателей выяснилось, что на рассматриваемой территории полностью однородных участков очень мало, их площади не превышают 0,1% от общей площади стационара. К таким участкам относятся небольшие пространства в ядрах типичности степных или лесных фаций, фации, сформировавшиеся на субгоризонтальных поверхностях выходов известняков, небольшие «пятна» типчаково-степных ассоциаций на пологих участках склонов и т.д. Практически 95% территории занимают пространства с величиной градиента приращения информации более 60. Максимальные площади занимают территории с величиной градиента приращения информации от 73 до 78 и от 84 до 89.

Анализ результатов расчета изменения информационных градиентов по площади и их визуализация в виде карты, отражающей пространственную информационную неоднородность, позволяет сделать следующие выводы:

1. Полученные результаты отражают информационно-полевую структуру территории Карадагского стационара. На карте отображены различные участки, зоны и области с количественно-определенными значениями степени пространственной информационной однородности-неоднородности (от 0 до 90).

2. При совмещении ландшафтной карты стационара полученной карты информационной неоднородности становится возможным конкретно указать степень «относительности» внутренней однородности того или иного ландшафтного выдела, поскольку именно этот критерий декларируется как один из основных признаков выделения ландшафтных комплексов (в том числе ранга фаций).

3. Территория Карадагского стационара в целом характеризуется высокой степенью пространственной информационной неоднородности. Большая часть территории (98%) имеет степень неоднородности выше 69.

4. Зоны, где изменения информационного градиента составляют 79,629 - 89,583, представляют собой граничные геосистемы топологического (фациального) уровня.

5. Анализ пространственного рисунка зон максимальных информационных градиентов (максимальной информационной неоднородности), соответствующих ландшафтными границам (граничным геосистемам), показывает, что ландшафтные границы представляют собой площадные образования, а не линии. Эти зоны имеют определенную ширину, которая для территории Карадагского стационара на фациальном уровне рассмотрения колеблется в среднем от 1 до 3 метров.

6. Ширина граничных зон вдоль осевой линии их простираения меняется в зависимости от изменения контрастности ландшафтно-экологических условий.

7. Наряду с выявленными граничными геосистемами топологического уровня, которым присущи определенные признаки, на исследуемой территории достаточно часто встречаются области, где информационная неоднородность также высока, однако данные образования нельзя назвать граничными геосистемами. Такие области максимальных градиентов здесь формируются микроформами эрозионной сети, или точечными объектами (крупные камни, отдельно стоящие деревья или куртины, эрозионные рытвины и крупные промоины, нарушения на небольшой площади почвенного и растительного покрова кабанами и т.п.). Подобные объекты, вероятно, можно назвать «ландшафтными новообразованиями». Их информационная функция очень важна с точки зрения прогнозирования, поскольку они позволяют определить тенденции изменения ландшафтной структуры исследуемой территории.

8. Визуально хорошо различимы отличия в пространственной дифференциации информационно-полевой структуры на территории стационара. Более однородной является верхняя приводораздельная часть макросклона хребта Беш-Таш, а наиболее неоднородной нижняя прибалочная часть склона. Это связано, прежде всего, с ее большей расчлененностью, большим разнообразием ландшафтно-экологических условий и пестротой растительных сообществ.

9. Четко прослеживаются различия между склонами северной и южной экспозиций балки Лесная. Склоны южных экспозиций характеризуются большей информационной неоднородностью, в том числе и за счет обилия «ландшафтных новообразований». Склоны северных экспозиций отличаются меньшей степенью информационной неоднородности.

Думается, что подобная картина объясняется большей динамичностью и неустойчивостью ландшафтных комплексов на склоне южной экспозиции. С одной стороны, здесь имеет место ландшафтная инверсия, связанная с метелевым переносом. Это выражается в большем увлажнении в зимне-весенний период и как следствие в большем развитии эрозионных склоновых процессов и процессов закустаривания и облесения на южном склоне.

С другой стороны, большая прогреваемость в летне-осенний период определяет в это время более высокую степень засушливости южного склона балки. К тому же, по крайней мере, раз в несколько лет (3-х летний цикл) создаются критические, неблагоприятные для лесовозобновления и закустаривания условия.

10. Высокая пространственная информационная неоднородность, высокая в пространственном отношении доля граничных геосистем свидетельствует о низкой степени устойчивости ландшафтной системы бассейна балки Лесная в целом.

11. Высокий уровень информационной неоднородности территории стационара объясняется тем, что она в свою очередь тоже находится в переходной граничной зоне более высокого уровня. Хребет Беш-Таш, на склоне которого заложена балка Лесная (территория стационара), занимает приморское положение и находится в приморском ландшафтном макроэотоне. Кроме этого, данная территория является

границей между вулканической группой массива Карадаг и всеми известняковыми массивами Юго-Восточного Крыма.

Таким образом, выявление и картографирование ландшафтной организации (особенно горных территорий) на топологическом уровне показало эффективность и необходимость применения метода информационных градиентов. Он позволяет формализовать процедуру выделения ландшафтных комплексов и их границ на основе количественной оценки степени внутренней однородности-неоднородности ландшафтных контуров для каждой конкретной территории.

Список литературы

1. Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М.: Мысль, 1965. – 327 с.
2. Берущашвили Н.Л., Жучкова В.К. Методы комплексных физико-географических исследований. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
3. Крауклис А.А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. – Новосибирск: Наука, 1979. – 231 с.
4. Миллер Г.П., Петлин В.Н. Исследование динамики и развития ПТК полу стационарными и экспедиционными методами. – Львів: Вид-во Львів. Ун-ту, 1985. – 69 с.
5. Обоснование создания Карадагской станции фонового экологического мониторинга: Под. ред. В.А. Бокова и др. - Симферополь: ЭИЦ «Крымская инициатива», 1995. – 92 с.
6. Ландшафтно-экологический стационар Карадагского природного заповедника/ Национальная академия наук Украины: Под ред. А.Л. Морозовой, Ю.И. Будашкина, В.А. Бокова. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 110 с.
7. Армаид А.Д. Метод информационных градиентов в географическом районировании // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1973. – № 3. – С. 104-114.

Анотація

Бобра Т.В. Виявлення та картографування ландшафтних меж

У статті показані можливості застосування комбінованого підходу до виявлення і картографування граничних геосистем на топологічному і хронологічному рівнях. Виявлено ознаки граничних геосистем.

Ключові слова: граничні геосистеми, інформаційні градієнти, інформаційна неоднорідність, комп'ютерне моделювання

Summary

Bobra T.V. Detection and mapping of landscape borders

The article demonstrates ways and means the combined approach to detection and mapping of boundary geosystems on topological and chorological levels. The parameters of landscape borders were spotted.

Keywords: boundary geosystems, information gradients, information heterogeneity, computer modeling.

УДК 628.19:574.5(477.75)

К ВОПРОСУ ОХРАНЫ ЭКОСИСТЕМ ВОДОТОКОВ ЮЖНОГО МАКРОСКЛОНА КРЫМСКИХ ГОР

Прокопов Г. А.

В статье рассматривается необходимость сохранения экосистем рек Южного макросклона Крымских гор и факторы, отрицательно влияющие на пресноводные экосистемы.

Ключевые слова: экосистема, малые реки, антропогенное воздействие

Экстенсивная эксплуатация природных ресурсов в бассейнах малых рек (рекреация, распашка пойменных земель, гидротехнические мероприятия, вырубка леса на площади водосбора и др.), а также сброс неочищенных бытовых стоков приводят к ухудшению состояния экосистем, истощению и загрязнению водных ресурсов.

Особенно остро вопрос сохранения водотоков стоит для Южного берега Крыма (ЮБК), поскольку именно здесь отмечен наибольший дефицит водных ресурсов [1].

Для наиболее эффективного использования рек ЮБК и проведения мероприятий по их сохранению необходимо знать особенности их гидрологии и функционирования экосистем.

Особенности гидрологии рек ЮБК в литературе отражены довольно полно [2, 3, 4 и др.], в то время как о функционировании экосистем имеются лишь отрывочные сведения [5, 6]. В 1998-2000 годах нами был предпринят ряд экспедиций на Южный берег с целью выяснения закономерностей функционирования сообществ пресноводных беспозвоночных и степени влияния на них различных антропогенных воздействий. Проводился сбор макрозообентоса на различных участках рек, визуальные наблюдения и опрос местных жителей.

Гидрология водотоков ЮБК обусловлена своеобразием орографии и климата Южного макросклона Крымских гор. Реки здесь отличаются малым водосбором (до 60 км²), небольшой протяженностью (8–14 км), стремительным падением (54–96 м/км), большим количеством наносов и обильными паводками. Местами вода скрывается в мощных галечниках и течет в виде подземного потока [7]. Долины рек в верховьях суженные, имеют вид ущелий со скалистыми сильно расчлененными склонами. Постепенно они расширяются, становятся сначала V-образными, а в нижнем течении имеют ящикообразную и трапецевидную форму. Решающую роль в питании рек играют атмосферные осадки и карстовые воды.

Внутригодовой режим стока рек ЮБК характеризуется двумя ясно выраженными периодами: паводочным (зима и весна) и меженным (лето и осень), причем за два сезона (зима и весна) сток рек в среднем составляет около 80% от годового [4].

Летом сток рек значительно уменьшается. На некоторых реках преобладает подрусловый сток, поверхностный фактически отсутствует. Этот период является наиболее сложным в жизни гидробионтов. Поэтому у живущих здесь животных

выработались различные приспособления для переживания этого неблагоприятного для них периода. Так, основная масса имаго амфибионтных насекомых вылетает весной и в начале лета, причем некоторые ручейники из семейства *Limnephilidae* диапаузируют в карстовых шахтах и пещерах, а откладка яиц у них происходит только осенью [8]. Имаго веснянок откладывают яйца сразу после вылета, вышедшие из яиц личинки ведут активный образ жизни в интерстициали на дне водотоков, где сохраняется контакт с грунтовыми водами и благоприятная среда даже при отсутствии выраженного поверхностного стока. Здесь же можно встретить животных, способных переносить временное пересыхание водотока, так, некоторые олигохеты, например *Aelosoma hemprichi*, могут длительно выживать, сворачиваясь в клубок и выделяя защитную оболочку из прозрачной затвердевающей слизи [9, 10], а так же животных, способных активно передвигаться за отступающей водой (гаммариды и личинки некоторых амфибионтных насекомых). Поэтому на непересыхающих участках, можно наблюдать значительные скопления гидробионтов, представленные сравнительно небольшим числом видов. Из этих участков происходит в дальнейшем расселение гидробионтов по всей реке при наступлении периода осенних дождей. Летом также наблюдается увеличение численности личинок слепней и некоторых мух-львинок.

Осенью, с наступлением периода дождей, происходит "возрождение" речной фауны. С этим периодом связано поступление значительного количества аллохтонной органики в виде листового опада и, соответственно, развитие сообщества организмов, специализирующихся на переработке этого материала, также наблюдается увеличение количества активных хищников. Так личинки некоторых видов веснянок, питавшиеся на ранних стадиях детритом переходят к хищничеству, в некоторых местах появляются, порой в значительном количестве, личинки *Osmylus*.

Зима на Южном берегу мягкая, с преобладанием положительных температур [11], что позволяет гидробионтам вести активный образ жизни. Однако даже в суровые зимы и в верхних участках рек, где температура воздуха всегда ниже, температура воды подо льдом снижается до 0°C, успешно перезимовывают личиночные стадии амфибионтных насекомых и другие водные беспозвоночные. Некоторые амфибионтные насекомые, как мошки (*Simuliidae*), перезимовывают на стадии яйца.

Весной, перед началом половодья, наблюдается значительная степень разложения листового опада, что обуславливает появление взвешенных органических частиц и микроорганизмов, способствующих развитию личинок мошек, в массе развивающихся на перекатах. Являясь хорошими фильтраторами, личинки мошек способствуют переработке и осаждению этих частиц. В этот же период происходит выход имаго ранних веснянок, а несколько позже, в конце весны – начале лета – массовый выход имагинальных стадий других амфибионтных насекомых. Талые воды уносят значительную часть органического и минерального материала, скопившегося в русле реки, а при сильных дождях также происходит катастрофический дрейф водных беспозвоночных, сопровождающийся массовой их гибелью.

На протяжении всего внутригодового цикла в экосистеме реки протекают процессы по переработке органических и минеральных веществ, поступающих извне. Активизируются эти процессы в осенне-весенний период, когда функционирует наиболее полнокомпонентная система, специализирующаяся на переработке аллохтонной органики, основная масса которой поступает в водоем именно в этот период и за счет которой продолжает функционировать вся исторически сложившаяся природная экосистема. Таким образом, в рассматриваемых водотоках преобладают детритные пищевые цепи, способствующие интенсификации процессов самоочищения воды. При этом наиболее уязвимой экосистема оказывается именно в летний период, с которым связаны максимальные антропогенные нагрузки.

На разные участки реки приходится различное как по характеру, так и по интенсивности антропогенное воздействие (Рис.1).

На экосистему в верхнем течении реки наибольшее влияние оказывает опрыскивание лесных массивов водными растворами высокотоксичных инсектицидов, особенно хлорофосом и цимбушем; вырубка и выжигание леса на площади водосбора; чрезмерный водозабор, а также рекреационная деятельность и браконьерство.

В среднем течении к указанным факторам добавляются гидростроительство; различные виды сельскохозяйственной деятельности, особенно распашка водосборных бассейнов, порой до самого уреза воды, опрыскивание и удобрение садов и виноградников, мелиоративные мероприятия; частное животноводство и выпас коз и коров по берегам рек; обнажение берегов от леса.

На экосистему нижнего течения рек Южного берега наиболее существенное влияние оказывают коммунально-бытовые стоки.

Кратко охарактеризуем характер влияния этих факторов на экосистемы рек ЮБК.

Эксперименты, проводившиеся на реках Дальнего Востока показали, что ядохимикаты уже на первом этапе интоксикации вызывают у многих беспозвоночных отрицательный дрефт (снос организмов, превышающий их продукцию) [12]. В условиях рек Крыма в меженный период на участке водотока с регулярно пересыхающим руслом, где большую часть года вода находится под слоем сухого грунта, а на поверхности остается лишь цепь небольших луж, дрефт практически невозможен и происходит массовая гибель фауны. Химическое воздействие также сказывается фатально на фауне непересыхающих участков рек. Рубцов И. А. приводит следующий пример такого воздействия: "еще в 1949-1951 гг. в Крыму, не только в заповеднике, но и во многих других водоемах, развивалась богатая фауна насекомых... Три года спустя, в 1954 г. почти все ранее богато заселенные водоемы, за исключением ручьев заповедника, были мертвы. Отсутствовали не только мошки, но и другие насекомые, моллюски, рыбы. С камней свисали лишь хлопья каких-то грязных водорослей. Примечательно, что водоемы специально не загрязнялись. За истекшие три года органическими инсектицидами обрабатывались сады по склонам гор, в долинах, среди которых текли ручьи и речки" [13].

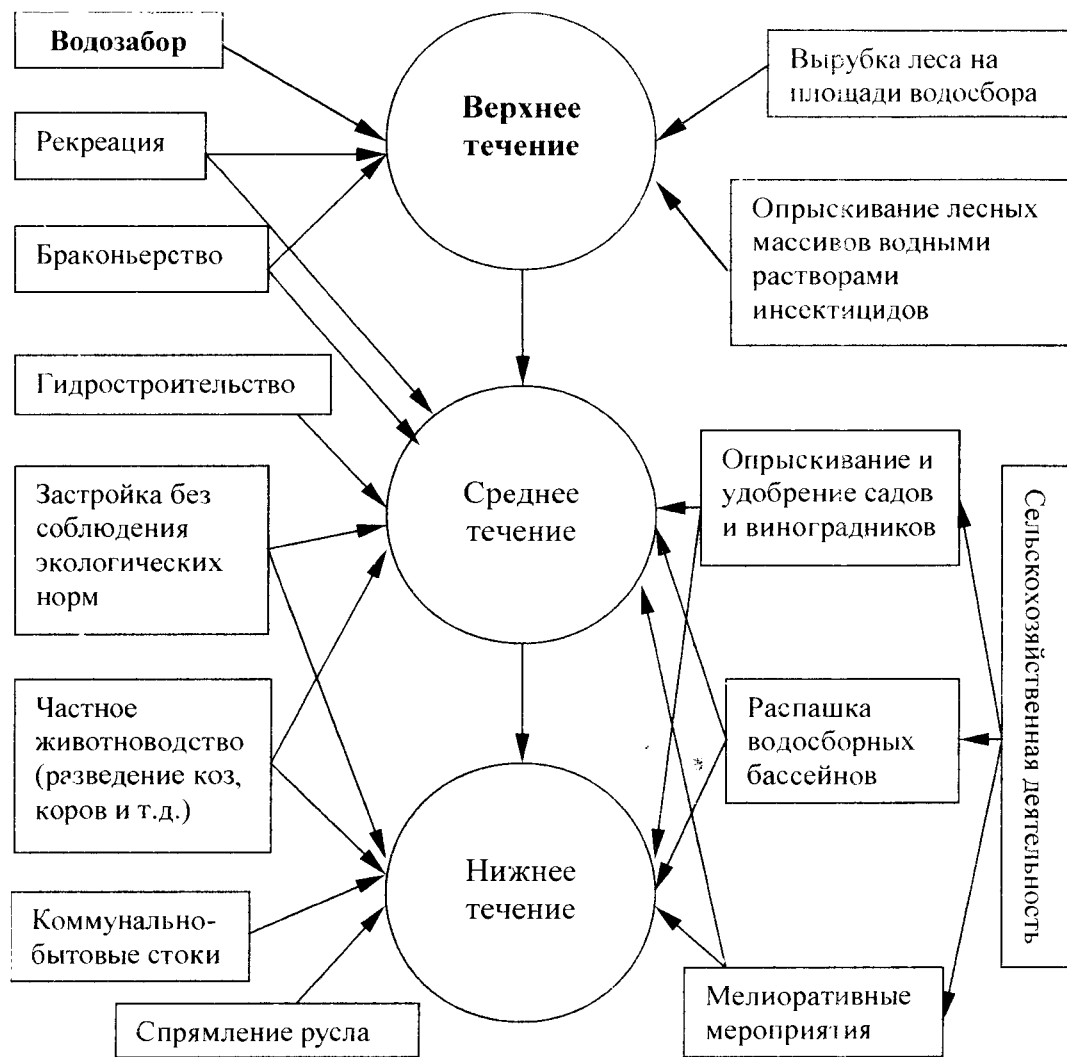

Рис. 1 Антропогенные факторы, воздействующие на различные участки рек Южного берега Крыма.

Лес в пределах водосбора играет влагораспределяющую роль. Аккумулируя дождевую и талую влагу, он препятствует резкому сбросу воды, укрепляя склоны долины, он препятствует образованию селевых потоков и катастрофическому дрейфу гидробионтов. Кроме того, в лесу сложился своеобразный микроклимат, способствующий активному взаимодействию водных экосистем и экосистем суши. О влиянии леса на грунтовые и подземные воды в Крыму писал еще русский естествоиспытатель Педдакас И. [14].

Чрезмерный водозабор обуславливает уменьшение водности реки, что приводит к увеличению площади пересыхающих участков, а порой и к полному отсутствию стока после водозаборного сооружения.

Отрицательное воздействие рекреации на водотоки связано с широким развитием в Крыму "дикого" туризма при низком уровне культуры лесопосещения у населения. Активно посещаемые места засоряются бытовым мусором – бумагой, пластиковыми бутылками, стеклом, консервными банками, полиэтиленом. Страдает окружающая растительность. Лесные пожары зачастую являются следствием неумелого обращения с костром.

Тесно связано с рекреацией браконьерство. Несмотря на то, что реки Южного берега довольно маловодны, в некоторых из них еще встречается ручьевая форель *Salmo trutta*, которая подвергается хищническому вылову со стороны местного населения и рекреантов. Так, в статье 1960 года Делямуре С. Л. отмечает, что в реке Улу-Узень форель отравили браконьеры и рыбы в реке почти не осталось [15]. В критическом состоянии сегодня находится популяция форели на р. Гува, так, если в 1998 году мы могли констатировать присутствие форели в этой реке, то уже в 1999 нами не было обнаружено ни мальков, ни взрослых особей. Также, очевидно, невелика и нуждается в охране популяция усача крымского *Barbus tauricus*, обитающего на Южном берегу только в р. Учан-Су, на участке реки, подверженном интенсивному антропогенному воздействию.

Водохранилища сооружаются в среднем течении реки. Резко изменяется гидрологический режим реки ниже водохранилища, что ведет, как правило, к летальным последствиям для водной фауны. Так, на участке реки Улу-Узень Алуштинский после Изобильненского водохранилища наблюдается картина, очень похожая на описанную Рубцовым И. А., а после Кутузовского водохранилища на р. Демерджи сток совсем отсутствовал. Жизнь в этих реках появлялась только в районе г. Алушта, после того, как река принимала ряд притоков. Поэтому значительную угрозу для экосистемы р. Улу-Узень Восточный представляет водохранилище, которое начали строить ниже с. Генеральского (Рис 2).

Берега рек, таких как Учан-Су, Гува и Алака, в среднем течении заняты дачными участками до самого уреза воды. Это ведет к избыточному поступлению органических веществ в реку, вызывая ее евтрофирование. Кроме того, на этих дачах развивается частное животноводство, что обуславливает выпас животных по берегам рек и поступлению продуктов их жизнедеятельности в реку. Загрязнения небольших речек экскрементами животных резко изменяет и ухудшает условия обитания гидробионтов. Возрастает количество органических веществ, снижается содержание кислорода, обедняется видовой состав гидробионтов, стенотопные виды сменяются эвритопными.

Сравнительно узкие долины рек ЮБК в среднем и, отчасти, в нижнем течении заняты садами и виноградниками. Активная сельскохозяйственная деятельность на этих участках способствует поступлению в водотоки значительного количества органического и минерального материала, что приводит к евтрофированию и увеличению сапробности этих водоемов.

Коммунально-бытовые стоки играют наиболее существенную роль в нижнем течении рек в пределах таких городов как Ялта и Алушта. Зачастую интенсивный сброс стоков приводит к полной деградации экосистемы. Так, в нижнем течении

р. Дерекойка водная фауна представлена исключительно личинками хирономид, этому также в значительной степени способствовало спрямление русла реки.

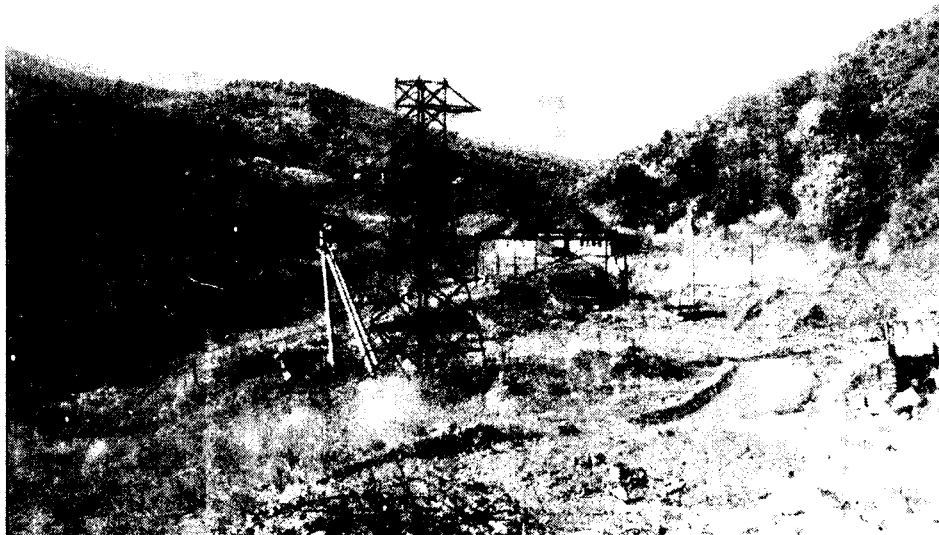

Рис. 2 Строящееся водохранилище на р. Улу-Узень Восточный

Необходимо отметить, что небольшое количество загрязняющих веществ не всегда вызывает ухудшение состояния водоемов, т. к. они обладают свойством биологического самоочищения той или иной мощности. За счет минерализации органических веществ, разрушения различных токсических соединений и ряда других процессов гидробиоценозы способны кондиционировать среду, препятствуя ее отклонениям от нормы. Однако поступление чрезмерного количества загрязняющих веществ сказывается на структуре и функциях сообщества, поскольку одни и те же загрязняющие вещества неодинаково влияют на разные компоненты биоценоза. Изменяется хороволобная структура сообществ, происходит деградация экосистем, а как следствие, нарушение процессов самоочищения [10].

Антропогенное воздействие на экосистемы рек ЮБК приводит к уменьшению видового разнообразия и исчезновению, порой необратимому, ряда видов. В литературе констатируется исчезновение из рек и ручьев Южного берега пока только двух видов гидробионтов – подкаменника *Cottus gobio* [16] и мошки *Tetisimulium condici* [17]. Оба эти факта связываются с деятельностью человека. Скорее всего это не единичные случаи, а отсутствие сведений об исчезновении других видов связано с недостаточной изученностью данных водотоков.

Из выше сказанного, следует острая необходимость охраны экосистем рек Южного берега Крыма. Сложность заключается в том, что усилия в решении экологических хозяйственных проблем, как правило направляются не на то, чтобы вода в реках не загрязнялась, а на борьбу с последствиями загрязнения, не на рациональное использование водных ресурсов, а на устранение дефицита воды.

Именно это привело к истощению и загрязнению рек, снижению их способности к самоочищению. Общие рекомендации для оздоровления крымских рек общеизвестны [18]. Но необходимо учитывать индивидуальные особенности каждой реки и характер ее загрязнения.

Реализация природоохранных мероприятий связанных с водностью рек и процессами самоочищения в их экосистемах, расширит возможности последних, что, в свою очередь, повысит эффективность и надежность разностороннего использования их ресурсов.

В теоретическом плане работы в этом направлении позволят установить структурно-функциональные связи между отдельными компонентами речных экосистем, сформулировать единую теоретическую концепцию надежной и всесторонней их эксплуатации и разработать научно обоснованные методы управления ими.

Список литературы

1. Снегур Н. И. Использование водных ресурсов в Автономной республике Крым // Устойчивый Крым. План действий: Научные труды КИПКС. Киев – Симферополь: Сонат, 1999. – С. 181-193.
2. Государственный водный кадастр. Т. 6. Украина и Молдавия. Вып. 4. Крым. – Л.: ГМИ, 1980. – 120 с.
3. Олиферов А.Н., Гольдин Б.М. Реки и озера Симферополь: Крым, 1966. – 51 с.
4. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 6. Украина и Молдавия. Вып. 4. Крым. – Л.: ГМИ, 1966. – 343 с.
5. Киселева Г. А. Амфибионтные насекомые в водных экосистемах малых рек предгорной зоны Крыма // Успехи энтомологии в СССР: экология и фаунистика. небольшие отряды насекомых. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 162 – 163.
6. Киселева Г. А. Бентофауна малых рек Горной и Предгорной зон Крыма // Рациональное использование и охрана экосистем Крыма. Киев: УМК ВО, 1992. – С. 76 – 82.
7. Подгоролецкий П. Д. Крым: Природа: Справ. изд. – Симферополь: Таврия, 1988. – 192 с.
8. Григоренко В. Н. Состав фауны ручейников Крыма // Латвийский энтомолог. – 1987. – Вып. 30. – С. 76-89.
9. Киселева Г. А. Олигохетофауна малых рек заповедной зоны горного и предгорного Крыма // Водные малощетинковые черви. Материалы 6-го Всесоюзного симпозиума. Саласпилс. 27-30 апр. 1987 г. – Рига, 1987. – С. 82-85.
10. Константинов А. С. Общая гидробиология: Учеб. для студентов биол. спец. вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 472 с.
11. Зац В. И., Лукьяненко О. Я. Гидрометеорологический режим Южного берега Крыма. – Л.: ГМИ, 1966. – 120 с.
12. Богатов В. В. Оценка загрязненности рек Дальнего Востока // Биоиндикация и тестирование природных вод. Ростов-на-Дону, 30 сент. – 4 окт. 1986 г.: Тез. докл. / АН СССР. – Ростов-на-Дону, 1986. – С. 48.
13. Рубцов И. А. Изменение видового состава и численности кровососущих мошек под влиянием деятельности человека // Итоги исследования по проблеме борьбы с гнусом. – Новосибирск, "Наука", 1967. – С. 114-121.
14. Педдакас И. О влиянии леса на грунтовые и подземные воды. – Симферополь, 1905. – 46 с.
15. Делямуре С. Л. Охраняйте полезных животных Крыма // Охрана и развитие природных богатств Крыма. – Симферополь, Крымиздат, 1960. – С. 261-265.
16. Темирова С. И. Пресноводные экосистемы. Ихтиофауна // Вопросы развития Крыма: Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Выпуск 11: Биологическое и ландшафтное разнообразие Крыма: проблемы и перспективы. – Симферополь: "СОНАТ", 1999. – С.105.
17. Панченко А. А. О распространении мошек (Diptera, Simuliidae) на территории Крымского полуострова // Юбил. конф. посвящ. 85-летию биостанции ХГУ, Харьков, 16-19 сент. 1999 г.: Тез. докл. / ХГУ. – Харьков, 1999. – С.98-99.

18. Тимченко З. Л. Возрождение малых рек // Устойчивый Крым. План действий: Научные труды КИПКС. Киев – Симферополь: Сонат, 1999. – С. 209-217.

Анотація

Прокопов Г. А. До питання охорони екосистем водотоків Южного макросклону Кримських гор
У статті розглянуто необхідність збереження екосистем басейнів малих річок Південного узбережжя Криму, та фактори, негативно впливаючі на ці екосистеми.
Ключові слова: екосистема, малі річки, антропогенні фактори

Summary

Prokopov G.A. To a question of protection of the ecosystems of small rivers basins of South Coast of Crimea
In the article the anthropogenic factors, which negatively effect to the ecosystems of small rivers basins of South Coast of Crimea are determined. Some aspects of these ecosystems conservation are considered.
Keywords: ecosystem, streams, anthropogenic factors

УДК 911.52

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПАРАГЕНЕТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Скребец Г.Н., Азаркова И. В.

В статье рассмотрены представления различных авторов о сущности парагенетических ландшафтных комплексов (ПГЛК) и подходы к их изучению. Проведен анализ методических приемов выделения разных типов ПГЛК и особенностей их структуры.

Ключевые слова: парагенетическая ландшафтная структура, парагенетические ландшафтные комплексы, системообразующий процесс, вещественно-энергетический поток, ось парагенеза

Теория парагенетических ландшафтных комплексов (ПГЛК) возникла в ландшафтоведении благодаря работам Милькова Ф.Н. [1, 2]. В отличие от изучения ландшафтных комплексов как относительно обособленных территориальных единств, разработка этой теории связана с системным изучением территориально-смежных ландшафтных комплексов, особенности структуры и функционирования которых в значительной степени определяются их совместным существованием.

В настоящее время имеется целый ряд определений ПГЛК, базирующихся на их тех или иных важнейших свойствах.

Мильков Ф.Н. считал, что при изучении ПГЛК необходимо, прежде всего, учитывать генетические свойства и, в соответствии с этим, рассматривал ПГЛК как "системы пространственно-смежных, генетически сопряженных региональных или типологических комплексов" [3, с.116]. Этой же точки зрения придерживается Швец Г.И. с соавторами [4], подчеркивая при этом их соподчиненное положение. В понимании этих авторов ПГЛК представляет собой "сочетание однотипных по строению пространственно-смежных комплексов, связанных общностью происхождения и имеющих подчиненное положение по отношению к другим геокомплексам" [4, с.25].

Ряд авторов в определении ПГЛК отражают их функциональные особенности, выражающиеся в наличии вещественно-энергетических потоков как главного системообразующего процесса, обеспечивающего существование парагенетических систем. К этой группе можно отнести определения: ПГЛК Ретеюма А.Ю. [5] и Арманда Д.Л. [6], "функционально-целостной системы" Гвоздецкого Н.А. [7], "географического экотона" Коломыц Э.Г. [8] и др. К примеру, Коломыц Э.Г. под географическим экотоном понимает "геосистемы, образованные направленными латеральными геопотоками и обладающие вследствие этого взаимной функциональной соподчиненностью и векторной плановой структурой" [8, с.6]. Аналогичной точки зрения придерживался и Мильков Ф.Н., но называл эти комплексы парадинамическими (ПДЛК). Он определял их как "систему пространственно-смежных региональных или типологических единиц, характеризующуюся наличием между ними взаимообмена веществом и энергией" [9, с.44]. Важным условием вещественно-энергетического обмена выступает контрастность

смежных комплексов. Такой подход позволяет, наряду с генетически сопряженными смежными комплексами (ПГЛК), изучать и генетически разнородные смежные комплексы, связанные потоками вещества и энергии.

Имеются определения, представляющие собой единство генетического и функционального подходов в изучении ПГЛК. В частности, Козин В.В. под ПГЛК понимает "динамическую систему сопряженных ландшафтных комплексов, общность которых обусловлена как генетическим единством, так и генетическим сопряжением, функционирование определяется особенностями интеграции или дезинтеграции системоформирующих потоков вещества или энергии в градиентной зоне" [10, с. 20-21].

Несмотря на различия в приведенных определениях ПГЛК, в каждом из них идет речь о качественно иной ландшафтной организации, основой которой являются системообразующие связи между ПТК. Системообразующие факторы, как и сама ландшафтная структура ПГЛК, могут быть различны и определяются, главным образом, типом и таксономическим рангом ПГЛК. Так, при изучении бассейновых систем выделяются четыре типа системообразующих связей и соответствующих им ландшафтных структур: генетико-морфологическая (представлена традиционным таксономическим рядом ПТК); позиционно-динамическая (полосно-ярусный ряд ПДЛК); бассейновая (образована ПТК, сформировавшимися в результате гидрофункционирования) и парагенетическая (связность по линии тока) [11].

Важными методическими задачами при изучении ПГЛК являются выбор индикационных признаков их выделения и критериев определения границ между ними. Рассмотрим основные приемы таких исследований для различных типов ПГЛК.

Наиболее изучены в настоящее время ПГЛК речных бассейнов. Здесь в качестве главного системообразующего процесса выступает деятельность речного потока. В уже упоминавшейся работе [11] с учетом этого ведущего фактора составлены схемы строения долинно-речного и лиманно-устьевых ПГЛК, парагенетическая ландшафтная структура которых представлена в виде закономерно сочетающихся ПГ единиц более низкого таксономического ранга (ПГ звеньев, ПГ секторов, ПГ поясов). Хотя иерархический уровень ПГ единиц различен, все они слагаются из различных сочетаний морфологических единиц ландшафта. Поэтому, очевидно, задачу установления границ между ПГЛК можно свести к установлению границ между последними.

Многие исследователи при выделении ПГЛК речных бассейнов в качестве основного признака используют характер, направленность и интенсивность геоморфологических процессов. Берест В.Г., выделяя овражно-балочную парагенетическую систему ("система, обладающая парагенетическими пространственными связями, динамической сопряженностью и единой схемой функционирования...")[12, с.158], за основу берет ведущий геоморфологический процесс - эрозию. В его понимании, овражно-балочная парагенетическая система – это разомкнутая система, отличающаяся в основном однонаправленным характером перемещения вещества и энергии в направлении: водораздельный ПГЛК – овражно-балочный ПГЛК – долинный ПГЛК. Верхняя граница овражно-балочного ПГЛК

определяется величиной уклона склона и проходит там, откуда начинается "развитие... резко выраженной эрозии в виде смыва и мелкоструйчатого размыва"[12, с.159]. Нижняя граница проходит по внешней границе расположенного на пойме реки конуса выноса (то есть там, где эрозия сменяется аккумуляцией).

Изучение склоновых ПГЛК базируется, главным образом, на концепции Милькова Ф.Н. о склоновой микроразнообразности ландшафтов. В таком рассмотрении склоновый ПГЛК представляет собой "совокупность ландшафтных микроразнообразий на склоне, объединенных взаимно направленными потоками вещества и энергии" [14, с.145]. В цитируемой работе основой выделения микроразнообразий является поясность и интенсивность геоморфологических процессов, тесно связанных с местоположением микроразнообразий на склоне. Бердникова З.П. [15] считает основой выделения микроразнообразий характер и интенсивность проявления склоновых процессов в зависимости от морфологии склона (уклон и др.). Верхнюю границу склоновых ландшафтов она проводит там, где действие склоновых процессов сведено к минимуму. По сути, это – граница, откуда, по мнению Милькова Ф.Н., начинается преобразование зональных черт ландшафта плакорных равнин склоновыми процессами. Нижняя граница у Бердниковой З.П. проходит там, где ведущая роль переходит от склоновых к аккумулятивным процессам.

Водораздельные ПГЛК выделяются аналогично. Дроздов К.А. характеризует их как формирующиеся "под влиянием, главным образом, процессов плоскостной эрозии, на которые накладываются солифлюкция и дефлюкция, суффозия, деятельность ветра"[16, с.35]. Уклоны поверхности определяют характер физико-географических процессов. Ограничивается водораздельный ПГЛК бровкой эрозионных форм рельефа и водораздельной линией. Его верхняя граница проводится по самым высоким участкам, примыкающим к водораздельной линии, где водная эрозия почти не развита; нижняя граница располагается в прибалочной части водораздела, где наблюдается интенсивное проявление склоновых процессов.

Особый тип ПГЛК представляет собой контактная зона море – суша. Первым водно-береговые комплексы обозначил Мильков Ф.Н., представляя их в качестве классического примера ПДЛК, в которых первопричиной обмена веществом и энергией выступает контрастность сред смежных ПТК суши и моря [2, 9].

Этот тип ПГЛК мало изучен, но и здесь четко прослеживается иерархичность парагенетической ландшафтной структуры и особые методические подходы к их выделению.

Мильков Ф.Н. выделил парадинамическую мегасистему "материк – океан" [9]. Ее континентальную границу он провел по долготной оси континентальности климата, а морскую – по максимальной дальности распространения терригенных осадков, обычно соответствующей нижней границе материкового склона.

Никольская В.В. и Скрыльник Г.П. [17] называют обширную зону краев материка и океана, где происходит наиболее активное взаимодействие океанов и материков, "мегапобережьем". "Мегапобережье" состоит из подводной части (шельфа) и надводной – мегаберега. Мегаберег включает часть горных склонов и прибрежных равнин материка, экспонирующую к океану и развивающуюся под воздействием создаваемого им океанического климата.

Коломыц Э.Г. [8] считает парадинамическими ландшафтными мегасистемами глобальные переходные зоны от континента к океану, простирающиеся далеко в глубь территорий и акваторий. Он отмечает тот факт, что в переходных зонах ведущую ландшафтообразующую роль приобретают вещественно-энергетические поля с горизонтальной или векторной структурой и большими горизонтальными градиентами. В качестве методической основы выделения и анализа таких геосистем, Коломыц Э.Г. рассматривает "принцип контрастности на всех иерархических уровнях» [8, с.8]. По его мнению, "географический экотон" состоит, как минимум, из двух сопряженных «полюсов», оказывающих воздействие друг на друга, поэтому и границы экотонов должны, очевидно, проводиться по соответствующим пределам этого взаимного влияния. Выделяемый Коломыц Э.Г. Тихоокеанский мегаэкотон Евразии охватывает «окраины материка, а также прилегающие к ним акватории окраинных морей, в том числе шельф и островную сушу – вплоть до районов контакта континентальной (или переходной) земной коры с корой океанического типа» [8, с.23-24].

Дроздов А.В. [18] называет природные геосистемы «море–суша» – акваториально-территориальными и относит их к парадинамическим геосистемам с двусторонними вещественно-энергетическими потоками-связями. Он предлагает выделять сухопутно-морские геосистемы путем анализа миграции веществ. При этом, в пределах акваториально-территориальной геосистемы существует «зона или пояс, где большинство взаимодействий и основная часть переносов пространственно совмещены» [18, с.75]. Эта зона – прибрежная, представляющая собой осевую часть акваториально-территориальной природной системы. Границы прибрежной зоны он проводит там, где большие градиенты модулей миграции, наблюдающиеся вблизи берега, сменяются малыми. Указанными границами прибрежная зона отделяется от периферической зоны. Внешняя граница акваториально-территориальных систем (и периферической зоны) выявляется по преобладанию модулей терригенных потоков в водной части системы и талассогенных – в сухопутной.

Швебс Г.И. с соавторами [11], рассматривая прибрежно-аквальные ПГЛК как специфические системы, в то же время находит много общего между ними и долинно-речными ПГЛК, что определяется, прежде всего, наличием продольной оси (подобно руслу реки), вдоль которой формируются прибрежно-аквальные ПГЛК – контактной полосы "море – суша". Линия тока ("ось парагенеза"), в свою очередь, обуславливает продольную и вертикальную дифференциацию рассматриваемых пространств, аналогичную территориям речных бассейнов. Кроме того, имеется генетическая общность сухопутных и морских ландшафтов, связанная с общей геологической структурой, в пределах которой они формируются. Все это позволяет использовать методику изучения ландшафтной структуры речных бассейнов, упоминавшуюся выше, для исследования морских побережий.

Соглашаясь в целом с таким мнением, следует обратить внимание и на важнейшие особенности аква-территориальной организации побережий, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при изучении их парагенетической ландшафтной структуры. Прежде всего, это различие субстратов (жидкий и

твердый) и, как следствие этого, – расхождения в ведущих факторах ландшафтной дифференциации, которыми на суше являются солнечная радиация и условия увлажнения, а в море – солнечная радиация и минеральная пища растений. В итоге, это приводит к различной степени дифференциации суши и моря. Доказательством может служить установленная закономерность, согласно которой в пределах одного широтного участка количество географических зон на шельфе больше, чем в открытом океане, но меньше, чем на прибрежной суше [19].

По-видимому, и роль терригенного материала в море несколько иная, чем та, которую выполняет поток наносов на суше. Представляется важным рассмотрение ПТК суши как источника минерального питания для морских биоценозов.

Подмеченная авторами [11, 18] двусторонняя направленность вещественно-энергетических потоков совместно с преимущественно рассеянным характером распространения поступающего в море терригенного материала, могут создавать значительные различия в условиях формирования смежных аква-территориальных природных комплексов и в их границах. По этим же причинам возможны еще большие различия в структуре ПГ рядов, удаленных от оси парагенеза. Однако этот вопрос дискуссионен и требует фактического подтверждения.

Подводя итог общему обзору основных проблем в изучении ПГЛК, можно сделать вывод, что для дальнейшего развития этого направления в настоящее время наиболее актуальными являются полевые парагенетические ландшафтные исследования.

Список литературы

1. Мильков Ф.Н. Парагенетические ландшафтные комплексы // Научные записки Воронежского отдела Географического общества СССР. – Воронеж, 1966.
2. Мильков Ф.Н. Ландшафтная сфера Земли. – М.: Мысль, 1970. – 207 с.
3. Мильков Ф.Н. Словарь-справочник по физической географии. – М.: Мысль, 1970. – 344 с.
4. Швбец Г.И., Васюгинская Т.Д., Антонова С.А. Долинноречные парагенетические комплексы (типология и районирование) // География и природные ресурсы. – 1982. – № 1. – С. 24-32.
5. Ретегюм А.Ю. К вопросу о парагенетических комплексах // Известия ВГО. – 1972. – №1. – С. 17-20.
6. Арманц Д.Л. Наука о ландшафте. – М.: Мысль, 1975. – 287 с.
7. Гвоздецкий Н.А. Три типа дифференциации географической среды и физико-географических комплексов // Землеведение. Новая серия. – 1976. – Т. 11 (51). – С. 5-22.
8. Коломыц Э.Г. Ландшафтные исследования в переходных зонах. – М.: Наука, 1987. – 120 с.
9. Мильков Ф.Н. Физическая география: современное состояние, закономерности, проблемы. – Воронеж: ВГУ, 1981. – 400 с.
10. Козин В.В. Парагенетический ландшафтный анализ речных долин. – Тюмень: ТГУ, 1979. – 88с.
11. Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья // Под ред. Г.И.Швбеца. – Л.: Наука, 1988. – 304с.
12. Берест В.Г. Овражно-балочные парагенетические ландшафтные комплексы, их структура, динамика и развитие // Вопросы структуры и динамики ландшафтных комплексов. – Воронеж: ВГУ, 1977. – С. 157-167.
13. Мильков Ф.Н. Основные географические закономерности склоновой микрозональности ландшафтов // Склоновая микрозональность ландшафтов. – Воронеж: ВГУ, 1974. – С. 5-11.
14. Бережной А.В. Склоновая микрозональность ландшафтов и ее варианты // Вопросы структуры и динамики ландшафтных комплексов. – Воронеж: ВГУ, 1977. – С. 145-151.
15. Бердникова З.П. Некоторые вопросы методики выделения микрозон на меловом юге Среднерусской возвышенности // Склоновая микрозональность ландшафтов. – Воронеж: ВГУ, 1974. – С. 30-39.

16. Дроздов К.А. Ландшафтные парагенетические комплексы среднерусской лесостепи. – Воронеж: ВГУ, 1978. – 160 с.

17. Никольская В.В., Скрыльник Г.П. Геофизическая и морфогенетическая сущность мегапобережий Дальнего Востока // Геоморфология и палеогеография шельфа. – М.: Наука, 1978. – С. 63-66.

18. Дроздов А.В. Акваториально-территориальные природные системы: физико-географический подход // Известия АН СССР. Сер. географ. – 1985. – № 6. – С.70-81.

19. Скребец Г.Н. Временные закономерности географической зональности шельфа // Пространство и время в географии. – Казань, 1987. – С. 111-113.

Анотація

Скребец Г.М., Агаркова І.В. Питання теорії та методики вивчення парагенетичних ландшафтних комплексів

В статті розглянуті уявлення різних авторів про сутність парагенетичних ландшафтних комплексів (ПГЛК) та підходи до їх вивчення. Проведений аналіз методичних прийомів різних типів ПГЛК та особистості їх структури.

Ключові слова: парагенетична ландшафтна структура, парагенетичні ландшафтні комплекси, системотворчий процес, матеріально-енергетичний потік, вісь парагенезу

Summary

Skrebez G. N., Agarkova I.V. Questions of the theory and technique of learning paragenetical of landscape complexes

In the article the representations of the various authors about essence paragenetical of landscape complexes (PGLK) and approaches to their learning are considered. The analysis of methodical tricks of selection of various types PGLK and features of their structure is carried out.

Keywords: paragenetical landscape structure, paragenetical landscape complexes, system formation process, real-power stream, paragenes axis

УДК 504.06:911.37

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В Г. СИМФЕРОПОЛЕ: ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ

Рудык А. Н.

С геоэкологических позиций рассматривается проблема создания городской (на примере г. Симферополя) системы управления экологическими ситуациями. Данная система строится на двух подходах: управление в устойчивом режиме (благоприятные экоситуации) и в неустойчивом (кризисные и катастрофические экоситуации). Разработанный комплекс мероприятий повышает эффективность управленческих решений, снижает риск проявления неблагоприятных экологических ситуаций и их последствий.

Ключевые слова: город, система, управление, экологическая ситуация

Развитие географической науки в области рационального природопользования, познания механизмов действия природных процессов позволяет нам говорить о возможности управления природными процессами и даже экологическими ситуациями. Основные принципы управления природной средой базируются, с одной стороны, на законах кибернетики; с другой – на закономерностях, выявленных в ходе изучения пространственно-временной организации, структуры, эволюции геосистем и географической оболочки в целом.

В настоящее время еще не разработан понятийный аппарат, система показателей и механизмы управления экологическими ситуациями. Поэтому в данной работе раскрываются только подходы к созданию системы управления.

Арманд А. Д. под управлением подразумевает «осознанные, целенаправленные действия субъекта по отношению к внешнему для него объекту. Но в широком смысле слова управление может употребляться как причина любого вынужденного развития. В этом случае оно объединяет в себе организацию и регулирование. Вынужденное развитие противопоставляется саморазвитию, объединяющему самоорганизацию и саморегулирование» [1, с.8].

В ландшафтоведении используется понятие «управление ландшафтами»[2], под которым понимается деятельность по организации рационального взаимодействия между хозяйством, техникой, человеческой деятельностью и ландшафтами, по регулированию функционирования ландшафтов. Управление включает выбор выполняемых ландшафтом функций, подбор ландшафта, пригодного для удовлетворения потребностей общества, решение вопроса о смене функций ландшафта, согласование пространственных и временных требований общества с возможностями ландшафта. При этом необходимо учитывать и те механизмы, которые сформировались в самих природных ландшафтах. Наличие и сила проявления этих механизмов определяет устойчивость (надежность) ландшафтов к антропогенным нагрузкам.

В практике деятельности по охране природы различают следующие варианты управления:

- 1) управление создаваемыми ландшафтами с помощью проектирования – опережающее управление;
- 2) управление уже существующими ландшафтами – оперативное управление (регулирование) на базе действующей системы мониторинга.

Управление следует понимать не как одномоментный акт, а как последовательные действия, включающие в себя:

проектирование системы – её создание – изучение состояния и функционирования системы – изучение изменений природы – выявление негативных последствий – их оценивание – выбор принципиальных мер по борьбе с этими последствиями – проектирование конкретных мер – их осуществление – изучение системы после проведения корректировочных мер – определение их эффективности – внесение изменений в режим эксплуатации системы [3].

Управленческие решения должны удовлетворять следующим требованиям [4]:

- своевременность и эффективность;
- оптимальность;
- иерархичность;
- адаптивность;
- наличие целевой функции и адекватность формы управления;
- учет текущих реакций и ограничений;
- усиление желательных обратных связей;
- прогнозность и др.

Как считают Трофимов А. М. и др. [5], для того чтобы управление было оперативным и эффективным, оно должно опираться в конечном счете не на моделирование геосистем, а на моделирование геоситуаций, как более тонких и гибких механизмов изменения экологических объектов. Геоситуационный подход, по мнению авторов, позволяет уловить начальные фазы назревших изменений в экосистеме, а значит, сделать более доступным и действенным управление её развитием. В нежелательную экологическую ситуацию легче внести нужную коррекцию, чем воздействовать на изменившуюся экологическую систему, в которой произошли необратимые качественные изменения.

С учетом вышесказанного, управление экологическими ситуациями на уровне города представляет собой систему организационных, экономических, юридических и социальных мероприятий, направленных на обеспечение нормальной жизнедеятельности населения, удовлетворение его материальных, санитарно-гигиенических, общественных и духовных потребностей при устойчивом функционировании и развитии ландшафтов города и окружающей территории.

Данная система управления экологическими ситуациями предполагает создание межведомственной координационной службы «экологической безопасности», а также создание единого информационного пространства. Для определения места и функций данной службы необходимы анализ деятельности и, это очевидно, перестройка аппарата правительственных органов, органов местного самоуправления, спасательных служб, научно-исследовательских организаций.

Сейчас насчитывается до 20 государственных органов управления экологическими отношениями. На уровне города Симферополя эта система выглядит так: общее управление осуществляет городской голова и его администрация, руководствуясь решениями вышестоящих органов и представительной власти (Городского Совета). Ведущее положение в экологическом управлении в городе занимают:

- отдел экологии городской администрации;
- городская (региональная) инспекция Рескомприроды Крыма;
- городская санитарно-эпидемиологическая служба;
- городской Штаб Гражданской Обороны Министерства по чрезвычайным ситуациям Украины;
- городской центр гидрометеорологии.

На них и должна, в первую очередь, строиться предлагаемая служба «экологической безопасности». Отраслевое управление закреплено за городскими отделами (управлениями) земельных ресурсов, водного хозяйства, горзеленхоза, жилищно-коммунального хозяйства, архитектуры и градостроительства, Симферопольского лесохозяйственного предприятия; функциональное – за отделами госгортехнадзора, внутренних дел, экономики, стандартов, статистики, образования и культуры, здравоохранения.

Специальная информационная служба должна обеспечивать двустороннюю связь ведомств, вести экологический банк данных и городскую (муниципальную) экологическую геоинформационную систему. Служба накапливает и анализирует сведения обо всех нарушениях стационарных процессов, выявляет условия и конкретные ландшафтные участки с нестабильным состоянием, обеспечивает высокочастотный сбор информации о негативных процессах, накапливает и обобщает опыт предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, выдает набор возможных оперативных действий во время чрезвычайной ситуации и при ликвидации ее последствий.

Система управления экологическими ситуациями (рис.1) должна представлять собой многоуровневую иерархическую структуру, учитывая масштабы их проявления (от глобальных до микролокальных) и строиться на двух различных подходах:

- управление в устойчивом режиме (при благоприятных экологических ситуациях);
- управление в неустойчивом режиме (кризисные и катастрофические ситуации).

Управление в устойчивом режиме основывается на знании и высокой степени предсказуемости природных и социально-экономических процессов, эффективности авторегуляционных механизмов в природе и обществе, эффективности использования «мягких» стимулирующих и ограничивающих воздействий. Это может быть экономическое стимулирование охраны окружающей среды, использование в управлении устойчивых нормативов ее состояния, создание сети охраняемых территорий, поддержание политического и социально-психологического климата у населения [6].

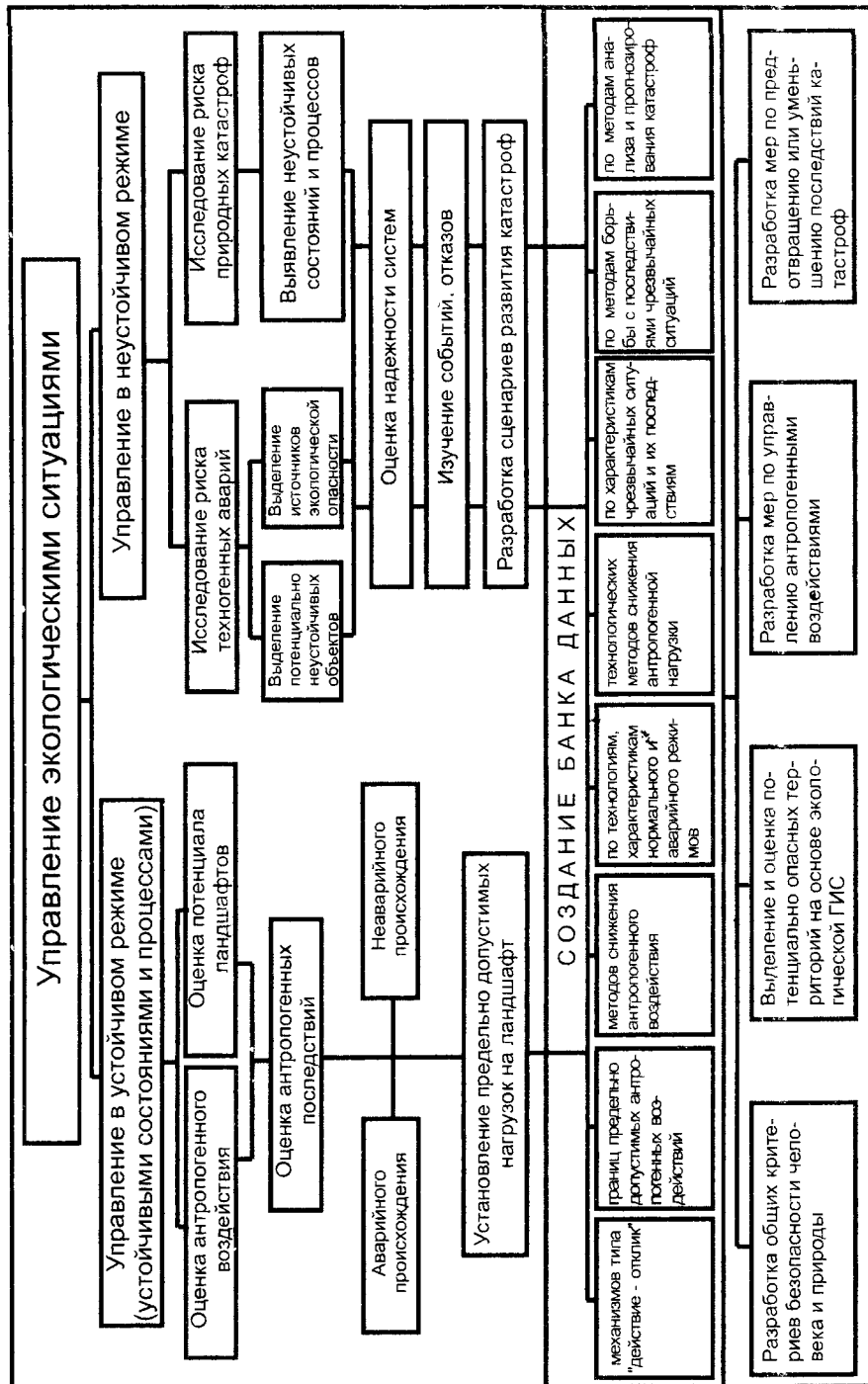

Рис. 1. Логическая схема системы управления экологическими ситуациями

Однако это станет возможным, когда будут разработаны и будут выполняться внедренные критерии безопасности человека и природы. Такое управление строится

на соответствующей информационной базе (экологическая ГИС города, республики и т.д.) с регулярным сбором и анализом информации об экологической ситуации. При этом частота обновления информации должна быть более или менее постоянной и определяется средним характерным временем стационарных процессов.

Управление в неустойчивом режиме основывается на знаниях, полученных при раннем обнаружении в пространстве и во времени условий, способных привести к катастрофе. При этом исследуется риск возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС), а именно, техногенных аварий и природных катастроф. Разрабатываются сценарии их развития, методы по предупреждению ЧС и сведения до минимума возможного ущерба; совместно с другими органами управления осуществляются мероприятия по ликвидации их последствий.

В целом, для города Симферополя характерно проявление 5 видов неблагоприятных эколого-географических ситуаций, в соответствии с классификацией, данной в [7]:

1.атмоэкологическая, связанная с погодными и климатическими явлениями (ураган, ливни, снегопады, смог и др.);

2.геоэкологическая, связанная с проявлением геолого-геоморфологических явлений (землетрясение, осыпь, обвал, оползень, просадка);

3.гидроэкологическая (паводок, подъем – падение уровня грунтовых вод, их загрязнение, экстренный спуск воды в водохранилищах);

4.биоэкологическая, в том числе бактериологическая (нашествие грызунов, эпидемии инфекционных заболеваний);

5.особый вид, связанный со всеми предыдущими, но характеризующийся особыми параметрами: техногенные аварии на предприятиях и транспорте.

Все они могут проявляться вместе, или в определенном сочетании, вызывать друг друга, или наоборот, гасить. В зависимости от разных пространственных и временных уровней проявления геоэкологических ситуаций [8] нужно выделять зоны (десятки километров) или участки (метры-первые километры) экологических нарушений и проблем (многолетний период), неблагоприятных проявлений (сезонный период) и воздействий (суточный период). И, следовательно, на каждом этом уровне для оценки экологических ситуаций необходимо использовать разный набор экологических показателей (такие явления, как ураган, смог, землетрясение характерны для больших территорий; оползень, просадка – для территорий, равных фациям и урочищам). Для оценки экологической ситуации в г. Симферополе автором предлагается выделять 3 пространственных уровня оценки (и соответственно 3 набора экологических показателей), которые вводятся в базу данных создаваемой экологической ГИС:

- на уровне ландшафтных участков;
- микрозон [9];
- в целом города.

Оптимальной операционной территориальной единицей управления является «квазиэлементарный» урболодшафтный комплекс – ландшафтный участок, по терминологии Тарасова В. Ф. [10], (например, парк на второй надпойменной

террасе, 1-,2-этажная усадебная застройка на древнем конусе выноса, предприятие на пологом склоне куэсты). Он характеризуется относительно однородной внутренней структурой (при монофункциональном использовании) или определенным сочетанием элементов (при полифункциональном использовании); определенным, зависящим от природных и антропогенных факторов видом функционирования и связанным с ним проявлением характерных для данного ландшафтного участка процессов и явлений. Это предполагает формирование его особого экологического состояния и особый тип управления данным комплексом со стороны человека.

На более высоком иерархическом уровне ландшафтные участки объединяются в ландшафтные массивы, которые близки к функционально-планировочным жилым микрорайонам, промзонам планировщиков. Наиболее крупной оценочной единицей является город в целом, город на фоне региона. Оценка экологического состояния на всех трех урболодшафтных уровнях позволяет выявлять проблемные территории (с преобладающим загрязнением почв, вод, воздуха, с повышенной заболеваемостью и т. д.), ареалы с постоянно ухудшающимся экологическим состоянием, разрабатывать конкретные природоохранные мероприятия и повышать точность интегральной оценки экологической ситуации в городе.

Конкретно хочется выделить следующие неблагоприятные факторы, которые могут привести к ухудшению экологической ситуации в городе: проявление оползней и просадок, подтопление территории, гололедные проявления, аварии на производстве и транспорте. Территориально они привязаны к небольшим участкам, только в единичных случаях они могут повлиять на общую экологическую ситуацию в городе. Поэтому их оценку необходимо проводить на самом низком уровне – ландшафтных участков, не забывая при этом, какое влияние они окажут на весь город. Так, вероятность возникновения просадок грунта наибольшая в пределах денудационно-останцовых равнин и долинно-террасовой микрзоны, где на поверхности находятся рыхлые четвертичные породы, а также существует высокая механическая нагрузка на грунты. В первую очередь, это относится к ландшафтным участкам мало- и многоэтажной застройки, промышленных предприятий, транспортных магистралей. Усугубляет положение техногенное подтопление некоторых участков.

Характерным участком экологических нарушений является урболодшафтный участок малоэтажной жилой застройки в районе действия так называемого Марьинского оползня площадью 25-28 га. Расположенный в пределах микрзоны средней крутизны склонов куэст, выше бывшего карьера по добыче глины, превращенного в пруд, данный участок уже много лет находится в нестабильном состоянии. В ландшафтоведении используется такое понятие, как «энергоемкость ландшафтообразующего процесса» [11], среди ее составляющих – высвобождение энергии рельефа. Антропогенная деятельность (изымание грунта из карьера, строительство на крутых склонах) привело к изменению горизонтальной структуры локальных ландшафтных комплексов, что не только не уменьшило, а, наоборот, увеличило удельную энергоемкость территории. Как следствие, ландшафтные комплексы вышли из состояния равновесия. Меры, принимаемые властями города,

по закреплению отдельных домов, не приносят никаких результатов. Управление с точки зрения ландшафтного подхода, должно быть направлено на снижение энергоемкости данной территории и рядом лежащих. Необходимо провести оценку всех подобных ландшафтных участков с высокой удельной энергоемкостью, в первую очередь, это относится к участкам крутых склонов куэст и склонов средней крутизны. Необходимо постоянно контролировать положение данных геосистем относительно их областей равновесия. Если система находится на границе устойчивости, – нужно оценить признаки (части) системы, в первую очередь, ответственные за возможное нарушение устойчивости; возможные воздействия, способные вывести систему за границу устойчивости; уровень затрат на поддержание устойчивости; приемлимые формы управления, в том числе ликвидацией последствий ЧС.

Специалистами оценивается состояние хозяйственной деятельности, и выделяются объекты, потенциально наименее устойчивые к воздействию внешних факторов, способные сами быть источниками катастроф или провоцировать и усиливать их. Все сведения входят в геоинформационную систему. Отдельные наблюдения и контроль за такими потенциально опасными объектами уже ведутся. Министерство чрезвычайных ситуаций Украины, в функции которого входят предупреждение и ликвидация последствий природных и техногенных катастроф, ведет учет за потенциально опасными объектами народного хозяйства, использующих сильнодействующие ядовитые вещества. На территории города Симферополя находятся 15 таких объектов, из них лишь 10 имеют такое количество ядовитых веществ, которое способно ухудшить экологическую ситуацию в городе. Разработана «Методика прогнозирования масштабов заражения сильнодействующими ядовитыми веществами при авариях на химически опасных объектах и транспорте» [12]. В соответствии с ней город Симферополь относится к первой (наивысшей) категории по степени химической опасности. В зоне потенциальной химической опасности, составляющей 58% территории города, проживает более 220 тысяч человек.

На основе экологической ГИС необходимо выделить особо опасные территории и объекты, и с применением экспертных систем для каждого из них рассмотреть вероятные сценарии развития катастроф. В результате анализа собранной информации разрабатываются мероприятия предупреждения катастроф с учетом конкретных природно-экономических и социальных отношений для реальных территорий и объектов, система контроля и мониторинга.

Ученые понимают, что любые действия, направленные на предупреждение катастроф, как бы они ни были совершенны, всегда носят прогнозный характер и не могут выходить за рамки существующих представлений, знаний, экономических и технических возможностей. Однако лица, принимающие решения, на основе полученной информации должны иметь наибольшую возможность последовательно решать все сформулированные выше задачи [6].

В заключение следует отметить, что преобразование всей системы управления и качественное повышение компетентности руководителей на всех уровнях принятия решений является одной из самых актуальных задач перехода нашего

общества на пути сбалансированного (устойчивого) развития. И в этом направлении географы, экологи должны принимать самое активное участие.

Список литературы

1. Арманд А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. – М.: Наука, 1988. – 260 с.
2. Охрана ландшафтов. Толковый словарь / Отв. ред. В. С. Преображенский. – М.: Прогресс, 1982. – 272 с.
3. Геоэкологические основы территориального проектирования и планирования / Под ред. В. С. Преображенского и Т. Д. Александровой. – М.: Наука, 1989. – 144 с.
4. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
5. Трофимов А. М., Солодухо Н. М., Гейко Г. Д. Окружающая среда: подходы к управлению // Физ. География и геоморфология. – 1988. – Вып.35. – С. 9-15.
6. Пузаченко Ю. Г., Борунов А. К., Кошкарев А. В., Скулкин В. С. Географические основы предупреждения и ликвидации последствий природно-техногенных катастроф // Изв. АН СССР. Серия географическая. – 1991. – №6. – С.40-53.
7. Оценка качества окружающей среды и экологическое картографирование / Под ред. Н. Ф. Глазовского. – М.: ИГ РАН, 1995. – 213 с.
8. Боков В. А., Бобра Т. В., Карпенко С. А., Лычак А. И., Позаченюк Е. А., Соцкова Л. М. Проблемы оценки геоэкологических ситуаций // Проблемы экологии и рекреации Азово-Черноморского региона. Мат-лы Междунар. региональной конференции (Симферополь, 1994). – Симферополь: Таврида, 1995. – С.94-98.
9. Гришанков Г. Е., Позаченюк Е. А., Бабенко Т. В. Пояснительный текст к ландшафтно-экологическим картам г. Симферополя в М 1:10 000 по загрязнению воздуха, воды, почв и суммарному загрязнению (для разработки концепции Генерального плана). – Симферополь, 1993. – 143 с.
10. Тарасов Ф. В. О динамике природных процессов большого города и его ландшафтной структуре // VII совещание по вопросам ландшафтоведения. – Пермь, 1974. – С. 86-88.
11. Пашенко В. М. Теоретические проблемы ландшафтоведения. – К.: Наукова думка, 1993. – 283 с.
12. Методика прогнозирования масштабов заражения сильнодействующими ядовитыми веществами при авариях на химически опасных объектах и транспорте. – К.: Штаб ГО Украины, 1993. – 42 с.

Анотація

Рудик О. М. Екологічні ситуації в місті Сімферополі: підходи до управління

З геоecологічних позицій розглядається проблема створення міської (на прикладі м. Сімферополя) системи управління екологічними ситуаціями. Ця система ґрунтується на двох підходах: управління у сталому режимі (сприятливій екоcитуації) та у несталому (кризовій та катастрофічній екоcитуації). Розроблений комплекс заходів підвищує ефективність управлінських рішень, знижує ризик прояву несприятливих екоcитуацій та їх наслідків.

Summary

Rudyk A. N. Ecological situations in city Simferopol: approaches to management

From geocological positions the problem of creation of city ecological situations management system (on the example of Simferopol) is considered. The given system bases on two approaches: the management in stable conditions (favourable ecological situations) and in unstable conditions (crisis & catastrophic ecological situations). The developed complex of measures raises the management decisions effectiveness, reduces the risk of unfavourable ecological situations and their consequences.

УДК 551.44.(447)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ – "ГИС-КАРСТ ГОРНОГО КРЫМА"

Вахрушев Б.А., Пона В.В.

В статье рассматриваются теоретические аспекты создания локальной карстологической ГИС, на примере карста горного Крыма

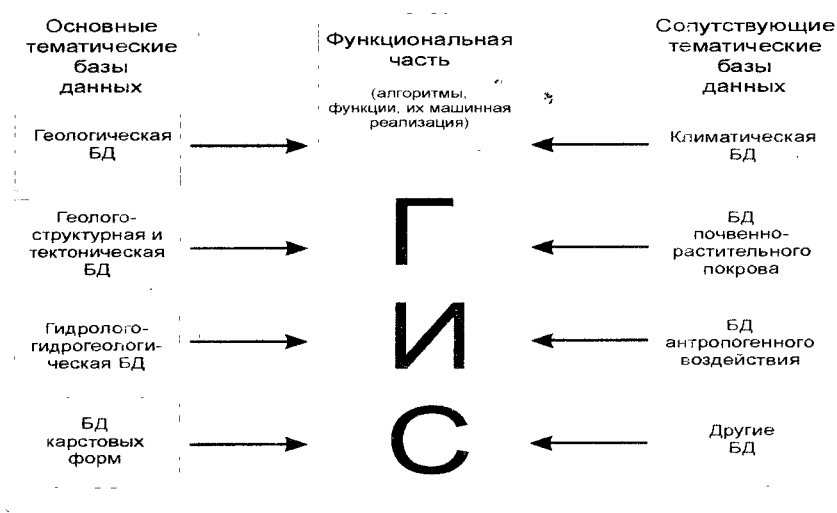
Ключевые слова: карст, геоинформационная система, базы данных

Геоинформационные системы с каждым годом приобретают все более важное значение для географической науки. Это объясняется простотой использования данных технологий и нарастающей многофункциональностью создаваемых систем.

Однако, с применением ГИС в географии связаны определенные проблемы. Основная проблема заключается в несоответствии цифровой информации реальному природному или экономико-географическому процессу. С географической точки зрения она решается путем выделения необходимых условий возникновения и развития процесса или явления. К сожалению, некоторые попытки произвести количественную оценку условий существования процесса не могут увенчаться успехом, в силу существования слишком большого количества численных показателей. Применение аппарата математической статистики, математического моделирования и численных методов не всегда дает желаемый и, тем более, однозначный результат. Универсальных методов не существует. Поэтому всегда следует помнить, что любая компьютерная модель процесса, лишь приблизительно отображает его суть, так как количественный анализ в большей степени представляет собой некий компромисс, с помощью которого исследователи пытаются выйти на привычную стезю субъективного описания. Имеется в виду построение различных балльных шкал, создание классификаций объектов по одному признаку (так называемые "генетические", "хронологические и другие классификации") или на основе десятичных шкал. В природе все обстоит гораздо сложнее, – любая классификация это только попытка упорядочения объективно существующих процессов и явлений. Вся сложность заключается в многовекторности географических зависимостей, в практическом отсутствии простых функциональных связей между происходящими процессами. Естественно, многие явления коррелируют между собой, но для отображения зависимостей, простого коэффициента парной корреляции, в современных исследованиях, уже недостаточно. Взаимосвязи в географии многомерны. Вычисление коэффициентов множественной корреляции усложняется с включением в исследование каждого нового признака. Практически, уже вычисление коэффициента корреляции между четырьмя признаками не представляется возможным без привлечения ЭВМ. Подобным образом дело обстоит, по существу, в любой области географической науки.

Применение же геоинформационных систем, позволяет избежать некоторых недостатков, ранее используемых количественных методов. Они, в частности, дают возможность значительно сэкономить время проведения исследований, позволяют избавиться от ошибок, связанных со сложными расчетами, а самое главное, – быстро и качественно визуализировать полученные результаты, воплотив их в тематическую географическую карту, график, или же представив цифровую информацию в виде результирующих таблиц.

Использование ГИС-систем в изучении карста, – дело относительно новое, хотя уже имеются некоторые наработки. Основным недостатком этих работ является использование стандартных "фабричных" ГИС, страдающих шаблонностью, так как при разработке первых систем, основной упор делался именно на модульность оболочки. Разумеется, эти ГИС позволяют производить весьма качественный материал, но стоит учитывать тот факт, что они не предназначены для изучения конкретной территории и конкретного процесса. На наш взгляд, для изучения карста Горного Крыма, должна быть построена закрытая ГИС-система, направленная на адекватное отображение карстового процесса и снабженная заранее определенным набором тематических баз данных и заранее определенной функциональностью. Состав ГИС-Карст представлен на рисунке 1.

ГИС-Продукт

Рис.1. Схема "ГИС-Карст"

Основные составляющие – это тематическая и функциональная часть. Тематическую часть можно подразделить на основные тематические базы данных и сопутствующие. Для предлагаемой системы основными тематическими базами будут являться те данные, которые соответствуют цифровой проекции условий карстообразования, – то есть генетическим факторам. Сопутствующие базы данных отображают факторы, влияющие на протекание карстового процесса.

Функциональная основа представляет собой машинную реализацию модели процесса, со всеми алгоритмами и функциями. В функциональную часть также входит топографическая основа. Топооснова для ГИС-систем является важнейшей составляющей, на которую может накладываться любой изучаемый процесс или объект, и само существование ГИС обусловлено наличием топоосновы, как элемента создаваемого электронного географического пространства.

Для стандартных ГИС-оболочек, подбор и ввод тематических баз данных не является неразрешимой задачей. В них может быть введена любая информация. Такой задачей, однако, для них является придание системе необходимой функциональности. Функциональность должна быть уже и глубже той функциональности, которая предоставляется стандартными оболочками типа MapInfo, ArcInfo, ArcView и т.д.

Рассмотрим некоторые аспекты создания тематической основы "ГИС-Карст Горного Крыма". Как для любого из экзогенных процессов, для карста существуют необходимые условия его возникновения в случае, если они обладают категорией "достаточности". В связи с этим, методологической основой для разработки тематической базы "ГИС-Карст" являются представления Д.С. Соколова [7] о четырех основных условиях развития карста. Наличие: 1 – карстующихся пород, 2 – их водопроницаемости, 3 – движущихся вод, 4 – и их агрессивности по отношению к вмещающим породам. Являясь, по сути, абстрактными понятиями, основные условия объективизируются конкретными факторами природной среды. Однако, из всего многообразия факторов, представляющих то или иное условие, необходимо выделить ведущие или определяющие факторы, которые должны отвечать следующим требованиям: оцениваться количественными параметрами, учитывать основные свойства условия и выражаться на площади, то есть предоставлять возможность картографирования объектов [3].

Ведущие факторы, отражая пространственную и временную изменчивость карстовой среды, могут являться основой инженерно-геологических, гидрогеологических и других оценок и прогнозов [1,2]. В этом заключается возможность создания в функциональной части ГИС оценочно-прогнозного или управляющего блока.

Факторы, отражающие первое условие развития карста, – наличие растворимых пород, – объединяются в геологической базе данных: 1. Распространение карстующихся пород по площади и в разрезе. Основное внимание уделяется сочетаниям карстующихся и некарстующихся пород. В электронно-картографической части строятся геологические карты и разрезы; 2. Мощность карстующихся пород. От нее зависит развитие глубинного карста; 3.

дислоцированность и неотектонический режим карстовых массивов, которые определяют, при достаточной мощности известняков, размеры карстовых пещерных и гидрогеологических систем; 4. Литологические особенности карстующихся и некарстующихся пород развитых в регионе; 5. Химический состав горных пород. От чистоты известняков зависит степень их карстваемости, а от наличия некарстующихся пород, возможность поступления концентрированного поверхностного стока из области их развития. Создаются литологические карты и база данных химических анализов карстующихся пород.

Второе условие – наличие водопроницаемости карстующихся пород представлено геолого-структурной и тектонической базой данных. Сюда входят следующие факторы: 1. Условия залегания пород. При достаточных углах падения пород межпластовые трещины становятся водопоглощающими; 2. Тектоническая трещиноватость; 3. Литогенетическая трещиноватость и трещины коры выветривания; 4. Тектонические разрывы различного ранга. Строятся тектонические и геолого-структурные карты, локализованные диаграммы – розы трещиноватости и др.; 5. Типы карстовых коллекторов: поровый, трещинно-карстовый, карстовый и др.

Третье и четвертое условие, – наличие движущихся агрессивных вод, – объединяются в гидролого-гидрогеологическую базу данных: 1. Инфильтрационные воды; 2. Инфлюационные воды; 3. Конденсация в карстовых и трещинно-карстовых коллекторах; 4. Гидрологические данные, характеризующие поверхностный и подземный сток – слой стока, норма стока, коэффициент стока, модуль стока, водный баланс и др. Строятся гидрологические и гидрогеологические карты, микроклиматические базы данных и др.; 5. Структурные условия карстовых массивов. Геоструктурная позиция закарстованных территорий определяет формирование гидрогеологических бассейнов и массивов карстовых вод [4], их границы, поверхностные и подземные водосборы, гидрогеологическую зональность и скорости фильтрации карстовых вод; 6. Режим карстовых вод; 7. Разгрузка карстовых вод: переток в соседние водоносные системы, карстовые источники, субмаринная и русловая разгрузка; 8. Минерализация карстовых вод; 9. Химический состав и карбонатная емкость для известнякового карста; 10. pH и минерализация воды; 11. Наличие примесей, изменяющих растворяющую способность вод и др.

Результатом карстового процесса являются поверхностные и подземные карстовые формы: 1. Распространение; 2. Морфология; 3. Генезис; 4. Отложения; 5. Палеогеография; 6. Археология и 7. Использование карстовых форм слагают базу данных карстовых явлений. Создаются карты распространения и плотности поверхностных и подземных форм. Приводятся описания, планы и разрезы карстовых полостей.

Здесь особо выделяется проблема преобразования кадастрового описания полостей Горного Крыма в элемент геоинформационной системы. В настоящее время в Кадастре карстовых полостей Крыма содержится свыше 900 карстовых пещер различного типа и морфологии. Необходимо решить задачу представления этих материалов в цифровой и графической базе данных и электронных картографических материалах.

При создании тематического блока ГИС, кроме основного, важно рационально построить и сопутствующий набор баз данных. В каждом конкретном случае, в зависимости от природных условий территории, антропогенной нагрузки и характера хозяйственного освоения, а также целей и задач создаваемой "ГИС-Карст", перечень сопутствующих баз может изменяться в достаточно большом диапазоне.

После того, как вкратце был рассмотрен географический аспект построения, теперь обратимся к созданию функционального блока геоинформационной системы "ГИС-Карст Горного Крыма".

ГИС-приложения – это очень своеобразная область программного обеспечения. Можно сказать, что информационные системы в целом – это системы управления базами данных (СУБД). Но для географии очень важна визуализация данных в виде различных географических карт. Уже на этом этапе сравнения можно отметить весьма значимые отличия ГИС от других электронных систем.

Рассмотрим особенности баз данных ГИС. База данных – это совокупность сведений, которая описывает некоторую систему. При их создании следует учитывать методы, благодаря которым база будет выводиться для просмотра и редактирования. Желательно реализовать функции, которые будут производить сортировку данных, их выборку, переход между полями и записями, сохранение внесенных изменений. Значительную проблему представляет собой сохранность информации. Хотя производители и заверяют пользователей в надежности своих продуктов, однако, любая "надежная" программа все-таки предусматривает резервное копирование и восстановление информации. Это может свидетельствовать о том, что сбои при работе возможны. Базы, которые содержат большое количество информации, заметно теряют в производительности. Для "ГИС-Карст Горного Крыма" эту проблему можно отчасти решить, создав не единую глобальную оболочку для всех карстовых массивов, а несколько, и каждая база в таком случае будут представлять информацию по отдельному массиву.

Наконец, следует выбирать формат базы данных, исходя из конкретно поставленной задачи. Сравним, к примеру, такие распространенные форматы как dBase и Paradox.

В случае если ваше приложение по каким-либо соображениям должно быть совместимо с другими, то следует выбирать формат dBase. Формат таблиц dBase – это один из первых форматов PC-таблиц, и поэтому он поддерживается почти всеми приложениями, которые связаны с данными, имеющими формат таблиц. Однако, если не требуется совместимость, то лучше выбрать Paradox-формат, так как он несколько превосходит dBase по производительности и имеет более развитые возможности относительно внедрения информации, ее поиска, проверки целостности. Ярким примером превосходства Paradox-таблиц является большее количество типов полей. Например имеется тип поля Graph, позволяющий внедрять графическую информацию в таблицы, для dBase, к сожалению, подобный тип не реализован [6].

Таким образом, подбор типа баз данных, которые будут использоваться в ГИС-приложении, требует тщательного рассмотрения и анализа; выбор здесь должен осуществляться исходя из конкретно поставленной задачи.

В рамках проводимого исследования было создано служебное приложение для "ГИС-Карст", позволяющее редактировать базы данных формата Paradox и dBase. Это приложение, в дальнейшем, должно стать подпрограммой самой системы, и вызываться по нажатию пункта меню или кнопки в соответствующей панели инструментов. На данный момент оно является абсолютно самостоятельным, и с его помощью наращиваются базы данных, содержащие цифровую информацию, в частности, с помощью которой будет отображаться топографическая основа.

Данное приложение реализовано в форме MDI (интерфейс множества документов), работает с буфером обмена, а также в нем используются все стандартные функции для баз данных: переход между записями, их добавление, удаление и т.п. Возможна печать данных в табличной форме. Приложение снабжено справочной системой, создан его дистрибутив. Служебное название приложения – "SysEdit". На данный момент SysEdit находится в стадии тестирования, и в связи с этим стоит отметить, что в течение 4-х месяцев не было замечено никаких существенных сбоев в работе приложения. Единственная поправка была внесена в дистрибутив, поскольку ранее он не содержал файла контекста справки, что делало недоступным отображение большинства разделов справочной системой. На данный момент эта ошибка исправлена.

Программирование графики для ГИС-приложения – едва ли не самый сложный момент. Создание электронно-цифрового образа географической карты требует чрезвычайно высокой точности. Конечно, карту можно просто отсканировать и вставить в программу, но в этом случае теряется сам смысл информационной системы. ГИС, как правило, создается для удобства проведения дальнейших исследований. Поэтому создатель системы должен реализовать как можно больше возможностей для анализа графической информации. Предполагается, что должна быть использована многослойность в представлении карт, то есть наложение географических карт друг на друга. Должны быть реализованы возможности для построения новых синтетических карт, исходя из результатов послойного анализа. Например, после наложения таких слоев, как слой вновь образованных карстовых форм и слой всех известных карстовых форм, желательно, чтобы система могла построить карту активности карстового процесса в целом [8]. Наконец, последний момент, который подчеркивает связь графического образа с базой данных. ГИС предполагает быстрое получение пользователем текстовой и цифровой информации по выбранному объекту. Таким образом, любой из отображаемых на карте объектов должен быть не просто графическим образом или графическим примитивом, а должен быть объектом, связанным с конкретной записью в конкретной базе данных.

Недостаток картографической информации в электронной форме, плохое ее качество, а также стремление автоматизировать процесс внесения графической информации в "ГИС-Карст Горного Крыма" предопределяет создание некоторых служебных программ, которые должны значительно ускорить заполнение подготовленных баз данных цифровой и графической информацией.

Внедрение ГИС в производство протекает в нашей стране довольно медленно. Но, принимая во внимание зарубежный опыт в создании геоинформационных систем, следует отметить, что управление регионов с помощью ГИС позволяет экономить гораздо большие средства и значительно повышает оперативность принимаемых решений. В условиях хозяйственного освоения закарстованных территорий Крыма, разработка геоинформационной системы "ГИС-Карст Горного Крыма", является весьма актуальной задачей.

Список литературы

1. Дублянская Г.Н., Дублянский В.Н. Теоретические основы изучения парагенезиса карст-подтопление. - Пермь: ПГУ, 1998. - 204с.
2. Дублянская Г.Н., Дублянский В.Н. Картографирование, районирование и инженерно-геологическая оценка закарстованных территорий. - Новосибирск, 1992, - 144с.
3. Дублянский В.Н., Клименко В.И., Михайлов А.Н. Ведущие факторы развития карста и балльная оценка его интенсивности// Инженерная геология, №2, 1990. С. 52-58.
4. Дублянский В.Н., Кикнадзе Т.З. Гидрогеология карста Альпийской складчатой области юга СССР. - Наука, 1984. - 128с.
5. Коновалова Н.В., Капралов Е.Г. Введение в ГИС. Издательство Петрозаводского университета 1995 г. Уч. пособие. 148 с.
6. Миллер Т., Пауэл Д. и др. Использование Delphi 3. Специальное издание.: Пер. с англ. - К.: Диалектика, 1997. - 768 с.
7. Соколов Д.С. Основные условия развития карста. - М.: Госгеолтехиздат, 1962. - 320с.
8. Справочник по инженерной геологии. М.: Недра, 1981. - 325с.

Анотація

Вахрушев В.А., Пона В.В.

В статті розглядаються теоретичні аспекти створення локальної карстологічної ГІС на прикладі карста Гірського Криму.

Ключові слова: карст, геоінформаційна система, бази даних

Summary

Vakhrushev V.A., Pona V.V.

This article showed theoretical aspects on creating the local karstological GIS. The karst of the Mountain Crimea was choose as modal of our investigation.

Key words: karst, geoinformation system, basis of data.

УДК 911.9.007.69

**ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ КАК СРЕДСТВО СТАБИЛИЗАЦИИ
ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
(на примере Северного Присивашья)**

Завальнюк И.В.

Рассматривается геоэкологический аудит как средство стабилизации геоэкологического состояния региона, предлагается схема его методики и практическая реализация на примере Северного Присивашья.

Ключевые слова: экологический аудит, геоэкологический аудит, геоэкологическое состояние, природно-хозяйственная территориальная система.

Экологическая инвентаризация, или обзор, оценка в международной практике получила название экологического аудита (ЭА). Термин "аудит" происходит от латинского *audientia* - слушание.

Согласно международным стандартам (ISO 4010:1996(E)), экологический аудит (ЭА) - документально оформленный систематический процесс проверки, связанный со сбором и объективным оцениванием доказательств аудита с целью определения соответствия критериям аудита конкретных видов деятельности, мероприятий, условий, систем управления в сфере окружающей среды или информация по этим вопросам, а также с передачей результатов данного процесса заказчику. Другими словами - это инструмент управления, который базируется на системном подходе и с помощью которого оценивается экологическая эффективность управления предприятием с целью сохранения окружающей природной среды и поддержки его конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. Канадская Ассоциация Стандартов (CSA, 1994) определяет ЭА как систематический процесс объективного получения и оценки данных, учитывая состояние экологических проблем, выяснение степени соответствия между этим состоянием и установленными нормативно-техническими документами и критериями, и доведение результатов этой работы до клиента. В зависимости от целей, которые ставит заказчик, ЭА может быть различных типов: предварительная экологическая экспресс-оценка или экспертиза, экоаудит местности, экоаудит отходов, финансовый, инвестиционный экоаудит, аудит системы экологического управления [1].

Как видим, объектом ЭА зачастую выступает предприятие, реже - местность, проект, программа, административные решения. Причем практика существующего экологического контроля реально охватывает в основном проектный уровень.

В настоящее время необходима природоохранная деятельность, которая предотвращала бы неверные действия на каждом этапе функционирования природно-хозяйственной территориальной системы (ПХТС). Одним из обязательных элементов такой системы, на наш взгляд, должен быть геоэкологический аудит (ГЭА).

Можно согласиться с мнением Е.А.Позаченюк [3], что ГЭА есть ни что иное, как экологический контроль с элементами экспертного анализа за функционирующими ПХТС.

ГЭА можно определить как комплексную геоэкологическую оценку действующей ПХТС, базирующуюся на системно-синергетической парадигме, с целью обеспечения ее оптимального геоэкологически эффективного функционирования в определенных геоэкологических условиях. В отличие от ЭА, где исследуется преимущественно производственный вопрос соответствия проекта существующим нормам и правилам, ГЭА подразумевает оценку геоэкологического состояния (ГЭС) ПХТС региона, и, в случае ее неблагоприятности, вскрытие причин и выработку предложений по стабилизации.

Методика проведения ГЭА, в отличие от ЭА, к настоящему времени не разработана.

Нами сделана попытка создания схемы методики ГЭА. Она образует целостную систему, которая базируется на элементах методики ЭА. ГЭА начинается с установления общих положений об объекте ГЭА и данных об аудиторской комиссии. Далее - непосредственно комплексная геоэкологическая оценка объекта ГЭА. Завершается ГЭА составлением отчета.

Если взять во внимание данную логику рассуждения и особенности конечной цели ГЭА, то можно предложить следующую схему ГЭА.

1. Оценка ГЭС ПХТС.
2. Выявление ведущего фактора, отягощающего ГЭС.
3. Выяснение причин существования (возникновения, генезиса) ведущего фактора.
4. Анализ существующих (созданных, функционирующих) элементов геоэкологической инфраструктуры (ГЭИ), исследование соблюдения принципов целостности.
5. Выяснение функциональной принадлежности элементов ГЭИ (на ликвидацию чего направлены).
6. В случае необходимости - корректировка существующей ГЭИ, рекомендации по ее оптимизации с целью стабилизации ГЭС ПХТС района.

Процесс ГЭА включает следующие основные стадии:

- назначение комиссии auditors и организация ее работы;
- сбор, обобщение и оценка информации;
- формирование предварительного заключения и организация тематических групп для изучения отдельных направлений;
- коллективная мыследеятельность auditors;
- составление отчета.

Аудиторская комиссия. Компетентность, опытность, объективность, независимость, открытость, честность, знание объекта и его геоэкологических проблем не только по документам, но и по полевым исследованиям - ведущие требования к аудиторам во главе с руководителем-организатором. Организация работы комиссии базируется на приемах коллективной мыследеятельности.

Материалы аудита. Данные, необходимые для комплексной геоэкологической оценки объекта аудита. Информация о его ГЭС: картографический материал, географические сведения, полевые исследования.

Коллективная мыследеятельность. Способствовать объективности ГЭА, по нашему мнению, будет метод деятельно-имитационной коллективной игры (ДИКИ). Он изложен Г.И.Швебсом и др. в работе "Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья Украины" [2].

Составление отчета. В нем должна быть дана оценка и сделаны выводы о геоэкологической эффективности функционирования объекта ГЭА. В случае нарушения геоэкологического равновесия - вскрыты причины и намечены пути стабилизации ГЭС. Отчет должен быть четким, конкретным, структурированным; основные его пункты должны соответствовать этапам ГЭА; обязательны выводы и рекомендации.

Скорее всего ГЭА необходимо создавать в целостной системе геоэкологического мониторинга. Однако в условиях отсутствия такового и даже в период его постепенного формирования периодически должен проводиться ГЭА как разовый контроль и разработка мероприятий по устранению скрытой дисгармонии в системе ГЭИ. Его проведение возможно только в системе реальной научно-практической деятельности, санкционированной соответствующими органами. В рамках же научной работы данный процесс может быть отработан лишь как оценка сложившейся геоэкологической обстановки с позиций оценки ГЭИ.

Схема ГЭА реализована на примере Северного Присивашья (табл.1).

Анализ результатов наших исследований показывает, что данный район характеризуется предкризисным ГЭС. Интегральный показатель его ГЭС составляет более 41,5 балла (для территорий с условно удовлетворительным ГЭС он менее 30,5 баллов).

Основным фактором, ведущим к геоэкологическому неблагополучию, является подтопление. Исторический обзор статистического материала свидетельствует о том, что обстановка значительно обострилась вследствие орошения после проведения Северо-Крымского канала на гидроморфных равнинах, что привело к усилению естественного гидроморфизма. Данный тип антропогенного воздействия привел к возникновению ряда цепных реакций, т.е., согласно Н.Ф.Реймерсу [4], цепи природных явления, каждое из которых влечет за собой изменение других, связанных с ним явлений. В Северном Присивашье вследствие подъема уровня грунтовых вод произошло обострение таких деструктивных процессов, как засоление, осолонцевание, дегумификация.

Геоэкологическая оценка позволила установить, что вторым по силе деструкции является загрязнение вследствие воздействия стационарных (в первую очередь, Армянский и Красноперекоский заводы Минхимпрома) и передвижных (главным образом, автотранспорт) источников выбросов.

Вышеизложенное свидетельствует о неадекватности современной ГЭИ в данном районе. Под ГЭИ мы понимаем комплекс объектов, направленных на

стабилизацию ГЭС ПХТС района. Ее анализ показывает, что отдельные элементы разных классификационных направлений в исследуемом районе уже созданы. Однако, они характеризуются раздробленностью, территориальной разрозненностью, что объясняется, в первую очередь, историческими факторами их формирования.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующие основные мероприятия по стабилизации ГЭС Северного Присивашья:

- перевод полудренированных равнин в дренированные;
- земли недренированных равнин использовать как средообразующие природоохранные (расширить систему природных охраняемых территорий (ПОТ) за счет галофитных лугов);
- создание буферных зон (вокруг селительных ПХТС, в системе «промышленное предприятие – сельскохозяйственное поле», вокруг ПОТ);
- создание водоохраных зон вокруг водных объектов;
- придать геоэкологический статус селитебным ПХТС, особенно селитебно-промышленным, в первую очередь, за счет создания новых и реконструкции существующих очистных сооружений.

При этом обязателен ГЭА всех объектов.

Более подробно они изложены в таблице 1.

Список литературы

1. Екологічний аудит: посібник для спеціалістів з екологічного менеджменту і екологічного аудиту / За ред. В.Я.Шевчука та ін. – К.: Символ-Г, 1997. – 220 с.
2. Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья Украины / Под ред. Г.И.Швебса. – Л.: Наука, 1988. – 303 с.
3. Позаченюк Е.А. Введение в геоэкологическую экспертизу. – Симферополь: Таврия, 1999. – 415 с.
4. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 638 с.

Анотація

Завальнюк І.В. Геоекологічний аудит як засіб стабілізації геоекологічного стану регіону (на прикладі Північного Присивашья)

Розглянуто геоекологічний аудит як засіб стабілізації геоекологічного стану регіону, пропонується схема його методики та практична реалізація на прикладі Північного Присивашья.

Summary

Zavalnyuk I.V. Geoecological audit as a means of stabilisation of geoecological condition (on exemple of Northern Prisivashye)

Geoecological audit as a means of stabilisation of geoecological condition of the region is examined, the scheme of its methodology and practical realisation on exemple of Northern Prisivashye is suggested.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДНЕМАСШТАБНОЙ
ЛАНДШАФТНОЙ КАРТЫ В КАЧЕСТВЕ БАЗОВОЙ
ПРИ АГРОЛАНДШАФТНОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ**

Безверхнюк Т.Н.

В статье анализируются проблемы агроландшафтного районирования территории. Рассматривается возможность использования среднemasштабной ландшафтной карты в качестве базовой структуры районирования.

Создание системы мониторинга и его первого блока – агроландшафтного районирования территории требует привлечения и комплексного анализа разнообразной информации как природного, так и социально-экономического характера. Для этого необходима организация системы сбора и оперативной обработки больших объемов географической информации, включая картографическую.

В структуре ГИС агроэкологического мониторинга модуль агроландшафтной структуризации территории нам представляется в виде системы взаимосвязанных блоков: блок данных компонентного районирования, ландшафтный блок, блок природных условий произрастания основных сельскохозяйственных культур, блок технологии землепользования, агроландшафтный блок. Каждый из блоков в свою очередь состоит из серии тематических информационных слоев разных иерархических уровней и атрибутивной базы данных. Блоки связаны между собой способами математико-картографического моделирования: покомпонентный анализ и синтез слоев картографической информации (оверлейное наложение), типологическая классификация и районирование. Карты в процессе математико-картографического моделирования подразделяются на три группы: 1) первичные карты, по которым предварительно изучают исследуемые явления, оценивают и систематизируют исходную информацию и намечают пути моделирования (карты блока компонентного районирования); 2) промежуточные (вспомогательные) карты, построенные по результатам математических расчетов или преобразований на различных стадиях моделирования и обеспечивающие контроль, корректировку и выбор оптимального пути последующих стадий моделирования (карты блока природных условий произрастания сельхозкультур и технологии землепользования); 3) результирующие карты-выводы, полученные на конечной стадии моделирования (карты ландшафтного и агроландшафтного блока).

Блок данных компонентного районирования представлен серией карт в масштабе 1:25000 и 1: 200 000 по свойствам ПТК: формы рельефа, уклон, экспозиция, глубина и густота расчленения, механический состав, генетические разновидности почв, современный растительный покров, составленных на основе материалов полевых ландшафтных исследований. Важнейшую роль в организации данного блока играют топографические карты.

Ландшафтный блок представлен серией инвентаризационных карт в масштабе 1:25000 и 1:200 000, отражающих современное состояние природных комплексов: карта основных типов фаций по классификационному признаку однородный характер рельефа; карта типологического районирования подурочищ при генетико-морфологической структуризации территории; карта типов ландшафтных полос при позиционно-динамической структуризации территории; карта среднемасштабного ландшафтного районирования в ранге урочища; карта антропогенных модификаций ландшафта.

Блок природных условий произрастания основных сельскохозяйственных культур представлен статистической информацией в виде таблиц и картографической в виде тематических слоев: агроклиматические показатели (продолжительность безморозного периода (дни), сумма положительных температур воздуха $>10^0$, сумма осадков за год (мм), средняя из максимальных декадных высот снежного покрова за зиму (см)) и агроклиматическое районирование; почвенно-экологические особенности (механический состав, содержание гумуса, pH, количество микроэлементов, эродированность земель, бонитировочная оценка почв по основным свойствам и урожайности зерновых культур, дефляция, весенний смыв, ливневой смыв); урожайность основных культур.

Блок технологии землепользования отражает существующую систему земледелия и ее основные элементы: организация территории на локальном и региональном уровнях в виде карт территориальной организации землепользования, система обработки почв и мелиоративные мероприятия, технология возделывания культур, природоохранная и технологическая инфраструктура.

Агроландшафтный блок представлен серией инвентаризационных, оценочных, прикладных карт и схем районирования в масштабе 1:25000 и 1:200 000, полученных в результате покомпонентного анализа и синтеза информации с вышеперечисленных блоков: карты типологического районирования агроландшафтных контуров и массивов на уровне отдельного землепользователя, схемы агроландшафтного районирования локального и районного уровней и др.

Применение различных способов моделирования одного и того же явления дает возможность получить различные варианты промежуточных и результирующих карт. Выбор способов моделирования зависит от конечной цели

Создание ГИС агроэкологического мониторинга (АЭМ), ориентированной на исследование геосистем и выявление закономерностей хозяйственного освоения территории целесообразно осуществлять, опираясь на некоторую базовую электронную карту. Такая карта должна служить каркасом для географической привязки и координирования данных, поступающих в ГИС, организации всей имеющейся картографической, аэрокосмической, статистической, кадастровой и иной информации, взаимного совмещения слоев и дополнительных данных, а главное – для последующего анализа. Поэтому выбор базовой карты – одна из центральных задач при создании любой ГИС, а региональной – в особенности.

Сдин из наиболее целесообразных подходов при формировании ГИС АЭМ состоит в использовании в качестве базовой ландшафтной карты. Однако содержание и оформление карт не подчинено какому-либо единому стандарту.

Здесь сказываются и влияние масштаба, и назначение карты, и особенности картографируемой территории. Но самое существенное различие кроется в самих подходах к ландшафтному картографированию – комплексном и синтетическом.

Комплексная ландшафтная карта предусматривает совмещение набора аналитических характеристик, выделение относительно однородных участков путем вынесения на единую картографическую основу информации с отраслевых физико-географических карт (карт компонентного районирования), такой как особенности строения литогенной основы ПТК, генезис рельефа, мезоформы рельефа, генетические типы и мехсостав почв, восстановленный растительный покров и другие.

При составлении синтетической карты особое внимание уделяют интегральным ландшафтными характеристикам, полученным по результатам дешифрирования космо- и аэрофотоснимков, дополняя данными взятыми, с топографических и тематических карт. Синтетическая карта всегда имеет довольно подробную легенду, в которой стараются отразить многие исходные параметры.

ГИС-технологии предоставляют качественно новые возможности для ландшафтного картографирования. Они обеспечивают практически неограниченное расширение легенд, точную привязку данных к топографической основе, а также создают условия для оперативного территориального анализа и последующего составления прикладных агроландшафтных карт.

Электронные ландшафтные карты – это по существу, целый комплекс тематических слоев, сопряженных с ними легенд и баз данных, поэтому, естественно, что они значительно превосходят традиционные бумажные карты в отношении информативности, одновременно вбирая в себя лучшие свойства аналитических, комплексных и синтетических своих прототипов [1].

К достоинствам электронной ландшафтной карты относится также возможность визуализации разноуровневой информации о состоянии и тенденциях развития природных и социально-экономических процессов. При углубленной проработке легенды базовая ландшафтная карта может быть трансформирована в серию производных прикладных ландшафтных карт.

ГИС-программы предъявляют определенные требования к “упрощению” изображения сложного объекта, поэтому их использование должно базироваться исключительно на методологии системного подхода относительно решения задач ландшафтного картографирования. Системный подход предусматривает разложение сложного объекта на части с последующим их объединением. На наш взгляд, наиболее корректным методологическим обоснованием компьютерного создания ландшафтной карты является методика А.А. Видиной [2], которая была использована нами при ГИС-картографировании ландшафтно-морфологической структуры лесостепной зоны Харьковской области.

Построение общенаучной электронной среднemasштабной ландшафтной карты, характеризующей инварианты ПТК исследуемой территории, осуществлялось нами в три этапа.

Первый этап – построение традиционной (бумажной) ландшафтной карты на основе полевых ландшафтных исследований в масштабе 1: 100 000. Цель этого этапа состоит в непосредственном изучении объекта исследования – ландшафта, в

выявлении закономерностей его структуры и развития, а также составлении полевой ландшафтной карты. В процессе исследований на данном этапе мы решили ряд задач, из которых основными являются сбор фактических данных, выяснение информативности фондовых материалов, выявление в поле границ ПТК и привязка их к рабочей топооснове. Результатом первого этапа выступает ландшафтная карта и легенда к ней, построенная по синтетическому принципу. Каждый пункт легенды содержит информацию о компонентах ПТК, обеспечивая целостность восприятия последнего.

Второй этап – векторизация фондовых и полевых материалов с привязкой к электронной топографической карте и создание блока данных по основным свойствам ПТК: четвертичные отложения, формы рельефа, уклон, глубина и густота расчленения, механический состав почв, генетические типы почв, современный растительный покров.

Третий этап – создание общенаучной ландшафтной карты. Построение электронной ландшафтной карты предусматривает решение следующих задач: 1) выбор принципа ландшафтного картографирования (синтетический); 2) выбор объекта изображения (ранг ПТК - урочище); 3) создание картографической модели территориальной дифференциации путем последовательного наложения слоев компонентного районирования (оверлейный анализ); 4) анализ дифференциации и разработка легенды ландшафтной карты; 5) типология ПТК ранга урочище; 6) создание электронной ландшафтной карты и сравнение ее с ландшафтной картой, построенной по традиционной методике.

Для решения поставленных задач были выбраны базовые программные средства MAPINFO 2 и IDRISI v.4.0. Выбор двух ГИС-пакетов был обусловлен необходимостью использования векторно-метрических модулей преобразования и анализа MAPINFO и возможностей растрового пространственного анализа IDRISI. Используемые программные продукты широко применяются в мире и в Украине для решения разнообразных географических задач. Создание карт компонентного районирования, их оверлейный анализ и получение интегральной карты – процедуры, которые давно используются. Однако составление ландшафтной карты на основе этих технологий выполнено впервые. До этого широко применялись визуализация ландшафтных карт, построенных по традиционной методике или объемное представление рельефа с попыткой изображения на нем почв и растительного покрова. Для многих исследователей проблема заключается в поиске методологии автоматизированной обработки морфометрической основы ландшафтной карты с топографической карты, то есть выделение поверхностей с разными углами наклона и выделение эрозионной сети. Нами данный вопрос был решен с использованием модулей SURFASE ГИС IDRISI, в результате применения которых мы получили карты уклона поверхности, тальвегов, глубины и густоты расчленения рельефа. Оверлейный анализ слоев уклон и тальвеги дал нам интегральный слой, на который методом экранного дигитализирования мы нанесли формы рельефа.

Анализ картографической модели территориальной дифференциации, полученной нами в результате оверлейного наложения слоев компонентного районирования, дал возможность построения матричной легенды, обладающей большой информативностью о покомпонентном строении ландшафта. Данный вариант легенды позволяет выявить и типизировать основные урочища и их сочетания. Нами предложена типологическая классификация урочищ лесостепной зоны Харьковской области и проведено типологическое районирование. На рис.1 представлен фрагмент электронной карты типологического районирования урочищ.

Анализ карты типологического районирования урочищ позволил выявить различные по генезису, набору компонентов и морфологической структуре сочетания урочищ, образующих определенный ландшафт. Для выделения ландшафтов мы провели индивидуальное районирование, то есть объединили смежные территории, состоящие преимущественно из одних типов урочищ или из определенных сочетаний разных типов урочищ. В результате мы выделили 4 ландшафта, принадлежащие к двум видам.

На следующих этапах пространственного анализа обогащение характеристик природных территориальных комплексов возможно осуществлять путем комбинированного использования электронной ландшафтной карты с электронными картами блока технологии землепользования, которые отражают пространственную структуру современного землепользования и показывают общие черты распределения антропогенных нагрузок по территории.

Список литературы

1. Берлянт А.М., Ямашкин А.А., Моисеенко В.А. Использование ландшафтной карты в региональной ГИС. / ГИС-обозрение. - №3-4. - 1999. - С. 18-21.
2. Видина А.А. Практические занятия по ландшафтоведению: Метод. пособие. Вып1. - М.: Изд-во Моск. ун-та. - 1974. - 84 с.

Рис. 1 Фрагмент электронной карты типологического районирования урочищ

**Фрагмент легенды к электронной карте
«Типологическое районирование урочищ» (рис.1)**

Урочища водораздельных пространств

Водораздельных пространств, сложенных лессами на палеогеновых песчано-глинистых отложениях, с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами, распаханное, с фрагментами липово-дубовых лесов;

Водораздельные пространства с серыми лесными почвами на песках, распаханное;

Водораздельные пространства, сложенные лессами, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми, распаханное

Водораздельные пространства, сложенные лессами, с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми. распаханное.

Урочища приводораздельных склонов

Приводораздельные слабополгие склоны, сложенные лессами, с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами, распаханное, с фрагментами липово-дубовых лесов;

Приводораздельные слабополгие склоны с серыми лесными почвами на песках, распаханное :

Приводораздельные слабополгие склоны, сложенные лессами, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми слабосмытыми, распаханное;

Приводораздельные слабополгие и пологие склоны; сложенные лессами, с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми слабосмытыми и их выщелоченными разновидностями на лессах, распаханное, с фрагментами кленово-липовых дубрав.

Урочища склонов реки

Пологие и слабопокатые склоны реки сложенные лессами, с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами, распаханное, с фрагментами липово-дубовых лесов;

Пологие и слабопокатые склоны реки с серыми лесными почвами на песках, распаханное;

Слабопокатые склоны реки, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми слабо- и среднесмытыми, распаханное;

Пологие склоны реки, сложенные лессами, с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми слабосмытыми и их выщелоченными разновидностями на лессах, распаханное, с фрагментами кленово-липовых дубрав;

Пологие склоны реки, с черноземами глинисто-песчаными и супесчаными на древнем аллювии, распаханное;

Слабопокатые склоны реки с дерновыми оглееными песчаными и глинисто-песчаными почвами на древнем аллювии. распаханное

Покатые склоны реки сложенные лессами, с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами, средне- и сильносмывтыми, распаханые, с фрагментами липово-дубовых лесов;

Покатые и крутопокатые склоны с серыми лесными почвами на песках, распаханые;

Крутопокатые и покатые склоны реки сложенные лессами, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми сильносмывтыми, распаханые ;

Покатые склоны реки с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми среднесмывтыми и их выщелоченными разновидностями на лессах, распаханые, с фрагментами кленово-липовых дубрав.

Урочища террас

Ровные поверхности террас с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами, распаханые;

Ровные поверхности террас с серыми лесными почвами на песках, распаханые ;

Ровные поверхности террас сложенные лессами, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми, распаханые;

Ровные поверхности террас сложенные лессами, с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми, распаханые ;

Ровные поверхности террас с черноземно-луговыми глубоко-слабосолонцеватыми почвами на современном аллювии. слабосолончаковатыми; с луговыми глубоко-слабосолонцеватыми почвами на современном аллювии. слабосолончаковыми, под огородами, с фрагментами осоково-рогозовых лугов;

Ровные поверхности террас с дерновыми оглееными песчаными и глинисто-песчаными почвами на древнем аллювии

Урочища пойм

Поймы с черноземно-луговыми глубоко-слабосолонцеватыми почвами на современном аллювии слабосолончаковатые, заболоченные под осоково-рогозовыми лугами;

Поймы с луговыми глубоко-слабосолонцеватыми почвами на современном аллювии. слабосолончаковые в притеррасной части заболоченные;

Поймы с болотными среднесуглинистыми неосушенными почвами под болотным высокотравьем.

Урочища эрозионной сети

Долины ручьев, сформированные в лессах, с покатыми и крутыми сильноэродированными склонами, в верховьях долины ручья принимают вид древовидных балок, с темно-серыми оподзоленными тяжелосуглинистыми среднесмывтыми почвами под формациями кленово-липовых дубрав.

Балки древовидные, с пологими и слабопокатыми эродированными склонами, с серыми лесными почвами на песках под злаково-разнотравными лугами закустаренными ивой и ольхой.

- Балки корытообразные с водотоком, сформированные в лессах, с покатыми выпукло-вогнутыми склонами, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми среднесмытыми под ясенево-липовой дубравой в верховьях, в средней и устьевой части распаханы, с луговыми суглинистыми слабослоистыми почвами на аллювиальных отложениях под разнотравно-злаковыми лугами по дну.
- Балки корытообразные в лессовидных суглинках, древовидные, с покатыми и крутыми эродированными склонами, с черноземами типичными среднегумусными тяжелосуглинистыми сильносмытыми и их выщелоченными разновидностями под кленово-липовыми дубравами и злаково-разнотравными лугами закустаренными ивой и ольхой на крутых склонах, с луговыми суглинистыми слабослоистыми почвами на аллювиальных отложениях под закустаренными осоково-влажнотравными лугами по днищу.
- Плоские, широкие днища балок с луговыми суглинистыми слабослоистыми почвами на аллювиальных отложениях под злаково-разнотравными закустаренными лугами;
- Плоские широкие днища балок с луговыми намытыми почвами на лессовидном делювии суглинистые и глинистые под влаголюбивым разнотравьем;
- Овраги с покатыми и крутоскатными склонами с темно-серыми лесными тяжелосуглинистыми почвами на лессах, под влаголюбивой лугово-степной растительностью, с фрагментами лесов;
- Овраги в лессовидных суглинках, полузадернованные, глубокие с отвесными стенками, древовидной формы, с черноземами оподзоленными тяжелосуглинистыми под сухотравно-злаковыми лугами.
- Овраги с узким дном и покатыми склонами, с дерновыми оглеенными песчаными и глинисто-песчаными почвами на древнем аллювии, задернованные;
- Лощины в лессах, с пологими распаханymi склонами с оподзоленными тяжелосуглинистыми почвами.

УДК 338.222:351(477)

УСИЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА 2000

Подсолонко В. А.

Приводится анализ концептуальных положений Президента Украины по стратегии экономической и социальной политики Украины на 2000 – 2004 гг. Излагаются основы системного построения экономической политики государства.

Ключевые слова: реформы, стратегические приоритеты, благосостояние населения.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского обязан своим высоким статусом «национальный» непосредственно Президенту Украины Леониду Даниловичу Кучме, вручившему ректору университета свой Указ по этому поводу на общем собрании сотрудников университета 30 августа 1999г.

Один из первых ректоров университета, впоследствии Президент Академии наук Украины В. И. Вернадский внес неоценимый вклад в развитие науки на Украине.

Один из основателей подготовки в университете специалистов по экономике и управлению К.Г. Воблый (впоследствии вице-президент Академии наук Украины) внес существенный вклад в развитие экономической науки на Украине и на этой основе - в социально-экономическое развитие Украины.

Современный коллектив Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, будучи преемниками отечественных ученых столь высокого ранга с мировым именем, считает своим долгом продолжить их традиции и опрадать высокое звание «национальный» своими новыми научно-образовательными результатами.

Поэтому коллектив университета с большой ответственностью отнесся к участию в обсуждении Послания Президента Украины к Верховной Раде Украины. 2000 г. «Украина: поступь в 21 век. Стратегия экономической и социальной политики на 2000-2004гг.». Мы понимаем, что традиционно такого рода документ обычно готовит группа высококвалифицированных специалистов разных направлений деятельности. Сумма намеченных разделов в итоге дает требуемый документ.

В условиях предстоящего нового периода деятельности Президента, как главы государства, мы обязаны в такого рода документах, определяющих судьбу экономики страны, судьбу ее населения, обеспечить полную системность изложения материала, его научную целостность. Добиться этого можно только опираясь на объективно действующие законы развития общества. Население страны состоит из разных слоев, будущее экономики зависит от молодой прослойки общества. Мы будем обучать сегодняшних студентов умению строить экономику страны на документах такого рода, а они должны формироваться только на основе системно ориентированной методики.

По сути, правильные положения Послания, разбросанные бессистемно в этом документе, не дадут и нужного результата, поскольку не будет «системы», обеспечивающей достижение намеченных результатов.

Не подвергая сомнению структуру и содержание раздела 1, констатирующего состояние экономики накануне 2000г., нерешенные накопившиеся проблемы, попытаемся укрупненно систематизировать раздел приоритетов Послания: Раздел 2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ 2000-2004гг.

В этом разделе должно прозвучать содержание основного экономического закона, определяющего развитие общества. Игнорирование этого закона, объективно действующего во всех странах мира, приводит к развалу экономики.

Одна из последних формулировок содержания этого закона: удовлетворение постоянно обновляющихся материальных и духовных потребностей человека и обеспечение его высокого благосостояния на основе непрерывного развития производства и инноваций.

Перечисленные в разделе 2 Послания четыре приоритета практически охватывают отмеченное содержание экономического закона. Но в содержании закона есть разные его составляющие: цель развития, преследуемую государством, и задачи, решаемые для достижения этой цели.

К цели деятельности всего государственного аппарата относится обеспечение выполнением своих функций постоянного роста уровня благосостояния населения своей страны в процессе удовлетворения постоянно обновляющихся материальных и духовных его потребностей.

Поэтому приведенная во втором разделе фраза об «объективной необходимости внесения существенных уточнений в политику системных преобразований» требует этой системности от последующего содержания абзаца. Его следовало бы изложить в такой редакции: «речь идет о существенном повышении действенности власти в усилении социальной направленности курса рыночных реформ и превращении социального фактора в важный инструмент ускоренного экономического роста».

В следующем абзаце в свете выше изложенного правильно утверждается, что «социальная переориентация экономической политики - это... основная цель осуществляемых реформ».

Однако в последующем перечислении стратегических приоритетов эта цель рассматривается последней. Очевидно, с неё надо начинать, чтобы быть последовательными.

Поскольку от имени Президента выше уже было сказано о необходимости существенного повышения «действенности власти», значит этот тезис «красной линией» должен пройти через все намеченные в Послании стратегические приоритеты.

Если Президент согласится со своим же определением основной цели осуществляемых реформ и поставит в перечень приоритетов на первое место социальный фактор - это будет более логично.

В этом первом целевом приоритете (в Послании - «в четвертых») следовало бы озвучить понятие «уровень благосостояния населения» и показать его хотя бы в укрупненных показателях. Это может быть «уровень покупательной способности

населения» в целом по стране и по его категориям, по семьям, например, как отношение месячного дохода к стоимости потребительской корзины. «Действенность власти» в этом вопросе должна идти по линии обратной связи - зависимости оплаты труда представителей всех звеньев власти от уровня покупательной способности населения подведомственных им слоев.

Населению нужна власть, ответственная, прежде всего за уровень жизни всего населения. С безответственности руководителей начинаются преступления на всех уровнях руководства. Эту ответственность можно установить на основе разнообразных соотношений, в частности, установить, что заработная плата высших руководителей страны должна быть выше средней зарплаты населения в стране не более чем в два раза, а минимальные выплаты населению в виде пенсий, стипендий и заработной платы - быть не менее стоимости потребительской корзины.

Очевидно, в этом же приоритете следует говорить об ассортименте потребностей человека и уровне удовлетворения этих потребностей.

Это две взаимосвязанные составляющие. Уровень жизни определяет разнообразие ассортимента потребностей. Нищее население обречено на нищенские материальные и духовные потребности. Выходом из ситуации нищенства может быть только подъем экономики. Для этого Президент в последнем абзаце первого раздела Послания определил совершенно реальный путь: «образование самодостаточных механизмов экономического саморазвития и самовозрастания». Назовем его путем «самогенерации развития отечественной экономики». Очевидно, целесообразно сосредоточить все функции социальной политики и потребностей населения в одном Министерстве, генерирующем потребности в развитии конкретных отраслей и сфер деятельности.

Поэтому совершенно логично вторым приоритетом рассматривать подъем экономики как основу роста благосостояния населения. Чтобы быть последовательным, необходимо здесь говорить о развитии отраслей и сфер деятельности, непосредственно решающих задачи удовлетворения потребностей населения страны. Потребностей много. Приоритеты в них могли быть рассмотрены еще в предыдущем отделе. Укрупненно здесь они озвучиваются в привязке к группам отраслей деятельности: питание, жилье, одежда, быт, культура. В Послании третьим приоритетом рассмотрена политика в аграрной сфере с сопутствующими отраслями перерабатывающей и пищевой промышленности. Попытки ориентации в получении конечного пищевого продукта на мировые стандарты в Украине показали их реальность. Требуется найти новые организационные формы, позволяющие отдельные успехи свести в закономерность.

В мировой практике такие формы в государственном масштабе получили распространение с наибольшей эффективностью в виде бизнес единиц, ориентированных на конечный продукт. Оплата труда руководителей всех звеньев таких бизнес единиц зависит от эффективности их деятельности и развития. В отечественной практике прообразом таких бизнес единиц были государственные объединения. Однако в них руководство всех звеньев никогда не отвечало своей заработной платой за эффективность деятельности подчиненных им единиц. Как и

сегодня руководители министерств, комитетов, предприятий в своей текущей работе за развал экономики не отвечают.

Известно, что большие резервы заложены в реструктуризации экономики и в административной реформе. Если совместить оба эти направления, можно ожидать еще большей отдачи ресурсов. Такое совмещение возможно при создании государственных хозрасчетных корпораций или концернов. Например, концерн «Питание Украины» должен поглотить в себя все отрасли и сферы деятельности, связанные с производством продуктов питания - от сельскохозяйственной деятельности до готового продукта, реализуемого через свою торговую сеть населению. В концерн могут входить предприятия, производящие технику для сельского хозяйства, для переработки, и всех остальных стадий получения человеком питания. Формы собственности в концерне не должны играть роль. Это могут быть сплошные предприниматели - частники. Но ни один из них не сможет нанести ущерб населению страны, как и любой руководитель всех звеньев концерна. Деятельность концерна и его эффективность должна стимулироваться и контролироваться по достижению международных стандартов производства конечного продукта питания. Здесь в концерне будут решаться и вопросы, связанные с «внедрением механизмов, направленных на повышение производительности труда», оговоренных в Послании Президента (последний абзац четвертого приоритета). Кстати, не делая анализа наличия и содержания таких разработок в НИИ Украины, подчеркнем, что в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского разработаны методы экономического стимулирования высоких плановых темпов достижения конечных результатов мирового уровня развития предприятий. Может быть, с подачи Президента они кому-нибудь, наконец-то, потребуются.

Совокупность концернов, реализующих, к примеру, 5-10 сгруппированных видов потребностей населения, могут быть организованы в одну многономенклатурную отрасль «Потребление населения Украины». Потребности развития этой отрасли будут диктовать развитие всех остальных отраслей и сфер деятельности, их структуру, темпы развития и приближения к международным стандартам. Это все-цикл материального производства и им пора целенаправленно управлять во имя реализации второй составляющей основного экономического закона развития общества, упомянутого ранее.

Здесь логично возникает необходимость в третьем приоритете – в инновационной политике развития страны, как третьей составляющей основного экономического закона развития общества. В Послании Президента - это второй приоритет, политика в котором направлена «на развитие инновационной модели экономического роста, утверждение Украины как высокотехнологического государства». Решение этой задачи базируется на подготовке и переподготовке научных кадров высшей квалификации, на повышении престижа науки в развитии страны. Сегодня в стране почти уничтожена фундаментальная и прикладная наука. Процесс развала науки интенсивно продолжается. Руководитель научно-исследовательской работы в ВУЗе имеет возможность получать зарплату около 150гривень в месяц. Пенсионер-ученый по новому закону о пенсиях имеет право

либо получать пенсию и не работать, либо работать и получать только зарплату, не имея права на научную пенсию. Для обеспечения инновационной поддержки экономического роста страны, то есть для реализации третьей составляющей упомянутого ранее основного экономического закона развития, необходимо иметь механизм оценки уровня отечественной экономики по всем ее составляющим в сравнении с мировыми стандартами. Необходимы методы стимулирования достижения международных стандартов. Как отмечалось ранее, такие методы есть.

Остается только соответствующим министерствам установить ответственность за их применение и получение необходимых результатов. Эта ответственность может касаться взаимозависимости зарплаты руководителей министерств и предприятий с уровнем малоотходности и безотходности разрабатываемых и применяемых технологий, с разнообразием, трудоемкостью и степенью обновления ассортимента продукции и услуг, их качеством.

Для реализации всех трех перечисленных стратегических приоритетов требуется решить много специфических задач, рассмотренных в Послании Президента. Каждая из задач имеет много вариантов решения, правильных и неправильных. У основной массы из этих задач есть возможность предварительной проверки расчетов с помощью компьютеров. Есть крупное ведомство по информатизации управления страной. Есть масса научных предложений о путях целенаправленного управления экономикой страны.

Пора объединить усилия всех властных структур для решения этих задач. Пора по конституции страны начинать спрашивать за бездеятельность или за безрезультативность деятельности этих звеньев руководства.

Список литературы

1. Кучма Л.Д. Украина: поступь в XXI век. Стратегия экономической и социальной политики на 2000 – 2004 гг. Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины. 2000 год. \ \ Крымская газета. №24 (15880). 9.02.2000.

Summary

V.A.Podsolonko. Reinforcement of system character of statement of President's appeal 2000

The conceptual ideas of Ukraine's President on of social and economic policy strategy during years 2000-2004 are cited. Principles of system formation of government economic policy are stated.

Key words: reforms, strategic priorities, population well-being

УДК330.342.146(477)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

Михайлов Е. А., Подсолонко Е. А.

Приведен анализ структуры предпринимательства в Украине. В основе анализа лежат законы Украины о предпринимательстве, о предприятиях, о туризме, Конституция Украины. Анализ дополнен теорией предпринимательства и управления развитием общества.

Ключевые слова: предпринимательство, туризм, управление развитием Общества.

1. МЕСТО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Теория любых процессов и явлений всегда базируется на исследовании и анализе реального состояния этих процессов в конкретных периодах времени, на изучении их динамики и тенденций, установлении в них закономерностей. Выработка на этой основе закона государства по исследуемой сфере деятельности является венцом исследования, но не означает, что процесс разработки теории этих процессов уже полностью завершен. Это обусловлено, прежде всего, тем, что условия существования и развития человечества постоянно видоизменяются, соответственно меняются их динамика и тенденции и соответствующие закономерности. Примером тому служит Закон Украины «О предпринимательстве» от 07.02.91г №698-ХІІ. За 9 лет с момента его принятия было внесено 25 изменений и дополнений (по 2-3 изменения в год).

Следуя этому закону, под предпринимательством понимается «самостоятельная инициатива, систематическая, на собственный риск деятельность по производству продукции, выполнению работ, оказанию услуг и занятию торговлей с целью получения прибыли» [1, с.2].

В законе даже сформулированы принципы предпринимательской деятельности [1, с.5], один из которых ориентирует предпринимателей на свободный выбор деятельности и самостоятельное формирование программы этой деятельности, выбор поставщиков и потребителей оказываемых услуг или производимой продукции, цены на них. Другой принцип ориентирует на привлечение и использование материально-технических, финансовых, трудовых, природных и других видов ресурсов, не запрещенных и не ограниченных в использовании законодательством.

Вместе с тем, приведенные выше формулировка предпринимательства и содержание принципов его осуществления с очень большой натяжкой можно отнести к теоретическим положениям предпринимательства.

Из экономической теории известно, что движущей силой развития общества является деятельность на основе потребностей человека. Еще в 1890г. Альфред

Маршалл в своей книге *Principles of economics*¹ [2, с.148-154] подчеркивал их обратную связь - потребности, проистекающие из деятельности. трансформацию примитивных потребностей прапрародителей человека и рост их разнообразия по мере роста цивилизации. В этой связи, например, формулировка предпринимательства или бизнеса, даваемая Аланом Хоскингом в его работе *Business studies*, изданной в Лондоне в 1990г., более полно учитывает отмеченную связку: «деятельность, осуществляемая частными лицами, предприятиями или организациями по извлечению природных благ, производству или приобретению и продаже товаров или оказанию услуг в обмен на другие товары, услуги или деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц или организаций» [3, с.18].

Как ни странно, в формулировке сути предпринимательства у экономиста капиталистической страны Великобритании А. Хоскинга не звучит цель «получения прибыли», завершающая аналогичную формулировку в законе Украины «О предпринимательстве» в феврале 1991г еще в составе социалистического государства. Эта же направленность прослеживается и в другом Законе Украины «О предприятиях в Украине» №887-ХІІ от 27.03.91. В частности, в статье 1.1. говорится: «Предприятие - самостоятельный уставный хозяйствующий субъект, обладающий правами юридического лица и осуществляющий производственную, научно-исследовательскую и коммерческую деятельность с целью получения соответствующей прибыли (дохода)» [4, с.8]. Оба закона еще социалистической Украины целью предпринимательства и деятельности предприятий определяли получение прибыли.

Между прочим, упомянутый ранее классик экономической теории Альфред Маршалл, анализируя роль экономистов восемнадцатого и девятнадцатого веков в становлении экономической науки, подчеркивал их приверженность доктрине, «согласно которой благосостояние всего народа должно быть конечной целью всей частной деятельности и всей государственной политики» [2, с.105].

Следовательно, ни в конце прошлого, ни в конце настоящего столетия апологеты капиталистической экономики, рассматривая деятельность предпринимателей, не говорили о прибыли как о цели этой деятельности. Если рассмотреть один из современных учебников США «Экономика», вышедший в 1990г. под авторством К. Макконнелла и С. Брю, то в нем также вся деятельность человека рассматривается как борьба за улучшение материального благосостояния, поведение людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов, управления ими с целью достижения максимального удовлетворения материальных потребностей человека [5, с.20]. Вместе с тем, в структуре отмеченных двух последних книг практически отсутствуют разделы, которые позволяли бы своим содержанием осуществлять процессы достижения этой главной цели любого государства и всего человечества.

Известно, что в начале 20 века во главе Правительства России был выдающийся реформатор П. А. Столыпин. Выступая на заседании второй Государственной думы 6 марта 1907г. он отмечал, что в стране, находящейся в

¹ Дж. М. Кейнс считает Альфреда Маршалла основателем современной графической экономической науки (стр. 20)

периоде перестройки, необходимо при множестве новизны, вносимой в жизнь народа, связать все отдельные правительственные предположения одной общей мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее [6, с.82]. Далее отмечалось, что «Мысль эта - создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени»¹. В этом направлении были изданы законы о предоставлении крестьянам земель на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние [6, с.83-84]. Также были намечены реформы по широкому содействию государственной власти, благосостоянию рабочих и улучшению их положения [6, с.89].

Считая В.И. Ленина не только теоретиком построения первого в мире социалистического государства, но и практическим организатором предпринимательства в стране, нельзя не отметить его попыток на пятом году существования Советской республики сформулировать основные направления хозяйственной работы в стране² [7, с.50-53]. В число таких направлений вошли:

достижение всеми хозяйственными органами практических успехов в снабжении крестьянства товарами, необходимыми для подъема земледелия и улучшения жизни крестьянства;

эта цель является главнейшей и для всех органов управления промышленностью (не упуская задач обороноспособности страны);

от степени достижения успехов в полном и быстром удовлетворении потребностей крестьянства должно непосредственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих;

шире прибегать к частно-хозяйственным предприятиям в сборе и вывозе сырья, в развитии торговли;

роль государственных органов понимать как контролируемую и направляющую, преследуя беспощадно всяческую волокиту и бюрократизм;

расширять круг хозяйственных и государственных деятелей из числа выдающихся рабочих и крестьян, представителей науки и техники, торговли, контроля, организационного строительства;

всякий успех в подъеме хозяйства должен регулярно вознаграждаться как орденом, так и денежными премиями;

повышение роли специалистов и системы обучения под их руководством широкого круга рабочих, крестьян;

повышение роли народных судов: в контроле над деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская стеснения их деятельности и строжайше карая отступления от законов республики; в преследовании бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности, мешающих достижению конкретных хозяйственных успехов;

¹ З.М. Чавчавадзе. П.А. Столыпин - жизнь и смерть за царя. Москва. Рюрик. 1991г. - 176с.

² В.И. Ленин. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый 9 Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921г. Статьи и речи 1922-1923гг. Партиздат ЦК ВКП(б) 1936г.

усиление связи школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами, как всей республики, так и каждой ее области и местности.

Анализ этих направлений показывает, что в них представлены не только свойственные началу 20-х годов проблемы развития сельского хозяйства и промышленности страны, но и многие проблемы становления государственного управления.

В конце 30-х годов, в частности в 1939г., перед народом страны была поставлена задача на 18 съезде ВКП(б) «догнать и перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении, т.е. в смысле размеров промышленного производства на душу населения» [7, с.4]. Это была уже реальная попытка количественно соизмерить главную экономическую цель развития страны с результатами развития других стран мира. И даже 18 марта 1946 г., решая послевоенную задачу восстановления промышленности и сельского хозяйства, в соответствующем Законе¹ [8, с.8] была сформулирована цель обеспечения материального благополучия народов Советского Союза и создания в стране обилия основных предметов потребления (п. 1.4.2). Развитие этой цели в содержание Основного экономического закона страны произошло в начале

50-х годов в работе И.В. Сталина Экономические проблемы социализма в СССР: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники²» [9, с.95].

В последующем эта формулировка видоизменялась в различных работах и документах, однако неуклонно лежала в основе главной цели развития нашей страны вплоть до ее распада в 1991г. Например, в 1979г. содержание основного экономического закона в авторстве В.Н. Кашина звучало так: обеспечение наиболее полного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования производства³ [10, с.192].

Можно искать в литературе другие варианты формулировок основного экономического закона развития общества и его составляющих. Они в чем-то будут дополнять приведенные формулировки, в чем-то противоречить. Однако главное, что видно из приведенного краткого анализа исторического опыта их формирования – предпринимательство, производство, деятельность человека лежат в основе удовлетворения его потребностей, в основе его благосостояния. Все это вместе формирует закон развития экономики, основной экономический закон.

Не претендуя на окончательность и полную исчерпанность вариантов формулировок основного экономического закона, но, пытаясь учесть примеры вышеуказанного опыта, предлагается рабочий вариант формулировки. Она

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950гг. Большевицкая сталь. Сталинск. 1946-92с.

² И.В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М. Главполитиздат. 1952г.-125с.

³ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия т.3. С.Э. Москва. 1979.-624с.

послужит основой настоящего исследования: удовлетворение постоянно видоизменяющихся и обновляющихся материальных и духовных потребностей человека на основе его целенаправленной деятельности по рациональному использованию в процессе этой деятельности природного и накопленного человечеством потенциала. В этой формулировке «деятельность человека» заменяет предлагавшиеся в предыдущих формулировках «непрерывный рост производства». Логика такова: производство ведь и не должно обязательно расти, оно может развиваться, совершенствоваться, позволяя обеспечивать разнообразие потребностей человека. Поскольку источником удовлетворения потребностей человека могут выступать только имеющиеся природные или каким то образом накопленные человечеством ресурсы, они и включены в предложенную формулировку. О неизбежности учета особенностей накопленного человечеством потенциала в экономическом развитии в своих работах говорили еще Карл Маркс и Фридрих Энгельс. «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹ [11, с. 119].

Следует подчеркнуть, что в предложенной выше формулировке отсутствует принятое классиками «Экономика» противопоставление «безграничности» потребностей человека и «ограниченности» природных ресурсов. Вслед за Самуэльсоном и Макконнеллом многие экономисты повторяют это как аксиому. Но есть еще и теория относительности Альберта Эйнштейна... Поэтому, все в мире - относительно. Нормальный человек потребляет и продукты питания, и все остальное в определенных биологических, социальных, этических и прочих пределах. Есть ненормальные люди и ненормальные у них потребности, но это - единицы. Поэтому ориентация в развитии экономики любой страны может идти на нормальные потребности основной массы населения. В этой связи приведенное ранее высказывание великого отечественного практика начала 20-го века П.А. Столыпина о формировании экономической политики страны в период перестройки «создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени», имеет больше ценности для развития экономики, чем отмеченная аксиома. Как известно, все правоотношения закладываются изначально в Конституции страны, зависят от ее системности и научности.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т 8, с.119

2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И РУКОВОДСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СТРАНЫ И РЕГИОНОВ

В современных условиях затянувшихся экономических реформ отмеченные выше правоотношения закреплены в основном законе страны - Конституции Украины. Поскольку Конституция - это правовой закон страны, попытаемся проанализировать ее содержание с позиций отражения в ней экономических целей развития, как законодательной основы экономического развития на основе предпринимательства, наличие в ней системы норм такого развития. В статье 3 Конституции отмечается, что права и свободы человека и их гарантии составляют содержание и направленность деятельности государства, что обеспечение их - главная обязанность государства. Главные права человека - на предпринимательскую деятельность (ст. 42) и на труд (ст. 43) рассматриваются с позиций возможности каждого гражданина зарабатывать себе на жизнь трудом [12].

Собственно отмеченные две позиции ст.3 Конституции и служат ключевыми в решении проблемы обеспечения эффективного и устойчивого социально-экономического развития страны. В Конституции вопросам прав, свобод и обязанностей человека и гражданина посвящен раздел 2 с 21 по 68 статьи. В этом разделе рассматриваются политические, социальные, экономические и физиологические виды потребностей человека. Поэтому, прежде чем рассматривать первый вопрос, как же в деятельности государства проявляются все составляющие потребностей человека, необходимо их выявить в отмеченном разделе 2 Конституции и систематизировать для исследования.

Как отмечал А. Маслоу в своей иерархии потребностей человека [13], на первом месте находятся физиологические его потребности. Этим вопросам посвящена в Конституции статья 48: «Каждый имеет право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище». Далее по Маслоу следует потребность человека в защищенности. Решению этой задачи подчинены ряд статей. Так, в статье 27 говорится, что каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, а обязанность государства - защищать жизнь человека. В статье 29 отмечается, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Также каждому гарантируется неприкосновенность жилища (ст.30), каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, результатами своей интеллектуальной, творческой деятельности (ст.41), гражданам гарантируется... защита интеллектуальной собственности, авторских прав, моральных и материальных интересов (ст.54).

Причем эта направленность касается человека как в процессах непосредственного удовлетворения своих потребностей, так и в процессах его деятельности, направленной на решение задачи удовлетворения этих потребностей. Во многих случаях человек самостоятельно не в силах воспользоваться данными ему Конституцией правами без выполнения государством своих функций по созданию соответствующих условий их реализации. К примеру, государство не обеспечивает деятельностью своих учреждений самого первого из прав человека - «достаточный жизненный уровень для себя и семьи». В течение 1998 г. стоимость

потребительской корзины возросла с 200 до 300 грн., имея тенденции роста в 1999г. В это же время величины студенческих стипендий остались на уровне 10-15 грн., пенсий по старости до 60 грн., а с середины 1999г. 74грн., зарплаты преподавателей в школе и ВУЗах 130-200 грн., ученых со степенью, доцентов 250-300 грн. и профессоров – до 400 грн. Условная семья ученых или педагогов из двух работающих родителей, одного пенсионера и двух детей - студента и школьника имеет месячный доход не более 580-680 грн. при суммарной стоимости потребительской корзины на конец 1998 г. и в 1999г. в 1500 грн. в месяц. Очевидно о достаточном жизненном уровне такой семьи говорить не приходится.

Если же рассматривать семью из двух пенсионеров, имеющих максимально в месяц 150 грн. пенсии на двоих при стоимости для них потребительской корзины 600 грн., то трудно увидеть возможности выполнения утверждения статьи 46 Конституции: «Граждане имеют право на социальную защиту... Пенсии, другие виды социальных выплат и пособий, являющихся основным источником существования, должны обеспечивать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, установленного законом». Естественно возникает вопрос о необходимости приведения в соответствие величин отмеченных пенсий и прожиточного минимума в виде стоимости потребительской корзины. И сделать это может только государство.

Имеются и другие виды защищенности человека в нашей стране в соответствии с Конституцией. Это - право на надлежащие, безопасные и здоровые условия труда, на заработную плату не ниже той, которая определена законом (ст.43). В декабре 1998 г. Президент Украины отклонил предложения Кабинета Министров и Верховной Рады Украины об установлении минимума заработной платы в размере 148 грн. (при отмеченной ранее вдвое большей стоимости потребительской корзины) из-за отсутствия в бюджете страны такой возможности. В этой же статье 43 утверждается, что каждый гражданин имеет право на своевременное получение вознаграждения за труд, которое защищается законом. Далее в статье 44 говорится, что работающие имеют право на забастовку для защиты своих экономических и социальных интересов.

Практика социально-экономического развития страны последних лет показала, как ее граждане пользуются этими правами: многомесячные задержки выплат зарплаты шахтерам привели почти к непрерывным их забастовкам перед Верховной Радой Украины; аналогичная картина с учителями школ, преподавателями ВУЗов, учеными.

В статье 50 говорится, что каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права ущерба. Это очень важный вопрос для жителей крупных промышленных центров, таких как Запорожье, Кривой Рог, Днепродзержинск, Николаев, Днепропетровск, Константиновка, Красноперекоск. В этих городах состояние окружающей среды далеко небезопасно для жизни и здоровья. Число заболеваний сердечно-сосудистых, желудочно-кишечных и онкологических в десятки раз выше у населения этих городов в сравнении с другими, смертность также достаточно высокая. Однако о возмещении причиненного ущерба населению этих городов пока

говорить не с кем и некому. Частично решение этой проблемы обеспечивается правом каждого гражданина на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование (ст.49). В некоторых из перечисленных городов число койко-мест в больницах значительно было выше на одного жителя города в сравнении с другими более благополучными городами. Но трудно согласиться, что для населения это - благо. Наверное, лучше не болеть и не иметь для этого причины.

Как видно из приведенных примеров, в Конституции Украины достаточно широко представлен аспект защищенности человека как второй вид его потребностей по классификации А. Маслоу.

Третьим видом в этой классификации рассматриваются социальные потребности человека, как потребности в общении. В Конституции Украины в этом направлении также предусмотрены широкие возможности для человека. Так, в статье 36 говорится, что граждане Украины имеют право на свободу объединения в политические партии и общественные организации для удовлетворения своих разнообразных интересов, от культурных и профессиональных до политических. Это же касается и религиозных интересов (ст.35). К этой же группе потребностей относится потребность человека в создании семьи, которая подтверждается статьей 51 Конституции Украины. Очевидно, о последовательности проявления этого вида потребностей говорить не следует.

Четвертый вид потребностей человека из отмеченной их иерархии касается потребности в уважении. По этому поводу в Конституции имеются ряд положений. Так, в статье 28 отмечается, что каждый имеет право на уважение его достоинства. Сюда же можно отнести положения статьи 24 о том, что граждане имеют равные конституционные права и свободы и равны перед законом, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 29), каждому гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной и иной корреспонденции (ст. 31), никто не может подвергаться вмешательству в его личную и семейную жизнь (ст.32). По поводу последнего возникают различные ситуации преследования и до сих пор семейных пар со стороны руководителей за совместную работу в одном коллективе. Но, скорее всего такие случаи лишь частные явления в деятельности отдельных лиц, чем закономерность.

Пятый вид потребностей человека - в его самореализации. Этому способствуют статьи 23 - «каждый человек имеет право на свободное развитие своей личности», 34 - «каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений», 53 - «каждый имеет право на образование», 54 - «гражданам гарантируется свобода литературного, художественного, научного и технического творчества». В последней статье утверждается, что государство содействует развитию науки, установлению научных связей Украины с мировым сообществом. Однако факты середины и конца 90-х годов свидетельствуют не о развитии, а о сворачивании науки в стране, об оттоке научных кадров из страны. Поэтому очень важно выявить, что и кто этому содействуют.

Как известно из экономической теории, реализовать потребности человека можно на основе использования трех факторов производства: труд, земля

(природные ресурсы), капитал (производственно-технологические и финансовые ресурсы). В Конституции Украины эти факторы отражены, как уже отмечалось, в соответствующих статьях: «каждый имеет право на труд, что включает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом» (ст. 43), «каждый имеет право на предпринимательскую деятельность» (ст. 42), «граждане имеют право принимать участие в управлении государственными делами» (ст. 38). Перечисленные статьи охватывают, как видно из их содержания, только фактор труда. Другой же фактор - земля в Конституции представлен более опосредованно, не так явно. Так, в статье 41 говорится: «использование собственности не может наносить ущерб правам, свободам и достоинству граждан, интересам общества, ухудшать экологическую ситуацию и природные качества земли». В статье 66 подчеркивается, что каждый обязан не наносить вред природе, ... возмещать причиненные убытки».

Третий фактор - капитал, представлен в уже упоминавшихся статьях 41, 42 и 43, через право граждан частной собственности и пользования объектами права государственной и коммунальной собственности, через обеспечение государством защиты конкуренции в предпринимательской деятельности и в создании условий для полного осуществления гражданами права на труд, для выбора профессии и рода трудовой деятельности.

Следует подчеркнуть, что эти две взаимосвязанные теоретически и на практике составляющие социально-экономического развития любой страны и общества в целом - потребности человека и производственные факторы их удовлетворения, в статьях Конституции Украины представлены бессистемно и в очень структурно рыхлом виде.

К чести авторов Конституции они в статье 22 подчеркивают, что права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, не являются исчерпывающими. Это дает возможность надеяться, что рассмотренный выше раздел Конституции может быть переработан в ближайшем будущем более системно.

Следует отметить, что роль государства в обеспечении выполнения этих прав и свобод в Конституции представлена, в основном, декларативно. Однако содержание статьи 8 дает основание надеяться на возможность устранения этого недостатка. В этой статье говорится, что «Конституция Украины имеет высшую юридическую силу. Законы и иные нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны содействовать ей». Пока же проанализируем функции государства по реализации отмеченных факторов на материалах следующих разделов Конституции.

Ниже будут представлены составляющие социально-экономического механизма достижения критериев эффективного развития регионов и в целом страны, связанные с осуществлением функций руководства процессом достижения этих критериев треугольником власти страны.

Поскольку на предыдущем этапе анализа содержания Конституции как основного закона, определяющего социально-экономическое развитие страны, мы придерживались определенной теоретической структуры, далее также будет сохранена такая направленность.

Подчеркнем сразу, что функции Президента Украины как главы государства (ст.102) освещены в разделе 5 после функций Верховной Рады, описанных в разделе 4. Очевидно, Президент как глава государства должен управлять страной через два органа - Верховную Раду и Кабинет Министров. Его деятельность также должна зависеть от отмеченной ранее социально-экономической структуры (политические аспекты здесь не рассматриваются).

Первым пунктом в этой его деятельности звучит часть текста его присяги (ст.104): «Обязуюсь всеми своими делами... заботиться о благе Отчизны и благосостоянии Украинского народа, отстаивать права и свободы граждан...». Но далее ни в одной статье Конституции нельзя найти четких его функций в отмеченном направлении. Весьма косвенно сюда можно отнести его право издавать на основе и во исполнение Конституции и законов Украины указы и распоряжения, являющиеся обязательными к исполнению на территории Украины (ст.106, пункт 31), а также право вето в отношении принятых Верховной Радой Украины законов с последующим возвращением их на повторное рассмотрение (ст.106, пункт 30).

В функциях Верховной Рады также в присяге звучит общая для всех и от имени каждого из 450 депутатов фраза: «Обязуюсь... заботиться о благе Отчизны и благосостоянии Украинского народа» (ст.79). Далее в полномочиях Верховной Рады (ст.85) к отмеченным вопросам относятся: утверждение государственного бюджета Украины и внесение в него изменений, контроль за его исполнением и принятие решения по отчету о его исполнении (пункт 4); определение основ внутренней и внешней политики (пункт 5); утверждение общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального, национально-культурного развития, охраны окружающей среды (пункт 6). Как видно из содержания этих полномочий, речь здесь идет в основном о разрешительных функциях, без попыток привязать решения к каким-то ориентирам стратегического развития.

Практически два важнейших звена государственного уровня руководства из реальной системы управления уровнем социально-экономического развития страны и уровнем благосостояния населения исключены содержанием статей Конституции Украины. Только в этих двух разделах речь идет в основном о процедурах смены кресел и портфелей. Поэтому так выглядит и вся реальная политика.

Причем, самые главные изменения и смены руководства совершенно не привязаны к главным результатам развития страны и уровню благосостояния народа. Очевидно, можно полностью развалить всю экономику страны и довести до обнищания все ее население и при этом продолжать руководить, оставаясь Президентом и главой Верховной Рады. Президент Украины может быть смещен с поста Верховной Радой Украины в случае совершения им государственной измены или иного преступления (ст. 111), а полномочия Верховной Рады Украины Президент Украины может досрочно прекратить, если пленарные заседания одной очередной сессии не могут начаться в течение 30 дней (ст. 90). А благосостояние населения и развитие экономики в стране к их функциям не имеют якобы отношения.

В функциях Кабинета Министров Украины подчеркивается в статье 116, пункт 2, что он «принимает меры по обеспечению прав и свобод человека и гражданина».

Далее в пункте 3 приводится перечень этих мер: проведение финансовой, ценовой, инвестиционной и налоговой политики, социальной защиты населения, его труда и занятости, образования, науки и культуры, политики охраны природы, экологической безопасности и природопользования. Это достаточно емкий перечень взаимосвязанных процессов, управляемых Кабинетом Министров. Кстати далее в пункте 4 дается форма реализации этих процессов: разработка и осуществление общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального и культурного развития Украины. Пожалуй, это главная работа, которую ожидает все население страны от государственных органов руководства. Именно в этих программах должны быть воплощены все предыдущие меры (пункт 3). Но Конституцией Украины и по этому звену государственного руководства не предусмотрены никакие критерии его деятельности и ответственности за результаты этой деятельности.

Конституцией Украины определены принципы ее территориального устройства в направлении обеспечения сбалансированности социально-экономического развития регионов с учетом их исторических, экономических, экологических, географических и демографических особенностей, этнических и культурных традиций (ст.132). В этой связи к ведению Автономной Республики Крым относится разработка, утверждение и реализация программ по вопросам социально-экономического и культурного развития Крыма, рационального природопользования, охраны окружающей среды в соответствии с общегосударственными программами (ст.138). Действительно, в Крыму уже разрабатывались такого рода программы в 1995 - 1997 и 1999гг.[15]. Они даже публиковались. Одна из них накануне избирательной компании 1998 г. обсуждалась в узком кругу разнообразных представителей, другая, на период 2000 – 2002гг. – в кругу ученых всех вузов Крыма в декабре 1999г. Но очевидно потому, что они разрабатывались не «в соответствии с общегосударственными программами», все они остались в архивах разработчиков.

Автономной Республике Крым дано право осуществлять нормативное регулирование по ряду вопросов (статья 137):

- сельскому хозяйству и лесам;
- мелиорации и карьерам;
- общественным работам, ремеслам и промыслам; благотворительной деятельности;
- градостроительству и жилищному хозяйству;
- туризму, гостиничному делу, ярмаркам;
- музеям, библиотекам, театрам, другим учреждениям культуры, историко-культурным заповедникам;
- транспорту общего пользования, автодорогам, водопроводам;
- охоте, рыболовству;
- санитарной и лечебной службам.

Учитывая, что рекреационный комплекс Крыма является приоритетным и системообразующим в регионе комплексом, перечисленные выше вопросы в основном охватывают все необходимые условия решения в Крыму проблемы

нормативного регулирования на их основе основных процессов, обеспечивающих благосостояние его населения. В разработанной 21 октября 1998 г. Конституции Автономной Республики Крым весь приведенный выше круг вопросов нормативного регулирования приведен в пункте 2 статьи 18. В этой статье, касающейся полномочий Автономной Республики Крым, к их числу только в пункте 18 отнесено участие в обеспечении прав и свобод граждан [15].

Чтобы правительство принимало эффективные решения по задачам повышения благосостояния населения, по удовлетворению общественных потребностей, оно должно знать эти потребности, а для этого надо дать людям возможность быть услышанными. Правительственные программы дают больше отдачи, если к их осуществлению привлекают пользователей этих программ. Даже в условиях децентрализации власти важно координировать разработку правительственных и региональных программ. В Конституции Украины предусмотрена на уровне Кабинета Министров разработка и осуществление общегосударственных программ, утверждаемых Верховной Радой Украины, а на уровне Автономной Республики Крым предусмотрена разработка и утверждение республиканских программ в соответствии с общегосударственными программами и их реализация.

Отечественный опыт развития накопил достаточно примеров разработки общегосударственных и региональных программ, но практически не имеет положительных результатов их реализации. Поэтому возникает необходимость исследования причин этого разрыва и поиска путей реализации такого рода программ для уровней государства, регионов, отдельных предприятий и организаций. Для Крымского региона, где приоритетной среди сфер деятельности является туристическая индустрия, целесообразно на ее примере осуществлять отмеченные исследования.

Список литературы

1. Закон Украины «О предпринимательстве». 07.02.91г. №698-ХІІ. Практическое пособие по предпринимательской деятельности. –Запорожье: Украинская полиграфическая индустрия, 1995. С.36 – 44.
2. Альфред Маршалл. Principles of economics. –Москва: Прогресс. Универс. 1993. т.1,2,3.
3. Alan Hosking. Business studies. –London: The HLT Group Ltd, 1990. – 352с.
4. Закон Украины «О предприятиях в Украине» №887-ХІІ от 27.03.91. Практическое пособие по предпринимательской деятельности. –Запорожье: Украинская полиграфическая индустрия, 1995. С.56 – 74.
5. С.McCONNELL, S.BRUE. ECONOMICS. McGRAW-HILL, INC. 1996. – 550с.
6. З.М. Чавчавадзе. П.А. Столыпин - жизнь и смерть за царя. Москва. Рюрик. 1991г. - 176с.
7. В.И. Ленин. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый 9 Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921г. Статьи и речи 1922-1923гг. Партиздат ЦК ВКП(б) 1936г.
8. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950гг. Большевицкая сталь. Сталинск, 1946. -92с.
9. И.В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. -М.: Главполитгиздат, 1952. -125с.
10. Экономическая энциклопедия. –Москва: Политическая экономия т.3. С.Э., 1979. -624с.
11. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т8, С.119.
12. Конституция Украины. –Харьков: Президент, 1999. –48 с.
13. Тимо Санталайнен, Эеро Вуотилайнен, Пертти Поренне, Йоуко Х. Ниссинен. Управление по результатам. –Москва: Прогресс. Универс, 1993. –320 с.

14. Подсолонко В.А., Уточкина Л.П., Подсолонко Е.А., Башта А.И., Колбаненко И.В. Научные основы концепции информатизации Республики Крым на период по 2000 г. Ученые записки Симферопольского государственного университета. СГУ. Симферополь. 1995. 1,5 п.л.
15. Конституция Автономной Республики Крым. –Симферополь: Крымполиграфиздат, 1999. –64 с.

Summary

Michaylov E.A., Podsolonko E.A. Theoretical principles of entrepreneurship development in Ukraine

The analysis of entrepreneurship structure in Ukraine is cited. The Ukraine's legislation on entrepreneurship, enterprise, tourism and the Constitution of Ukraine is in the basis of analysis. The analysis is supplemented with entrepreneurship theory and public development management theory.

Key words: entrepreneurship, tourism, public development management

УДК 338.46: 339.144

СПЕЦИФИКА ЛОГИСТИКИ СФЕРЫ УСЛУГ

Скоробогатова Т.Н.

Статья посвящена применению логистических принципов к деятельности предприятия сферы услуг. Дано определение логистического куста как разновидности логистической системы. Представлен формализованный аппарат для расчета предела запасов. Показано влияние материально-технического снабжения на результаты деятельности предприятия сферы услуг.

Ключевые слова: логистическая система, сфера услуг, материально-техническое снабжение.

Эффективное функционирование современного предприятия немислимо без использования принципов логистики. Основываясь на общей теории проектирования систем, логистика конкретизирует и детализирует многие ее положения (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнение параметров общесистемного и логистического подходов

Общесистемный		Концептуальные подходы	
		Логистический	
I.	Определение связей-отношений	Распределение элементов по функционально-логическому критерию	
II.	Определение связей-процессов	Целевая направленность материально-информационных потоков	
1.	Содержание связи	Доставка необходимого груза	
2.	Состав связи	Доставка груза определенного качества	
3.	Объем связи	Доставка груза в необходимом количестве	
4.	Период протекания процесса связи	Доставка в нужное время	
5.	Направление связи	Доставка в нужное место	

Таблица подтверждает тезис о вещественно-информационных логистических связях. Действительно, традиционно логистика рассматривалась как система управления материальными и информационными потоками [1, 2, 3, 5, 7, 8]. С развитием и расширением функций логистики сюда стали включать финансовые потоки [4, 6, 9, 10] и даже потоки услуг [4, 9]. Немецкие логистики трактуют данное понятие еще шире, включая в объект управления логистики персонал [12]. Такая теория предполагает хотя бы относительную динамичность кадров. Поэтому наиболее целесообразно ее применение к сфере услуг.

Как известно, сфера услуг объединяет производственную инфраструктуру, торговлю и общественное питание, а также непроизводственную сферу. Производственная инфраструктура функционально связана с логистикой, в

начальный период развития логистики данные понятия иногда даже отождествлялись. Поэтому мы в дальнейшем будем рассматривать возможность применения логистического подхода к основным составляющим сферы услуг, объединяя их под этим же названием.

Следует отметить, что проектирование концепции логистики на сферу услуг особенно актуально для регионов, где названные отрасли играют приоритетную роль. Наглядным примером может служить экономика Крыма, ведущим звеном которой, безусловно, является рекреационное хозяйство. Среди направлений по его реанимации не последнее место займет логистизация.

Краеугольным камнем логистического подхода является создание логистических систем. Логистической системой на микроуровне можно считать предприятие. Предприятие материального производства включает снабженческую, производственную и сбытовую составляющие. В отличие от него, предприятие сферы услуг объединяет снабженческую и производственную подсистемы, что обусловлено совпадением времени производства и реализации услуг. Согласно данному положению, логистическая система рассматривается в узком виде. В расширенном виде, кроме названных составляющих, она включает транспортную, складскую и экологическую подсистемы. В широком виде логистическая система представляет собой совокупность как рассмотренных выше функциональных, так и обеспечивающих подсистем (кадровую, правовую, информационную, эргономическую и др.)

Известно, что логистические системы в материальном производстве выступают в качестве логистических цепей как в прямом (производитель – потребитель), так и в эшелонированном (производитель – посредник – потребитель) виде [1, 2, 4]. Построение логистических цепей в сфере услуг зависит от специфики услуги, точнее говоря, комплексности. Если для простой услуги (торговля, общественное питание, физкультура и спорт и т.д.), логистическая система выглядит в виде логистической цепи, то сложную услугу графически можно изобразить как логистический куст. На рис. 1 представлено такое изображение рекреационного обслуживания. Услуги проживания и питания здесь непосредственно связаны с потребителем. На рисунке они не конкретизированы, так как зависят от цели и класса обслуживания.

Приведенная схема еще раз убеждает, что организация процесса снабжения в сфере услуг по сравнению с материальным производством более сложная. Это объясняется следующими причинами:

- поставкой малыми партиями;
- многообразием видов материальных ресурсов;
- в отдельных случаях исключительностью ресурсов;
- нецелесообразностью создания запасов для некоторых видов материальных ресурсов.

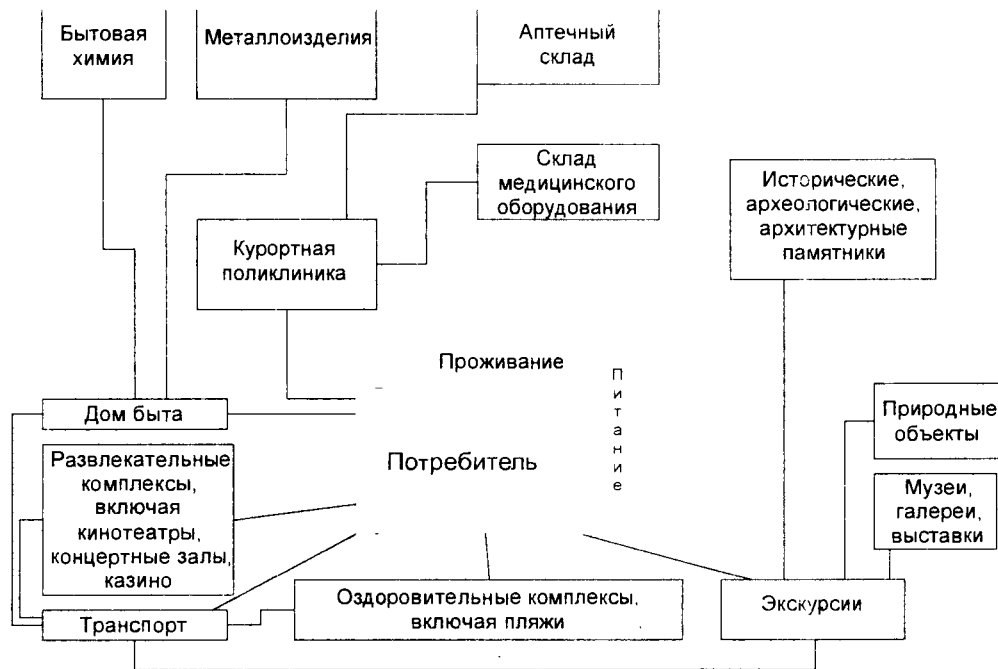

Рис. 1. Схематическое изображение рекреационной услуги в виде логистического куста.

Логистизация дает основание для более тесной связи снабжения и производства, что положительно влияет на конечные показатели деятельности предприятия (рис. 2).

Данный рисунок концентрирует внимание на основной проблеме снабжения – управлении запасами. Действительно, заниженные запасы нередко бывают причиной простоев, что соответственно отражается на финансовых результатах: экономически неоправданных расходах на оплату простоев и снижении выручки от уменьшения выпуска продукции. Кроме того, следует принимать во внимание инфляцию, оказывающую непосредственное влияние на стоимость запасов. В то же время присутствие запасов требует затрат на содержание складских помещений, включая зарплату персонала, а также связывает оборотный капитал предприятия. Нельзя не учитывать и величину потенциального ущерба, возникающего вследствие порчи материалов, стихийных бедствий и т.д. Все это находит отражение как в прибыли от основной реализации, так и во внереализационной прибыли. При управлении материальными запасами практически постоянно следует сопоставлять расходы на их содержание с потерями от дефицита. В значительной степени такое положение касается и рекреационных предприятий, где делается исключение лишь для сферы питания (об этом будет сказано ниже). Размер остальных запасов, определяющих хозяйственную и транспортную деятельность, необходимо рассчитывать на основе среднесуточного потребления материалов и объема реализации услуг. При планировании запасов исходят из их базового объема и

коэффициента, корректирующего размер соответственно с объемом реализации (формула 1).

$$P + Z \cdot Q \cdot A + d \cdot S \cdot Q \left(\frac{TP + 100}{100 \cdot 2} \right) \leq V(t_{\max} - \bar{t}) \cdot \left(\sum_{i=1}^n Pr_i + \sum_{j=1}^m W_j \right) + S \cdot Q \cdot A \cdot \frac{TP}{100} \quad (1),$$

где:

P – потери от иммобилизации денежных средств, вложенных в запасы;

Z – затраты на содержание единицы запасов;

Q – базовый объем запасов материала в натуральном выражении;

A – коэффициент, учитывающий изменение объема реализации;

d – доля потенциального экономического ущерба в общей стоимости запасов.

S – стоимость единицы запасов на начало периода;

TP – темп прироста инфляции за рассматриваемый период;

V – частота поставок за рассматриваемый период;

t_{\max} и \bar{t} – соответственно максимальный фактический и средний интервалы поставок;

Pr_i – ежедневная прибыль, получаемая от i – ой услуги, для реализации которой необходим материал;

$i=1, n$ – виды услуг;

W_j – оплата простоев j – му работнику;

$\bar{j}=1, m$ – количество работников, имеющих простой из-за отсутствия материала;

Такой коэффициент по сути является произведением коэффициентов, учитывающих изменение объема в связи с ростом (снижением) доходов населения, изменением соотношения спроса и предложения по данному виду услуг, повышением престижа данного предприятия сферы услуг и др.

С учетом вышесказанного формула (1) преобразуется следующим образом:

$$P + Z \cdot Q \cdot \prod_{k=1}^7 A_k + d \cdot S \cdot Q \left(\frac{TP + 100}{100 \cdot 2} \right) \leq V(t_{\max} - \bar{t}) \cdot \left(\sum_{i=1}^n Pr_i + \sum_{j=1}^m W_j \right) + S \cdot Q \cdot \prod_{k=1}^7 A_k \cdot \frac{TP}{100} \quad (2),$$

где A_k при:

$k=1$ - коэффициент, учитывающий изменение доходов населения;

$k=2$ - конъюнктуру рынка по данному виду услуг;

$k=3$ - отраслевой и территориальный рейтинг

предприятия;

$k=4$ - рост (снижение) численности постоянного населения;

$k=5$ - изменение численности рекреантов;

$k=6$ - фактор сезонности (если за базовый период

принят год, $A_6=1$);

$k=7$ - ценовой фактор.

Рационализация снабжения в сфере услуг, наряду с такими очевидными результатами, как уменьшение расходов на хранение и транспортно-заготовительных расходов, а также снижение потерь от порчи продуктов, дает и дополнительный эффект. Такой эффект, связанный с поставкой свежих продуктов, привлекает дополнительных клиентов, отводящих приоритетную роль питанию. Эффект возникает в торговле продовольственными товарами и общественном питании, а также в непосредственно связанных отраслях, например в рекреационном обслуживании. Необходимо отметить и значимость расширения ассортимента услуг, обусловленного сотрудничеством с новыми поставщиками. Это можно рассматривать как фактор повышения объема реализации всех видов услуг, но особенно комплексных, в первую очередь, все тех же рекреационных. В конечном итоге логистизация предприятий сферы услуг увеличивает число потребителей, уменьшает разрыв между фактическим и ожидаемым уровнем оказываемых услуг.

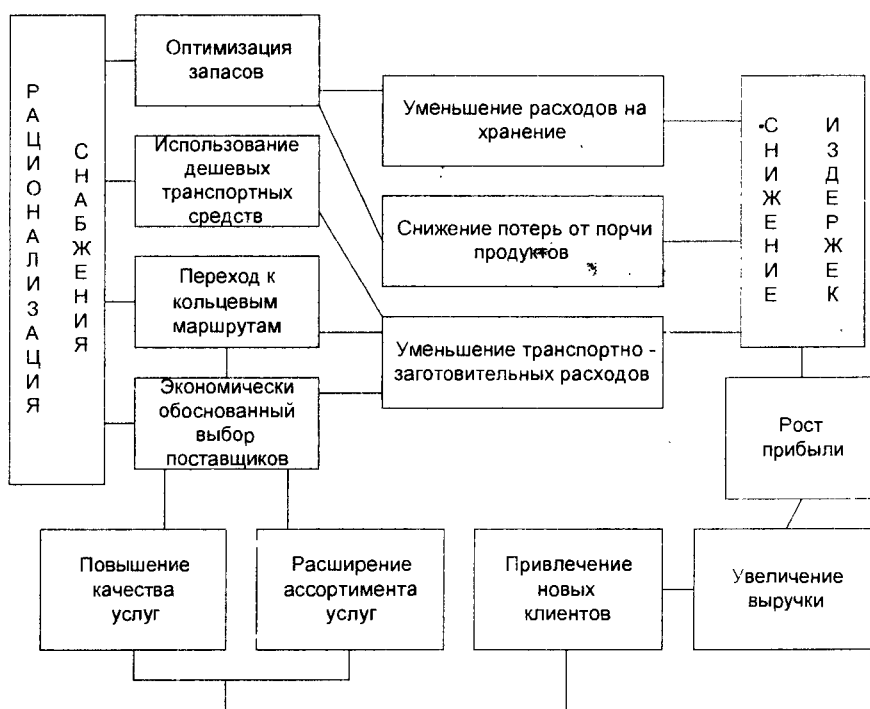

Рис.2. Влияние материально-технического снабжения на результаты деятельности предприятия сферы услуг.

Список литературы

1. Гаджинский А.М. Логистика – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1998. –228с.
2. Гаджинский А.М. Основы логистики. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1995. –124с.
3. Гордон М.П., Карнаухов С.Б. Логистика товародвижения. – М.: Центр экономики и маркетинга, 1999. – 208с.
4. Кальченко А.Г. Основы логистики. - К.:Товариство «Знання», КОО, 1999. – 135с.

5. Колобов А.А., Омельченко И.Н. Основы промышленной логистики. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 116с.
6. Костоглодов Д.Д., Харисова Л.М. Распределительная логистика. - Ростов-на-Дону: Экспертное бюро, 1997. – 127с.
7. Крикавський С. Логістика підприємства. – Львів: Державний університет «Львівська політехніка», 1996. – 160с.
8. Логистика / Под ред. Б.А. Аникина. – М.: ИНФРА – М, 1997. – 327с.
9. Основы логистики / Под ред. А.Б. Миротина и В.И. Сергеева. – М.: ИНФРА – М, 1999. – 200с.
10. Семенов А.И. Предпринимательская логистика. - СПб.: Политехника, 1997. – 349с.
11. Смолкин А.М. Менеджмент: основы организации. – М.: ИНФРА – М, 1999. – 248с.
12. Экономика предприятия: Перевод с нем. – М.: ИНФРА – М, 1999. – 928с.

Анотація

Скоробогатова Т.М. Специфіка логістики сфери послуг.

Стаття присвячена застосуванню логістичних принципів до діяльності підприємств сфери послуг. Надано визначення логістичного куца як різновиду логістичної системи. Розкритий формалізований апарат для розрахунку границі запасів. Показано вплив матеріально-технічного постачання на результати діяльності підприємства сфери послуг.

Ключові слова: логістична система, сфера послуг, матеріально-технічне постачання.

Summary

Scorobogatova T.N. Peculiarity of logistics in the service sector

This article is devoted to applying of logistical methods to enterprise activity of the service sector. The term of logistical shrub as a form of logistical system is defined. The formalized apparatus of calculation of stock-in-trade limits is introduced. The influence of material and technical supplying on the results of activity of service sector enterprise is shown.

Key words: logistical system, service sector, material and technical supplying.

УДК 338.48+338.27

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ТУРИЗМЕ

Демин А.А., Семенова Ю.А.

Исследуется возможность использования полиномов как одного из подходов к моделированию тенденций временного ряда в туристическом бизнесе и последующей прогнозной экстраполяции. На основе полученных моделей рассматриваются ключевые тенденции в международном туризме, их динамика.

Ключевые слова: прогноз, полином, туризм, моделирование, динамика, регион, экстраполяция

За последнее десятилетие туристический бизнес стал одним из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики. Так он использует примерно 7% мирового капитала, а доля туризма составляет более 10% мировой торговли товарами и услугами [1]. В связи с этим, особую значимость приобретают вопросы, связанные с управлением и планированием в туристической сфере. Ключевым аспектом планирования и управления являются прогностические оценки, позволяющие тщательно проработать стратегию действий туристических организаций на ближайшую и отдаленную перспективу.

Существуют долгосрочные прогнозы, составленные на начало XXI века Всемирной туристической организацией (ВТО), которые являются хорошим источником для изучения мирового туристического сектора [2,3]. Вместе с тем, сегодня необходимы практические инструменты, которые позволяли бы туристическим организациям самостоятельно выполнять прогнозные оценки на основе имеющегося у них эксклюзивного статистического материала.

Принято, что к числу факторов, определяющих развитие туризма, можно отнести следующие: экзогенные, включающие демографические, социальные, политические, экологические, торговлю, технологию, транспорт; факторы спроса, предложения и распределения. Первая группа факторов отражает особенности отдельного государства или изучаемого региона и требует специфического подхода при выполнении прогнозных оценок. Вторая группа характеризует некоторое общее направление развития, долговременную эволюцию. Подобную основную закономерность можно выразить аналитически некоторой функцией времени, т.е. трендом.

Имеются различные приемы, позволяющие выбирать форму кривой, достаточно хорошо аппроксимирующей действительное развитие во времени [4]. Целью настоящей работы является изучение возможности использования полиномов для моделирования тенденций временного ряда в туристическом бизнесе и последующей прогнозной экстраполяции. В качестве ретроспективной базы данных, используемой в исследовании, были использованы сведения ВТО по региональному развитию туризма [3].

Поскольку выполнение комплексной прогнозной оценки такого сектора экономики как туризм – задача значительной сложности, было принято решение выбрать для анализа только некоторые оценки. Тем не менее, даже в урезанном виде, прогностическая оценка привела к некоторым интересным выводам.

Была проанализирована динамика прибытия туристов в отдельные регионы и доходы, полученные туристическим бизнесом (Табл.1). Для моделирования тенденции временного ряда использовался полином вида

$$\bar{Y}_t = a_0 + a_1 t + \dots + a_k t^k,$$

где a_0, a_1, \dots, a_k - коэффициенты полинома.

t - момент времени, для которого выполняется оценка,

k - степень полинома,

\bar{Y}_t - прогнозное значение.

Коэффициенты полинома определялись методом наименьших квадратов [5].

В процессе выполнения расчетов было установлено, что данные, характеризующие развитие туристического бизнеса, весьма неплохо описываются полиномом второй степени, линейной зависимостью и реже логарифмической. Это позволяет сделать весьма важный вывод о том, что при проведении прогностических оценок в ряде случаев можно не выполнять сглаживающих процедур, т.к. их эффективность при этом будет предельно низка.

Вторым интересным выводом следует считать решение проблемы нарушенных временных рядов. Речь идет о временных рядах, в которых интервалы времени разнятся (например, имеются данные за 1,3,9,12-ый годы и т.д.). Для получения недостающих значений временного ряда использовался интерполяционный полином Лагранжа [6].

Для оценки динамики числа прибытий туристов в те или иные регионы мира были взяты ретроспективные данные за 1985-1996 годы и выполнен прогноз на ближайшие четыре периода (четыре года). Так динамика прибытия и поступлений для мирового туризма удовлетворительно описывается уравнениями $Y = -0,2136t^2 + 27,185t + 294,97$ и $Y = 0,2049t^2 + 24,147t + 96,611$ соответственно, где t – год. Полученные тренды позволяют сделать интересный вывод: в целом, динамика прибытий туристов отстает от динамики поступлений денежных доходов. Это значит, что траты на туризм у населения резко возрастают. Ранее это было отмечено как одна из особенностей туризма, но количественно оценить это можно только при проведении численного анализа. Более того, можно прогнозировать такую динамику количественно.

После получения таких интересных данных было решено проанализировать тенденции в прибытии туристов по регионам и поступлениях от них. Данные и прогнозы для Европейского региона полностью подтверждают общемировую тенденцию (уравнения тренда: $Y = -0,0514t^2 + 12,763t + 199,6$ для прибытия и $Y = 0,1371t^2 + 11,357t + 54,876$ для поступлений). Однако, тенденция более интенсивного роста расходов на туризм, чем увеличение числа туристов достаточно

слабая. Это можно рассматривать как подтверждение устойчивых тенденций в туристическом Европейском бизнесе.

Совсем иная картина складывается в туристическом бизнесе Америки (рис.1). Здесь поступления значительно опережают динамику прибытия. В зоне прогноза видно, что число прибытий приближается к некоторому предельному значению, в то время как поступления резко возрастают. Это свидетельствует о том, что все больше состоятельных людей делает целью своих путешествий Американский континент.

Динамика туристического бизнеса в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе качественно напоминает картину Европы. Удельные показатели здесь приблизительно одинаковы. Разница лишь в емкости рынка. В Европе она почти в пять раз выше. Уравнения тренда: $Y = 0,2758t^2 + 2,3047t + 12,686$ и $Y = 0,2276t^2 + 2,393t + 28,692$ для поступлений и прибытия соответственно.

Отличной является картина туристического сектора Ближнего Востока от всех ранее рассмотренных регионов. На рис.2 ясно видно, что усиление динамики прибытий значительно опережает поступления. Это означает, что Ближневосточный регион является относительно дешевым туристическим районом. При этом емкость туристического рынка относительно невелика, почти в 40 с лишним раз меньше Европейского.

Качественная картина Африканского рынка туризма в ретроспективе напоминает рынок Ближнего Востока. Однако анализ уравнений тренда ($Y = -0,0425t^2 + 1,573t + 6,980$ для прибытия и $Y = -0,0041t^2 + 0,4843t + 2,23$ для поступлений) в прогнозной области показывает, что темпы роста числа прибывающих туристов и темпы роста поступлений от них выравниваются и значительно замедляются.

И, наконец, в последнем туристическом регионе, Южной Азии, если придерживаться прогнозных оценок (уравнения тренда для прибытия и поступлений, соответственно: $Y = 0,0271t^2 - 0,1586t + 1,8721$ и $Y = 0,0112t^2 + 0,0248t + 2,5741$) можно отметить резкий рост доходов от туризма, опережающий динамику прибытия. Там картина напоминает состояние рынка туризма в Америке, правда, с той лишь разницей, что емкость рынка Америки больше в 30 с лишним раз.

Полученные результаты исследования позволяют сделать ряд интересных выводов:

Степенные полиномы позволяют достаточно корректно моделировать тенденции временного ряда в туризме.

Установлено, что данные временных рядов лучше всего описываются полиномами второй степени, линейными зависимостями и реже логарифмическими.

Выполнение прогнозной экстраполяции по полученным моделям позволяет получать корректные прогностические оценки (погрешность не превышает 20%).

Качественный анализ в сочетании с количественным прогнозом дает возможность оценить динамику экономических процессов в туристическом бизнесе.

Прогностические оценки позволяют анализировать неравномерность экономических региональных процессов в туризме.

Табл. 1.

Год	Европа		Америка		Восточная Азия и Тихоокеанский регион		Ближний Восток		Африка		Южная Азия	
	прибытие, млн.чел.	поступления, млрд.долл.	прибытие млн.чел.	поступления, млрд.долл.	прибытие млн.чел.	поступления, млрд.долл.	прибытие млн.чел.	поступления, млрд.долл.	прибытие млн.чел.	поступления, млрд.долл.	прибытие млн.чел.	поступления, млрд.долл.
1985	329,558	117,630	66,495	33,315	30,389	12,849	6,240	4,803	9,706	2,690	2,540	1,400
1986	340,571	142,074	71,771	37,629	33,505	17,200	5,132	4,032	9,391	2,970	2,731	1,677
1987	366,872	174,232	76,243	42,029	38,906	22,763	5,431	5,305	9,833	3,797	2,707	1,875
1988	401,723	201,540	83,462	49,830	45,092	30,640	6,961	5,051	12,940	4,601	2,881	1,929
1989	430,954	218,368	87,398	57,029	45,565	34,234	7,519	5,434	13,770	4,454	3,054	2,022
1990	459,233	264,708	93,424	67,138	52,263	38,617	7,444	5,127	14,993	5,238	3,179	1,990
1991	466,044	271,822	96,947	74,056	53,924	39,634	6,674	4,279	15,842	4,830	3,279	1,968
1992	503,617	308,596	101,080	83,545	61,306	45,636	7,921	5,398	17,552	5,855	3,509	2,076
1993	518,258	313,963	106,525	95,545	68,525	52,587	7,200	4,996	17,875	6,364	3,459	2,015
1994	546,266	346,674	107,760	95,084	76,171	61,949	9,868	5,107	18,477	6,564	3,949	3,159
1995	566,082	393,230	110,748	100,262	83,187	72,754	13,705	7,187	19,017	6,980	4,300	3,642
1996	592,122	423,116	115,511	106,378	90,091	82,436	15,144	8,243	19,454	7,622	4,485	3,963

Динамика числа туристов, прибывающих в Америку и поступлений от них

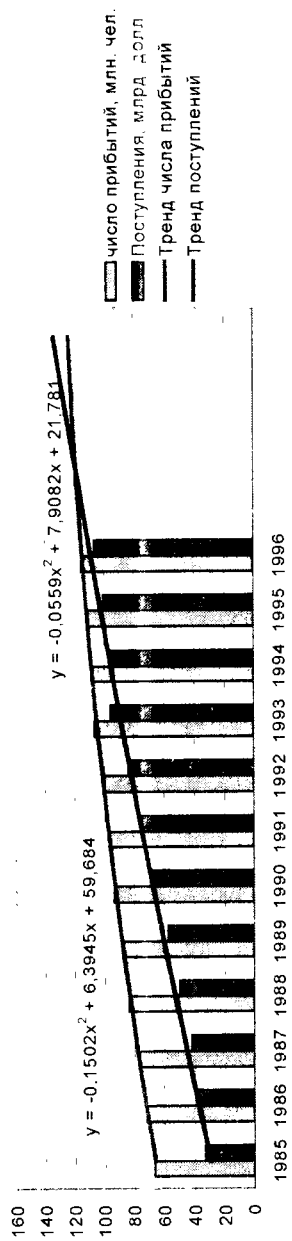

Рис. 1. Динамика числа туристов, прибывающих в Америку и поступлений от них с прогнозными оценками.

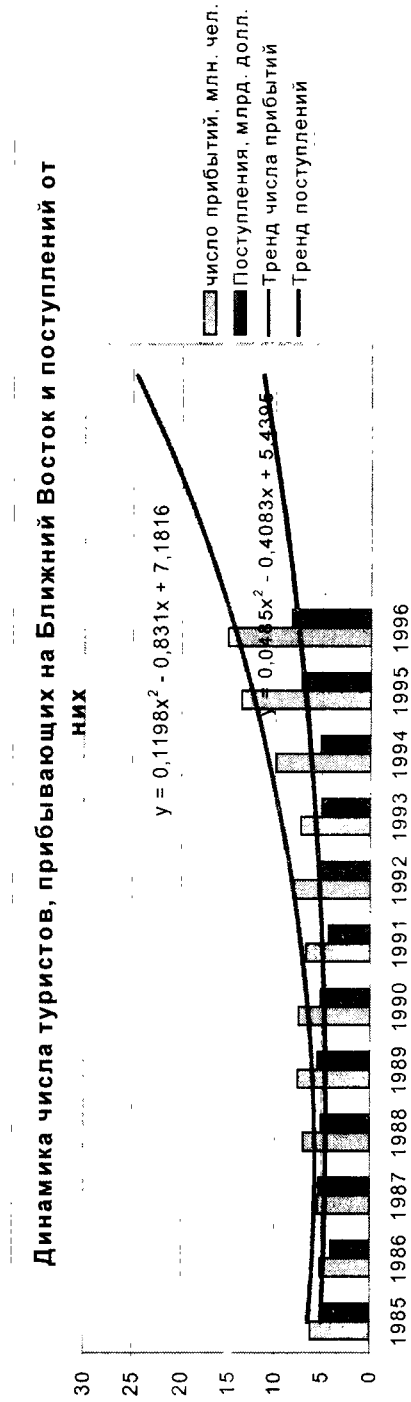

Рис.2. Динамика числа туристов, прибывающих на Ближний Восток и поступлений от них с прогнозными оценками.

Список литературы

1. Папирян Г.А. Международные экономические отношения. Экономика туризма. - М., Финансы и статистика, 1998, 208 с.
2. Recommendations on Tourism Statistics/WTO. - Madrid, 1993.
3. Compendium of Tourism Statistics/WTO. - Madrid, 1996.
4. Статистическое моделирование и прогнозирование. - Под ред. А.Г. Гринберга. - М., Финансы и статистика, 1990, 383 с.
5. Мак-Кракен Д., Дорн У. Численные методы и программирование на ФОРТРАНе. - М., Мир, 1977, 584 с.
6. Кильдишев Г.С., Френкель А.А. Анализ временных рядов и прогнозирование. - М., Статистика, 1973, 103 с.

Анотація

Демін О. А., Семенова Ю. А. Економіко-статистичне моделювання і прогнозування в туризмі.

Досліджується можливість використання поліномів як одного з підходів до моделювання тенденцій тимчасового ряду в туристичному бізнесі і подальшій прогнозній екстраполяції. На основі отриманих моделей розглядаються ключові тенденції в міжнародному туризмі, їх динаміка.

Ключові слова: прогноз, поліном, туризм, моделювання, динаміка, регіон, екстраполяція

Summary

Dyomin O. A., Semyonova J. A. Economical-statistic modeling and prognostication in tourism

A polynomials use possibility as one of approaches to modeling of tendencies of temporal row in tourist business and further prognostic extrapolation is investigated. On a base of models obtained the key tendencies in international tourism and their dynamics are considered.

Keywords: prognosis, polynomial, tourism, modeling, dynamics, region, extrapolation

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Процай А. Ф.

В статье дана сравнительная характеристика малому предпринимательству; рассмотрены пути становления правовой базы малого бизнеса. Дан анализ деятельности и перспектив развития предпринимательства в АРК на современном этапе.

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, кооперирование, поддержка.

Формирование рыночной системы хозяйствования на Украине связано с ростом предпринимательской активности во всех сферах экономики. Одним из перспективных направлений создания конкурентно-рыночной среды является развитие малого предпринимательства. Преимущества малого предпринимательства заключается в том, что оно:

- более гибко и оперативно реагирует на спрос рынка;
 - мобильно при выполнении работ, связанных с внедрением новой техники, изобретений;
 - более экономично, использует ресурсы, в том числе вторичные;
 - снижает косвенные расходы, связанные с содержанием управленческих непроизводительных структур;
 - повышает скорость оборота капитала.
- Эти преимущества позволяют малому бизнесу:
- ускорить заполнение товарного рынка требующимися потребителям изделиями;
 - ускорить внедрение несложных научно-технических достижений;
 - полнее удовлетворять потребности экономики страны и населения в промышленных, строительных и прочих услугах, расширять номенклатуру и качество услуг;
 - наладить выпуск продукции малыми сериями.

В условиях дестабилизации экономики, ограничения финансовых ресурсов именно субъекты малого предпринимательства, которые не требуют больших стартовых инвестиций владеют быстрой окупаемостью затрат, более активны в инновационной деятельности, способны при определённой поддержке стимулировать структурную перестройку экономики, развитие экономической конкуренции, создавать дополнительные рабочие места, содействовать широкой свободе выбора, насыщать рынок товарами и услугами. Именно малое предпринимательство является источником формирования "среднего класса" - важного элемента современного цивилизованного общества, мобильного и весомого социального слоя населения.

Единого международного стандарта дифференциации предприятий на малые, средние и крупные не существует. Это зависит от конкретной ситуации, уровня

развития и структуры экономики каждой страны. В основной главным критерием отнесения предприятия к одной из этих групп является численность работников с дифференциацией по отраслям экономики.

В Японии, при разделении предприятий на группы в зависимости от их размеров помимо отраслевой дифференциации, как правило, используются 2 показателя:

размер капитала (величина аналогичная уставному капиталу в России) и численность персонала. Здесь большей частью проводится разделение предприятий на мелкие и средние. К последним в отраслях промышленности, транспорта, строительства, связи относятся предприятия с капиталом до 100 млн. иен (660 тыс. дол.) и численностью работающих до 300 человек : в оптовой торговле – соответственно до 30 млн. иен (200 тыс. дол.) и до 100 работающих; в розничной и в сфере услуг – до 10 млн. иен (66 тыс. дол.) и до 50 работающих. К малым в производственных отраслях относятся предприятия с численностью до 50 работающих, в торговле и в сфере услуг – до 5 работающих [2].

В России к малым предприятиям в промышленности, строительстве и транспорте относят предприятия с численностью 100 человек, в сельском хозяйстве - до 60 человек, в розничной торговле и бытовом обслуживании - до 30 человек, в прочих отраслях до 50 человек.

На Украине к критериям отнесения предприятий в группу “малые” принята численность работающих: в промышленности, сельском хозяйстве, жилищном и коммунальном хозяйстве - до 50 человек; в транспорте, связи, науке и научном обслуживании - до 20 человек; в строительстве - до 40 человек, в торговле и общественном питании - до 15 человек.

Эволюция государственной политики по поддержке малого предпринимательства на Украине берёт своё начало с Закона СССР “Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР”, который помог частично легализовать индивидуальный бизнес и создал условия для создания собственного дела. Реальное формирование государственной политики малого предпринимательства на Украине начинается с 1991 года, принятием Закона “О предпринимательстве” (7 января 1991 г.) и созданием Государственного комитета по поддержке малых предприятий и предпринимательству (май 1991г.). Дальнейшим шагом явилось утверждение Кабинетом Министров Украины Программы государственной поддержки предпринимательства на Украине (март 1993г.), Концепции государственной политики развития малого предпринимательства (апрель 1996г.) и Программы развития малого предпринимательства на Украине в 1997-1998 гг. (январь 1997г.). Большое значение для формирования государственной политики поддержки малого предпринимательства имеет конституциональное закрепление свободы предпринимательства (июнь 1997г.) и Указ Президента Украины “О государственной поддержке малого предпринимательства”.

В Автономной республике Крым предпринимательство начало активно развиваться с появлением в 1986 году кооперативного движения. Кооперативная форма собственности была единственной формой собственности разрешенной на

тот период помимо государственной. Следует отметить, что союз кооперативов Крыма явился второй, после Народного фронта Латвии, общественно-политической организацией на территории бывшего СССР. К 1990-1991 году законодательство страны позволило создание других форм собственности негосударственного сектора. Союз кооперативов Крыма реорганизованный в Союз предпринимателей, объединил предпринимательские секторы независимо от формы собственности - акционерные общества, частные, малые совместные предприятия и общества с ограниченной ответственностью, страховые компании, банки, биржи и другие. К концу 1994 года в Крыму зарегистрировано более 7000 предприятий различных форм собственности. С 1990 по 1992 год по темпам прироста негосударственного производства товаров и услуг Крым занимал 3 место в СССР после республики Коми и Москвы. К 1 января Крым явился первым регионом в котором объём товаров и услуг негосударственного сектора экономики превысил государственный [1]. Однако, в этот период обозначились наиболее высокие темпы роста количества малых предприятий и численности занятых в них. Однако, под воздействием налогового прессинга финансовая база малого предпринимательства практически была уже подорвана. Этот период времени характеризуется гиперинфляцией, полным обесцениванием сбережений населения, ростом процентных ставок банковского кредита, что парализовало инвестиционную деятельность. Ориентация малого предпринимательства на торговую и посредническую деятельность можно объяснить тем, что работа с трудно контролируемой наличностью давала возможность избежать уплаты налогов. К 1995 г. Число предпринимательских структур начало сокращаться, фактически в этот период прекратили деятельность около 4000 предприятий Крыма.

Сокращение числа малых предприятий, в том числе торгово-посреднической ориентации объясняется тем, что возможности сверхприбыльности этой деятельности практически начали исчерпываться, сужались и ограничивались те сферы, которые характеризовались лёгким достижением высокой доходности.

Вместе с тем, следует отметить, что малый бизнес в этот тяжёлый период позволил выжить значительному слою населения.

В 1995-1996 гг. появились тенденции рыночной концентрации капиталов. В результате экономической конкуренции малые предприятия поглощаются средними и крупными фирмами. Процессы концентрации и централизации капитала вызывают сокращение количества малых предприятий, однако, этот процесс концентрации капиталов приведёт к тому, что крупные предприятия в дальнейшем будут заинтересованы в создании новых предприятий в своей хозяйственной структуре.

Опыт индустриально развитых стран показывает, что в последние десятилетия проявилась тенденция к оптимизации размеров предприятий, сосредоточенных на одной территориальной площадке.

В связи с падением серийности производства и разбуханием номенклатуры производимых изделий, развитие новых несложных производств, второстепенные производственные операции, разного рода обслуживание, были переданы крупными

корпорациями специализированным мелким и средним фирмам, которые благодаря узкой специализации добились значительных успехов в своей деятельности.

Сложился своеобразный симбиоз монополии мелких и средних фирм в гибком обеспечении меняющихся потребностей рынка. Подобное разделение труда позволило повысить общую рентабельность производства как монополии, так и предприятий малого бизнеса. В Японии до 70% предприятий малого бизнеса кооперированы с монополиями, в США - 30-40%.

Кооперирование малого бизнеса создаёт для первого устойчивый рынок сбыта, охраняет от неожиданной конкуренции, позволяет специализировать деятельность внутри фирмы. С другой стороны, малое предприятие подчинено работодателю - крупной фирме, которая диктует, что конкретно изготавливать, в каком количестве, в какие дни и часы поставлять продукцию, по какой цене.

По данным Госкомитета статистики АРК за 1997 г. число предприятий малого бизнеса выросло и стало насчитывать более 6000 единиц (Табл.1,2).

Таблица 1
Финансовые результаты предприятий малого бизнеса по отраслям экономики АРК

Отрасли экономики	Количество предприятий, всего	Балансовая прибыль, убыток (-), тыс. грн.	Предприятия, получившие прибыль			Предприятия, получившие убыток		
			Количество предприятий	В % к общему количеству	Финансовый результат, тыс. грн.	Количество предприятий	В % к общему количеству	Финансовый результат, тыс. грн.
Всего предприятий	6233	54299,9	4077	65,4	71430,5	2156	34,6	17130,6
в том числе:								
Промышленность	734	9844,3	500	68,1	12753,6	234	31,9	2909,3
Сельское хозяйство	102	450,0	68	66,7	796,6	34	33,3	346,6
Транспорт	53	1008,4	34	64,2	1304,2	19	35,8	295,8
Связь	13	56,8	10	76,9	72,7	3	23,1	15,9
Строительство	818	5544,1	590	72,1	7563,1	228	27,9	2019,0
Торговля и общественное питание	3178	19756,5	1974	62,1	26984,3	1204	37,9	7227,8
Бытовое обслуживание населения	305	814,6	202	66,2	1168,3	103	33,8	353,7
Другие виды деятельности материального и нематериального производства	1030	16825,2	699	67,86	20787,7	331	32,14	3962,5

Таблица 2
Показатели деятельности предприятий малого бизнеса по отраслям экономики АРК

Отрасли экономики	Количество предприятий		Среднесрочная численность работающих		Фонд оплаты труда, тыс. грн	Балансовая прибыль (убыток)		В том числе по формам собственности							
	единиц	%	человек	%		тыс. грн	%	государственная		коллективная		частная		собственность других государств	
					количество предприятий			балансовая прибыль (убыток)	количество предприятий	балансовая прибыль (убыток)	количество предприятий	балансовая прибыль (убыток)	количество предприятий	балансовая прибыль (убыток)	
Всего предприятий	6233	100	61473	100	62625.6	54299.9	100	137	493.9	3801	44348.0	2262	7324.4	33	3121.4
в том числе:															
промышленность	734	11,77	11020	17,92	12796.4	9844.3	18,13	8	10.4	484	9478.6	328	356.3	4	-1.0
сельское х-во	102	1,63	1619	2,63	1217.6	450.0	0,83	3	-12,7	66	392,1	31	93,5	2	-22,9
Транспорт	53	0,85	563	0,91	792,1	1069,4	1,85	1	-2,4	38	976,5	12	1,3	2	33,0
связь	13	0,20	102	0,16	110,2	56,8	0,10	-	-	11	45,4	2	11,4	-	-
строительство	818	13,12	11435	18,60	13718,8	5344,1	10,21	35	67,9	497	3762,5	283	1717,2	3	-3,5
торговля и общественное питание	3178	50,9	24140	39,26	18718,7	19756,5	36,38	29	-219,4	1850	12855,8	1283	4084,1	16	3036,0
бытовое обслуживание	305	4,83	3095	5,03	1867,5	814,5	1,5	10	-20,2	190	380,1	103	372,4	2	82,3
другие виды деятельности материального производств	1030	16,52	9499	15,45	13404,3	16825,3	30,98	51	-317,5	665	16457	310	688,2	4	-2,5

Среднесписочная численность работающих на малых предприятиях составила 61473 человека. К числу отраслей экономики, в которых получил развитие малый бизнес следует отнести: торговлю и общественное питание (3178 предприятия), строительство (818 предприятия) и промышленность (734 предприятия). Анализируя предприятия малого бизнеса по формам собственности следует отметить, что в АРК превалирует коллективная и частная форма собственности, от 66% до 76,9% предприятий по различным отраслям по итогам деятельности 1997г. получили прибыль.

Следует отметить, что наметились благоприятные условия для проникновения малого бизнеса в промышленность. Во-первых, прошёл период начального накопления капитала отечественными предпринимателями; во-вторых, сформировался определённый слой предпринимателей менеджеров, которые имеют опыт управления капиталом; в-третьих, на рынке торговых, сервисных и других услуг упала норма прибыли и усилилась конкуренция за счёт цен, качества и сервиса. Всё это заставляет предпринимателей искать новые сферы вложения капитала. Приток капитала малого бизнеса в сферу промышленного производства мог бы существенно увеличиться при условии продуманных мер государственной поддержки малых предприятий в промышленности, упрощение механизма налогообложения малого бизнеса. Важным направлением поддержки малого предпринимательства является информационное, научно-методическое, консультативное и кадровое обеспечение и прежде всего: создание сети в Крыму информационно-аналитических центров малого предпринимательства; расширение круга научных исследований о проблемах предпринимательства и менеджмента; проведение необходимой пропагандистской работы, направленной на формирование благоприятного общественного мнения о предпринимательской деятельности; организация подготовки и переподготовки кадров для малого бизнеса через систему бизнес-центров, инкубаторов и технопарков; введение в учебные программы ВУЗов основы предпринимательской деятельности и организация малого предпринимательства.

Список литературы

1. Дудко А.М., Литвинская А.В. Развитие предпринимательства в Крыму. В кн.: Крым: настоящее и будущее. Сб. статей /под ред. Фомина Г.М. - Симферополь: Таврия, 1995.- 368с.
2. Экономика и жизнь. - №24, 1993
3. Варналий З.С. Государственная политика поддержки малого предпринимательства: Монография. - К., НіСД, 1996.
4. Ляпин Д.В. Малый бізнес та місцева влада. - "Фінанси України", №10, 1996.

Анотація

Процай А.Ф. особливості розвитку малого бізнесу в Автономній республіці Крим

В статті дана порівняльна характеристика малому підприємству; розглянуті шляхи становлення правової бази малого бізнесу. Проведений аналіз діяльності та перспектив розвитку підприємства в АРК на сучасному етапі.

Ключові слова: підприємство, малий бізнес, кооперування, підтримка

Summary

Protsay A. F. Small Business Enterprise Development Peculiarities in the Autonomous Republic of Crimea

The article contains comparative characteristics of small entrepreneurship; the ways of legal basis formation of small business are analysed. The analysis of activity and prospectives of entrepreneurship development in the Autonomous Republic of Crimea at the current stage are given.

Key words: entrepreneurship, small business, cooperation, support.

УДК 651.012.4:681.322

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА МЕНЕДЖЕРА

Мацебера С.А.

В статье рассматриваются теоретические проблемы проектирования автоматизированного рабочего места менеджера.

Ключевые слова: автоматизированное рабочее место, информационное обеспечение, техническое обеспечение, персональный компьютер.

В последнее время значительно выросло использование средств вычислительной техники в производстве. Некоторые рабочие места уже невозможно представить без этой техники. Внедрение ПЭВМ в производство предъявляет новые требования к подготовке специалистов. В современных условиях уже недостаточно знать только свою отрасль. Именно поэтому нужны такие специалисты, которые знали бы кроме своей специальности основы работы с вычислительной техникой и могли бы удобнее организовать свои рабочие места. Правильно спроектированное и организованное рабочее место менеджера позволит значительно повысить обоснованность и оперативность управленческих решений. Кроме того, при этом существенно сокращается численность работников управления, а также решается задача децентрализации управления, где предусматривается локальная обработка информации.

Автоматизированное рабочее место менеджера реализуется посредством совокупности информационных, технических, программных средств и методов.

При выборе технических средств для проектирования и создания АРМ должны учитываться следующие факторы:

- ориентировочные объемы обрабатываемой информации;
- требуемая надежность функционирования технических средств;
- требуемая точность вычислений;
- необходимый объем оперативной памяти технических средств, обеспечивающий применение операционных систем;
- требуемый объем внешней памяти на устройствах прямого доступа, обеспечивающий работу с большими массивами, которые должны находиться в состоянии оперативной готовности.

В целом на выбор варианта комплексов технических средств влияют такие факторы, как количество и сложность алгоритмов решения задач, структура и состав базы данных, требования к объему, времени и достоверности преобразования информации.

При проектировании информационного обеспечения функционирования АРМ менеджера должны соблюдаться требования, выработанные в целом для задач автоматизации управления:

методическое единство проектирования информационной системы. На основе системного подхода определяются совокупность объектов управления, состав информационной базы и взаимосвязь ее с решаемыми задачами;

совместимость элементов информационной системы. Реализация этого требования означает создание взаимоувязанной совокупности форм обмена информацией, классификаторов, обеспечивающих обмен информацией во всех звеньях автоматизированной системы управления, выступающей как человек - машинная система;

унификация и структуризация форм обмена информации, включая унификацию и сокращение числа форм входных и выходных документов;

интеграция обработки данных, обеспечивающая однократность ввода информации при многократном ее использовании, централизацию обработки данных, рационализацию и упорядочение схем документооборота.

Для создания программного обеспечения АРМ все больше обращаются к так называемому базовому программному обеспечению. Конкретный выбор готового БПО, адекватного автоматизируемым функциям, существенно сокращает сроки разработки и во многом определяет эффективность разрабатываемых АРМ, что в свою очередь влияет на степень повышения производительности труда персонала.

В основе автоматизации труда менеджера с использованием АРМ выделяется прежде всего работа с персональными базами данных. Для такой работы служит программные продукты, относящиеся к классу систем управления базами данных (СУБД). Именно современные СУБД включают в свой состав различные (как по принципам функционирования, так и по характеристикам) программные системы, ориентированные на применение различными группами пользователей.

Создание систем автоматизации организационного управления в современных условиях требует значительных изменений подходов к их разработке. Идеология традиционной автоматизированной системы базировалась на том, что основой управления является процесс обработки информации. Как следствие, реальная продукция АСУ состояла в выдаче громадного количества сводок с учетными, отчетными, аналитическими и другими данными, которые, по замыслу разработчиков, должны были существенно облегчить принятие решений. На самом деле каждое управленческое решение начинается с обзора ситуаций, после чего следует циклическое повторение следующих действий: причинно - следственного анализа, принятия решения (разработка плана) и оценки последствия принятого решения (анализа плана), то есть каждое решение имеет ярко выраженный поведенческий характер. При этом управление производится в условиях неоднозначности его целей и вариации допустимых альтернатив. При таком подходе все математические модели, в частности модели оптимального планирования становятся лишь «начинкой АРМ», основу которого должны составить средства интеллектуального интерфейса между моделями и пользователями.

Сегодня пользователь и ПЭВМ должны рассматриваться как одно целое. АРМ должно рассматриваться как основной элемент АСУ, причем АРМ должно быть спроектировано таким образом, чтобы имелась возможность его настройки на

конкретного пользователя. Важнейшей чертой АРМ менеджера должно быть обеспечение возможности пользовательского проектирования. АРМы будут настраиваться и изменяться самим пользователем.

Следует отметить функции, которые должны быть реализованы в рамках создания АРМ менеджера:

анализ и описание данных и фактов из предметной области для установления их взаимосвязей и систем;

поиск, определение и описание состояния управляемого объекта;

непрерывное отслеживание функционирования АРМ и фиксирования получаемых результатов;

обеспечение заданной последовательности действий;

обеспечение пользовательских интерфейсов.

АРМ менеджера сегодня должно быть спроектировано таким образом, чтобы имелась возможность его настройки на конкретного пользователя. Причем АРМ будут настраиваться и изменяться самим пользователем.

Список литературы

1. Аладьев В., Тупало В. Компьютерная хрестоматия: программное обеспечение ПК.- Киев: Энциклопедия. 1993.-458 с.
2. Буренин Б.А. и др. Автоматизированные рабочие места руководителей и специалистов управления предприятием. - М: Машиностроение. 1991.- 142 с.
3. Карагорова Е.А. и др. Автоматизированные рабочие места. - Киев: Техника. 1989.- 284 с.

Summary

Matsebera S.A. Methodical questions of design of manager's automated work place

Theoretical problems of projecting of manager's automated work place were describe in the article.

Key words: automated work place, informational guarantee, technical guarantee, personal computer.

УДК. 65.012.32001.18

РОЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В РАЗРАБОТКЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПЛАНОВ СИТУАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Василенко В. А.

В статье изложены проблемные вопросы ситуационного менеджмента. Раскрыты основные аспекты и особенности, а также место, роль и виды прогноза на различных этапах функционирования производства при развитии проблемных (кризисных) ситуаций. Обоснована организационно-экономическая необходимость и периоды перехода к ситуационному управлению на базе альтернативных планов.

Ключевые слова: прогнозирование, ситуационный менеджмент, проблемные ситуации, альтернативные планы.

Прогнозирование, как известно, является одной из функций управления, которая позволяет предвидеть возможность появления неблагоприятных производственных ситуаций [1]. Управление по ситуациям случается практически в любой организации, когда чрезвычайные (форс-мажорные) обстоятельства – внешние или внутренние вынуждают руководство принимать экстренные решения. Кризисы возникают, поскольку кризис – это поворотная точка или период опасности и неопределенности, а в наш стремительный век поворотные точки и опасные моменты всегда присутствуют.

Управление в кризисной ситуации можно определить как процесс работы под давлением обстоятельств таким способом, который позволит руководителям анализировать, планировать, организовывать, направлять и контролировать ряд взаимосвязанных операций при принятии быстрых и рациональных решений по неотложной проблеме, стоящей перед фирмой.

Поэтому основной задачей ситуационного менеджмента является обеспечение хороших результатов – запланированных или случайных с помощью здоровой организации, которая достигается путем использования окружения на основе хорошо поставленного управления людьми и коммуникациями.

Реализация данной задачи заключается в нахождении надлежащего баланса между требованиями, выдвигаемыми ситуацией, и личными качествами руководителя с учетом зрелости (компетентности, опыта) и готовности коллектива к сотрудничеству.

Концепция решения задач ситуационного менеджмента состоит в следующем: каждому типу конкретной ситуации, возникающей в организации, должны соответствовать своя технология управления с ее информационным обеспечением, свои специфические формы взаимодействия элементов организации, свои критерии и методы принятия решений, а также свои объекты реализации управленческих воздействий.

Основной особенностью проблемной ситуации является то, что она заключает в себе опасность, угрозу разрушения производственной системы. Поэтому успех или неудача ситуационного менеджмента определяются степенью готовности руководителя фирмы к потенциальным угрозам и кризисным их проявлениям, наличием резервов, степенью дублирования, уровнем компетенции и опыта лидеров, качеством профилактических мероприятий, эффективностью применяемых методов управления и качеством реализаций функций менеджмента.

Прогнозирование как функция менеджмента должно обеспечивать возможность предвидения и развития проблемных ситуаций.

С одной стороны, прогнозирование позволяет предусмотреть возможность появления проблемных ситуаций и принять превентивные меры, а с другой, при появлении нежелательных событий, идентифицировать их и выявить степень и глубину развития кризиса с целью выработки решения по его ликвидации.

Описание возможных методов и методик, применяемых в прогнозировании, не является целью настоящей работы. Это отдельный вопрос. Здесь необходимо отметить лишь то обстоятельство, что на различных этапах и уровнях управления они могут быть самыми разными. Причем, чем ближе и определенной ситуация, тем точнее и быстрее желателен результат.

Особенностью прогнозирования в ситуационном менеджменте является то обстоятельство, что, в отличие от других случаев, здесь прогнозирование носит практически постоянный характер (рис. 1).

На стадии стратегического, инновационного и тактического (производственного) планирования функция прогнозирования обычно предшествует планированию и может иногда следовать за ним (при необходимости), а при появлении проблемной ситуации возникает потребность спрогнозировать ход ее развития (глубину и продолжительность), выполнить прогноз затрат и результатов, то есть выявить целесообразность и направленность мер по ликвидации создавшейся угрозы безопасности существованию фирмы. И, наконец, при принятии решения по выходу из возникшей ситуации является весьма важным спрогнозировать те последствия (экономического, политического, экологического характера), которые ожидают фирму после выхода ее из кризиса.

Таким образом, функция прогнозирования в ситуационном менеджменте занимает одно из ведущих мест и ее выполнение должно осуществляться высококвалифицированными специалистами различного профиля – системными аналитиками, экономистами, менеджерами и т.п.

Учитывая иерархическую природу возникновения и развития ситуаций, в целях адекватного отображения функционирования производственной организации необходимо формирование набора иерархически связанных моделей управленческих ситуаций. При формировании системы моделей можно использовать три вида стратегий.

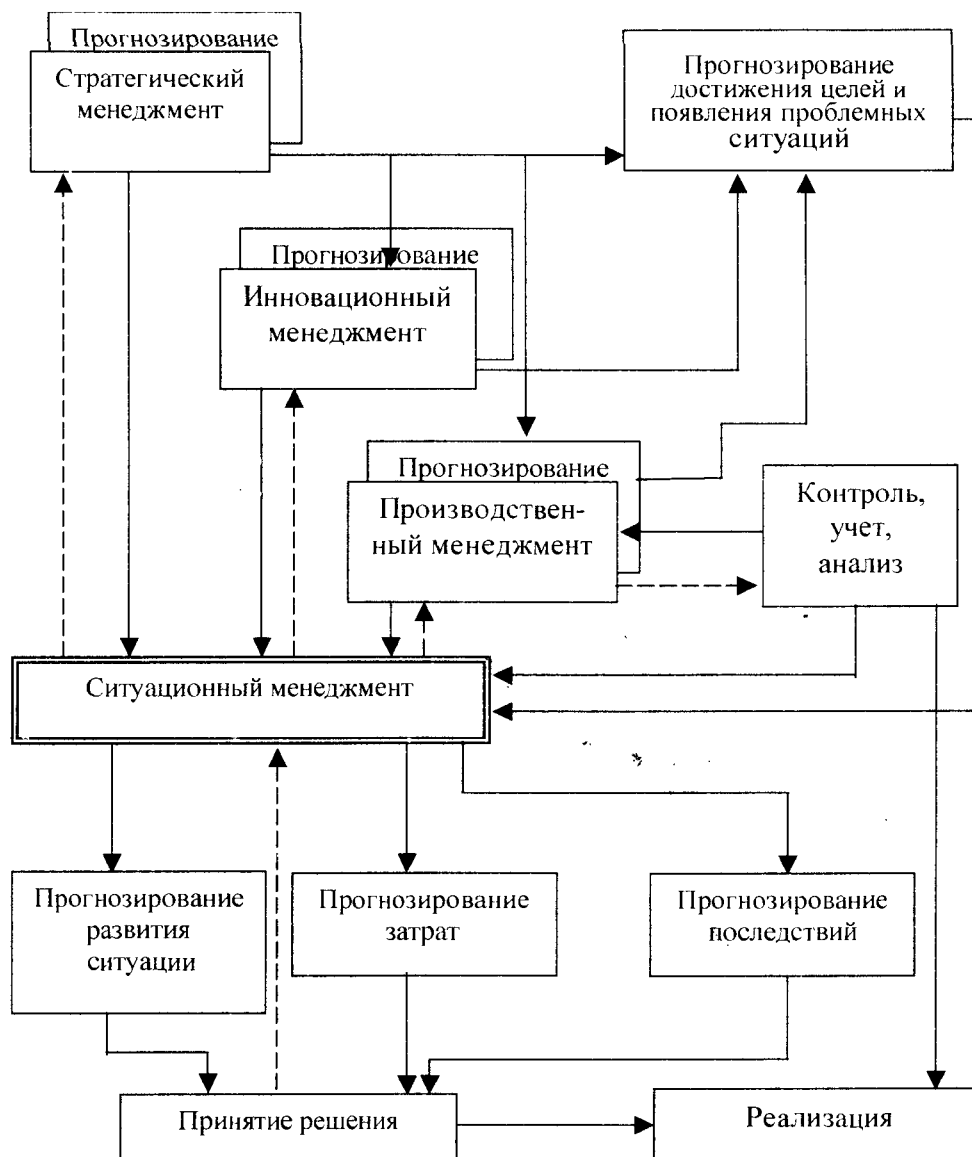

Рис. 1. Этапы и место прогнозирования в ситуационном менеджменте

Стратегия «снизу вверх» предполагает моделирование процессов возникновения ситуаций, начиная с нижнего уровня производственной технологии, т.е. разработку моделей простейших отдельных технологических процессов с последующей их увязкой и переходом к моделированию более высоких уровней производственной иерархии. Стратегия «сверху вниз» требует, прежде всего, формирования моделей ситуаций высшего уровня управления, а лишь затем их разукрупнения и детализации до уровня отдельных технологических процессов. Третья стратегия формирования моделей предполагает одновременное создание

комплекса моделей как сверху, так и снизу. Она требует особого внимания понятийному единству и совместности моделей всех уровней иерархии.

В то же время, следует отметить, что характер функционирования социально – экономических систем коренным образом отличается от функционирования технических систем. Это отличие состоит, прежде всего, в способности социально – экономических систем самостоятельно формировать цель. В силу этого, причинно-следственные связи возникновения и развития управленческих (включая технологические и иные) ситуаций здесь существенно другие [2]. Дело в том, что производственные организации – открытые, развивающиеся системы, эффективность функционирования которых тесно связана с возможностью адаптации к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды. Эта позиция должна обеспечиваться возможностью проектирования динамических структур и процессов управления.

Успех менеджмента проблемных ситуаций определяется степенью готовности фирмы к потенциальным угрозам и кризисам их проявления, наличием резервов, уровнем подготовки менеджеров и степенью профилактических мероприятий, эффективностью применяемых методов управления.

Затраты времени и средств на заблаговременное создание резервных систем управления, подготовку антикризисных мероприятий, создание необходимых резервов становятся часто более выгодным, чем малоэффективные поспешные действия менеджеров по преодолению кризиса на основе предыдущего опыта, интуиции и энтузиазма.

В соответствии с изложенным подсистема ситуационного менеджмента должна включать:

- Постоянный мониторинг за внешней и внутренней обстановкой. Причем внешние угрозы со стороны государства, конкурентов, преступных элементов являются наиболее опасными и могут привести к полному разрушению предприятий, фирм, организаций. Этот фактор должен быть приоритетным в оценке внешней обстановки.

- Разработку мер по снижению внешней уязвимости фирмы. Сюда можно отнести создание дублирующих организационных форм управления. Заблаговременное создание дублирующих организационных форм управления позволяет предприятию оперативно перебросить свободные финансовые средства и перевести туда работающих.

- Повышение гибкости внутри фирмы. Например, структурной, за счет обеспечения внутри предприятия дивизиональной структуры по опыту США, дочерних предприятий, а также малых предприятий путем выделения их из крупных.

- Разработку подготовительных планов при возникновении проблемных ситуаций и проблем, осуществлении предварительных мер по их обеспечению. К таким мерам, прежде всего, следует отнести создание страховых фондов, стратегических резервов финансовых и технических средств, комплектование группы ситуационного управления из лучших менеджеров, в случае необходимости разрешения проблемных ситуаций.

- Внедрение планов практических мероприятий при возникновении кризисной ситуации. В этих условиях менеджер должен обладать:

- умением оперативно налаживать работу отдельных групп и специалистов для выполнения поставленных задач;
- принимать рискованные и нестандартные решения в случае отклонения развития ситуаций от допустимого хода событий;
- координировать действия всех участников и постоянно контролировать ход выполнения мероприятий и их результатов [3].

Необходимость создания подсистемы менеджмента для каждой конкретной организации может быть обоснована с помощью специальной матрицы (рис. 2).

Как видно из рисунка, по горизонтали рассматривается состояние стабильности внешней среды, точнее, ее крайние состояния – стабильное и нестабильное, а по вертикали состояние внутренней среды, в зависимости от сочетания которых становится очевидным применение ситуационной подсистемы менеджмента (квадранты №3, №4), а, значит, и разработки соответствующих адаптивных планов.

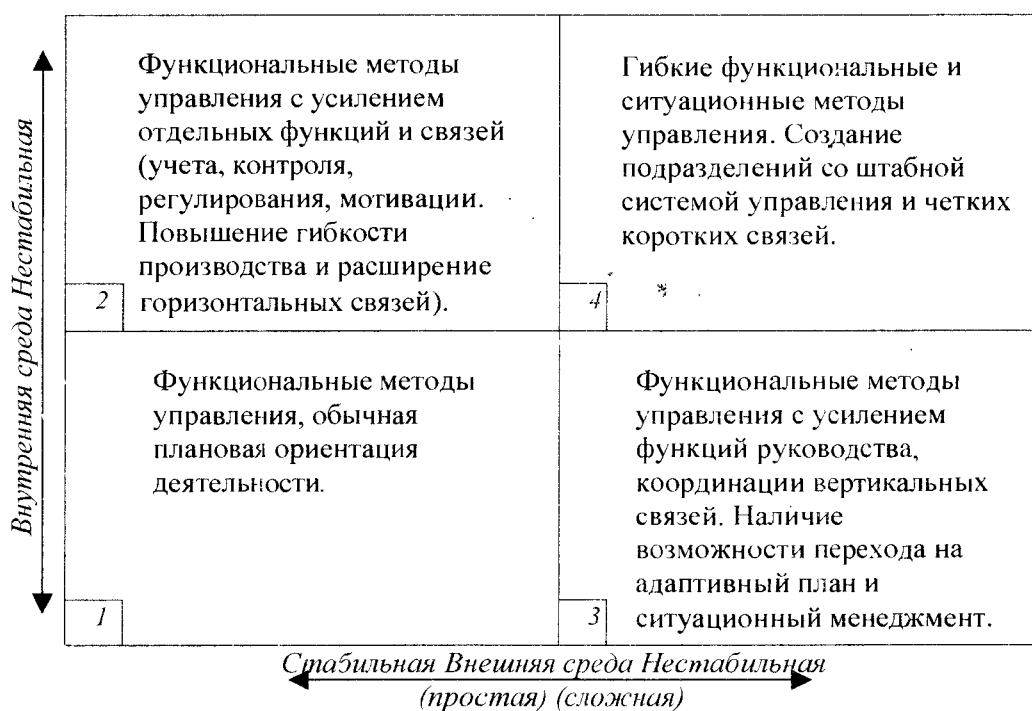

Рис. 2. Матрица – определитель формы управления

Здесь, видимо, будет уместным сделать некоторые уточнения, касающиеся понятий «Ситуационного менеджмента», «Антикризисного управления», «Адаптивных» и «Антикризисных планов». Как сказано в известном изречении: «Прежде чем о чем-то спорить, давайте договоримся о терминах».

Очевидно, что нет особой необходимости глубоко рассматривать данную проблему, а следует ограничиться лишь основными понятиями.

Прежде всего отметим, что функциональные методы управления базируются на обычных планах деятельности предприятия.

Ситуационные методы управления опираются на адаптивные планы, учитывающие возможность появления проблемных ситуаций, предвидение их, меры по их предотвращению и управлению производством при появлении кризисных и чрезвычайных обстоятельств.

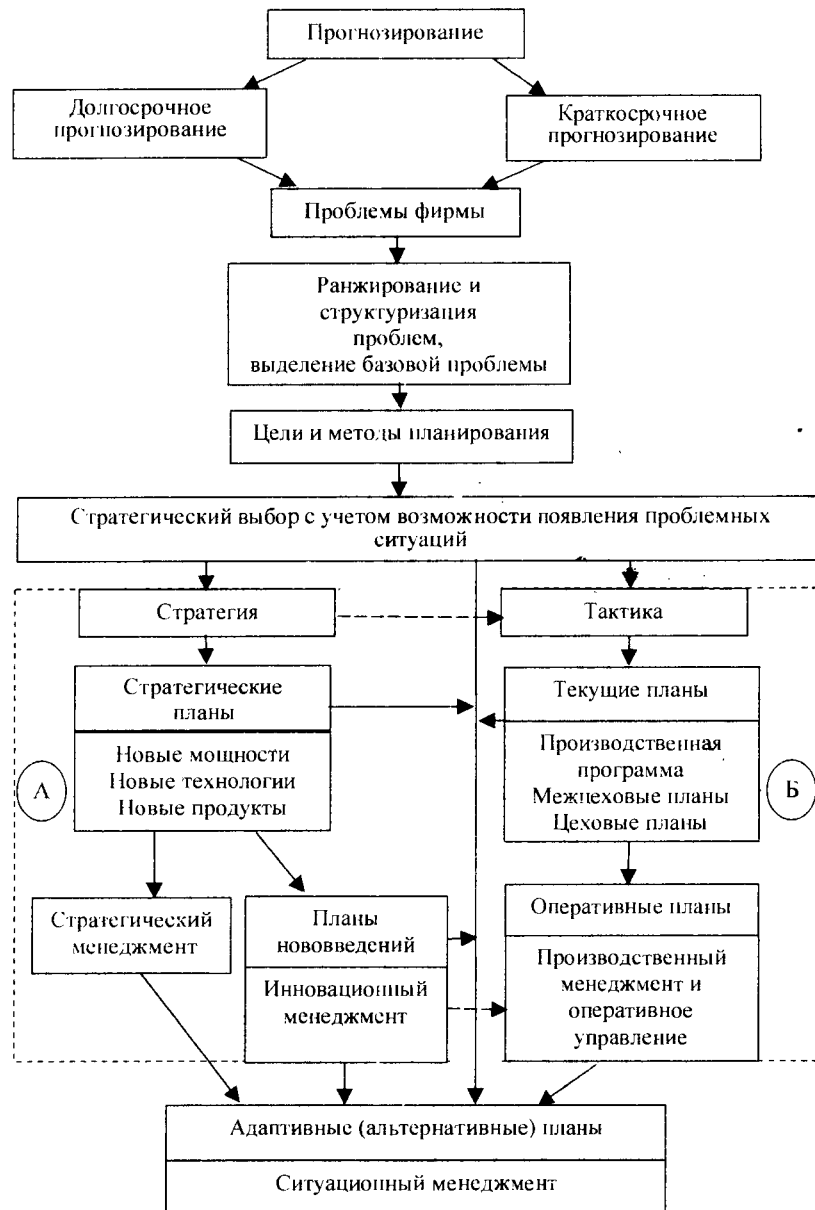

Рис. 3. Адаптивный (альтернативный) план в системе планирования фирмы
А – долгосрочное инвестирование; Б – краткосрочное инвестирование.

Антикризисные планы и антикризисное управление по ним производится непосредственно при появлении кризисных или чрезвычайных обстоятельств. Иначе говоря, последнее осуществляется в период начала, развертывания, наступления проблемных ситуаций и связано с их ликвидацией или переходом в новое состояние. Однако, при этом адаптивные планы (рис. 3) разрабатываются в обязательном порядке, возможные ситуации негативного свойства обязательно прогнозируются, а последствия – анализируются.

Таким образом, составление адаптивных планов становится целесообразным и необходимым действием, находящимся в компетенции руководителя.

Адаптивные планы (их еще иногда называют альтернативными [4]) должны отражать спрогнозированные варианты развития событий в качественном и количественном выражении и представляют собой альтернативы действий (системных методов) по достижению поставленных целей.

Особенностью адаптивных планов работы фирмы является то обстоятельство, что они должны в своем составе содержать следующие варианты развития ситуаций:

- варианты, когда можно войти в запланированный график путем эффективных действий управляющего за счет определенного роста издержек;
- вариант плана, на основе которого антикризисное управление приводит к приемлемым положительным результатам;
- вариант принятия альтернативы, отличающийся от основной и направленной на достижение новой цели, удовлетворяющие фирму при наступлении тех или иных кризисных ситуаций.

Как видно из приведенной схемы (рис. 3), проблемные ситуации, в принципе, могут возникнуть на любом уровне управления, любом этапе разработки планов и при инвестировании.

Процесс разработки адаптивных планов содержит следующие этапы:

- анализ деятельности фирмы и внешней среды организации;
- выявление проблем фирмы на основе анализа работы предприятия за отчетный период;
- выделение главной проблемы и постановки целей;
- прогнозирование (кратко- и долгосрочное);
- выбор методов и возможных альтернатив достижения целей предприятия;
- определение возможных ТЭП для каждого варианта действий (2-3^х наиболее вероятных);
- определение возможных затрат (издержек) на разработку того или иного плана (варианта);
- разработка альтернативных (адаптивных) планов и их обеспечение;
- ситуационный менеджмент на базе составленных вариантов адаптивных планов и путей их реализации.

Кроме изложенного, необходимо иметь в виду возможность и вероятность составления и реализации одноразовых планов, составляемых в период жизни проблемной ситуации.

В адаптивных планах должно уделяться серьезное внимание социально-психологическим факторам, вопросам мотивации, информационному обеспечению и системе ее прохождения (коммуникациям). Только комплексное решение поставленных задач позволит предприятиям эффективно функционировать в условиях стратегических и тактических неожиданностей.

Список литературы

1. Василенко В. А. О некоторых замечаниях к изучению и преподаванию управленческих дисциплин. // Ученые записки СГУ, № 10, т. 3, экономика, 1999.
2. Екатеринославский Ю.Ю. Управленческие ситуации: анализ и решения. – М.: Экономика, 1988.
3. Шершньова З.Е., Оборська С.В. Стратегія управління. Навч. посібник. К., 1998.
4. Шекин Г.В. Практическая психология менеджмента. Научно-практическое пособие. К., Видавництво «Україна», 1994.

Summary

The article is devoted to the problem questions of situational management. The article contains main aspects and peculiarities, and also place, role and kinds of prognostication at different stages of production during the development of problem (crisis) situation. The basis of organization and economic necessity and periods of transition to the situational management on the basis of alternative plans are given.

Key words: prognostication, situational management, problem situations, alternative plans.

УДК 929 Полонский + 882.09 (092)

**ОТ БЕЗЫСКУСНОСТИ – К МАСКЕ:
Я.П.ПОЛОНСКИЙ В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ**

Баранская Е.М.

На материале переписки Я.П.Полонского с Н.М.Орловым 1840 гг., выдержанной в духе эпистолярных традиций "дружеского письма" пушкинского периода, воспоминаний поэта и ранее неопубликованных дневниковых записей, а также воспоминаний и эпистолярного наследия современников (Е.И.Пальмер, А.А.Фета, Е.А.Штакеншнейдер) исследуется процесс становления "литературной роли" Я.П.Полонского – путем мифологизации его "житейского образа".

Ключевые слова: безыскусность, маска, Полонский, жизнетворчество.

В начале XIX в. идея романтического жизнетворчества включалась в поэтические традиции и во многом определяла не только художественно-эстетическую систему, но и диктовала поведенческие законы. Я.П.Полонский, вступив в большую литературу в начале 1840-х гг., не выходит за рамки пушкинского видения мира периода романтизма, согласно которому, мир искусства преобразован в единственно возможную для художника идеальную реальность поэтической искренности. Полонский-поэт, абстрагируясь от объективной реальности, погружается в поэтическую фантазию, окрашенную "туманным, мечтательным" "колоритом вдохновений" [6, с.128]: "Солнце и месяц"; 1841, "Зимний путь", 1844. Главной темой его отвлеченного лиризма становится собственный романтически бездеятельный внутренний мир ("Священный благовест торжественно звучит...", 1840; "К демону", "Дорога", "На могиле", 1842; "К NN", 1843; "Узник", "Кумир", "Лунный свет", 1844; "Гени", "Маяк", "Утро", 1845; "Нищий", 1846, и др.). Поэт – пока еще воплощенная мечта, он "тот, кто в благости своей / Законы дал звездам алмазным, / Свободу дал душе твоей" ("Внутренний голос", 1847) [1, т.1, с.59]; его обитель – совершенный мир природы ("Вечер", "Тишь", 1843; "Посмотри – какая мгла...", 1844; "Не мои ли страсти...", 1850), его греза и идеал – вселенская Гармония, возрожденная в Любви: легкой и игриво-фривольной ("Маска", 1842, "Когда я люблю..."), нежной и страстной ("Пришли и стали тени ночи...", 1842; "Диамея", "Вызов", 1844), безответной и святой в своем страдании ("К NN", 1843; "Встреча", 1844; "Прощай", "Последний разговор", 1845; "Грузинка", 1846; "Не жди", 1849). Поэтическая греза мифологизирует биографическую личность Полонского, формируя в его личной жизни устойчивые штампы условного романтико-поэтического поведения. Подобная мифологизация "житейского образа" поэта не ограничивается читательской аудиторией, но распространяется и на межличностные взаимоотношения.

Ритуализованность поведенческих принципов Я.Полонского наибольшую прозрачность приобретает в дружеских симпатиях студенческого периода 1840-х – к И.Уманцу, Н.М. Орлову, приятелю детства М.Кублицкому, Н.А.Ровинскому,

близкому кружку Н.В.Станкевича; литераторам А.А.Григорьеву, А.А.Фету, И.С.Тургеневу, К.Д.Кавелину; известным в будущем общественно-политическим деятелям кн. В.А.Черкасскому, С.М.Соловьеву. Трепетное отношение к дружбе зачастую подвигает молодого поэта на курьезные и небезопасные "подвиги": "Недаром же увез он из Одессы в Москву невесту для своего друга Уманца, с немалым риском ответственности для самого себя" [12, с.123], – записывает в дневнике Е.А.Штакеншнейдер. А чего стоит выстрел в портрет наместника на Кавказе М.С.Воронцова в качестве услуги художнику Ф.И.Байкову? Автору не удался портрет Воронцова – он предложил Полонскому выстрелить в полотно. Тот выстрелил... Даже в 1890-х "было трогательно видеть, как... два милые старика [А.Н.Майков и Я.П.Полонский – Б.Е.], – вспоминает Е.И.Пальмер, – сидели иногда рука в руку или, обняв один другого, напечатлевали на лбу поцелуй. – Это было так естественно, так душевно, что радовало сердце" [10, с.18]. Однако не слишком ли театральный жест?

В разрешении вопроса о "дружеских привязанностях" помогает эпистолярное наследие Полонского, в частности, его письма к Н.М.Орлову 1840-х гг. Они носят характер "дружеской переписки" со всеми надлежащими ей атрибутами: приветственные штампы ("Любезный друг Николай!", 6 сент. 1842), прощальные фразы автора ("Твой искренний друг Я.Полонский", 4 июля 1844), нагнетание атмосферы интимности – введение в сердечные дела адресата и автора; исповедь сердца, дружеские советы. Эпистолярный "сюжет" пестрит обильными изъявлениями дружеского участия, тоской по былому студенческому содружеству...

Чрезмерная акцентуация на дружеских узах, связывающих автора с адресатом его писем, вкрапление стихов, наличие литературных отзывов, тематическое разнообразие – свидетельствуют о дани, отданной Я.П.Полонским эпистолярной традиции пушкинского периода, когда частное письмо воспринималось как явление литературы, носило следы художественной обработки. Личностное (биографическое) начало в "дружеской переписке" начала XIX в. подменяется установкой на литературную "позу" автора (Л.А.Орехова). Полонский слишком увлечен "задачами искусства", разнообразием встреч, знакомств, заботится о "предъявлении себя" в литературных салонах московского общества. К тому же он был "рассеян", не похож на других людей. "Я так же странен, как и ты, – пишет Я.Полонский Н.Орлову 4 мая 1844 г., – только готов и самому себе в этом признаваться, и другим..." [2, с.64]. А стало быть, устраняя из своей биографической жизни все внелитературное, одевает поэтическую маску, одним из ликов которой является поклонение узам любви и дружбы.

Однако недостаточная искусственность в литературной игре мешает последовательному ее воплощению в письмах, позволяя иногда прорыв искренних чувств. А впрочем, как знать – не часть ли это игры, не преднамеренное ли отграничение своего биографического "я" от литературного? В феврале 1843 г. Полонский пишет Н.Орлову, находящемуся в то время на военной службе: "Ты пишешь, что твои товарищи народ добрый, но грубый... На твоём месте я бы стал перед ними казаться таким же грубым – в товариществе все должно быть уравнено – и от этого никто не будет хуже – ни ты, ни они" [2, с.51]. Не является ли это

высказывание с точностью до наоборот копией пушкинского совета брату: "Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит" [8, с.631]? Правда, в обоих случаях суждения эти не являются абсолютной истиной, но становятся способом сохранить свое личное достоинство, место в обществе, причем – с известной долей пушкинской иронии. Так что же? Литературная мимикрия – как способ быть вполне хорошим для всех, не потеряв при этом своего истинного лица? Не случайно в 1859 г. отношения Полонского с хозяйкой литературного салона, его доброй знакомой М.Ф.Штакеншнейдер, приобретшие на тот период более личностную окраску, необычайно обостряются. Образ поэта, идеалиста-романтика, милого, рассеянного, наивного до детства чудака, дает трещину: "Она слишком мелочна и самолюбива. – Я слишком откровенен и слишком люблю независимость. Из десяти слов, мною сказанных, непременно найдется для нее одно, которое Бог знает почему и отчего ее обидит... Нет, тяжела женская дружба. Для дружбы женщина не создана " [4, с.84-85]. Что ж, мужская дружба прочней? Видимо, так, .. если все же позаботиться о ней и не снимать маски преждевременно. "Наше близкое сожительство, – пишет летом 1890 г. Я. Полонский Фету, – хоть мы и казали друг другу не только наше лицо, но и нашу подкладку, – нисколько не уменьшило нашего взаимного дружеского расположения, скорей, напротив – упростило и упрочило наши отношения" [9, с.88]. Поэтические строки подтвердили послание:

Полонский здесь не без привета

Был встречен Фетом, и пока

Старик гостил у *старика*,

Поэт благословлял *поэта* [курсив мой – Б. Е.].

("Полонский здесь не без привета...") [1, т.1, с.258].

В 1840-е гг. "невольная" откровенность Полонского в его письмах к Н.Отлову грозит разрывом дружеских отношений: "Неужели наши глупые споры о том, о сем, о третьем – о Боге, о природе и о народе ты принимал за философию! – Это было больше ничего как необходимое в наши лета пересыпание из пустого в порожнее" [2, с.59]. Да и была ли дружба? Быть может, всего лишь игра в нее? "Судьба, которая рано познакомила меня с нуждой, – вспоминает Полонский, – одарила меня другим благом – друзьями, о которых умолчать было бы великою неблагодарностью к их памяти" [1, т.2, с.428]. Однако в числе "преданных друзей, до самого гроба сохранивших... привязанность" к поэту, не названо имя Николая Орлова – "доброго малого", как пишет Полонский, "но часто бестактного, который невольно иногда оскорблял меня, да и самому себе вредил своей бестактностью" [1, т.2, с.428]. Их душевная симпатия – единое связующее звено – не находит достаточной поддержки – терпит фиаско.

Впрочем, Полонский играет не только в дружбу. Его любовь в духе условной романтико-поэтической традиции – тоже игра в чистом виде. Вспомним хотя бы влюбленность в Полонскую, однофамилицу поэта: "Ее давно нет в моем сердце – она не стояла любви моей. – К тому же... я готов сознаваться, что моя любовь была ничто иное как неугомонный бред воображения, без всякого участия сердца, – открывается Полонский Орлову 4 июля 1844 г. – Мне сладко было тревожиться – я был ребенок" [2, с.64]. Наконец, еще одна игра-защита в социально благополучного

члена общества, о чем Полонский открыто сознается тому же Орлову: "Я учусь в университете... Забудыгой эдаким пробираюсь в университете сквозь толпу незнакомых мне студентов-товарищей... – спорю и вру всякий вздор... – не позволяя себе ни малейшей откровенности... – Целая бездна страсти. – Меня называют *скрытым* [Это Полонского-то! – Б. Е.]. – Я очень рад, что меня не понимают. – Вечером я переменяю роль: одеваюсь во фрак, надеваю желтые перчатки – шарф – и о студенческой фуражке помину нет. – Со мной встречаются Суб-Инспектора... – Никто из них и не предполагает, что я *студент*... Я очень рад – и оставляю их в этом приятном для меня заблуждении..." [2, с.59]. Думается, дань литературной традиции эпохи романтизма – всего лишь одна причина этого явления. Иная, более личная, скрытая – гордость, ранимое самолюбие: "Да, я ужасно горд! – что же делать! – Если бы некоторые из друзей моих имели побольше гордости, они не попадали бы впросак, – неприятный для самолюбия!" [2, с.67]. Социальная роль гувернера – человека с "клеймом безденежья" – унижает личностное "я" Полонского в его собственных глазах. В свете он желает статуса Поэта, узаконенного талантом, известностью, поддерживаемого раз и навсегда надетой маской. "Я хоть и не светский человек – хоть и понимаю всю мишурность света, однако не дойду до такой крайности, чтоб пожелать, чтоб мною гнушались" [2, с.55], – дает Полонский резкую отповедь Орлову на его очередную бестактность. В 1850-е гг. Полонский, "обманутый вниманием одной светской дамы", не был принят после обеда, поскольку она принимала "иных" гостей. "Этот ответ, сообщенный мне через лакея, так поразил меня, что у меня подкосились ноги, когда я спустился с лестницы. Я не помню, чтоб кто-нибудь, когда-нибудь так жестоко оскорбил меня" [3, с.121], – вновь переживает Полонский.

"Гувернер – и аристократы!" – социальная несовместимость статусов порождает несовместимость этическую: признание за поэтом дара высокого Искусства – и "мелкие" заботы Полонского о хлебе насущном. Ох уж этот "золотой Идол"! "Как не кланяться" ему, когда он "мог бы перенести меня теперь в ... климат, который бы исцелил меня, – сетует Полонский в 1859 г., в период обострения болезни ноги. – Лезут невольные такие мысли в голову, что я не записываю их. Они – мне самому противные кощунства", что заставляют "не раз мысленно роптать" "и на судьбу, и на Бога..." [4, с.81, 80]. Сколь часто Полонский вынужден будет смирять свою гордыню перед могуществом "золотого идола", отдавая ему драгоценные минуты, часы, по праву принадлежащие Поэзии. Не случайно Е.И.Пальмер (русской американке, приехавшей в середине 1870-х навестить отца и хлопотать об открытии в Петербурге отдела международной Женской лиги) казалась "несообразной" сама "мысль представить себе Полонского-поэта в... мундире цензора". На что Полонский с горечью отвечал: "Без службы у нас обходятся такие обеспеченные писатели, как Тургенев да Толстой" [10, с.2-4]. Поясним: с 1863 г. Я.П.Полонский занимает должность младшего цензора в комитете иностранной цензуры.

Желание обеспеченности, материальной независимости пересекается с иной слабостью – "славолюбием". В 1879 г. даже А.А.Фет, равнодушный к поэтическому дарованию Полонского, в письме к Н.Н.Страхову приводит цитату из новой

книжечки афоризмов: "Художники в угоду рутинной толпе, хвастающие страстью к Италии, в душе рассчитывают на лишний скудо (skudo). Этот расчет губит таланты. Рано или поздно толпа... отвернется от низкопоклонника, и последний скудо уйдет. Можно и Полонского признать человека умным, но с прибавлением скудо". "Впрочем, – добавляет Фет, – такое суждение о его разумности не вредит в моих глазах поэту, художнику, а... еще может быть в пользу" [7, с.95].

По прошествии некоторого времени после смерти Полонского литературные критики (Ю.Айхенвальд, Б.Садовской) с сожалением отметят склонность поэта идти на поводу у публики, которая с середины 1850-х, "исполненная благородного сочувствия ко всему родному", "устроила моду на поэзию и литераторов", обрядив последних в губительные для искусства "светские маски". "Нельзя в одно время служить трем господам, то есть самому себе, свету и поэзии!" [11, с.98-99], – констатирует на страницах "Современника" в марте 1854 г. "иногородний подписчик". Но наш поэт все же пытается примирить этих "господ", вновь прибегая к продуманной литературной позе. На этот раз Полонский выступает в "непритязательной" форме "поэта в халате". В результате Ю.Айхенвальду он таким и представляется: "Уж про Полонского никак нельзя сказать, что он творил торжественно и облачался для этого в какие-нибудь священнические одежды; он совсем не жрец. Напротив, на его стихотворениях лежит печать домашности, какого-то художественного неглиже, в котором он признает своих читателей" [5, с.74]. Таковым же Я.П.Полонский выступает в 1880-90-х гг. – в роли хозяина литературного салона: "уже довольно слабый и почти не расстававшийся с костылями", высокий, благородного вида старик, чье лицо "становилось загадочным и вдохновенным" при звуках музыки; в его взоре светились "наслаждение и гордость" за друга – А.Н.Майкова [10]. А снисходительно-покровительственное одобрение юных талантов напоминает театрализованную постановку, чему свидетельством, например, история стихотворения "Дайте нам стих в совершенстве лирический..." (1877), написанного в назидание начинающему литератору И.Щеглову. "Не скажу,.. чтобы стихи ваши были безусловно плохи,.. но все это не то, не то, что нужно для поэта, – размышляет Полонский в присутствии молодого автора стихов. – В ожидании вас и под впечатлением вашего сборника, я набросал вот эти стихи, которые прошу принять от меня как напутствие... Тут приблизительно обозначено, что собственно нужно для современного поэта!.." [13].

На "бенефисе" жизни долгожданная роль "нашего маститого поэта" исполнена Полонским блистательно. Пророческие "слова... печали" "ангела" детства ("Ангел", 1840-е) отзвучали и остались в прошлом. Реальность и боль – не конкуренты пусть мнимому, искусственному, но благополучию игры: друг – равный среди равных; поэт, признанный светом и по своей изначальной сути возвышающийся над ним; человек-искусство – "старейший представитель русской поэзии".

Теперь пускай душа сгорает
В огне страстей;
Но не услышит, не узнает
Никто об ней...

("Перемена", 1842) [2, с.50].

Список литературы

1. Полонский Я. П. Сочинения: В 2-х т. – М., 1986.
2. Полонский Я. П. Письма к Н. М. Орлову // Новые проиллюстрированные. – М. -Пг., 1923. – Т. 1. – С. 40-72.
3. Полонский Я. П. в Баден-Бадене в 1857 г. (Неизданные письма поэта и воспоминания) // Голос минувшего. – 1919. – N 1-4. – С. 119-130.
4. Полонский Я. П. Дневниковые записи. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7.
5. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – Вып. 2. – М., 1909. – С. 74-87.
6. Григорьев А. А. Эстетика и критика. – М., 1980.
7. Из переписки. Письма графа Л. Толстого, А. Фета и Н. Стрехова // Русское обозрение. – М., 1901. – Вып. 1. – С. 70-103.
8. Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб., 1995.
9. Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. – М. -Пг., 1917. – N 5-6. – С. 82-127.
10. Пальмер Е. И. Воспоминания о Я. П. Полонском. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 1, ед. хр. 5.
11. Современные заметки. Письма "иногороднего подписчика" о русской журналистике. Б. п. // Современник. – СПб., 1854. – Т. 44. – С. 96-108.
12. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854-1886). – М.- Л., 1934.
13. Языков Д. Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. – РГАЛИ. – Ф. 637, оп. 1, ед. хр. 19, ч. 1. – N 64.

Анотація

Баранська О.М. Від невішуканості – до маски: Я.П.Полонський у життєтворчості

На матеріалі листування Я.П.Полонського з М.М.Орловим 1840 рр., витриманої в душі епістолярних традицій "дружнього листа" пушкінського періоду, спогадів поета і раніше неопублікованих щоденникових записів, а також спогадів та епістолярної спадщини сучасників (К.І.Пальмер, А.А.Фета, О.А.Штакеншнейдер) досліджується процес становлення "літературної ролі" Я.П.Полонського шляхом міфологізації його "життєвого образу".

Ключові слова: невішуканість, маска, Полонський, життєтворчість.

Summary

Baranskaya E.M. From Naturalness – to Mask: Y.P.Polonskiy in Made-up Life

This article deals with the forming Y.Polonsky's literary role and the process of mythologisation of his "everyday image". The study is based on unpublished diary remarks, Y. Polonsky and N.Orlov 1840-s correspondence, written in the widely spread in the Pushkin period "friendly letter" style, Polonsky himself and his contemporaries' s (K.Palmer, A.Fet, H.Shtakensneider) remembrances and letters.

Keywords: Naturalness, Mask, Polonskiy, Made-up Life

УДК 81'367.326

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ КРЫМА

Богданович Г. Ю.

Характеризуется лингвокультурная ситуация и коммуникативная ценность языков, их лингвистическая компетентность и статус.

Ключевые слова: лингвокультурология, полилингвизм, коммуникативная ценность, лингвистическая компетенция, билингвы, носители языка.

Одной из совершенно новых областей научной лингвистики считается лингвокультурология, формирующаяся на стыке лингвистики, культурологии и социологии. В связи с этим можно выделить несколько лингвокультурологических единиц: 1. Объект лингвострановедения – безэквивалентная лексика и лакуны (обозначение специфических для данной культуры явлений: *матрешка, гармошка, бить челом*). 2. Мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке. 3. Паремиологический фонд языка (под которым понимаются аргументированные, иллюстративные единицы речи, в зависимости от ситуации воспринимающиеся по-разному: например, поговорка *-Старость не радость-* может быть упреком, утешением, нравоучением, советом, угрозой и т.д.) 4. Эталоны, стереотипы, символы, ритуалы. 5. Образы. 6. Стилистический уклад языков. 7. Речевое поведение. 8. Взаимодействие религии и языка. 9. Речевого этикета и т.д. [1].

Основной категорией лингвокультурологии, по мнению В.М.Шаклеина, признается лингвокультурная ситуация, под которой ученый понимает совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования и в рамках определенного временного среза [4]. Поэтому основными компонентами лингвокультурной ситуации, видимо, следует считать различные социальные феномены: языковую ситуацию, языковую политику, науку, культуру, образование, межэтнические отношения, социально-политические условия и др.

Известно, что языковая ситуация характеризуется с учетом количественного, качественного и оценочного показателей. В количественном отношении языковую ситуацию в Крыму следует считать многокомпонентной, так как функционируют языки украинский, крымскотатарский, русский, болгарский, армянский, греческий, белорусский и др. Доминирующими языками признаются русский, украинский, крымскотатарский. При этом следует иметь в виду, что число носителей и число говорящих на языке явно не соотносится с национальной принадлежностью.

Коммуникативная ценность так называемых доминирующих языков также неравнозначна. Это обусловлено рядом экстралингвистических причин. Прежде всего тем, что традиционно русский язык являлся и является средством межнационального общения. Поэтому он выполняет различного рода социальные функции: используется в школе, на производстве, в семье, большая часть средств

массовой информации русифицирована. Все это происходит по той причине, что большинство населения Крыма привыкло говорить, получать информацию и мыслить на русском языке. Как известно, в Конституции Украины сказано, что государственным языком является украинский, который сейчас активно входит в сферу делового общения, образование, юриспруденцию, СМИ. Заметно растет престижность государственного языка.

По данным социологических исследований, сегодня в Крыму проживает около двух миллионов русский, свыше семисот тысяч украинцев, свыше двусотпяти тысяч крымских татар. Однако в силу сложившихся социально-политических причин можно обозначить так называемую сферу языковой компетенции. По свидетельству А.Эмировой, по этому признаку людей можно разделить на 4 группы: 1) симметричные билингвы, свободно владеющие родным и русским языками (сюда входит небольшая группа ученых, журналистов, преподавателей); 2) асимметричные билингвы, использующие родной язык только в семье, в остальных сферах жизни – русский (наиболее многочисленную группу составляют люди молодого и среднего возраста, дети); 3) асимметричные билингвы, пользующиеся русским языком лишь в обстановке бытового общения с представителями других национальностей, в остальных сферах – родным языком; 4) монолингвы, владеющие только русским языком (как правило, это дети и молодые люди, в том числе выросшие в смешанных семьях) [5].

Если в подобном аспекте характеризовать ситуацию с русским языком, то следует отметить, что значительную группу будут составлять монолингвы (как правило, это люди среднего и преклонного возраста, использующие русский язык во всех сферах жизни). Преобладающую часть асимметричных билингвов составляют люди, хорошо знающие и мыслящие на русском языке. Группу симметричных билингвов составляет, как правило, так называемая интеллектуальная элита. Таким образом, на территории Крыма правильнее было бы говорить о полилингвизме.

Свидетельствовать о том, что сегодня на территории Крыма спокойная языковая ситуация, конечно, не приходится. При этом смешении языков, стилей, функций, слов и их значений впору было бы говорить о чистоте языка общения, его нормах и специфике употребления. Речевая разнородность сопровождается практически всюду: в транспорте, в школе, на базаре, в СМИ. Люди перестают следить за своей речью, вводят в язык общения слова из другого знакомого языка, совсем не задумываясь о том, насколько это уместно. В результате получается “языковой суржик”. Двойственности подобной ситуации способствует и то, что статус русскоязычного населения (а то, что в Крыму проживает одна из самых больших в Украине русскоязычных диаспор, не вызывает сомнения) до сих пор не определен. Кто такие русские – национальное меньшинство? Тогда должны быть соответствующие права, связанные с развитием национальной культуры и национального языка на определенной территории компактного проживания. Вместе с тем исторически сложилось, что различные народы, населяющие Крымский полуостров, знают русский язык, поэтому он функционирует как язык межнационального общения. В Статье 6 Конституции Автономной Республики Крым 1992 г. статус трех доминирующих языков – русского, украинского,

крымскотатарского – был определен как государственный. Однако эта Статья не работала. С 1996 года после принятия новой Конституции Украины отношения между языками в Крыму регулируются Статьей 10, в которой отмечается, что “В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств”. 21 октября 1998 года утверждена новая Конституция Автономной Республики Крым, в которой декларируется статус русского языка как языка межнационального общения в Крыму параллельно с государственным языком. И следует согласиться с А.Эмировой, которая напоминает дефиниции понятий “государственный язык” и “официальный язык”, опираясь на исчерпывающие определения, выработанные экспертами ЮНЕСКО еще в 1953 году: “Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства” [2]. Исходя из приведенных дефиниций и желая оставаться в правовом поле Украины, следовало бы внести в текст положение об официальном статусе русского и крымскотатарского языков. Данное положение сняло бы ряд проблем, тем более, что в практике современного языкового строительства имеются прецеденты такого рода: русский язык имеет статус официального языка в Республике Саха (Якутия), в Кыргызстане; в Швейцарии языковая политика распорядилась таким образом, что на территории страны равноправно функционируют четыре национальных языка, являясь абсолютно жизнеспособными. При этом ни один язык не имеет преимуществ над другими, нет одного официального языка и других менее официальных [3]. По свидетельству авторов, Евпорецкий опыт доказывает, что государство может быть абсолютно жизнеспособным, не имея единственного официального языка. Различные национальные языки могут сосуществовать параллельно. Язык, подавляемый годами и потому ослабленный, может снова стать основным средством коммуникации в течение одного или двух поколений. Язык, выполняющий коммуникативную роль, не всегда может заменить использование родного языка.

Поэтому для русскоязычного населения Крыма очень важен статус родного языка, который позволит разрешить и другие культурологические проблемы, существующие сегодня в достаточном количестве на территории полуострова. И описание так называемой языковой картины мира (термин «языковая картина мира» следует воспринимать как метафору) на основе общественно-исторического опыта определенной национальной общности людей создает специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, своеобразного отношения к ним данного народа. И только через содержательную сторону языка можно увидеть картину мира данного этноса, которая является фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как дополняют друг друга.

Список литературы

1. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию.- М.: Наследие. 1997.–207 с.
2. Перознак В.П. Языковая реформа (1990-1995)//Вестник Российской АН. – М., 1996. – Т.66. - № 1. – с.3-7.
3. Флори Ф., Бессонова Л. Языковая политика Швейцарии. //Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. – К.: УНВЦ «Рідна мова». – 1999. – с.41–43.
4. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей русской словесности. – 1997. – 184 с.
5. Эмирова А.М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма.//Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. – К.: УНВЦ «Рідна мова». – 1999. – с.27.
6. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Анотація

Російська мова у лінгвокультурній ситуації Криму.

Характеризується лінгвомовнокультурна ситуація та комунікативна цінність мов, їх компетентність і статус.

Ключові слова: лінгвокультурологія, лінгвокультурна ситуація, полілінгвізм, комунікативна цінність, мовна компетентія, білінгві, носії мови.

Summary

Russian language in lingvocultural situation in Crimea.

Characterized Linguocultural situation and communicative value of languages, their linguistic competition and statute.

Key words: linguoculture, lingvocultural situation, polylingvism, communicative value, linguistic competition, bylingv, fuss over language.

УДК 882-4 Ш.Т.Д «19»

**ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РОМАНА М.А.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

Лавров В. В.

Статья посвящена анализу творчества М.А. Шолохова, его биографии и тех исторических реалий места и времени, которые вызвали роман к жизни.

Ключевые слова: автор, власть, плагиат, писатель.

«Тихий Дон» М.А.Шолохова – одна из вершин русской и мировой литературы XX века. В этой книге отражены основные драматичные моменты истории России и жизненные обстоятельства нескольких поколений. «Тихий Дон» – это своеобразная энциклопедия почти столетней жизни России: с двадцатых годов XIX века до начала двадцатых годов XX столетия. Эта великая книга отразила и самое крупное историческое событие века, определившее развитие истории столетия, – русскую революцию. В единстве – как это было в действительности, трагедийного и героического начал, выраженных через драматическую судьбу русского крестьянства – главное историческое своеобразие и сила романа.

Правда, в последнее время высшая ценность этого творения как бы подвергнута сомнению, и главную роль здесь играют споры об ее авторстве, чему посвящено множество статей и даже несколько книг. И, не разобравшись в сути дела, просто невозможно сегодня говорить о «Тихом Доне». Споры на эту тему начались сразу же после появления романа и подспудно продолжались все последующие годы.

Кампанию по «разоблачению» автора «Тихого Дона» можно условно разделить на три периода. Первый берет свое начало в 1929 году. К этому времени в журнале «Октябрь» были опубликованы первые две книги. И сразу же на молодого автора накинута троцкистская литературная критика, господствовавшая в то время. Во главе этой кампании стоял личный друг Л. Троцкого, «олигарх от литературы» И. Березовский, возглавлявший ассоциацию крестьянских поэтов и писателей. Именно он отдал приказ о начале борьбы с «немарксистским» писателем Шолоховым. Недоброжелатели усердно начали распространять слухи о том, что «Тихий Дон» – это плагиат.

Первую атаку клеветников отбила тогда газета «Правда», опубликовав 29 марта 1929 года «Письмо в редакцию», в котором Серафимович, Фадеев, Ставский и другие опровергли эту обывательскую клевету: «Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе человек, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей» [1].

Не успела утихнуть эта волна, как в ростовской газете «Большевицкая смена» появилась антишолоховская статья Николая Прокофьева (январь, 1930). На этот раз писателю предъявлялись политические обвинения.

Через полгода после публикации статьи Прокофьева в прессе вновь муссируются разговоры о плагиате. К тому же задержка с выходом третьей книги «Тихого Дона» в журнале «Октябрь» дала повод «друзьям» писателя пустить слух о «творческой немощи» Шолохова. Сам он жаловался А. Серафимовичу в письме: «Что мне делать, Александр? Мне крепко надоело быть вором. На меня и так много грязи вылили. А тут для всех клеветников – удачный момент: третью книгу моего «Тихого Дона» не печатают. Это даст им [клеветникам] повод говорить: «Вот, мол, писал, пока кормился Голоушенковым, а потом и иссяк родник...» Горячая у меня пора сейчас, кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня рука останавливается, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов» [2].

И не только из литературных. Не знал Михаил Александрович, что возненавидели его областные, краевые партийные власти, которым он встал поперек дороги со своим дорогим казачеством.

Третья книга «Тихого Дона» посвящена Вешенскому восстанию. Троцкистское крыло РАПА, читавшее рукопись, обвиняло Шолохова в том, что он приводя факты ущемления интересов казаков Верхнего Дона со стороны Советской власти, тем самым оправдывает Вешенское восстание.

Тон, заданный троцкистской частью РАППа, вполне объясним. Именно эти главы романа напрямую задевали их главных идеологов – Троцкого и Свердлова, – отдавших приказ «расказачивания». В ответ – Вешенское восстание казаков Верхнего Дона. Заметим, что в адрес писателя посыпались и прямые угрозы. Всесильный тогда Ягода заявил писателю: «А ведь ты, Миша, контрик. Твой «Тихий Дон» белым – ближе, чем нам!» [3].

В создавшейся обстановке у Шолохова оставался один только выход – обратиться напрямую к самой власти. Он пишет большое письмо Горькому, пользовавшемуся у властей большим авторитетом. Именно Горький пригласил Сталина к себе на дачу в июне 1931 года, где и произошла знаменитая встреча Сталина, Горького и Шолохова. Эта встреча достаточно подробно освещена в нашей литературе. Подчеркну лишь только одно: во время этой встречи решалась судьба третьей книги «Тихого Дона». «Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!» – сказал в конце беседы Сталин [4].

Получив такую мощную поддержку, Шолохов почувствовал себя в писательском мире достаточно прочно. В 1941 году в Москве был подписан в печать полный текст всех четырех книг «Тихого Дона». Так завершился первый этап борьбы за роман «Тихий Дон», за авторство. Но благополучие автора и удачная судьба его романа, продлятся недолго. Уже в 1949 году жизнь Шолохова коренным образом начнет меняться.

Список литературы

1. Письмо в редакцию // Правда. – 1929. – 29 марта.
2. Письма М.А. Шолохова. – М., 1977. – С. 69.
3. Цит. по.: Писатель и власть. – М., 1993. – С. 72.
4. Там же. – С. 44.

Summary

The article deals with the analysis of M.A. Sholokhov's creative work, biography and lia of place and time which gave life to the novel "Tikhij Don".

Key words: author, power, plagiat, writer.

УДК 81'367.326

**АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФОРМА МОДЕЛИ МИРА В СТИХОТВОРЕНИИ
А. С. ПУШКИНА «КОГДА ЗА ГОРОДОМ ЗАДУМЧИВ Я БРОЖУ...»**

Прусова М. А.

Исследуется архетип модели мира в связи с темой кладбища в поэзии русских романтиков начала XIX века и в стихотворении А.С.Пушкина.

Ключевые слова: архетип, кладбище, мировое древо, дуб, фольклор, мифологема.

Меланхолический и торжественный одновременно образ старого кладбища ввел в литературу (сначала сентиментального, а затем и романтического направления) Томас Грэй. Англия не случайно становится родиной элегий – поэм в честь усопшего, печатавшихся на отдельном листке. В отличие от французского кладбища английский churchyard не был покинут высшими слоями общества, а ведь именно эта часть общества создавала литературу и формировала эстетические вкусы. Первоначально элегии применялись в весьма ограниченной области: их читали и слушали на похоронах. «Это было нечто вроде развернутой эпитафии и надгробного слова одновременно» [1, с. 427]. «Элегия» Томаса Грэя положила начало литературной традиции: воспевание, с оттенком легкой грусти, старого кладбища под открытым небом.

Компоненты «кладбищенского» пейзажа в русской романтической лирике различаются. Так, В.А.Жуковский описывает кладбище только в вечернее или ночное время, продолжая линию Томаса Грэя. Ф.Арьес, обращает внимание на поэтичность описания кладбища в «Элегии» Грэя: «место покоя, тишины и умиротворенности вечеряющего дня» [1, с. 427]. Г. Жуковский отмечал особое пристрастие В.А.Жуковского к вечерним и ночным пейзажам и объяснял нелюбовь поэта к солнечному дню внутренним разладом с действительностью: «Поэзия Жуковского осуждала мир какой он есть. Отсюда и тяга Жуковского, как и некоторых его западных предшественников, к символике печали, безнадежности, умирания» [4, с. 66]. Для Пушкина в этом случае время суток не имеет значения: указаний на время дня нет, за исключением стихотворений «Безверие» (1817) и «Когда за городом задумчив я брожу...» (1836), и в этом случае символика пейзажа другая, отличная от символики В.А.Жуковского.

Вечерний пейзаж, особенно в стихотворении «Когда за городом задумчив я брожу...», создает гармоническое целое. А.С.Пушкин уловил момент соответствия вечернего пейзажа простому кладбищу, вечера – искренности, покою и торжественности царства мертвых, в котором человек становится частью природы. Более того, перед нами философская модель мира, венец поисков человеком своего места в вечности. Дуб над могилами предков – образ мирового древа, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ мирового древа возник одновременно с представлениями о мире как организованном космосе (в отличие от

ранных описаний дисгармоничного и неорганизованного хаоса). «Космогонические мифы описывают становление мира как результат последовательного введения бинарных семантических оппозиций (небо – земля и т. п.) и градуальных серий типа растения → животные → люди и т. п. и создания космической опоры в виде древа мирового или его эквивалентов» [9, т. 1, с. 398]. Древо мировое членится по вертикали и по горизонтали. Горизонтальная структура мирового древа (само дерево и объекты по сторонам от него) соотносена с ритуалом и его участниками (многочисленные образы божества на дереве или описание человека как дерева). Пушкинское описание соотносимо с вертикальной структурой, собственно космологической моделью мира. «С помощью древа мирового различимы: основные зоны вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство) (пространственная сфера): прошлое – настоящее – будущее (день – ночь, благоприятное – неблагоприятное время года), в частности в генеалогическом преломлении: предки – нынешнее поколение – потомки (временная сфера); причина и следствие: благоприятное, неблагоприятное (этиологическая сфера); три части тела: голова, туловище, ноги (анатомическая сфера); три вида элементов стихий: огонь, земля, вода («элементная» сфера) и т. п.» [9, т. 1, с. 399–400]. Именно дерево явилось неким «стержнем», основой мира благодаря наглядности динамики биологического развития, олицетворяющего путь любого живого существа, прежде всего человека: рождение, рост, цветение, плодоношение соответствовали рождению, росту, старению, смерти человека. В качестве мирового древа (вариант – древо жизни) выступали не все деревья, а долгожители: «Наиболее наглядный образ жизни был найден в растительном мире, точнее, среди деревьев, особенно таких, чей срок жизни значительно превышал сроки человеческой жизни (дуб, явор, ива, лиственница, кедр, сикомора, баньян и т. п.)» [9, т. 1, с. 396].

В русском пейзаже дуб, вне всякого сомнения, занимает центральное место: большое и величественное, это дерево возвышается как царь растительного мира. Это значение дуба раскрывается всеми поэтами. У А.С.Пушкина находим:

*Недавно дуб над высотой
В красе надменной величаться...
«Аквилон» (1824).*

У Н.М.Языкова:

*И в свой венок лавровый
Вязал листок дубовый –
Знак мужества и сил.
«Письма сего податель...» (1820-е годы).*

К.Ф.Рылеев сравнивает безграничность власти тиранов с выросшим на горе дубом («Наливайко», 1824 – начало 1825). По определению А.С.Пушкина, дуб стоит «широко», «колеблясь и шумя» как символ бессмертия. Пушкин долго шел к этому образу. В 1817 из всего растительного комплекса он особо выделил иву («Безверие»), тоже растение-долгожитель, тоже достаточно типичное для средней полосы, с ним связаны и фольклорные традиции (плакучая ива), оно часто

выступает в функции мирового древа. К одному источнику восходят названия вечнозеленого дерева жизни в хеттском ритуальном тексте, германское название гисса, который высаживали на кладбищах как символ преодоления смерти (тис в сочетании с кипарисом встречается у Батюшкова – «На смерть супруги Ф.Ф. Кокошкина», 1811) и русское «ива». И все же ива – дерево скорбящее, но не величественное, оно прекрасно передает идею смерти, но не идею бессмертия, оно не способно объединить жизнь и смерть. Дуб же может служить символом смены поколений, связи между земной и загробной жизнью. В этом качестве дуб становится одним из любимых образов русской литературы (поздний Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой). В представлении романтиков он был священным деревом языческой Руси, например в думе К.Ф. Рылеева «Владимир Святой» (1822 или 1823?):

*Перун! твой лик я здесь поставил, –
Вещал страдалец князь. – Мироправитель бог!
Тебя я всех признать заставил
И дуб, священный дуб перед тобой возжег!*

Сначала дуб интересовал А.С. Пушкина как растение-долгожитель (примечательно, что в художественной системе П.А. Вяземского значение долголетия закреплено за морем, а не за каким-либо растением). В «Полтаве» (1828-1829) Пушкин описывает могилы Искры и Кочубея, похороненных в Киевской лавре:

*Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казенных
Доньне внукам говорят.*

В стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) А.С. Пушкин назовет дуб «патриархом лесов», который «переживет мой век забвенный, как пережил он век отцов». И наконец:

*На месте праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, расстрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шумя...*

«Когда за городом задумчив я брожу...» (1836)

Вяземский поместит дуб в символическую усыпальницу природы: в картине зимнего умирания растительности он займет центральное место.

*Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, притот крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые под пеленой туманов,*

Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.

Природа бледная, с унылостью в чертах,

Поражена была томлением кончины.

«Первый снег» (1819)

Пушкин поместит дуб не на символическое, а на реальное кладбище, но при этом подчеркивается другой уровень значения образа дуба – символ бессмертия, «соединяющего микрокосм – могилу – со вселенной» [7, с. 196].

Дуб во многих индоевропейских традициях считается священным деревом, а в ряде случаев с дубом связывалось происхождение человеческого рода. Д.Фрэнгер посвятил поклонению дубу отдельную главу своего фундаментального исследования «Золотая ветвь». Он считает: культ дуба (бога дуба) «существовал, по-видимому, у всех европейских народов арийского происхождения. У греков и италийцев это дерево ассоциировалось с величайшим из богов, Зевсом или Юпитером, божеством неба, дождя и грома» [10, с. 156]. «У славян дуб, видимо, также был священным деревом бога грома Перуна, подобия Зевса и Юпитера. Известно, что в Новгороде когда-то стояла статуя Перуна в виде человека с громовым камнем в руке. В его честь день и ночь горел костер из дубовых поленьев, а если он угасал, то служители за недосмотр обрекались на смерть» [10, с. 58]. К такому же выводу пришел А.Н.Афанасьев: «Предания о мировом дереве славяне по преимуществу относили к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали еще до сотворения мира. В колядке карпатских русов поется, что еще в то время, когда не было ни земли, ни неба, а только синее море (воздушный океан), среди этого моря стояло два дуба» [2, с. 214]. В этой связи важную деталь творческой биографии Пушкина выделяет А.В.Ильичев: весной 1836 года, за несколько месяцев до создания стихотворения, Пушкин, судя по письмам к В.Ф.Одоевскому, ознакомился с рукописными материалами книги И.П.Сахарова «Сказания русского народа», где популярным зачином многих заговоров является следующий: «на море, на Океане, на острове на Буяне, стоит дуб...» и т. д. А.В.Ильичев приходит к следующему выводу: «Дуб как образ мирового древа, согласно мифологической традиции, отделяет мир хаоса (Россия официальная) от мира космически организованного (Россия народная)» [5, с. 103].

Античное мышление (как мышление почти всех народов на заре человечества) вполне закономерно выбирает дерево как схему мироздания, ведь дерево рождается из земли, но оно и возвращается в землю опавшими листьями, сухими ветками, семенами, которые вместе с землей дадут жизнь новому дереву. Человек, пройдя свой жизненный круг, тоже попадет в землю, а земля – мать всех богов и людей (согласно античной мифологии, Земля породила из себя Небо, вступила с ним в брак, от которого возникают боги и люди). Дуб, охраняющий родовое кладбище в стихотворении Пушкина, – двойной символ: всеобщего кругооборота и бессмертия. Та же полисемантическая характерна для лермонтовского образа дуба: «Надо мной чтоб, вечно зеленея, // Темный дуб склонялся и шумел.» («Выхожу один я на дорогу...», 1841). Дерево, которое корнями касается останков человека, а вершиной упирается в небо, куда устремляется душа, осуществляет связь миров, образующих вечность, т.е. бессмертие.

Л.Я. Гинзбург, анализируя стихотворение «Когда за городом задумчив я брожу...»(1836), находит противопоставления образа царя растительного мира «предметам аллегорической буффонады» первой части стихотворения не только на смысловом, но и на языковом уровне: при нем не прилагательные, но наречия и деепричастия – *широко, колеблясь, шумя*, – которые оказывают меньшее давление на основное значение слова [3, с. 241]. Городской и сельский «кладбищенские» пейзажи в пушкинском стихотворении Ю.М.Лотман дифференцировал по признаку временности – вечности. Все, что связано с городом, имеет отпечаток временности, и даже мертвец на кладбище – гость. «Образы поэта и возвышающегося над гробами дуба (символа жизни) обрамляют сопоставленные картины двух кладбищ. Смерть выступает как начало амбивалентное. Отвратительная как явление социальное, она может быть прекрасна. Как проявление вечности, она синоним, а не антоним жизни в ее естественном течении» [7, с. 120].

Эта пушкинская поэтическая схема, возможно, одно из воплощений теории архетипов. Понятие впервые введено швейцарским психоаналитиком и исследователем мифов К.Г.Юнгом. «У Юнга понятие архетипы означало первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и бредовых фантазиях. Тожественные по своему характеру архетипические образы и мотивы (напр., повсеместно распространенный миф о потопе) обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом мифологиях и сферах искусства, что исключает объяснение возникновения их заимствованием. Однако архетипы – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность» [9, т. 1, с. 110].

Юнг отмечал особую роль архетипов для творческого процесса: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов..., он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...» [9, т. 1, с. 110]. Д.Н.Овсяннико-Куликовский, говоря о *симпатическом воображении* – самой объективной из творческих сил гения, – невольно повторяет юнговские слова в своей оценке Пушкина: «Пушкин справедливо признается одним из тех лирических гениев, у которых симпатическое воображение было могущественнее личных переживаний. Пушкин – гений по преимуществу объективный, «шекспировского» типа, и соответственно этому, его лиризм выходит далеко за пределы «поэтической автобиографии» и превращается в «мировое эхо», которое «шлет ответ» всему, всем голосам жизни, всякой радости и скорби человеческой» [6, с. 372–373].

Несмотря на определенную непоследовательность изложения (Юнг трактовал взаимозависимость мифологических образов и архетипов то как аналогию, то как тождество, то как порождение одних другими), само понятие архетипов, идея всемирности творческого сознания, реализующего архетипы в своем искусстве, явилась весьма привлекательной для творческой интеллигенции. Среди приверженцев юнговской концепции – Г.Хессе, Т.Манн, Ф.Феллини, И.Бергман. Позднее этот термин стал применяться для обозначения наиболее общих

общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений (например, древо мировое).

Фундаментально исследовал и описал архетипы в русской классической литературе Е.М.Мелетинский («О литературных архетипах»). Он отмечает: «Русская классическая литература сложилась в XIX в. и для литературы XIX века она наиболее репрезентативна. Соответственно и судьба литературных архетипов в XIX в. весьма наглядна на примере русской литературы, тем более что сами русские писатели, как правило, претендуют на гораздо более широкий охват мировоззренческих проблем, чем их западноевропейские коллеги, на охват, сравнимый с мифологическим масштабом архетипов» [8, с. 69]. Е.М.Мелетинский описывает этапы трансформации литературных архетипов: послесредневековый период общеевропейского литературного развития характерен тенденцией к демифологизации, в творчестве романтиков снова намечается интерес к Средневековью, мифу и фольклору, однако эта тенденция была характерна г.о. для романтиков немецкого типа, а Пушкин, по мнению Е.М.Мелетинского, ориентировался на романтиков «индивидуалистического» типа – английских и французских. Подробно анализируя архетипы в произведениях Н.В.Гоголя, исследователь выделяет в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» следующие: ритуальный хаос, потоп, водопад, необыкновенное чудовище. Далее он отмечает: «К той же категории относится и упоминание в «Майской ночи» мирового древа, «которое шумит вершиной в самом небе, и бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником»» [8, с. 74]. Касаясь творчества Пушкина, Е.М.Мелетинский особо подчеркивает, что «архетипические образы и понятия присутствуют у Пушкина в предельно трансформированном виде, они крайне осложнены, иронически переосмыслены» [8, с. 69]. Стихотворение «Когда за городом задумчив я брожу...» не попадает в поле зрения исследователя в связи с анализом литературных архетипов. На наш взгляд, Пушкин отобразил архетипическую форму модели мира в стихотворении «Когда за городом задумчив я брожу» (1836) интуитивно, как гений, поднявшийся, по Юнгу, «из мира единократного и преходящего в сферу вечного».

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. – М., 1992.
2. Афанасьев А. Н. Древо жизни. – М., 1982.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. – М.-Л., 1964..
4. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. Очерки по истории русского реализма. Часть первая. – М., 1995.
5. Ильичев А. В. «Когда за городом задумчив я брожу...» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. – Л., 1987.
6. История русской литературы XIX века. Под редакцией Д.Н.Овсяннико-Куликовского. Т. 1. Часть первая 1801–1825 гг. – М., 1916.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л., 1972.
8. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный ун-т. – М., 1994.
9. Мифы народов мира: В 2-х т. – М., 1988.
10. Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – 2-е издание. – М., 1983.

Анотація

Архетипічна форма моделі світу у вірші О.С.Пушкіна «Когда за городом задумчив я брожу...»

Досліджується архетип моделі світу у зв'язку з темою сховища в поезії російських романтиків початку XIX століття та у вірші О.С.Пушкіна.

Ключові слова: архетип, сховище, світове древо, дуб, фольклор, міфологема.

Summary

Archetypical Form of World Model in Alexander Pushkin's Poem «When in the country I'm wandering in pensive mood...»

The article deals with the investigation of world model archetype concerning the theme of cemetery in the poetry of Russian romantics on the beginning of XIX century and in A. Pushkin's poem.

Key words: archetype, cemetery, world tree, oak, folklore, mythologema.

УДК 882.09 Сельвинский

«УЛЯЛАЕВЩИНА» И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО: ПОЭМА ИЛИ ЭПОПЕЯ?

Горюнова Р. М.

В свете проблемы разграничения жанров поэмы и эпопеи исследуется процесс формирования жанрового сознания И. Л. Сельвинского, творческая история "Улялаевщины", ее жанровая структура (своеобразие воплощения времени, пространства, особенности характеросложения, типизации), определяется место произведения в литературном процессе XX века.

Ключевые слова: авангардизм, жанр, поэма, эпопея.

Возрождение жанра эпопеи в русской литературе пореволюционного десятилетия можно считать общепризнанным фактом. Однако до сих пор нет единого мнения о специфике этого жанра. Создание научной теории эпопеи, оставаясь одной из актуальных проблем литературоведения, крайне осложняется наличием противоречивых представлений о характере межродовых отношений и связанных с ними жанровых трансформациях. Кроме того, вопрос о самостоятельности и взаимодействии близких, родственных форм, способный прояснить сущность того или иного жанра, по сути, «снимается» тезисом о растворении одного жанра в других, о размывании жанровых границ. Так, вольно или невольно ставится под сомнение существование эпопеи как таковой в литературе XX века, если понятие эпопея и роман-эпопея (или повесть-эпопея) используются как синонимичные [1, 2, 3, 4]. Еще более явно эта тенденция выражена в монографиях, посвященных истории советской поэмы, где ставится знак равенства между поэмой и эпопеей. Так, А. Н. Лурье, автор книги «Поэтический эпос революции» (Л., 1975), поддерживает представление о том, что поэма уже в первой трети XIX века исторически сменяет эпопею. Правда, рассматривая развитие поэмы в 60-70-е годы, признает создание Н. А. Некрасовым «эпоса о русском крестьянстве», подчеркивает «эпопейность некрасовских поэм» «Мороз, Красный нос» и «Коробейники» [5, с. 13]. Прослеживая далее движение жанра в русле некрасовской традиции, констатирует активизацию «эпической поэмы», усиление «эпопейности» в первой трети XX века, избегая при этом употребления самого термина эпопея. Автор более поздней монографии «Русская советская поэма (1917–1941)» (М., 1989) А. С. Карпов, справедливо сетуя на недостаточную определенность координат жанра поэмы, предлагает не стараться «приписать» ее к какому-либо литературному роду, а рассматривать «как литературный вид, где соединяются лирические и эпические начала» [6, с. 7]. Свобода от традиционного представления о родовой дифференциации литературы позволяет исследователю утверждать, что в «пореволюционную пору функции эпоса принимает на себя лирика» [6, с. 60], формируется «лирический эпос», появляется «поток поэм», принадлежащих «лирическому роду», но определенная часть находится «на путях к эпосу»; подобно тому, как происходит «превращение романа в эпопею», превращается иногда в эпопею и поэма («Двенадцать» А. Блока),

что не мешает ей оставаться поэмой. Насыщенная богатым фактическим материалом книга является еще одним подтверждением необходимости четкого установление родовых и жанровых координат. Данная научная задача требует не только и, может быть, не столько изучения потока близких в той или иной степени произведений, сколько пристального анализа отдельных жанровых явлений.

«Улялаевщина» И. Л. Сельвинского представляет в этой связи особый интерес, поэтому она, как правило, рассматривается, а чаще лишь упоминается в лавине поэм 20-х годов с обязательным указанием на авторское определение жанра: эпопея. Советские исследователи единодушно укоряли Сельвинского за следование конструктивистским установкам, что, по их мнению, не позволяло поэме «перерасти» в эпопею. Эта позиция нашла «закрепление» в университетском учебнике под редакцией П. С. Выходцева (М., 4-е изд., испр. и доп., 1986) и учебном пособии для высшей школы Л. Ф. Ершова (М., 2-е изд., доп., 1988), которыми до сих пор руководствуются студенты, ибо других учебников еще нет.

Между тем наступило время новой оценки литературы советского времени, в том числе авангардизма, и осмысления литературного процесса на жанровом уровне, не стесненном категориями какого-то одного метода или направления.

Если сопоставить взгляд на «Улялаевщину» историков литературы 60–80-х годов, которым на расстоянии должно бы видеться «большое», со взглядами критиков и поэтов 20-х годов, которые оценивали литературную ситуацию «изнутри», то обнаружится существенное расхождение позиций. Во-первых, в отличие от авторов университетского учебника, поставивших «Улялаевщину» в один ряд с «Комсомолией» А. Безыменского и поэмой И. Доронина «Тракторный пахарь», современники Ильи Сельвинского выделили его произведение из общего ряда, единодушно признав событием в литературе тех лет. Во-вторых, первые критики Сельвинского почувствовали жанровую новизну «Улялаевщины» и связали с ней возрождение в литературе эпопеи. «Улялаевщина» дает впервые эпос нашей эпохи», - писал К. Зелинский [7, с. 231]. Н. Бухарин услышал поэтический голос Сельвинского, рвущийся туда, где «дышит живая жизнь и где история месит свое крутое тесто». «Эпопея Сельвинского – начало. Она – большой шаг по пути к той литературе, которая рано или поздно станет в уровень величию переживаемых нами событий», - так видел перспективу литературного развития П. С. Коган [8]. М. Горький в 1936 году настоятельно советовал Н. Н. Накорякову включить «Улялаевщину» в «Антологию советской поэзии» за 20 лет [9, с. 3]. Никто из писавших тогда об «Улялаевщине» (К. Зелинский, Г. Горбачев, Д. Лежнев, Н. Берковский, Г. Лелевич, М. Беккер, Дм. Левоневский и др.) не ставил под сомнение авторское жанровое определение. Сам И. Сельвинский вспоминал: «Улялаевщина» получила шумный резонанс и широко пошла по России» [10, с. 18].

Широко пойти по стране, выйти на гребень мощной литературной волны могло лишь произведение, кровно затронувшее многих, полно и правдиво отразившее разные стороны общей жизни. Именно к этому стремился Сельвинский, рано почувствовав «зов эпохи молодой». По признанию поэта, «очень скоро объективный мир стал интересовать <его> гораздо больше, чем «бури духа». Он пробует себя в большой форме, в самых трудных жанрах, будь то корона сонетов,

роман в стихах или эпопея. К эпопее у него было особое отношение. Не случайно после “Улялаевщины” в его творчестве появляется до сих пор не опубликованная “Челюскиниана” (30-е годы), во время войны он мечтает написать эпопею “Крым”, в течение 25 лет работает над эпопеей “Три богатыря” (1954), перерабатывает “Улялаевщину” (редакция 1956 года).

И первое издание “Улялаевщины” (М.: Артель писателей “Круг”, 1927), и последующие (изд. 2-е, испр. и доп., М.-Л., 1930; изд. 3-е, ГИХЛ, 1933; ГИХЛ, 1935) выходили с крупно набранным на обложке или титульном листе обозначением жанра: эпопея. Этот жанр богатырей в литературе отвечал внутренним, личностным устремлениям и эстетическим поискам Сельвинского. В семье поэта хранится папка с малоизвестными, публиковавшимися в периферийных газетах и журналах статьями, рецензиями, корреспонденциями. Среди них – “Илья Сельвинский о своем творчестве” – небольшая заметка, опубликованная в газете г. Дмитрова “Путь Ильича” 18.01.68. В ней Илья Сельвинский признается в том, о чем не догадывалась критика, ведущая его родословную от Бодлера, Верлена или, в лучшем случае, от Пушкина и Пастернака, что соответствовало одному стихотворному заявлению поэта. Но за два месяца до смерти Сельвинский говорит, что его родословную надо вести не от поэтов, а от прозаика, что “подлинным вдохновителем его был Лев Толстой”, что в его творчестве “можно найти немало черточек, а то и черт, роднящих с великим учителем”. Но почему так поздно прозвучало откровение поэта? “Не мне говорить об этом. Пусть поработает критика: возможно, это ей будет интересно”. Примем во внимание оставшееся незамеченным исследователями приглашение поэта в его творческую лабораторию и обратимся к первой редакции “Улялаевщины”.

Работая над ней, поэт ощущал необыкновенный прилив сил. Он писал жене: «это лучший труд моей жизни», «эпохальная вещь» [11, с. 5-16]. Молодой Сельвинский понимал, что на “призыв истории нельзя было ответить простым возрождением большой формы. Требовалось открытие каких-то новых изобразительных средств” [10, с. 17]. А новаторство поэт усматривал прежде всего в “новом ощущении времени” и подчинении этому ощущению всех своих чувств.

«Ощущение времени» возникло задолго до начала работы над эпопеей. Если бы соприкосновение с исторической действительностью впервые произошло в 1924 г., то получились бы только карандашные зарисовки или живописные этюды, а не цельное масштабное полотно. Путь к «Улялаевщине» был долгим. Кто знает, может быть, начался он, когда семилетний Сельвинский был перевезен с юга в Тверь, где около четырех лет находился на фабрике Морозова. Жизнь поэта изобилвала событиями: за плечами 23-летнего создателя эпопеи оказались Перекоп, севастопольская тюрьма, в которой впервые ощутил близкое дыхание смерти, две недели, проведенные в банде Марушки Никифоровой. «Эпический айсберг» истории предстал перед Сельвинским, исколесившим с бродячим театром Северную Таврию. Позже, как работник Союзпушнины, он изъездил всю европейскую Россию: от Холмогор до Нижнечирской станицы и от Мелекесса до Кингисеппа. «Улялаевщина» несет в себе географию его странствия по взбудораженной революцией России: время его командировок и даты на страницах эпопеи

совпадают. Как и авторы прозаических эпоей, создававшихся в то время (А. Ремизов, «Взвихренная Русь», И. Шмелев, «Солнце мертвых»), Сельвинский вроде бы устраняет понятие «эпической дистанции», идет по пятам еще «влажной от крови истории» и опирается не на предание, не на архивные материалы, а на личный архив памяти и устные рассказы, легенды, песни, ходячие анекдоты, на живой фольклор и непричесанную народную речь. При этом контакт с настоящим не снижает уровня объективированности изображения. Напротив, уже современники Сельвинского отметили отличие его произведения от поэм, представляющих собой, как правило, монолог автора, - героем «Улялаевщины» стала сама жизнь.

Но первые рецензенты, подходя к произведению с классовых позиций, видели в нем изображение «анархизма как явления» или «борьбу большевизма с кулацким бандитизмом», сужая тем самым представление о жанровом содержании «Улялаевщины». Сельвинский же не ограничивался локальными событиями или каким-либо аспектом темы революции. Ему потребовалась именно эпопея для того, чтобы запечатлеть «тайфун эпохи». Не показ борьбы одних с другими, а постижение состояния мира на очередном изломе, столкновение исторического «разума» с неразумной действительностью» (К.Зелинский) – цель автора.

Творческая сверхзадача реализуется на разных уровнях. Обратимся к началу повествования. Первая строчка («Телеграмма пришла в 2.40 ночи») резко контрастирует со второй («Ковровый тигр мирно зверел»). Оксюморон «мирно зверел» – своеобразный осколок общего конфликта. Ночь вызывает ассоциации с военной ситуацией, «ковровый тигр» – символ хрупкого, едва сохранившегося на краешке войны домашнего уюта. Уже в самом начале заявлены образы войны и мира, без которых немыслима эпопея, будь то «Илиада», «Война и мир» Л.Н.Толстого или задуманная в ее традиции «Белая гвардия» М.А.Булгакова. Наполняясь в дальнейшем конкретно-историческим смыслом, эти образы одновременно разрастаются, приобретают космический масштаб, напоминая о конфликте вечном и неразрешимом.

Обугленный ворон, смутный, как вечер,
Как старый шахтер, горбат и уныл,
Крыльями смазал кайло Луны,
Где тень Земли выела чрево.

[12, с. 480]

Мотив вселенской вражды объединяет образ охваченной заревом страны, ее рухнувшей императорской столицы и рухнувшего дома фабриканта Морозова. Принцип эпической объективированности реализуется даже на лексическом уровне: повтор одного и того же глагола (рухнул) обнаруживает связь общего и единичного. А образ ночного завода позволяет соединить историю семьи фабриканта Морозова с судьбой народа.

Народ – это «забойщики, награнщики, сверловщики, чеканщики, // Строгальщики, клепальщики, бойцы и маляры...», а также «кайсаच्या и мужичья рвань». Сельвинский позволяет читателю увидеть и трубы ночного завода, и дым «избяных труб». Возникший в начале эпопеи образ Земли как Вселенной

трансформируется в мифологический образ Земли – материнской утробы: «Это прет единица с нулями, // Это ожила сама земля», «Россия во чреве растила удар»...

Обращение к народной жизни неизбежно актуализирует народно-мифологический слой образности. «Ни один из жанров не требует для выражения своей специфики такого углубления в фольклорные истоки, как эпопея» [13, с. 16].

Художественное мышление Сельвинского формировалось на земле Тавриды, что “гудит голосами эпох”. (“Бродя один над синевой водой, // Я вижу все мифические святцы, // Я слышу эхо древности седой...») [12, с. 25]. Осмысление нового перелома истории рождает гиперболические образы.

Черные зори коченели в поле.

На заборе каркала мор карга.

Голод стоял. Был звон от запоя

Ветра в степи. Был гол курган.

[12, с. 487]

Один из первых рецензентов «Улялаевщины» верно отметил в ней «разнообразие стилей и приемов, начиная с безыскусственной, наивной красоты Гомера и кончая пафосом и напевностью «Слова о полку Игореве» [8]. Так дает о себе знать «память жанра».

Земля, вода, воздух и огонь – это «своеобразные матки-матрицы всего в бытии» [14, с. 354]. Они пронизывают эпопею Сельвинского. В главе VIII, например, описание боя предваряет мирный пейзаж («И, черкнув горизонтом таинственный град // Из красного солнца и сизого дыма, // Земля опускала восточный край // Торжественно-неудержимо») [12, с. 548]. Далее даётся батальная сцена, которая перерастает в картину рушащегося мира. Борьба вызывает “извержение солнца”, “тихие ямы, полные неба” взлетели. Бой – это не только уничтожение противника (“В огне бурь валялась чья-то бородастая маска”), а расстрел самой земли, уничтожение животворящего источника (“По телу солнца черной чертой // Величественно земля оседала») [12, с. 549].

Показательно, что при воспроизведении событий Сельвинский избегает их датирования. Лишь отдельные замечания призваны придать изображаемому времени конкретность (“2.40 ночи”, “в 9 утра”, “в ночь на август в 20-м часу”). Авторское мироощущение реализуется, с одной стороны, через образ мчащегося ночного экспресса, с другой, - через объемный образ кургана – символа большого Времени Истории (“Его погребли в каком-то кургане, // Быть может, над ребрами скифского вождя» [12, с. 558], - говорится об одном из действующих лиц эпопеи).

Гражданская война в России XX века видится автору как «истории пята» («И уже расплывались Пугачев и Разин // Под улялаевщины гул...») [12, с. 501]. Над улялаевской степью проплывет «облако Грозного». Пахнет средневековым варварством, когда Гай вздернет на копье голову Таты.

Эпопейной временной объемности соответствует пространственный масштаб изображения. В поле зрения автора оказываются Урал, Кубань. Дон, украинские, киргизские, казахские земли, вся «гунная страна». Предметный образ – «карта лоскутной России» в кабинете Гая – символизирует место действия.

Россия представлена в «Улялаевщине» не условно-обобщенно, а через конкретные описания и разветвленную систему действующих лиц. Эпопейное многолюдие позволяет отразить социальный состав страны, пестроту, разнородность населения. Это рабочие, крестьяне, фабриканты, промышленники, интеллигенция, казаки, фронтовики, представители различных партий, «бандитский хаос», уголовные элементы; разнообразная в этническом отношении масса: русские, татары, киргизы, чеченцы, украинцы, уральские казаки. История перемешала и свела их: «Брызгала разбойничками Степь, что кузнечиками, // Да поджидала лишь главаря» [12, с. 488].

Этот главарь становится центральным образом. Среди персонажей (их более 50) он выделен не только сюжетно, но и чисто художественно. В отличие от большевика Гая или эсера Штейна, написанных в романной традиции, Улялаев создан на ином, эпопейном уровне типизации. Сельвинский прекрасно осознавал, что без такого центрального персонажа весь замысел рассыплется. В письме жене от 16.12.1924 года он сообщает: «цензор запретил 3-ю главу моего Улялаева за ... «махновщину». Сельвинский опасается, что из-за Улялаева может быть запрещена вся эпопея, но у него не возникает и тени мысли, что возможна замена героя или его «исправление». Он понимает, что без Улялаева эпопея просто не «остоится». «В итоге теряю не я, а русская литература» [11, с. 15], - пишет он жене.

Автор «Улялаевщины» был убежден, что «основной признак эпоса – характер» [15, с. 146]. Он заявлен сразу. Связь между общим и единичным, эпохой и человеком, народом и героем определяет семантику заглавия. «Улялаевщина» - традиционно-эпопейное название. Оно, помимо того, что рождает исторические и литературные ассоциации, несет в себе образ пестрой, колоритной, разноязыкой массы. («Укарабкивались бандитские клячи // Под разбойничий свист, улюлю и порск» [12, с. 546]).

Принцип эпопейной типизации предполагает воплощение общего в конкретном, единичном, когда народ «концентрируется в герое, становясь отдельным живым субъектом» (Гегель). Фамилия героя эпопеи Сельвинского фонетически восточная (в тексте промелькнет указание на его азиатские корни – «по-рысьи раскосый батырь Улялаев»). имя и отчество – русские (Сергей Кирилыч), в ухе серьга, как у цыгана, но он – украинец, «батько Улялаев» (не случайно Сельвинский создает его портрет средствами украинской речи, а в финале Улялаев исчезает, но его узнают на ярмарке в «хохлатском діде»). Образ явно собирательный, обнаруживающий «органическую связь с общим, с историей и современностью, понимаемой как момент движения истории» [16, с. 541], что характерно для эпической поэзии.

Улялаев, с одной стороны, вызывает исторические ассоциации, за ним видятся тени Разина и Пугачева, а сцена, где «батько» пишет письмо красным, так отчетливо напоминает знаменитую картину И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», что уже в 20-е годы К. Зелинский утверждал: «Галерея героев его своеобразной заволжской анархической «сечи»... создает основной колорит «Улялаевщины» [7, с. 247].

С другой стороны, Улялаев при отмеченной нами обобщенности – образ наиболее яркий, созданный на высоком уровне индивидуализации. Это характер сильный и страстный, не лишенный жестокости и корыстолюбия, хитрости и изворотливости, суеверия и невежества. В нем нет ни намека на героизацию, более того, Сельвинский вводит натуралистические сцены и детали, явно снижающие образ. Момент эпической идеализации («зроду не бачено такого чоловіка, як той Улялаев Серьга») соединяется с иронией, насмешкой, даже с сарказмом. Однако Сельвинский не допускает карикатурности, как при описании Лошадиных, схематичности, присущей образам Гая, Штейна, плакатности и отвлеченности, свойственной образу Четыхи.

Улялаев не традиционный эпический герой, призванный воплотить основополагающие народно-национальные черты, но полнокровный образ именно потому, что взят автором из народа. «Батько» олицетворяет не чью-либо «правду», а ту самую «неразумную действительность», с которой столкнулась «историческая идея эпохи».

Как бы предвзято конфликт, мощно развернутый М.А.Шолоховым в романе-эпопее «Тихий Дон». Сельвинский подчеркивает кровную связь своего героя с крестьянством. Самая большая ценность для него – «землицы десятины с две». Белых Улялаев ненавидел, красных не терпел, когда от тех или от других исходила угроза его хозяйству. У него типичная психология середняка: «Эта власть, та ли – он сам себе пан» [12, с. 493]. А когда «взвыла деревня» от продрозверстки, «самый дошлый казак» стал «вождем анархистив», «идэ на войну за народни права». Он выдвинут в центр не авторской волей, а самой исторической ситуацией.

Владелец чужого, «барского» хозяйства и «барской» жены терпит крах. Но он и сам, внутренне, готов принять поражение («Шабаш! Владайтэ!»), потому что у него нет психологии завоевателей (не случайна параллель: революционный мертвый город // живая, пестрая, «улялаевская ярмарка»: рассудочность Штейна, Звержа, Гая // непосредственность, чувственность Улялаева). Открытый финал эпопеи Сельвинского тоже в какой-то степени созвучен финалу «Тихого Дона». Григорий Мелехов бросает банду, оружие и возвращается в родной дом. Улялаев вдыхает воздух весны, оттепели: «Теперь бы за соху, а не за орудие».

Улялаева казнят свои же «бандитщики», но он принимает смерть почти так, как когда-то Пугачев. Река современности растворяется в бескрайнем океане истории, народной памяти. Появляется вновь былинная интонация. Пришедший из недр народного сознания герой становится легендой, уходит в миф.

Но говорят, что это был не Улялаев [12, с. 504].

“Улялаевщина” И. Л. Сельвинского, созданная в 1924 и полностью изданная в 1927 году, – свидетельство возрождения жанра эпопеи в ее стихотворно-традиционной форме в русской литературе XX века. Она была вызвана к жизни наряду с другими разновидностями эпопеи новым состоянием мира, определившим облик литературы пореволюционного десятилетия и ее жанровую систему. Существование редкого жанра с различными модификациями поэмы,

представленной огромным количеством произведений (не менее 700), является еще одним доказательством процесса жанровой дифференциации на фоне межродового взаимодействия, характерного для исследуемой литературной эпохи.

Список литературы

1. Пискунов В. М. Советский роман-эпопея. – М., 1976.
2. Переверзин В. Н. Жанр романа-эпопеи (История и типология). – Якутск, 1984.
3. Соболенко В. Жанр романа-эпопеи. – М., 1986.
4. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. – М., 1975.
5. Лурье А. Н. Поэтический эпос революции. – Л., 1975.
6. Карпов А. С. Русская советская поэма (1917-1941). – М., 1989.
7. Зелинский К. Поэзия как смысл. – М., 1929.
8. Коган П. С. О возрождении эпопеи и о Сельвинском // Вечерняя Москва. – 1927. – 7.09.
9. Горький М. – Н. Н. Накорякову. // Литературная газета. – 1954. - № 72.
10. Сельвинский И. Черты моей жизни // Крымские пенаты. – Симферополь. – 1996. - № 2.
11. Сельвинский И. «Где-то на пределе красоты...» – Симферополь, 1999.
12. Сельвинский И. Избр. произведения: В 2-х тт. – Т. 1. – М., 1989.
13. Бармин А. В. Поэтика эпопеи XX века. – Уфа, 1983.
14. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М., 1988.
15. Сельвинский И. Студия стиха. – М., 1962
16. Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. – М.-Л., 1966.

Анотація

Горюнова Р. М. "Улялаївщина" І. Л. Сельвінського: поема чи епопея?

В світі розмежування жанрів поеми та епопеї досліджується процес формування жанрової свідомості І. Л. Сельвінського, творча історія "Улялаївщини", її жанрова структура (своєрідність, втілення часу, простору, особливості характеробудови, типізації), визначається місце твору в літературному процесі ХХ століття.

Ключові слова: авангардизм, епопея, поема.

Summary

Goryunova R. M. "Ulyalaevshina" by I. L. Selvinskiy: poet or epic?

In the light of the problem of delimitation of genres poem and epic is investigated process of forming I. L. Selvinskiy sense of genre, creative history of "Ulyalaevshina", its genre structure (peculiarity of time and space personification, peculiarities of forming characters and types), place of work in the literary process of the XX century is being determined.

Key words: avant-gardism, genre, poem, epic.

УДК 882.09: 7.036.3

ПРОБЛЕМА МАСКИ В СИМВОЛИСТСКОЙ И ПОСТСИМВОЛИСТСКОЙ ДРАМЕ

Борисова Л.М.

Рассматриваются особенности понятия маски у Вяч.Иванова, А.Белого, М.Волошина, Н.Евреинова, театральной критике 1910-х гг.

Ключевые слова: символизм, драма, маска

Понятие маски отражает самую суть не только стилистики, но и философии модернистского театра. В первом номере журнала "Маски" его редакторы писали: театр "существует лишь для того, чтобы мир мог за его маскою скрыть бедную наготу своей скучной обыденности и самому себе предстать в новом, претворенном виде <...>" [16, с.VII-VIII]¹. Со вступлением модернистской сцены в пору "театрального традиционализма" здесь утвердился своего рода культ маски. Четкость традиционных схем противопоставлялась неопределенным видениям символистской драмы. Однако "театральный традиционализм" берет начало в романтической иронии Блока, которая в свою очередь непосредственно связана с символистской концепцией житнетворчества. Так как основу этой теории составляет идея сращения театра с культом, маска в ней играет не последнюю роль.

В статье "Новые маски" Вячеслав Иванов констатировал безжизненность старого театра, "с его перипетиями и прагматизмом внешним и психологическим" [11, т.2, с.77]. Символистская мистика несовместима с психологией, но немыслима без маски: "Дионис является в космических личинах, и служители его вступают с ним в общение не иначе, как в личинах" [11, т.3, 116]. Маска - начало преображения, знак уподобления богу. В дионисийском обряде "радость и горе были уже аффектами не лица, а маски" [10, с.74]. В старом театре маска дифференцировалась и омертвела, сгустилась в характер, в новом ей предстояло опрозрачиться. Вновь, как в древности, все "вызываемые поэтом лица" должны были стать "масками единого всечеловеческого Я". "Мы хотим проникнуть за маску и за действие, в умопостигаемый характер лица, и прозреть его внутреннюю маску; но это уже личина Вечности <...>" [11, т.2, 78], - писал Иванов. За "вещей маской" он прозревал "лицо Ужаса". "Один взгляд этой маски - и мы уже опоены дионисийским хмелем вечной Жертвы <...>" [11, т.2, 78].

Статья Белого "Маска" посвящена Вячеславу Иванову и инспирирована его мыслями. Но Белый не случайно так живо откликнулся на ивановскую тему - это была и его тема. Маска - символ, чрезвычайно важный для понимания беловского мироощущения. У Белого тоже "из-под личины видимого зияет невидимое" [2, с.132], трагическая маска зовет к Дионисову действию, в глазницах ее сквозит Медузин ужас. "Есть существа загадочно-странные", - пишет Белый. На первый взгляд, они ничем не отличаются от других, но это "оборотни, надевшие личину".

¹ Курсив в цитатах везде авторский

История русского символизма, по Белому, начинается с появления в обществе "замаскированных". "По маскам узнаются заговорщики грядущего действия". Но в то же время маска у Белого - это и знак внутренней раздвоенности заговорщиков: "<...> у каждого была особая своя маска; я, сын декана, считался прилежным студентом, которому положила судьба пути к профессуре; М.С.Соловьев признавался почтенным законодателем хорошего тона <...>. С.М.Соловьев <...> считался ребенком, которого назначение - поддержать традиции соловьевского дома и стать знаменитостью" [4, с.33]. Все эти маски - "отложения среды", теурги прибегали к ним для защиты тайноведения ("подполья") от господствующего в мире позитивизма.

О своей "Симфонии (2-й, драматической)" Белый писал: "<...> бралась тема поэзии Блока, но развивалась она сатирически; <...> а у Блока - звучала та тема торжественным вызовом миру; он сбрасывал "маску"; ходил в "полумаске" я <...>" [4, с.35]. Так же в "полумаске" написана и статья "О формах искусства". Белый признавал, что в трактовке понятия "музыка" отдал здесь дань позитивистской эстетике: "<...> "музыка" в обыкновенном значении не может быть "музыкой сфер" <...>" [4, с.36]¹. Но еще в юности он начал работать над мистерией "Антихрист", где развивал тему маски без всякой оглядки на позитивизм. "Маски начинают сниматься..." [1, с.10], - возвещал автор.

По отношению к маске Иванов делил художников на разоблачителей и облачителей. Первые "тешатся маской как обманом, таящим правду", вторые "родились из духа Дионисова" и "чтут маску, какъ аполлинийскую завесу божественной пощады" [11, т.3, с. 116-117]. Облачитель - тот, кто молит: "О, бурь заснувших не буди - / Под ними хаос шевелится!.." К разоблачителям Иванов среди других относил Гоголя. Родство Белого с Гоголем несомненно (никто иной, как Иванов окрестил автора «Серебряного голубя» Гогольком), но Белый - весьма необычный разоблачитель. Он разоблачает не "правду", таящуюся под "маской" (так, по Иванову, поступают классики, моралисты и рационалисты в искусстве), а "маску", скрывающую "правду". "Правда" - это всегда "я", но не социально-психологическое (личность)², а духовно-космическое (индивидуум). "<...> Я изучал градацию социальных и мировоззренческих крахов; не люди проваливались (они были ценнее и лучше собственных "мировоззрений", их облакавших в *рога, бычьи морды* и прочие *маски*); маски надетые - предрассудки <...>" [3, с.489], - писал Белый.

"Новая маска" у Иванова - один из эквивалентов символа, облачение - символизации. Были и другие. "Новая маска" противостоит старой, как облачение - разоблачению, означенное - учению, указание - иносказанию, наконец, как символ противостоит аллегории. (В традиционных театральных масках сущность ампула выражена почти с аллегорической прямолинейностью.) Белый вспоминал, что он поправлял Штейнера, когда тот в полемике противопоставлял символ

¹ Не только собственное творчество, но и вся русская досимволистская литература представлялась Белому в лучшем случае скрытой под полумаской (см. статью «Апокалипсис в русской поэзии»).

² У Белого и материя, и душа – «маски» [см.4, с.41].

действительности: "<...> мой символ и означал: действительность еще не данную, но загаданную в реализации истинного и должного познавательного акта <...>" [3, с.487].

В художественном мире Белого расплавляются старые маски. "<...> Стиль этого романа есть гоголевский стиль в аспекте чистого динамизма <...>" [11, т.4, с.622], - писал о "Пегербурге" Иванов. У всех теургов маска - личина безличия. Глаза таинственных существ в "Пришедшем" горят яростью и безумием. Когда маска снимается, "из-под нее глядит лик ужаса в бархатистую тьму". Такого же рода маски кружатся на балу в "Балаганчике": "Смотри, колдунья! Я маску сниму! / И ты узнаешь, что я безлик!" С "Балаганчиком" "Пришедшего" роднит и мотив шутовства, разыгрываемой комедии¹. В "Терцинах к Сомову" (художник, как известно, написал титульный лист к "лирическим драмам" Блока) Иванов признал эти маски новыми: "Играет в куклы жизнь - игры дороже свечи, - / И улыбается под сотней масок - Смерть". То же самое происходит в стихотворении Белого "Маскарад".

Жизнетворец, поэт-облачитель, Белый порой испытывал физическую потребность в маске. "<...> Я нашел среди старых вещей маскарадную черную маску: надел на себя, и неделю сидел с утра до ночи в маске: лицо мое дня не могло выносить <...>" [4, с.243], вспоминал он лето 1906 года.

В статье "Лицо, маска, нагота" Волошин вспоминает курьезный случай с Дарвиным. В снежный, морозный день тот повстречал голого дикаря:

"- Как это Вам не холодно? - спросил Дарвин. -

- А твоему лицу холодно? - сказал дикарь.

- Нет.

- Ну, так у меня везде лицо" [6, с.399].

"Мы знаем, что у человека может быть больше или меньше лица <...>, - продолжает Волошин. - <...> Маска - это как бы духовная одежда лица" [6, с.401, 403]. У Белого - "везде лицо", при этом он - полный антипод дарвиновского дикаря и его маска имеет мало общего с маской, как ее понимал Волошин. В отличие от теургов, Волошин не страдал от недостатка дионисизма в современном ему искусстве. "Внутренний смысл театра нашего времени ничем не разнится от смысла первобытных Дионисовых оргий. <...> Зритель видит в театре сны своей звериной воли и этим очищается от них, как оргиасты освобождались танцем" [6, с.115, 116]. Волошин - поклонник аполлинийской маски. Пусть измельчавшая, она все еще привлекает зрителей, парижане идут в театр, "чтобы смотреть, изучать и выбирать новые маски" [6, с.123]. Но поведенческие шаблоны, которые совместными усилиями создают драматург, актер, костюмер, - с точки зрения теурга, как раз и есть "предрассудки", "отложения среды". "<...> Ни одного умного слова, ни одного подлинного порыва" [цит. по: 8, с.296], - отзывался Белый о европейских "масках".

Известно, что Иванов задышался от сознания собственной "целлюлярности", пока не написал трагедию "Тантал"². Белый, наоборот, маской защищал и

¹ Сопоставление этих пьес см. в: 14, с.34.

² Об этом, в частности, пишет О.Дешарт [11, т.1, с.81].

сдерживал в нем самом кипевший дионисийский хаос. Приподняв маску, его Николай Аполлонович Аблеухов (в значительной мере alter Ego автора) увидел в зеркале «демона пространства».

Представители "театрального традиционализма" находили случайной символистскую маску ("Когда она содрана, под ней нет ничего"), и еще более критично относились к волошинской ("В сущности слово *маска* применено у Волошина в чисто метафорическом смысле <...>".) Для традиционалистов истинные маски - старые, отточенные временем. В отличие парижских, которые на один сезон изобретают "закройщики"-драматурги, эти не могут стереться от частого употребления. "Процесс стирания шел до их окончательного закрепления. <...> стиралось то, что не нужно, оставлялось то, что нужно и важно". Традиционалисты понимали маску очень конкретно: то, что носится на лице. Проблему они видели только в том, чтобы научиться пользоваться этой маской в эстетических целях, как, по словам К.Вогака, умел это делать Гоции, а из современников - Блок в "Балаганчике" [7, с.15, 16].

Старые театральные маски - и для теургов старые: "Искусство художников-разоблачителей родилось из позднего маскарада <...>" [11, т.3, с.116]. Но "Балаганчик" не исчерпывается гротеском, за этим у Блока стоит "большее". Постсимволизм избавлялся от "большого". В пьесе Блока, признавался Мейерхольд, его увлекали исключительно театральные приемы [см. 17, с.231]. "Большого" в "Балаганчике" не увидел и Белый, он считал его порождением театральной импровизации, а ту в свою очередь - попранием "заветов" Соловьева: "<...> то творчество жизни, которое мы утверждали, сводилось к импровизации, к новой *Commedia dell'arte* <...>. <...> Лозунг, который в то время меж нами подчеркнут ("*Так будем играть*"), <...> быть может, естественное созревание в А.А. - "*Балаганчика*" [4, с.195].

На самом деле "Балаганчик" был отрицанием артистизма в теургии, период "кошунств" наступил у Блока позже. В 1905 году он категорически не принял "преждевременного воплощения" мистерии, в "радении" у Минского увидел профанацию соборности: "<...> Иванов писал, что почувствовалась близость всех <...>. Но Люба сказала, что близость чувствуется также после любительского спектакля" [5, т.8, с.124-125]. Через искушение артистизмом (астартизмом) Блок прошел в 1907 году. Тогда в его поэзии опять появился мотив карнавала и образы "Балаганчика" причудливо отразились в "Снежной маске". Сначала на "вечере бумажных дам" искусство должно было перейти в жизнь, запечатленное в нем житнетворчество - стать игрой, а игровая реальность затем - вновь искусством.

"<...> Я увидел в стремлении к театру - болезнь; я хотел оттащить от театра А.А. <...>" [4, с.294], - вспоминал Белый. Но никакой полемики с Блоком у Белого на этой почве не вышло. Хотя театр - одна из постоянных тем Блока, он держался в стороне от ивановских экспериментов и, говоря (уже в годы революции) об артистизме нового человека, употреблял это слово в соловьевском смысле. Артистизм, подразумеваемый Блоком, имеет так же мало общего с обычным искусством, как и теургия Соловьева. "Теургия для него (Соловьева - Л.Б.) - это просто свободное общечеловеческое

творчество, в котором свои высшие идеалы человечество осуществляет в материальной действительности, в природе" [15, с.130].

Блок приветствовал статью Белого "Символический театр". считал, что она стоит "иной объемистой книги" [5, т.5, с.198]. В период кризиса символизма для Белого единственно приемлемой формой игры оставалась "мозговая": "<...> *неновые* люди не могут вершить символических действ. ибо действия - литургика" [4, с.294]. В артистизм он заново поверил, только оказавшись среди людей, "*нашедших пути*", - в обществе учеников Штейнера. Но штейнеровские мистерии, конечно, тоже не искусство в обычном смысле слова.

В 20-е годы появилась концепция маски, связанная и с символизмом, и с "театральным традиционализмом", и одновременно оппозиционная обоим. Сочинение Евреинова называется почти так же, как ивановская статья, - "О новой маске". Все многообразие актерских масок Евреинов сводит к двум - маске психологической, требующей перевоплощения, и маске прагматической - когда актер в любой роли остается самим собой в предполагаемых обстоятельствах. Этим двум маскам Евреинов противопоставил третью - автобиореконструктивную, суть ее заключается в том, что актеры должны явить на сцене "*себя самих в повторении действительно случившегося с ними*" [9, с.6]. Как пример такого рода действия режиссер приводил спектакль, сыгранный старшеклассниками одной из петроградских школ. Основу сценария составили их собственные сложные отношения, которые полностью прояснились в процессе игры. В истории, рассказанной Евреиновым, - явный намек на еоловьевцев периода зорь. Ведь отношения школьников запутываются еще и потому, что влюбленность молодых людей в легкомысленную четырнадцатилетнюю особу похожа на культ: каждый день после занятий "посвященные" собираются на "Священной горе" (на крыше гимназии), на рукаве у каждого - нашивка из цветных лоскутов (надо думать, "Ее" цвета). Целью их представления стало развенчание Коломбины. Любопытно, что для этого они прибегли к формам итальянской импровизационной комедии, - для 20-х годов это уже старомодная образность. Не потому ли в единой трудовой школе вспомнили о Пьеро, Арлекине, Коломбине, что в свое время они помогли найти выход символистской иронии?

В своем описании столь поразившего его спектакля Евреинов как будто специально подчеркивал символистские достоинства: *соборно* явлена *новая маска* [9, с.32-33]. Театральные консерваторы не увидели здесь вообще никакой маски [13, с.6]. А те, кого увлекли рассуждения Евреинова, начинали припоминать азы символистской теории, писали, что личина актера скрывает "первобытный хаос человеческого существа, шевелящийся под оформленным социальной культурой сознанием, анархически своевольный дух <...>" [12, с.81]. Автобиореконструктивная маска вторична, зависима от символистской. И одновременно это антипод символистской маски. Всегдашней заботой теургов было оправдание искусства. Раскрывая законы "театра для себя", Евреинов демонстрировал, как надо в жизни и в искусстве освободиться от "большого".

Список литературы

1. Белый Андрей. Пришедший: Отрывок из ненаписанной мистерии // Северные цветы. Третий альманах книгоизд-ва "Скорпион". - М., 1903. - С. 2-25.
2. Белый Андрей. Арабески. М.: Мусагет, 1911. - 516 с.
3. Белый Андрей. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый Андрей. Символизм как миропонимание. - М.: Республика, 1994. - 528 с.
4. Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Белый Андрей. Собр. соч. - М.: Республика, 1995. - 510 с.
5. Блок Александр. Собр. соч.: В 8 т. - М.; Л.: ГИХЛ, 1960-1963.
6. Волошин М. Лики творчества. - Л.: Наука, 1988. - 848 с.
7. Вогак К.А. О театральных масках // Любовь к трем апельсинам. - 1914. - №3. - С.11-16.
8. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман "Петербург". - Л.: Сов. писатель, 1988. - 416 с.
9. Евреинов Н. О новой маске: (Автобио-реконструктивной). - Пг.: Третья стража, 1923. - 45 с.
10. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. - 1904. - №2. - С.48-78.
11. Иванов В. Собр. соч. - Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971-1987.
12. Казанский Б.В., проф. Метод театра: (Анализ системы Н.Н.Евреинова). - Л.: Academia, 1925. - 171 с.
13. Кугель (Номо новус). Театральные заметки. - Жизнь искусства. - 1923. - №36. - 11 сент. - С.5-7.
14. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. - М.: Новое литературное обозрение, 1995. - 336 с.
15. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. - М.: Прогресс, 1990. - 720 с.
16. Маски. - 1912. - №1. - С.III-VIII.
17. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: В 2 т. - Т.2. М.: Искусство, 1968. - 644 с.

Анотація

Л.М.Борисова. Проблема маски в символистській та постсимволистській драмі

У статті розглядаються особливості поняття маски у В.Іванова, А.Бєлого, М.Волошина, М.Євреїнова, театральної критики 1910-х рр.

Ключові слова: символізм, драма, маска

Summary

L.M.Borisova. The problem of mask in symbolist's and postsymbolist's drama

The author considers peculiarities of the notion of mask in V.Ivanov's, A.Belyj's, M.Woloshin's, N.Evreinov's works and in drama critic of 1910-s.

Key words: symbolism, drama, mask

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Багров Н. В.</i> СПЕЦИАЛИСТАМ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ	3
<i>Буряк В.В.</i> К СОРОКАЛЕТИЮ ИНТЕРВАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	12
<i>Лазарев Ф.В.</i> ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ПЛЮРАЛИЗМА К МОНИЗМУ	16
<i>Шоркин А.Д.</i> КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ КОГНИТИВНОСТИ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКОВ	29
<i>Николко В. Н.</i> ПАРАДОКС АБСТРАКЦИИ И ИНТЕРВАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ	42
<i>Николко В. Н.</i> ЭМПИРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЛОГИКИ	44
<i>Катунин Ю.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ В КРЫМУ В 1929-1930 ГОДАХ	48
<i>Петрова Э. Б.</i> МЫСЛИТЕЛИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	62
<i>Маковский В. В.</i> ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КРЫМСКИХ ВЛАСТЕЙ (1921-1929 ГОДЫ)	81
<i>Господаренко Н. М.</i> ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ КРЫМА В 1920-Е ГОДЫ	87
<i>Непомнящий А. А.</i> КРЫМОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П. И. КЁППЕНА: ОПЫТ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	97
<i>Багров Н. В.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КРЫМА	107
<i>Бобра Т.В.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ	112
<i>Прокопов Г. А.</i> К ВОПРОСУ ОХРАНЫ ЭКОСИСТЕМ ВОДОТОКОВ ЮЖНОГО МАКРОСКЛОНА КРЫМСКИХ ГОР	119
<i>Скребец Г.Н., Агаркова И. В.</i> ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПАРАГЕНЕТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТНЫХ КОМПЛЕКСОВ	127

<i>Рудык А. Н.</i>	ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В Г. СИМФЕРОПОЛЕ: ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ	133
<i>Вахрушев Б.А., Пона В.В.</i>	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ – "ГИС-КАРСТ ГОРНОГО КРЫМА".....	141
<i>Завальнюк И.В.</i>	ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ КАК СРЕДСТВО СТАБИЛИЗАЦИИ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО ПРИСИВАШЬЯ).....	148
<i>Безверхнюк Т.Н.</i>	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДНЕМАСШТАБНОЙ ЛАНДШАФТНОЙ КАРТЫ В КАЧЕСТВЕ БАЗОВОЙ ПРИ АГРОЛАНДШАФТНОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ	153
<i>Подсолонко В. А.</i>	УСИЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА 2000	162
<i>Михайлов Е. А., Подсолонко Е. А.</i>	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ	167
<i>Скоробогатова Т.Н.</i>	СПЕЦИФИКА ЛОГИСТИКИ СФЕРЫ УСЛУГ.....	180
<i>Демин А.А., Семенова Ю.А.</i>	ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ТУРИЗМЕ	186
<i>Процай А.Ф.</i>	ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ	193
<i>Мацебера С.А.</i>	МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА МЕНЕДЖЕРА	199
<i>Василенко В. А</i>	РОЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В РАЗРАБОТКЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПЛАНОВ СИТУАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА	202
<i>Баранская Е.М.</i>	ОТ БЕЗЫСКУСНОСТИ – К МАСКЕ: Я.П.ПОЛОНСКИЙ В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ.....	210
<i>Богданович Г. Ю.</i>	РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ КРЫМА.....	216

<i>Лаеров В. В.</i>	ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РОМАНА М.А.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ статья первая.....	220
<i>Прусова М. А.</i>	АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФОРМА МОДЕЛИ МИРА В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «КОГДА ЗА ГОРОДОМ ЗАДУМЧИВ Я БРОЖУ...»	223
<i>Горюнова Р. М.</i>	«УЛЯЛАЕВЩИНА» И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО: ПОЭМА ИЛИ ЭПОПЕЯ?	230
<i>Борисова Л. М.</i>	ПРОБЛЕМА МАСКИ В СИМВОЛИСТСКОЙ И ПОСТСИМВОЛИСТСКОЙ ДРАМЕ	238

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского**

№ 13 (52)

**СИМФЕРОПОЛЬ
2000**